

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 4 том - «Анжелика в Берберии»

Перевод с англ.

Ураджай (Минск), 1992

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24

- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
 - Глава 25
 - Глава 26
 - Глава 27
 - Глава 28
 - Глава 29
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ПУТЬ

Глава 1

Карета лейтенанта полиции Франсуа Дегре выехала из ворот его особняка и медленно покатила по круглым булыжникам улицы Командорства в Сен-Жерменское предместье. Этот экипаж вряд ли можно было назвать роскошным, зато он был надежным. Карета была изготовлена из темного дерева, а с оконных занавесок, которые были обычно плотно задернуты, свисали золотые кисти, так что карета выглядела достойной респектабельного государственного служащего, более богатого, чем он хочет показывать. В экипаж были впряжены две разномастные лошади, и, кроме кучера, его сопровождал лакей.

Единственное, что друзья Дегре ставили ему в вину, — это его холостяцкую жизнь. Рядом с человеком такой приятной наружности, по праву рождения принадлежащего к лучшему обществу, должна быть дочь какого-нибудь рассудительного, бережливого купца. Немало подобных девиц, подготовленных именно к такому браку строгими матерями и суровыми отцами, жило в тех самых домах, мимо которых он проезжал по пути в Сен-Жерменское предместье. Однако Дегре, очаровательный в своей чопорности, не торопился, как видно, менять образ жизни. Слишком много ярко разодетых женщин и слишком много подозрительных личностей бывало в его приемной бок о бок с представителями высшего дворянства и обладателями самых высоких титулов в королевстве.

Колеса кареты с грохотом выкатились из колеи на середину улицы, и подковы лошадей высекали искры, когда кучер пытался направить их прямо. Многочисленные прохожие, бездельничающие в жарких

сумерках, раболепно прижимались к стенам домов — все, за исключением одной женщины в маске, которая, казалось, дожидалась, когда карета поравняется с ней. В этот момент она наклонилась к окну, широко раскрытому из-за жары.

— Лейтенант Дегре, — кокетливо произнесла она, — позвольте проехаться рядом с вами и поболтать несколько минут.

Полицейский, оторвавшись от раздумий над результатами последнего расследования, повернулся к ней с сердитым выражением лица. Ему незачем было просить ее приподнять забрало — он сразу узнал Анжелику.

— Опять вы? — прорычал он. — Или вы не понимаете, что вам говорят? Я, кажется, сказал вам, что больше не желаю вас видеть.

— Да, — ответила она. — Но это очень, очень важно, и вы — единственный, кто может помочь мне. Я не хотела обращаться к вам и долго размышляла, прежде чем решиться на это. Но во всем мире вы, кажется, единственный человек, который может помочь мне.

— Я говорил, что больше не желаю вас видеть, — повторил Дегре сквозь зубы. Такая вспышка была для него необычной. Как правило, он скрывал свои чувства за сухостью и холодным безразличием, которое сейчас изменило ему.

Анжелика не ожидала такого взрыва. Она испугалась, что он может просто умчаться прочь, потому что она нарушила свое обязательство не беспокоить его; потом она решила, что то, что она узнала от короля, достаточно необычно, чтобы тронуть жесткое сердце Дегре, — если только он еще любит ее. Он был ей нужен. Тем не менее она не была очень удивлена, дважды посетив его отель и услышав, что «его нет дома» и что он вряд ли когда-нибудь примет ее. Поэтому она поджидала удобного момента, чтобы

обратиться к нему непосредственно. Она была убеждена, что он прислушается к ее мольбе и сделает ей одолжение.

— Это очень важно, Дегре, — упрашивала она его. — Мой муж жив...

— Я сказал, что не желаю видеть вас, — повторил Дегре в третий раз. — Жив ли ваш муж или нет, у вас достаточно любовников, чтобы вы не страдали от скуки. А теперь — отойдите от дверцы. Лошади могут рвануть.

— Я не отойду, — настаивала Анжелика. — И чтобы я отпустила вас, не заставив выслушать меня, лошади должны протащить меня по мостовой.

— Отойдите от дверцы! — голос Дегре звучал угрожающе. Схватив стоявшую рядом с ним трость, он с силой ударил набалдашником по пальцам, сжимавшим низ окна. Анжелика вскрикнула от боли. Карета рванулась вперед.

Анжелика упала на колени. Водонос, наблюдавший всю сцену, подбежал к ней, когда она попыталась подняться на ноги, и принялся отряхивать ее платье.

— Это не для тебя, милашка, — сказал он. — Только не огорчайся. Не всегда же ловить крупную рыбу. Но говорят, что он любит хорошеньких девушек, так что у тебя еще есть шанс. Ты просто выбрала неудачное время. А не выпить ли нам по стаканчику воды? Поднимается буря, в это время все хотят пить. У меня свежая, чистая вода. Всего шесть грошей за стакан.

Анжелика пошла прочь, не отвечая. Неуступчивость Дегре глубоко уязвила ее. «Уму непостижимо, — думала она, — как эгоистичны люди». Очевидно, он хотел помучить себя, предавая свою любовь к ней полному забвению, но тем не менее он мог бы сделать еще одно маленькое усилие, особенно когда она находится в таком отчаянном положении — никто не повернется к ней, никто не поможет ей найти выход.

А Дегре — единственный, кто может помочь. Он знает ее со времени суда над Пейраком; он имел к нему непосредственное отношение. Его образ мышления, присущий полицейскому, поможет ей отделить факты от выдумок, составить какую-то версию, на основе которой можно было бы строить дальнейшие поиски. Возможно, он даже знает что-нибудь об этом необычном повороте событий. В глубинах его памяти и в бумагах, хранящихся в запертых комнатах, наверняка содержится масса секретов. Кроме того, хотя она и не позволяла себе думать об этом, но она нуждалась в Дегре, чтобы освободиться от бремени ужасной тайны, чтобы не оставаться наедине со своими, быть может, безумными надеждами — призрачными мечтами, с легкостью исчезающими под ледяным ветром сомнений. Если бы только она смогла поговорить с ним о прошлом и о будущем, которое маячило перед ней как смерч, быть может, скрывавший ожидающее ее счастье.

— Вы прекрасно знаете, что кое-кто поджидает вас на горизонте вашей жизни. Вы не должны прекращать поисков, — вот что говорил ей Дегре когда-то давно. И вот теперь он так жестоко отрекся от нее. Ее рот скривился от разочарования.

Она шагала быстро, потому что одолжила у Жавотты юбку и летнюю шаль, чтобы не выделяться в толпе, пока ей придется подстерегать, когда Дегре покинет свой дом. Она простояла в ожидании три долгих часа — и ради чего!

Приближалась ночь, и улицы пустели. Пересекая Пон-Нёф, Анжелика резко обернулась. Двое мужчин, которые, как она заметила, уже несколько дней ошивались возле ее дома, следовали за ней. Возможно, это было простым совпадением, но только Анжелика не могла понять, с чего это краснолицему бездельнику, пялившему глаза на Ботрелле — она сама видела его,

вздумалось именно в этот момент погулять в предместье Сен-Жермен и в Пон-Нёф.

«Быть может, поклонник?» — подумала она и огорчилась от этой мысли. Если так будет продолжаться и дальше, она поручит Мальбрану заставить его попытаться счастья в каком-нибудь укромном уголке.

Около Дворца юстиции она наняла крытые носилки, которые доставили ее к калитке принадлежащего ей фруктового сада, выходящей на набережную Целестинок. Она прошла по тротуару, опьяненная запахом еще зеленых плодов, которые свисали с ветвей залитых серебристым светом деревьев, миновала готический источник с горгульями и поднялась по лестнице.

Одинокая лампа горела в гостиной около секретера из черного дерева и перламутра. Устало вздохнув, она села в кресло и сбросила комнатные туфли с ноющих и горячих ног. Она совершенно выдохлась от ходьбы по неровным мостовым в теплых башмаках из толстой кожи, одолженных ею у горничной.

«Я утратила свою былую выносливость, — подумала она, — но ведь мне еще предстоит трудная дорога», — она разволновалась при мысли о будущем, увидев себя на плохой дороге, бедной и босой, странствующей в поисках любви и утраченного счастья. — «Я должна идти», — сказала она себе. — «Но куда?»

Потом ее мысли вернулись к документам, которые передал ей король, — к нескольким листам пожелтевшей от времени бумаги, пестрящим печатями и подписями. Они были единственным надежным подтверждением невероятной истории, которую она услышала от короля. Каждый раз, когда ей казалось, что все это произошло во сне, она снова перечитывала записи о том, как мэтр Арно де Кали-стер, лейтенант королевских мушкетеров, получил от самого короля

приказ, который поклялся сохранить в тайне. Там перечислялись шестеро мушкетеров, которых он отобрал себе в помощники, — все они были известны своей преданностью королю и нелюдимым нравом. Поэтому ни к чему было отрезать им языки, как это сделали бы в прежние времена.

На другом листе мэтр Калистер скрупулезно перечислял расходы, связанные с выполнением возложенного на него поручения:

За аренду кабачка «Голубая Гроздь» в утро казни — 20 ливров;

Его хозяину, мэтру Жильберту, за молчание — 30 ливров;

Стоимость трупа из морга, который сожгли вместо осужденного — 10 ливров;

Людям, доставившим труп, за молчание — 20 ливров;

За тележку и за молчание — 50 ливров;

За лодку с сеном, в которой осужденного вывезли из Парижа от ворот Сен-Ландри — 10 ливров;

Закрывать рот лодочникам — 10 ливров;

Сыщикам, которые должны были выследить осужденного после побега (здесь сердце Анжелики начинало бешено колотиться) — 5 ливров;

Фермерам, которых наняли сыщики и которые помогали искать тело в реке, — за молчание — 10 ливров.

Итого — 165 ливров

Анжелика отложила лист со скрупулезными расчетами Арно де Калистера и углубилась в составленный им подробнейший отчет:

«...К ночи лодка, в которой мы везли осужденного, остановилась ниже Манта и была привязана у крутого берега. Все мы немного отдохнули. Я остался сторожить осужденного, который не подавал признаков жизни с того момента, как мы приняли его из рук палача. Нам

пришлось нести его через весь тоннель от погреба в кабачке «Голубая Гроздь» до воды. С тех пор он лежал под сеном, тяжело дыша.»

Анжелика представила его огромное тело, одетое в похожую на саван белую одежду осужденного.

«Перед тем, как лечь спать, я спросил, не нужно ли ему чего-нибудь. Казалось, он не слышал меня».

На самом деле мэтр Калистер, закутываясь в свой плащ, чтобы «чутьочку поспать», ожидал увидеть утром своего пленника скорее мертвым, чем живым. Но случилось иначе.

Анжелика расхохоталась. Она не могла представить себе Жоффрея де Пейрака немощным, умирающим или мертвым. Это было немыслимо. Нет, она видела его таким, каким он был перед самым концом, — каждый его мускул был готов к действию, хотя тело было измучено, всей душой он отказывался верить в смерть, дерзко решившись играть роль до конца. Он обладал изумительной силой воли. Она знала, что он способен на такое — и еще на большее.

Наутро они нашли только глубокий отпечаток его огромного тела в сене. Ей было жаль стража, который, должно быть, решил, что наблюдение за умирающим не требует особой бдительности, и, сломленный усталостью, поддался увещеваниям богини дремоты.

«Исчезновение заключенного совершенно необъяснимо. Как мог человек, который не в силах был открыть глаза, незаметно выскользнуть из лодки? И что могло произойти с ним после этого? Даже если он сумел выбраться из лодки, как он мог не привлечь к себе внимания — полуголый и полуживой?»

В поисках беглеца они немедленно прочесали местность, подняли крестьян, наняли сыщиков, чтобы те выслеживали его выше и ниже по течению реки. В конце концов они пришли к выводу, что осужденный нечеловеческим усилием выбрался из лодки, но был

подхвачен водой и, не в силах бороться с течением, утонул.

Позже, однако, какой-то крестьянин заявил, что прошлой ночью у него со стоянки был угнан ялик. Лейтенант мушкетеров не пренебрег этим сообщением. Ялик обнаружили около Поршвиля. Они прочесали весь район, спрашивая всех жителей, не встречали ли они худого хромящего человека, бродящего где-то поблизости. Некоторые отвечали утвердительно и привели мушкетеров в маленький монастырь, скрытый среди тополей, настоятель которого несколько дней назад приютил одного из прокаженных, которых до сих пор можно встретить в здешних местах, — жалкое создание, покрытое язвами, скрывающее свое лицо под грязными тряпками. Они спросили, был ли прокаженный высокого роста? Хромал ли? — Может быть — память у монаха слабовата. — А голос у него красивый, необычный для бродяги? — Нет, он был немым, и единственным звуком, который он издавал, было грубое рычание, предупреждающее о приближении прокаженного. Настоятель напомнил ему, что он обязан найти ближайший лепрозорий, и прокаженный не отказывался. Он забрался в повозку вместе с настоятелем, но ухитрился ускользнуть из нее, когда они ехали лесом.

Еще раз они услышали о нем вблизи Сен-Дени, в предместьях Парижа. Но был ли это тот же самый прокаженный или кто-то другой? По настоянию Арно де Калистера, которому король предоставил чрезвычайные полномочия, была поднята вся парижская полиция. В течение трех недель после побега ни одна повозка не могла въехать в ворота Парижа без тщательной проверки находящегося в ней сена, а всех пеших и конных внимательно обмеряли и проверяли.

Досье, которое перелистывала Анжелика, было заполнено рапортами какого-то склонного к

писательству сержанта из сторожей, который докладывал, что в такой-то день он задержал «старика с хромой ногой, но коренастого и не красавца, однако и не урода...» или дворянина в маске, «которого пришлось освободить, потому что он пустился в какое-то любовное предприятие и совсем не был хромым» — и так далее, и так далее.

Бродячий прокаженный остался неузнанным, хотя весь Париж знал, кто он, и трепетал перед ним. Он был похож на дьявола. Особенно ужасно было его лицо, хотя он всегда носил саван или нечто вроде монашеской одежды с капюшоном. Полицейский, поймавший его как-то ночью, не осмелился поднять этот капюшон, и привидение исчезло, прежде чем он сумел позвать патруль.

Потом слухи о бродячем прокаженном вдруг прекратились. В тростниковых зарослях пониже Манта, у Гассикура, было найдено тело мужчины, утонувшего по меньшей мере месяц назад. Труп уже начал разлагаться, и все, что можно было сказать об утопленнике, — это что он был большого роста.

Облегченно вздохнув, лейтенант Калистер заметил в письме королю, что он уже предвидел такую развязку этой истории — единственно возможную развязку. Своим побегом он лишил себя покровительства короля, который в последний момент спас его от костра. Бог наказал его за дерзость, уготовив ему конец в ледяной речной воде. Как всегда, все, что ни делается, — все к лучшему.

«Нет, нет, — не верила Анжелика, — не может быть!»

В ужасе она отказывалась верить концу этой истории, предпочитая строить свои надежды на нескольких строчках, добавленных к отчету судьей из Гассикура, который обследовал тело: «Несколько

обрывков черной сутаны еще сохранилось на его плечах».

Осужденный, бежавший из лодки, был одет только в белый саван. Однако Арно де Калистер подчеркнул в своем собственном отчете слова «Описание утонувшего человека точно совпадает с вверенным нам человеком...»

— А как же белый саван? — произнесла Анжелика вслух?

Она принялась защищать эти слабые надежды от малейших сомнений. Потом ее объял ужас. Быть может, солдаты переодели осужденного в черную сутану, прежде чем нести его через тоннель к лодке, которая должна была увезти их из Парижа?

— Если бы только я могла найти этого Арно де Калистера или кого-нибудь из его людей и спросить у него! — произнесла она. Анжелика порылась в памяти, но не смогла припомнить, чтобы ей приходилось слышать это имя при дворе. Тем не менее было не так уж сложно разузнать, что случилось с бывшим лейтенантом королевских мушкетеров. Со времени этих событий прошло четырнадцать лет! Кажется, совсем немного, а сколько жизней она прожила с тех пор! Из глубокой нищеты она поднялась к вершинам богатства. Она вышла замуж еще раз. Она завладела сердцем короля. А теперь все это исчезло, как сон.

На доске секретера лежало раскрытое письмо мадам де Севинье:

«Дорогая моя, почти две недели вас не видно в Версале, и люди начинают удивляться. Никто не знает, что и думать. Король мрачен. Что-то будет?..»

Анжелика пожалала плечами. Она в самом деле оставила Версаль и не собирается возвращаться. Никогда! Призраки кружились возле нее, но она не обращала на них внимания, сосредоточив все свои мысли на воссозданной ее воображением тяжелой

лодке у обледеневшего берега реки давней зимней ночью.

Итак, она вернулась к жизни. Она забыла о своем теле, принадлежавшем многим мужчинам; о своем лице — чуде косметического искусства, привлечшем внимание короля; обо всех отметинах тяжелой судьбы. Она чувствовала себя чудесным образом очистившейся, сохранившей безграничную наивность своих двадцати лет — совершенно новой женщиной с изумрудно-зелеными глазами, очаровательно нежной и не думающей ни о ком, кроме него...

— Вас спрашивают, — перед ее глазами неожиданно возникла седая голова Мальбрана. Вас спрашивает мужчина, — повторил он.

Какое-то время она колебалась, вдруг сообразив, что, должно быть, задремала, сидя на скамеечке для ног и обняв руками колени. Войдя через дверцу, скрытую под гобеленами, старик разбудил ее. Она провела рукой по лбу.

— Что? А! Да... мужчина... какой мужчина? Который час?

— Три часа утра.

— И вы говорите, меня спрашивает мужчина?

— Да, мадам.

— Привратник впустил его в такой час?

— Он обошелся без привратника. Он вошел не в дверь, а в окно. Иногда я оставляю свое окно открытым, и он забрался в него по водосточному желобу.

— Мальбран, вы смешите меня. Если это вор, то вы знаете, что с ним делать.

— На самом деле вышло по-другому. Это он «знал, что делать» со мной. А потом он стал уверять меня, что вы ждете его, и я дал себя уговорить. Он наверняка из ваших друзей, мадам. Он дал мне массу доказательств этого.

Анжелика нахмурилась. Еще одна дикая история. Потом она вспомнила о человеке, вроде бы преследовавшем ее последнюю неделю.

— Как он выглядит? Высокий или низкий? Краснолицый?

— Нет, конечно! Он выглядит, как дворянин. Но трудно сказать, как он выглядит, потому что он в маске. Шляпа надвинута на брови, и он закутан в плащ так, что виден один нос. Но если хотите знать мое мнение, мадам, это важная особа.

— А если так, почему он забирается в чужой дом как вор? Ладно, Мальбран, приведите его, но будьте настороже.

Вопреки своему желанию, сгорая от любопытства, Анжелика дождалась, пока в дверном проеме показалась фигура, — и без колебаний узнала его.

Глава 2

— Вы!

— Да, это я, — ответил голос Дегре.

Анжелика сделала знак старику:

— Можете оставить нас.

Дегре скинул шляпу, снял маску и плащ.

— Ну и ну, — сказал он, взял протянутую ему руку и поцеловал кончики пальцев. — Это в оправдание за мою недавнюю грубость. Надеюсь, я сделал вам не очень больно?

— Вы чуть не раздробили мне пальцы своей тростью, грубиян. Должна сказать, что я не понимаю вашего поведения, месье Дегре.

— Ваше понять не легче — и согласиться с ним тоже, — ответил чиновник. Он пододвинул стул и уселся на него верхом. На Дегре не было ни официального парика, ни обычного строгого костюма. Одетый в поношенное пальто, в которое он наряжался, отправляясь в тайные экспедиции, Дегре выглядел как типичный полицейский.

Анжелика тоже была одета как простолюдинка и сидела, скрестив перед собою босые ноги.

— Вы действительно явились в такое время, чтобы повидаться со мной? — спросила она.

— Да.

— Значит, вы обдумали свое неоправданное обращение со мной и не смогли дождаться рассвета, чтобы принести извинения?

— Вовсе нет. Но раз вы столько раз твердили, что вам совершенно необходимо повидаться со мной, я не мог ждать до утра, — он сделал обреченный жест. — Раз вы не хотите понять, что с меня вас хватит и что я

не хочу даже слышать о вас, у меня тем более были причины прийти.

— Это ужасно важно, Дегре.

— Разумеется, важно. Уж я вас знаю. Ничто не заставит вас побеспокоить полицию шутки ради. С вами всегда приключается что-то важное — то вас чуть не убивают, то вы готовы покончить с собой, то вы решили вовлечь королевское семейство в дьявольский скандал, то вы не повинуетесь Папе. Откуда мне знать?

— Дегре, вы никогда не заставляли меня врасплох.

— Это меня и возмущает. Вы никогда не оказывались замешанной в дурацкие истории, неприличные для уважающей себя женщины. У вас вечно что-то вот-вот случится, но каждый раз — ничего серьезного. Когда имеешь дело с вами, не нужно ничего делать — приходится лишь молиться о том, чтобы не опоздать. И вот, как видите, я здесь — и тоже вовремя.

— Дегре, не сможете ли вы помочь мне еще раз?

— Посмотрим, — сказал он мрачно. — Сначала, скажите, о чем речь.

— Почему вы вошли через окно?

— Не делайте вид, будто не знаете, почему. Разве вы не заметили, что уже неделю как за вами следит полиция?

— Следит полиция? За мной?

— Конечно. Составляются подробнейшие отчеты о том, куда выходит и откуда приходит мадам дю Плесси-Белльер. Нет в Париже такого угла, куда вы могли бы забраться, обойдясь без двух или трех ангелов-хранителей. Каждое ваше письмо будет выкрадено и внимательно прочитано, прежде чем оно попадет по назначению. У всех ворот города вас поджидают сторожа. В какую бы сторону вы ни направились, вам не сделать и ста шагов без сопровождения. Весьма высокопоставленный офицер персонально отвечает за ваше присутствие в столице.

— Кто же это?

— Заместитель самого господина де Ла Рени, некто Дегре. Быть может, вам приходилось о нем слышать?

— Вы хотите сказать, что вам приказано следить за мной и препятствовать моему выезду из Парижа? — удивилась Анжелика.

— Вот именно. Как вы можете понять, в таких обстоятельствах я не мог открыто принять вас. Я едва отделался от вас, сидя в карете на глазах у тех, кого сам же поставил следить за вами.

— Кто дал вам это унижительное поручение?

— Король.

— Король? Почему?

— Его величество не посвятил меня в это дело, но вы сами должны догадываться, почему, не так ли? Я знаю лишь одно: король не хочет, чтобы вы покидали Париж. Я должен действовать в соответствии с этим. Во всем остальном — чем я могу быть вам полезен? Что изволите приказать вашему верному слуге?

Анжелика нервно зажала ладони между колен. И так, король не доверяет ей! Он не допускает и мысли, что она ослушается его, но удерживает ее силой до тех пор... до тех пор, пока она не уступит его желанию. Но этому не бывать!

Глядя на нее, Дегре думал, что в этом простом платье, босая, она похожа на птицу, лихорадочно оглядывающуюся в поисках выхода из ловушки. Золоченая клетка, в которой она жила в роскоши, казалась неподходящим местом для этой женщины, отвергшей роскошные наряды. В самом деле, она отделалась даже от своей обычной манерности и казалась чужой в обстановке, которую сама же для себя создала. Внезапно она до того напомнила Дегре одинокую маленькую босоногую пастушку, что он растрогался. Он отбросил пришедшую ему в голову

мысль, что она не создана для этого мира, что все это — лишь недоразумение.

— Ну, так в чем же дело? Что вы хотите от своего слуги? — произнес он вслух.

Анжелика пристально рассматривала его в мягком свете ночника.

— Вы хотите помочь мне? — повторила она.

— Да, при условии, что вы перестанете строить глазки и будете соблюдать дистанцию. Оставайтесь на месте, — приказал он, когда она сделала движение в его сторону. — Сейчас не время для удовольствий. Не мучьте меня напрасными надеждами, — Дегре вытащил трубку и погрузил ее в кисет. — Продолжайте, дорогая, рассказывайте мне все.

Анжелике нравилась его манера говорить с ней — будто он был ее исповедником. Так ей было легче.

— Мой муж жив, — сказала она.

— Который? — спросил он, не моргнув глазом. — Насколько мне известно, их было двое, и оба вроде бы на том свете. Один был сожжен на костре, другому оторвало голову в сражении. Или был еще третий?

— Не притворяйтесь, что не знаете, о чем я говорю, Дегре, — покачала головой Анжелика. — Мой муж жив. Он не был сожжен на Гревской площади согласно приговору. В последний момент король простил его, и его похитили. Король сам сказал мне об этом. Мой муж, граф де Пейрак, был спасен от костра, однако он все еще считался опасным для королевства, и его должны были тайно поместить в тюрьму вне Парижа. Но он бежал. Взгляните, доказательства в этих бумагах.

Полицейский офицер прижимал трут к чашечке своей трубки. Попыхтев немного, он старательно убрал трут и отвел в сторону досье, которое она ему протягивала.

— Незачем. Я знаю, что в нем.

— Знаете? — в замешательстве повторила Анжелика. — Вы уже просматривали все эти бумаги?

— Да.

— Когда, бога ради?

— Несколько лет назад. Да, я несколько удивился. Я только что купил должность офицера полиции и считал, что с моей стороны будет умно, если я забуду некоторые вещи. Никто уже не помнит «невзрачного адвоката», у которого хватило глупости взяться за защиту колдуна, представшего перед судом. Все дело было сожжено, однако оно иногда неожиданно опять всплывает в памяти. Люди мало что забывают. Я искал. Я притаился. Вы знаете, полицейский может проникнуть почти везде. В конце концов я нашел это. Я прочел.

— И не сказали мне! — прошептала она.

— Нет.

Он внимательно глядел на нее через клубы выдыхаемого дыма, а в ней зарождалась ненависть к нему и к его отвратительной манере узнавать все тайком, по-кошачьи. Он больше не мог любить ее. Он избавился от этой слабости. Он всегда бывал сильнее ее.

— Помните, дорогая, — сказал он наконец, — тот вечер, когда вы распрощались со мной в своей шоколадной лавке? Вы как раз сообщили мне, что собираетесь замуж за маркиза дю Плесси-Белльер. В порыве откровенности, присущей женщинам, высказали: «Несмешно ли, Дегре — я не оставляю надежды увидеть его когда-нибудь опять. Кое-кто говорит, что на Гревской площади был сожжен не он».

— Тогда бы вам и сказать мне об этом! — воскликнула она.

— И что бы это дало? Вы были на шаг от того, чтобы пожать плоды своих сверхчеловеческих усилий. Ради этого вы брались за тяжелую работу, проявляли

мужество, не чурались самых низких интриг, не щадили даже собственного целомудрия. Вы бросили на весы все. Вы были на пороге триумфа. Если бы я сказал что-нибудь, я разрушил бы все и оставил бы вам один только фантом.

— Вы должны были сказать мне, — повторила она, едва слушая его. — Подумайте, какой смертный грех вы позволили мне совершить, дав мне выйти за другого мужчину, когда мой муж был еще жив.

— Жив? — пожал плечами Дегре. — Всегда существовала вероятность, что это его тело выловили из реки в Гассикуре. Умереть на костре или утонуть — какая для вас разница?

— Нет! — воскликнула она, всхлипывая. — Не может быть!

— Что вы предприняли бы, если бы я сказал вам? — холодно произнес Дегре. — Вы бы все разрушили, вот как вы готовы поступить сейчас, вы отбросили бы все свои козыри, все свои надежды, свою судьбу, да и своих детей тоже. Вы, как сумасшедшая, пустились бы в погоню за тенью, за фантомом — вы и сейчас готовы на это. Допустим, — продолжал он угрожающе, — вот что у вас на уме: пуститься на поиски мужа, исчезнувшего около четырнадцати лет назад. — Он поднялся и стоял перед ней. — Где он? Каким образом? И почему?

— Почему? — она подпрыгнула при последнем слове.

Взгляд полицейского офицера пронзал ее насквозь:

— Он был графом Тулузским, — продолжал тот. — Но графства Тулузского больше не существует. Он царил во дворце. Теперь у него нет дворца. Он был самым богатым человеком во всем королевстве. Теперь это не так. Его имущество конфисковано. Он был ученым, известным всему миру. Теперь его не знает никто. Где он применит свое искусство? Где все то, за что вы любили его?

— Дегре, вам не понять, какую любовь может внушить такой человек, как он.

— Может быть, но я, кажется, понимаю, как он умел завоевывать женское сердце. Но теперь, когда его чар больше нет...

— Не заставляйте меня думать, что вы не разбираетесь в этих вещах, Дегре. Вы не знаете, как любит женщина.

— Думаю, что кое-что знаю, — он положил руки ей на плечи и повернул ее так, чтобы она могла видеть свое отражение в высоком овальном зеркале в золотой раме. — Годы оставили свои следы — на вашей коже, на ваших глазах, вашей душе, вашем теле. А какую жизнь вы прожили! А все эти любовники, которым вы отдавались...

Она освободилась от его рук и с пылающими щеками в упор смотрела ему в глаза:

— Да, я знаю. Но я ничего не могу поделать с чувством, которое я питаю к нему... и которое я сохраню навсегда. Между нами, дорогой Дегре, что бы вы подумали о женщине, столь богато одаренной природой, как я, которая живет одна, покинутая всеми, в глубокой нужде и которая не постаралась бы поправить свои дела? Вы сказали бы, что она слаба рассудком — и были бы правы. Быть может, сейчас я кажусь вам циничной, но случись это сейчас, я не колеблясь употребила бы всю свою власть над мужчинами, чтобы добиться того, чего хочу. Что значил любой из мужчин, которые были у меня после него — все мужчины! — что они значили для меня? Ничего, ровным счетом ничего! — она не отрывала от него дерзкого и злого взгляда. — Ничего, слышите вы? Даже сейчас я испытываю к ним нечто очень похожее на ненависть. Ко всем!

Дегре разглядывал свои ногти:

— Ваш цинизм не вполне убедил меня, — проговорил он, глубоко вздохнув. — Вспоминаю некоего поэта Гуттера... А что касается прекрасного маркиза Филиппа дю Плесси-Белльер, то разве не было с вашей стороны нежности... некоторого теплого чувства?

Она так отчаянно замотала головой, что волосы разметались:

— Дегре, вы не можете понять. У женщины должны быть иллюзии. Она должна стараться жить. Женщине отчаянно нужно любить и быть любимой. Память о нем терзает меня все время, — она взглянула на свою руку. — В Тулузском соборе он надел мне на палец золотое кольцо. Быть может, это единственное, что осталось от нашей с ним совместной жизни, но это связывает меня с ним. Я его жена, и он мой муж. Я всегда буду принадлежать ему, а он — мне. Поэтому я буду искать его. Мир велик, но если он еще живет где-то в этом мире, я найду его, даже если для этого мне придется скитаться всю жизнь, — она вдруг увидела себя отчаявшейся старухой, бредущей вдоль раскаленной солнцем дороги, и голос ее пресекся.

Дегре обнял ее.

— Ну хорошо, — успокаивал он ее, — я был жесток с вами, но и вы были жестоки со мной, — он прижимал ее к себе все сильнее, пока она не вскрикнула, потом отпустил и опять принялся рассеянно попыхивать трубкой. — Хорошо! — произнес он через минуту. Если вы вбили себе в голову эту глупость, то есть если собираетесь разрушить свое счастье и, может быть, даже потерять жизнь, и если никто не может остановить вас, — что же вы намерены делать?

— Не знаю, — ответила Анжелика и ненадолго задумалась. — Я не думала об этом. Я попробовала бы разыскать этого Калистера, бывшего лейтенанта мушкетеров. Он единственный, кто может, — если

только он что-нибудь помнит, — разрешить наши сомнения относительно утопленника в Гассикуре.

— Это уже сделано, — резко сказал Дегре. — Я разыскал этого офицера, заплатил ему как следует и сумел освежить его память. Наконец он признался, что воспользовался историей с утопленником, чтобы закрыть расследование, выставлявшее его не в лучшем свете. Но он признал, что если найденный труп и не соответствовал беглецу, то совсем немного.

— О да, — с надеждой воскликнула Анжелика. — Но тогда неплохо бы проследить путь прокаженного бродяги.

— Кто знает?

— Надо поехать в Понтуаз и расспросить монахов в том монастыре, где его видели.

— Это уже сделано.

— Как так?

— Если выражаться высоким слогом, то я воспользовался поручением, которое привело меня в те края, и ударил в колокол этого монастыря.

— Дегре, вы удивительный человек!

— Не двигайтесь! — грубо сказал он. — Мое посещение пролило совсем немного света на эту историю. Настоятель почти ничего не мог прибавить к тому, что он уже сказал расспрашивавшим его солдатам. Однако мирянин, монастырский врач, которого я нашел копающимся в лечебном огороде, припомнил одну или две подробности. Его жалость к бродяге зашла так далеко, что он вознамерился смазать его язвы и отправился в сарай, где уставший бродяга спал таким крепким сном, что он было принял его за мертвого. «Он не был прокаженным, — сказал мне врач. — Я приподнял лохмотья с его лица — оно было не изъязвлено, а просто сильно изранено».

— Так это был он, не так ли? Это был он! Но что он делал в Понтуазе? Почему бы ему не вернуться в

Париж? Как глупо!

— Такую глупость человек вроде него может совершить ради такой женщины, как вы.

— Но его след затерялся у городских ворот, — Анжелика лихорадочно копалась в бумагах. — Вот, говорят, что его узнали в Париже.

— Мне это казалось невозможным. Он не мог попасть в город. В течение трех недель после побега действовал строжайший приказ наблюдать за всеми воротами. Потом, после обнаружения трупа в Гассикуре и расследований Арно де Калистера, возбуждение улеглось. Дело было закрыто. Для полной уверенности я еще порылся в архивах за более позднее время. Никаких упоминаний об этом деле не появлялось.

Между собеседниками установилась тяжелая тишина.

— И это все, что вы знаете, Дегре?

Полицейский офицер помедлил, опустил глаза и ответил:

— Нет!

Он погрыз чубук своей трубки и посмотрел на нее в упор:

— Нет, — пробурчал он сквозь зубы.

— Что вы знаете? Скажите мне!

— Года три назад ко мне явился посетитель, молодой священник со свинцовыми глазами на восковом лице — из тех, кто, не имея ни капли вдохновения, намереваются изменить мир. Он хотел знать, не тот ли я самый Дегре, который в 1661 году был назначен защитником по делу графа де Пейрака. Он безуспешно искал меня среди моих коллег во Дворце правосудия и с трудом узнал меня в презренной одежде мрачного тюремщика. После того, как я заверил его, что я и есть тот самый Дегре, которого он разыскивает, он сказал, что его зовут отец Антуан, что он принадлежит к ордену, основанному господином Винцентом. Он был

тюремным капелланом и в этом качестве сопровождал графа де Пейрака на костер.

Перед глазами Анжелики вдруг вновь встал силуэт священника, сгорбившегося у костра, как замерзший кузнечик.

— Окольными путями он расспрашивал меня, не знаю ли я, что случилось с женой графа де Пейрака. Я ответил, что знаю, но хотел бы узнать, кто это проявляет такой интерес к женщине, имя которой всеми забыто. В некотором замешательстве он ответил, что сам интересуется этим. Он часто думал, как она должна грустить и печалиться, и молился за нее. Он надеется, что жизнь в конце концов смилостивилась над ней. Не знаю почему, но что-то в его объяснениях показалось мне неискренним. В моей профессии часто случается встречаться с налетом неискренности в таких объяснениях. Все же я сказал ему то, что знаю.

— Что вы сказали ему, Дегре?

— Правду. Что вы разрешились от бремени, что вышли замуж за маркиза дю Плесси-Белльер, что вы одна из тех придворных дам, которые вызывают наибольшую зависть. Удивительно, что это сообщение, вместо того, чтобы удовлетворить его, вызвало в нем тревогу. Возможно, он решил, что вы обречены на гибель, но я дал ему понять, что вы почти заняли место мадам де Монтеспан в сердце короля.

— О, зачем вы сказали это? Вы чудовище! — в ужасе воскликнула Анжелика.

— Ведь это было правдой, не так ли? Ваш второй муж был жив и здоров, и в глазах всего света ваша звезда всходила. Потом он спросил меня, что с вашими сыновьями. Я ответил, что они в добром здравии и что им хорошо живется при дворе дофина. Потом, когда он уже собирался уходить, я напрямик спросил его: «Вы должны помнить эту казнь во всех подробностях. Такие фокусы случаются не часто». Он подпрыгнул: «Что вы

имеете в виду?» — «Я имею в виду, — ответил я, — что в то время, когда вы благословляли какого-то безымянного мертвеца, осужденный исчез. Должно быть, вы здорово удивились, заметив подмену». — «Клянусь вам, тогда я ничего не заметил...» — заявил он. Тут я посмотрел на него в упор: «А когда же вы заметили, отец?»

Он побелел: «Не знаю, на что вы намекаете», — ответил он, пытаясь выбраться из ловушки. — «Прекрасно знаете, — сказал я. — Вы знаете не хуже меня, что граф де Пейрак не был сожжен на костре и что вряд ли кто-нибудь еще знает об этом. Никто не заплатил вам за молчание. Вы не участвовали в этом заговоре. Но вы знаете. Кто сказал вам?» — однако он продолжал разыгрывать дурачка и поскорее исчез.

— И вы отпустили его? Нельзя было делать этого, Дегре! Надо было заставить его говорить. Нужно было пригрозить ему, пытаться, заставить его признаться, кто сказал ему! И кто послал его. Кто это был? Кто?

— И что бы изменилось? — спросил Дегре. — Вы уже были мадам дю Плесси-Белльер, не так ли?

Анжелика сжала голову руками. Дегре не рассказал бы ей об этой истории, если бы не придавал ей значения. Дегре подумал о том же, о чем подумала она: где-то за неожиданным появлением этого тюремного капеллана скрывалось присутствие ее первого мужа. Из какого убежища отправил он этого посланца? Каким образом он вошел с ним в контакт?

— Вы должны были выследить этого священника, — сказала она. — Это не составило бы большого труда.

— Из вас вышел бы хороший полицейский, — улыбнулся Дегре. — Не буду дразнить вас. Уже несколько лет как он капеллан на галерах в Марселе.

«Нетрудно будет снова разыскать этого отца Антуана, — подумала она. Священник, конечно, сообщит ей имя таинственной личности, которая послала его к

Дегре, чтобы узнать о судьбе мадам де Пейрак. Быть может, ему известно также, где находится этот человек». Она кусала губы, со сверкающими глазами обдумывая возникавшие один за другим планы.

Дегре наблюдал за ней с иронической усмешкой.

— При условии, что вы сможете покинуть Париж, — сказал он в ответ на мысли, которые без труда читались на ее лице.

— Вы не будете задерживать меня, ведь не будете, Дегре?

— Дорогое дитя, я обязан задержать вас. Разве вы не знаете, что, получив поручение, я становлюсь подобен собаке, ухватившей преступника за полу плаща? Я готов сообщить вам все, что может представлять для вас интерес, но не рассчитывайте на эту ответственность всерьез.

— И называете меня своим другом!

— Так оно и есть — до тех пор, пока это не мешает мне служить королю.

Анжелику горячей волной захлестнуло сознание его двуличия. Она снова стала ненавидеть Дегре так, как ненавидела его раньше. Она знала, что он настолько предан своему делу, если это касается его службы, что сможет воздвигнуть на ее пути непреодолимые барьеры. Если Дегре поймал жертву, он всегда прикончит ее. Он способен следить за ней, как тюремщик. Никто не уйдет от него.

— Как вы могли взять на себя это оскорбительное поручение, если знали, что оно направлено против меня? Никогда не прощу вас!

— Я решил, что оно мне очень кстати, чтобы не дать вам совершить какую-нибудь глупость.

— Не вмешивайтесь в мою жизнь! — закричала она. — О, как я презираю вас и всю вашу братию! Меня тошнит от вас, от вас и от всех вам подобных —

шпионов, палачей, лакеев, подлизывающихся к любому хозяину, который бросит им кость!

Дегре расслабился и рассмеялся. Эта женщина всегда особенно нравилась ему в приступе ярости, который вновь возрождал ее тайное прошлое — времена нищеты, воспоминания о которых Анжелика похоронила в глубокой могиле, — когда она опять была Маркизой ангелов, когда она проявляла характер, который впервые показала ему на парижском «дне».

— Слушайте, дорогая моя, — он взял ее за подбородок и поднял лицо. — Я мог бы отказаться от этого поручения, хотя король доверил мне его благодаря моей репутации. Он не сомневался, что если вам взбредет в голову мысль исчезнуть, все силы парижской полиции будут подняты, чтобы остановить вас. Я мог бы отказаться, но он говорил со мной с такой заботой о вас, с такой тревогой, как мужчина с женщиной... И, как я уже говорил вам, я решил согласиться, чтобы еще раз удержать вас от того, чтобы разрушить всю свою жизнь, — его черты смягчились, он нежно всматривался в ее лицо, которое сжимал в ладонях. — Глупышка, — пробормотал он, — не сердитесь на своего старого друга Дегре. Я хочу удержать вас от этой губительной, опасной затеи. Вы рискуете потерять все и не выиграть ничего. А гнев короля не знает границ; вы и так, наверное, слишком долго водили его за нос. Послушайте меня, Анжелика, бедняжка Анжелика.

Никогда прежде он не говорил с ней с такой мягкостью, как будто она была ребенком, которого он удерживал от опасности. Она с радостью уткнулась бы лицом в его плечо и спокойно выплакалась бы.

— Обещайте мне, — говорил он, — обещайте мне не делать безрассудных поступков, и я, в свою очередь, обещаю вам, что предприму шаги, которые смогут помочь вам в ваших поисках. Только обещайте мне.

Она покачала головой. Анжелика была не прочь уступить, но она не доверяла королю и не доверяла Дегре. Они всегда старались ограничить ее свободу, запереть ее. Как бы они хотели, чтобы она забыла и уступила! И себе она тоже не доверяла. Наступит день, когда она устанет от борьбы, поддастся слабости и скажет себе: что толку? Король опять будет просить ее о снисхождении. Анжелика была так одинока перед лицом всех этих сил, объединившихся, чтобы помешать ей найти свою истинную любовь.

— Обещайте же, — продолжал настаивать Дегре.

Она снова покачала головой.

— Упряма как мул! — сказал он со вздохом. — Ну, посмотрим, кто из нас сильнее. Удачи вам, Маркиза ангелов!

Анжелика пыталась заснуть, хотя за окнами уже светало. Однако она не могла совсем забыться и оставалась в приподнятом настроении: тело ее отдыхало, но ум работал. Она старалась проследить за таинственными перемещениями прокаженного, пытаясь представить на месте этого одинокого странника своего мужа, и с ужасом думала, что вполне могла видеть его на дорогах Иль-де-Франса, тащившегося в Париж. Эта последняя подробность мешала ей строить иллюзии. Как мог беглый узник, знающий, что его преследуют и что о нем все известно, — как он мог набраться дерзости и вернуться в осиное гнездо, каким был Париж? Жоффрей де Пейрак был слишком умен, чтобы сделать такую глупость.

«И все же он мог, — размышляла Анжелика — это похоже на него.» Она пыталась угадать ход его мыслей. Может, он возвращался в Париж, чтобы найти ее? Нет, это слишком глупо. В Париже, в огромном городе, который осудил его, он не нашел бы ни друга, ни убежища. Его дом в Сен-Поле, прекрасный особняк,

который он построил в честь Анжелики, был конфискован. Она помнила, как часто он ездил из Аквитании в столицу, чтобы лично наблюдать за работами. Стал бы Жоффрей де Пейрак, голова которого была оценена, искать убежища в этом доме? Лишенный всего, он, быть может, собирался отыскать золото и драгоценности, которые мог спрятать в месте, известном только ему одному.

Чем больше она думала об этом, тем более похожим на правду это казалось. Жоффрей де Пейрак вполне был способен рискнуть всем, чтобы снова завладеть своим имуществом. С этими деньгами он мог защищаться, в то время как голый и нищий он оставался беспомощным скитальцем. Крестьяне бросали бы в него камнями, и кончилось бы это тем, что кто-нибудь выдал бы его. Но с помощью золота он мог завоевать свободу. Он знал, как вновь завладеть этим золотом из особняка Ботрелле, в котором он любил каждую щелку и каждый уголок.

Эти соображения убедили Анжелику, что ее рассуждения вполне правдоподобны. Она вспомнила, что он всегда презрительно повторял изречение «золото может все». Честолюбие молодого короля доказало, что из этого правила бывают исключения, но оно все же оставалось верным правилом. Если золота мало, то человек чувствует себя беззащитным. Он должен был вернуться в Париж — теперь она была уверена в этом, должен был вернуться сюда. В это время король еще не наложил на все свою тяжелую руку, еще не предложил этот дом принцу Конде. Он стоял пустой, будто проклятый, с большими восковыми печатями на дверях, под присмотром только охваченного ужасом привратника и старого лакея-баска, который не знал, куда деться.

Сердце Анжелики бешено заколотилось. Вдруг она обрела уверенность.

— Я видел его своими глазами... да, я видел его в нижней галерее... Я видел его. Однажды ночью, после казни. Я услышал шум в галерее и узнал его шаги, — так говорил ей однажды вечером лакей-баск, облокотившись на бордюры средневекового источника в нижней части сада, когда она повстречала его вскоре после того, как вновь вступила во владение особняком Ботрелле. — Кто бы не узнал его шагов, шагов великого лангедокского хромого! Я зажег фонарь, и когда я подошел к повороту галереи, он стоял там, прислонившись в двери часовни. Он повернулся ко мне... Я узнал его, как собака узнает своего хозяина, но я не видел его лица. Он был в маске. Неожиданно он исчез в стене, и больше я его не видел...

Тогда Анжелика ужаснулась, не в силах слушать бормотание этого старика, который думал, что ему встретился призрак.

Она села в постели и отчаянно зазвонила в колокольчик. Появилась Жанина, рыжеволосая жеманница, которая заняла место Терезы. Она подозрительно и презрительно принялась к запаху табачного дыма, оставшемуся после Дегре, и поинтересовалась, что угодно мадам.

— Немедленно приведи сюда этого старого лакея... как же его зовут? Ах да, Паскалу... Дедушка Паскалу, — горничная подняла брови. — Ты отлично знаешь его, — продолжала Анжелика, — глубокий старик, который таскал воду для питья и носил дрова.

Жанина смотрела на нее с покорным выражением человека, который не понимает, чего от него хотят, но готов исполнить свои обязанности. Через несколько минут она вернулась и сказала, что дедушка Паскалу уже два года как умер.

— Умер? — повторила Анжелика. — Умер! О боже, какая жалость!

Жанина не понимала, почему ее хозяйка так убивается, услышав о событии, которое произошло два года назад и за все это время ни разу ее не заинтересовало. Анжелика приказала Жанине помочь ей одеться. Она рассеянно натянула на себя одежду. Бедный старик умер и унес тайну с собой. В то время она была при дворе и не смогла поддержать старого слугу за руку или посидеть у его смертного ложа. Теперь она дорого расплачивается за то, что пренебрегла этой обязанностью. В ее памяти огненными буквами встали его слова: «Он стоял, прислонившись к двери часовни».

Спустившись по лестнице, она пробежала под изящными сводами галереи, освещенной светом, падавшим сквозь цветные стекла, и открыла дверь часовни. Это было нечто вроде молельни с двумя кордовскими кожаными складными стульями и с маленьким алтарем из зеленого мрамора, украшенным великолепными картинами испанских мастеров. В помещении пахло ладаном и свечами. Анжелика вспомнила, что когда аббат де Лесдигьер бывал в Париже, он служил здесь мессу. Она опустилась на колени.

— О боже, — сказала она, — я совершила много грехов, но я прошу тебя, господи, я умоляю тебя... — она не могла найти слов, чтобы продолжать.

Однажды ночью он пришел сюда. Но как он смог попасть в дом? И как он сумел проникнуть до этого в Париж? Что он мог искать в этой молельне?

Анжелика обводила глазами маленькое святилище. Все его убранство было изготовлено при жизни графа де Пейрака. Принц де Конде ничего не тронул. Кроме аббата Лесдигьера и маленького пажа, который выполнял при нем роль церковного служки, здесь побывало считанное количество людей.

Если в этой молельне был тайник, то он должен был быть достаточно хорошо спрятан. Анжелика поднялась на ноги и начала тщательные поиски. Она ощупывала пальцами каждый завиток на резном алтаре, надеясь найти какую-нибудь скрытую пружину. Она исследовала каждую деталь барельефа, ощупала каждую покрытую эмалью половицу, потом деревянные панели, покрывавшие стены. Наконец ее терпение было вознаграждено. Утро уже сменялось днем, когда ей показалось, будто стена в одном месте за алтарем издает глухой звук. Она зажгла свечу и тщательно исследовала это место. В резьбе были хитроумно скрыты очертания замочной скважины. Здесь!

Она лихорадочно пыталась открыть тайник, но безуспешно. Однако с помощью ножа и ключа, который она носила на поясе, ей удалось сломать деревянную резьбу. Открылось отверстие. Она просунула в него руку и нащупала шкатулку, которую и вытащила на свет. Но открывать ее не требовалось. Крышка оказалась открытой. Шкатулка была пуста.

Анжелика прижала пыльную шкатулку к груди:

— Он приходил! Он взял золото и драгоценности! Бог не оставил его! Бог защитил его!

Но что потом? Что случилось с графом де Пейраком, который, подвергаясь смертельной опасности, вернул свое состояние?

Глава 3

Когда Анжелика решила съездить в Сен-Клу проведать Флоримона, она убедилась, что Дегре предупреждал ее не зря. Сев в карету, она сразу же оказалась под наблюдением «поклонника», ярко-красная физиономия которого мелькала под ее окнами уже дня три; она больше не боялась двух субъектов, которые появились из ближайшей винной лавки и следовали за ней по пятам, пока она ехала по городским улицам. Но едва она миновала ворота Сен-Клу, как отряд вооруженных стражников окружил ее экипаж и молодой офицер вежливо потребовал, чтобы она вернулась в Париж:

— Приказ короля, мадам.

Когда она запротестовала, он показал ей подписанное Ла Рени, префектом полиции, распоряжение, предписывавшее ему не позволять мадам дю Плесси-Белльер покидать Париж.

«Подумать только, что это дело рук Дегре, — думала она. — Он мог помочь мне, но теперь не поможет. Он даст мне все возможные сведения об исчезновении моего мужа и любые советы, но он также сделает все от него зависящее, чтобы исполнить приказ короля». — Сжав кулаки и заскрипев зубами, она приказала кучеру поворачивать лошадей. Это вмешательство в ее планы пробудило в ней инстинкт борьбы. Жоффрей де Пейрак, беспомощный и преследуемый, сумел попасть в Париж. Ну так она сумеет выбраться из него, и сегодня же!

Она отправила посыльного в Сен-Клу, и вскоре приехал Флоримон со своим наставником, который сказал ей, что в соответствии с ее распоряжениями он начал переговоры о продаже должности Флоримона.

Господин де Лоран хотел купить ее для племянника и предлагал хорошую цену. «Посмотрим», — ответила Анжелика. Она не хотела уезжать и навлекать на себя гнев короля прежде, чем примет все меры для безопасности своих детей.

— Зачем мне продавать свое место? — спросил Флоримон. — Или ты нашла для меня лучшую должность? Я должен вернуться в Версаль? Меня очень хорошо приняли в Сен-Клу. Даже Мосье заметил, как хорошо я выполняю свое дело.

Шарль-Анри приветствовал его радостными криками. Он обожал старшего брата, и Флоримон отвечал ему тем же. Каждый раз, приезжая в Париж, Флоримон брал его на руки, возил на себе, позволял играть со своей шпагой. Под взглядом Шарля-Анри Флоримон восторженно заговорил:

— Разве это не самый красивый ребенок в мире, мама? Ему следовало быть дофином вместо этого ничтожества.

— Лучше будет, если никто не услышит твоих слов, Флоримон, — предупредил аббат де Лесдигьер.

Анжелика оторвала глаза от двух своих сыновей — Шарля-Анри, такого красивого и румяного, глядящего сияющими голубыми глазами на темноволосого Флоримона. Каждый раз, когда она смотрела на кудрявую головку сына Филиппа, она жалела о своем поступке и чувствовала себя беспомощной. Зачем она вообще вступила в этот брак? Жоффрей де Пейрак послал человека, чтобы разыскать ее, и услышал от него, что она вышла замуж во второй раз — ужасное положение, из которого нет выхода. Бог не должен был допустить этого!

Она изо всех сил старалась скрыть свои приготовления к отъезду, Шарля-Анри и Барбу, его няньку, она пошлет с другими слугами в Плесси, в

Пуату. Даже рассердившись, король не обрушит свой гнев на ребенка и имущество своего бывшего маршала. Но относительно Флоримона она придумала более сложный план. «Король, быть может, рассердится на меня, — говорила она себе, чтобы успокоиться, — но как он может возражать против моей маленькой поездки в Марсель? Я ведь вернусь...»

Чтобы отвести подозрения и доказать смирение, она вызвала своего брата Гонтрана, сказав, что наконец нашла время, чтобы заказать портреты своих детей. Копаясь в расчетных книгах, чтобы оставить все свои дела в порядке, она услышала, как Флоримон развлекает маленького брата, чтобы он не шумел.

— Ангелочек с улыбкой херувима, ты очень мил... маленький обжора, толстый, как священник, ты очень мил, — твердил он, пародируя литанию. Потом она услышала голос аббата де Лесдигьера:

— Флоримон, ты не должен насмехаться над такими вещами. Ты занял очень непочтительную позицию. Это тревожит меня.

Не обращая внимания на него, Флоримон продолжал припевать:

— Кудрявый ягненочек, пасущийся на леденцах, ты очень мил... неуловимый гномик, набитый проказами, ты очень мил...

Шарль-Анри оглушительно хохотал, Гонтран, как всегда, ворчал, а русая и темная головки ее детей отбрасывали темные тени на гобелен. Флоримон де Пейрак, Шарль-Анри дю Плесси-Белльер — каждый копия своего отца... две копии двух мужчин, которых она любила.

Однажды вечером Флоримон подошел к Анжелике, сидевшей перед камином.

— Мама, — сказал он прямо. — Что происходит? Я не думаю, что ты все еще любовница короля, и он налагает епитимью, задерживая тебя в Париже.

— Флоримон! — в замешательстве воскликнула Анжелика. — Тебе-то какое дело?

Флоримон знал вспыльчивый характер своей матери и позаботился о том, чтобы не пострадать от него, он пододвинул скамеечку и сел у ее ног, зная, что взгляд его темных глаз обезоруживает и смягчает ее.

— Разве ты не любовница короля? — повторил он с невинной улыбкой.

Анжелика подумала, не следует ли ей сразу прекратить этот разговор хорошей пощечиной, но пока что сдерживалась. Флоримон не преследовал скрытых целей. Он произнес вслух вопрос, которым задавался весь двор, от первого дворянина до последнего пажа, а именно: чем окончится поединок между мадам де Монтеспан и мадам дю Плесси-Белльер. Но поскольку вторая из них была его матерью, он больше других был заинтересован в этом, особенно с тех пор, как слухи о ее высоком положении при короле обеспечили ему престиж среди товарищей. Эти начинающие придворные уже учились искусству интриги и настойчиво искали его дружбы. «Мой отец говорит, что твоя мать может заставить короля сделать все, что захочет, — заметил как-то молодой д'Омаль. — Счастливец! Твоя карьера уже сделана! Не забывай старых друзей. Я всегда бывал на твоей стороне, не так ли?»

Флоримон высоко нес голову, разыгрывая отца Жозефа, незаметного, но влиятельного советника Ришелье. Он обещал Бернару де Шатору пост адмирала флота, а Филиппу д'Омалю — военного министра. Но сейчас он сидел перед матерью, отрывавшей его от двора Мосье, говорившей о продаже его должности пажа при маленькой принцессе и живущей в уединении в Париже, вдали от Версальского двора.

— Ты вызвала неудовольствие короля? Чем?

Анжелика положила ладонь на гладкий лоб мальчика, перебирая крупные темные локоны, нимбом окружавшие его голову. Она ощущала ту же грусть, которая охватила ее в день, когда Кантор попросил разрешения отправиться в военный поход, — все матери переживают этот удар, когда их дети вдруг оказываются самостоятельными людьми, со своими собственными правами и мыслями.

Она мягко ответила на вопрос Флоримона:

— Действительно, король недоволен мною и очень на меня сердит.

Он нахмурил брови, изображая выражение крайней печали и озабоченности, которые часто видел на лицах опальных придворных:

— Проклятье! Что с нами будет? Держу пари, это происки этой проститутки Монтеспан! Этой сучки!

— Флоримон, что за слова!

Флоримон пожал плечами. Так говорили в королевских приемных. Вдруг он стал казаться смирившимся, как будто относился к фактам с философским спокойствием человека, который видел множество карточных дворцов, поднимавшихся к небу и вдруг рушившихся.

— Я слышал, ты уезжаешь?

— Кто тебе сказал?

— Я слышал.

— Досадно! Я не хотела бы, чтобы мои планы были всем известны.

— Я не скажу никому, обещаю. Но все равно я бы хотел знать, что ты собираешься делать со мной сейчас, когда все полетело вверх тормашками. Намерена ли ты взять меня с собой?

Она хотела было поехать с ним, но передумала. Чем кончится вся ее затея — одному богу известно. Она не знала даже, как ей выбраться из Парижа, понятия не имела, что ей удастся узнать у отца Антуана в Марселе

и что она будет делать после разговора с ним. Ребенок, даже такой сообразительный, как Флоримон, вполне может стать обузой.

— Подумай же, мой мальчик. То, что я собираюсь предложить тебе, может показаться не слишком привлекательным, но пришла пора вложить в твою пустую головку кое-какие знания. Я собираюсь отправить тебя к твоему дяде-иезуиту, который согласился отдать тебя в одну из школ их Ордена в Пуату. Аббат де Лесдигьер поедет с тобой и останется твоим советчиком и руководителем на время моего отсутствия.

Как она и ожидала, Флоримон надулся и, нахмурившись, надолго задумался. Анжелика обняла его за плечи, чтобы помочь ему принять эту неприятную новость. Она чуть было не принялась расписывать ему радости ученья и школьной жизни, когда он поднял голову и как нечто само собой разумеющееся сказал:

— Хорошо, если это все, что у тебя есть для меня, то я вижу для себя единственное дело — отправиться на поиски Кантора.

— Боже мой, Флоримон! — воскликнула Анжелика. — Не говори об этом, бога ради. Ты ведь не думаешь о смерти, правда?

— Нет, конечно, — спокойно ответил мальчик.

— Тогда почему ты говоришь такие ужасные вещи — что ты собираешься последовать за Кантором?

— Потому что я хочу опять увидеть его, я скучаю. Я лучше уйду в море, чем буду долбить латынь с иезуитами.

— Но... Кантор умер, Флоримон.

— Нет, он отправился к моему отцу...

Анжелика почувствовала, что ей становится дурно. Не сходит ли она с ума?

— Что-о-о? Что ты говоришь?

Флоримон посмотрел ей прямо в глаза:

— Да, к моему отцу... другому... ты знаешь... к тому, которого хотели сжечь на Гревской площади.

Анжелика потеряла дар речи. Она никогда не говорила об этом мальчишкам. Они не играли с детьми Гортензии, а ее сестра скорее отрезала бы себе язык, чем стала бы упоминать об этом ужасном скандале. Она старательно оберегала их от всяких сплетен, страшно беспокоилась о том, что она скажет им, когда они узнают о репутации и о судьбе своего отца. Но они ни разу не спросили о нем — до этого самого момента, когда она обнаружила, что замалчивание ничего не дало. Они не задавали вопросов потому, что уже все знали.

— Кто сказал тебе об этом?

Как будто для того, чтобы собраться с мыслями и обдумать ответ, Флоримон неуверенно взглянул на нее и повернулся к огню, взявшись за щипцы и перекладывая поленья, прогоревшие посередине. Какую наивность проявила она, его мать! И какую мягкость! Сколько лет Флоримон считал ее очень строгой. Он боялся ее, а Кантор, бывало, плакал, потому что она всегда должна была уходить в тот момент, когда они надеялись, что она будет играть с ними. Но теперь он уже знал, что у нее тоже бывают минуты слабости. Он увидел боль, скрывавшуюся за ее улыбкой, а натерпевшись язвительных замечаний насчет «будущей фаворитки», так или иначе достигавших его ушей, стал относиться к ней более зрело. Когда-нибудь он вырастет и защитит ее.

Флоримон повернулся к ней с сияющей улыбкой и очаровательным жестом протянул к ней руки.

— Мамочка, дорогая, — прошептал он.

Она прижала кудрявую головку к груди. Воистину во всем мире не было более милого, более нежного ребенка. Он унаследовал все природное обаяние графа де Пейрака.

— Ты знаешь, как ты похож на своего отца?

— Да. Старый Паскалу говорил мне.

— Старый Паскалу! Так вот откуда ты знаешь!

— И да, и нет, — ответил Флоримон напыщенно. —

Старый Паскалу был нашим хорошим другом. Он часто болтал с нами о своей жизни, тряс своим маленьким бубном и рассказывал нам обо всем. Он всегда говорил, что я похож на несчастного, который построил особняк Ботрелле. Он знал его ребенком и говорил, что я в точности похож на него, только у него на лице был шрам от удара шпагой. Тогда мы, бывало, расспрашивали его об этой мифической личности, о человеке, который умел делать все, даже превращать пыль в золото. Он пел так очаровательно, что его слушали не шевелясь. Он вступал в поединки со всеми своими врагами. Наконец люди так позавидовали ему, что со зла заживо сожгли на Гревской площади. Однако Паскалу говорил, что он наверняка спасся от них, потому что Паскалу видел, как он приходил сюда, в свой дом, когда все считали его мертвым. Паскалу частенько говорил, что он может умереть счастливым, зная, что великий человек, который был его хозяином, еще жив.

— Все это правда, милый мой. Он жив, еще как жив.

— Но долгое время мы не знали, что этот человек — наш отец. Мы, бывало, спрашивали Паскалу, как его звали, но он не говорил. Наконец он сообщил нам великую тайну: граф де Пейрак, князь Тулузы и Аквитании. Помню, в этот день мы остались с ним одни в людской. Конечно, туда же принесло Барбу. Она прямо-таки позеленела, услышав, о чем мы говорим, и сказала Паскалу, что он не должен рассказывать нам о таких вещах. Не хочет ли он, чтобы после того, как мать сделала все возможное, чтобы спасти детей от печальной судьбы, на них пало бы проклятие отца? Они долго проповедовали в таком духе, а мы не могли понять, о чем они говорят. Наконец, он сказал: «Не

хочешь ли ты сказать, женщина, что эти мальчики — его дети?» Барба раскрыла рот как рыба, вытщенная из воды. Потом она начала заикаться и выглядела ужасно смешно. Но у нее хватило глупости думать, что она сумеет легко выпутаться из этого. Мы не переставали спрашивать у нее: «Барба, кто наш отец? Граф де Пейрак?». Однажды мы с Кантором привязали ее к стулу перед камином и сказали, что если она не скажет нам все, что она знает о нашем настоящем отце, всю правду, — мы сожжем ей подошвы, как это делают грабители на больших дорогах...

Анжелика вскрикнула от ужаса. Возможно ли, чтобы эти дети, которые могли пойти к причастию без исповеди!.. При этих воспоминаниях Флоримон рассмеялся:

— Когда ее немного припекло, она рассказала обо всем, но заставила нас поклясться, что мы не пророним ни слова о том, что знаем. Мы хранили тайну, но были счастливы и горды, что наш отец спасся из рук этих злых людей. Потом Кантору пришла в голову мысль, что он отправится искать его на море...

— Почему на море?

— Потому что оно такое громадное, — сказал он, делая рукой широкий жест. Видимо, море казалось ему чем-то таким, о чем он не имел настоящего представления, но тем не менее оно открывает путь туда, где каждый хочет знать правду. Это Анжелика могла понять.

— Кантор сложил песню, — продолжал Флоримон. — Я не помню всех слов, но это была очень хорошая песня. Она рассказывала о нашем отце. Он, бывало, говорил: «Я буду петь эту песню повсюду, и многие узнают его и скажут нам, где он...»

Анжелика почувствовала, что у нее сжалось горло и увлажнились глаза. Она представила, как они

воображали себя маленькими трубадурами, разыскивающими легендарного героя...

— Я не соглашался с ним, — говорил Флоримон. — Я не хотел путешествовать, потому что мне так нравилась служба в Версале. Нельзя сделать хорошую карьеру, отправившись в море, не так ли? Но Кантор уехал. Барба говорила: «Если он вобьет что-нибудь в голову, он становится хуже своей матери». Мама, как ты думаешь, он встретил моего отца?

Анжелика, не отвечая, погладила его по волосам. Она не могла заставить себя сказать ему еще раз, что, как и рыцари Святого Грааля, Кантор поплатился жизнью в погоне за призраком. Бедный маленький трубадур! Она представила его в изумрудных глубинах бездонного моря, плавающим с закрытыми глазами и сжатыми губами, как во сне.

— ...С помощью пения, — пробормотал Флоримон, мысли которого шли в том же направлении.

Раньше она не знала, что скрывается за его искренними глазами. Мир детства, с его удивительным сочетанием мудрости и неведения, уже давно недоступен ей.

«У всех детей бывают дурацкие идеи, — сказала она себе. — Самое худшее, что мои осуществляют их на деле».

Флоримон недолго помолчал, потом поднял голову, и на его подвижном лице неожиданно отразились смущение и печаль.

— Мама, — продолжал он, — король осудил моего отца? Я думал об этом, и это огорчило меня, потому что король — справедливый человек.

Его задевало, что созданный им идеализированный образ короля может оказаться ошибочным. Чтобы успокоить сына, Анжелика сказала.

— Твоего отца погубили завистники. Король простил его.

— О, я рад, — воскликнул Флоримон. — Я люблю короля, но отца я люблю еще больше. Когда он вернется? Если король простил его, он сможет восстановить свое положение?

Анжелика вздохнула. У нее было тяжело на сердце.

— Это непростая история, такая тяжелая и запутанная, мой бедный мальчик. До недавнего времени я думала, что твоего отца нет в живых. Даже теперь временами мне кажется, что все это мне снится. Он не умер, он спасся и приходил сюда, чтобы найти свое золото. Это правда, и все же этого не может быть. За всеми воротами Парижа следили. Вокруг дома повсюду были расставлены стражники. Как он мог пробраться внутрь? — Она заметила, что Флоримон смотрел на нее со снисходительной улыбкой. Вдруг до нее дошло, что ребенок, должно быть, знает ответ. Она удивленно воскликнула: — Ты, ты знаешь?

— Да, — он наклонился к ней и прошептал: — Через подземный ход, ведущий из колодца. — Он выпрямился и схватил ее за руку.

— Иди за мной.

Когда они прошли через длинную залу, он взял потайной фонарь, висевший около входной двери, и вместе с матерью спустился во фруктовый сад. В скупом свете полумесяца они шли между рядами подстриженных в форме шара апельсиновых деревьев, пока не достигли нижнего конца сада, где у стены в изобилии росли старомодные растения. Сломанный столб, пострадавший от непогоды герб на скамье, древний колодец с кованым железным навесом навевали мысль о пятнадцатом столетии, когда вся эта местность представляла собой один громадный дворец с бесчисленными внутренними дворами, в которых жили французские короли и принцы.

— Паскалу показал нам тайный ход, — сказал Флоримон. — Он говорил, что отец лично наблюдал за

перестройкой старого тоннеля, когда строился дом. Он хорошо заплатил трем рабочим, чтобы они молчали. Паскалу был здесь. Потом он показал нам все, потому что мы — его сыновья. Смотри.

— Я ничего не вижу, — сказала Анжелика, наклонившись над темным отверстием.

— погоди, — Флоримон поставил потайной фонарь в большую деревянную бадью с медными обручами, которая висела на цепи, и медленно опускал ее. Свет отражался от мокрых стенок. На полпути мальчик перестал травить цепь. — Вот, если ты перегнешься, то увидишь в стене деревянную дверцу. Это вход. Когда бадья стоит прямо против него, можно открыть дверцу и войти в тоннель. Он очень глубокий. Он проходит ниже погребов соседних домов и под валами Бастилии, а выход из него находится в предместье Сен-Антуан. Там он выходит в древние катакомбы и в старое русло Сены. Но когда отец перестраивал тоннель, он продлил его до Венсеннского леса. Он ведет в маленькую разрушенную часовню. Отец был очень дальновиден, правда?

— Откуда ты знаешь, что тоннелем можно пользоваться? — прошептала Анжелика.

— Можно. Старый Паскалу поддерживал его в хорошем состоянии. Засов на дверце всегда был смазан. Он открывается от легкого прикосновения, и пружина, которая открывает выход в часовню, тоже работает исправно. Старый Паскалу говорил, что все должно быть наготове к тому дню, когда хозяин вернется. Но тогда он не вернулся, и иногда мы втроем — Паскалу, Кантор и я — ждали его в часовне. Мы прислушивались и надеялись услышать его шаги — шаги великого хромого из Лангедока.

Анжелика в упор посмотрела на него.

— Флоримон, не хочешь ли ты сказать, что вы с Кантором спускались в колодезь?

— Конечно, спускались, — спокойно ответил Флоримон, — и не раз, если хочешь знать. — Он принялся вытягивать бадью, пыхтя от напряжения. — Барба сидела здесь, поджидая нас и перебирая четки. Она волновалась, как курица над выводком утят.

— Так старая дуреха тоже знала об этом?

— Ей приходилось помогать нам вытягивать бадью.

— Она не должна была позволять вам заниматься таким опасным делом. Подумать только, она никогда не говорила мне об этом!

— Она бы сказала, но боялась, что мы снова станем поджаривать ей ноги.

— Флоримон, ты заслуживаешь порки!

Флоримон, отцеплявший фонарь от бадьи, не отвечал. Темный колодец опять стал таинственным. Анжелика провела ладонью по лицу, стараясь собраться с мыслями.

— Одного я не понимаю, — сказала она после минутного размышления. — Как же он смог выбраться из колодца один, без посторонней помощи?

— Это не трудно. На стенке для этого сделаны железные скобы. Паскалу не хотел, чтобы мы карабкались по ним, потому что мы были слишком малы, а он становился слишком стар для этого. Вот почему нам приходилось прибегать к помощи Барбы, чтобы выбраться из колодца, и терпеть ее ворчание. Когда старый Паскалу почувствовал, что умирает, он послал за мной. Я был тогда в Версале. Мы с аббатом вскочили на коней и примчались к нему. Мама, это очень печально — смотреть, как умирает старый человек. Я держал его за руку до самого конца.

— Ты поступил правильно, Флоримон.

— Он сказал мне: «Ты должен следить за колодцем на случай возвращения старого хозяина». Я обещал ему. Каждый раз, когда я бываю в Париже, я спускаюсь в колодец, чтобы проверить, работает ли вся механика.

— Один?

— Да, хватит с меня Барбы. Я достаточно вырос, чтобы справиться в одиночку.

— Ты спускаешься по железным ступенькам?

— Да. Я же говорил, это не трудно.

— Аббат не пытался остановить тебя?

— Он ничего не знает. Он спит. Не думаю, чтобы ему в голову приходило что-нибудь подобное.

— Какие у меня заботливые дети! — с горечью произнесла Анжелика. — Флоримон, ты не боишься ночью бывать один в тоннеле?

Мальчик покачал головой. Если временами ему и бывало страшно, он не собирался признаваться в этом.

— Мой отец интересовался горным делом. Я слышал об этом. Может быть, поэтому я люблю подземелья, — он смотрел на нее, дрожащую от возбуждения, которое она не в силах была скрыть. При свете луны она узнавала в презрительном изгибе его губ и блеске темных глаз дьявольскую улыбку последнего из трубадуров, который любил шокировать самодовольных буржуа и смущать их покой.

— Если хочешь, мама, я проведу тебя.

Глава 4

Королевская галера медленно входила в Марсельскую гавань. В голубом зеркале рейда отражались ее малиновые шелковые вымпелы и золотые кисти, качавшиеся на ветру. На верхушках мачт взлетали алые гербы на адмиральских флагах и малиновые военно-морские штандарты, расшитые золотыми лилиями.

В порту царило возбуждение. Торговцы рыбой и цветами хватали свои корзины с фигами и мимозой, дынями и гвоздиками, скатами и креветками и, громко вопя, устремлялись к тому месту, где должно было пришвартоваться прекрасное судно. За ними подходили щеголи со своими собачонками и рыбаки в красных шапках, оставившие свои сети. Двое грузчиков-турок в красных и зеленых штанах, по бронзовой груди которых струился пот, сбросили свою ношу — невероятных размеров связки сушеной рыбы, уселись и вытащили из кушаков трубки. Прибытие галеры давало им возможность сделать несколько затяжек, пока не приутихнет толчея на набережной. Капитаны, наблюдавшие за погрузкой судов, кричащие купцы, носящиеся туда и обратно в сопровождении приказчиков и счетоводов, спешили отложить свои весы и на минутку перевести дыхание. Они толпились около галеры, как на карнавале, не столько для того, чтобы повосхищаться летучей грацией, с какой она скользила по воде, или разодетыми в кружева офицерами на палубе, сколько чтобы поглазеть на каторжников-гребцов. При виде этого ужасного зрелища они крестились, хотя никогда не упускали случая посмотреть на него.

Анжелика поднялась с лафета, на котором просидела в ожидании много часов. Флипо, неся ее саквояж, последовал за ней. Они смешались с толпой.

Около башни Сен-Жан галера, казалось, замешкалась. Наконец она, как огромная красная птица, скользнула к причалу под широкими взмахами двадцати четырех весел, оставлявших на воде белые водовороты. Блестя на солнце позолоченной резьбой, она лавировала, поворачивая к морю узкий нос из черного дерева, оканчивающийся огромной позолоченной сиреной, и подставляя взорам зевак на причале скульптурную корму, увенчанную навесом из красной затканной золотом парчи — этот огромный тент, где собрались офицеры, иногда называется табернаклем.

Перед самой швартовкой весла поднялись и оставались неподвижными. Свистки надсмотрщиков и звуки гонга, остановившего мерное движение весел, раздавались над набережной, заглушая разноязычные выкрики капитанов, адресованные матросам, убирающим паруса.

Группа офицеров при всех регалиях появилась на квартердеке около позолоченного деревянного трапа. Один из них наклонился вперед и, сняв шляпу с плюмажем, принялся махать ею в сторону Анжелики. Она обернулась и, к своему великому удивлению, увидела группу молодых дам и кавалеров, вылезавших из экипажа. Им и сигналил офицер. Одна из молодых женщин, темноволосая, с тонкими чертами лица, украшенного мушками, воскликнула с восхищением: «О, этот милый Вивонн! Хоть он и адмирал и более могуществен в Марселе, чем сам король, он так очарователен и так прост: увидел нас и, ни минуты не колеблясь, помахал нам!».

Узнав графа де Вивонна, Анжелика поскорее затерялась в толпе. Брат мадам де Монтеспан ступил

своими красными каблуками на липкую набережную и тут же, раскрыв объятия, направился к темноволосой девушке:

— Как это восхитительно — увидеть вас в доках, моя милая Арнан! И вас тоже, Кассандра. А это не Калистро? Какое блаженство!

Адмирал и его друзья обменялись приветствиями — так шумно, что зеваки на набережной замерли, раскрыв рты. Де Вивонн прекрасно выступал в своей роли вице-короля. Его обожженное солнцем лицо прекрасно сочеталось с голубыми глазами и длинными светлыми волосами. Большой рост страховал его от малейших признаков тучности. Он играл свою роль до конца. Веселый, живой, подвижный, он во многом походил на свою блестящую сестру, фаворитку короля.

— Сегодня я зашел в порт совершенно случайно, — говорил он. — В самом деле, два дня назад я должен был отплыть в Кандию. Но шторм причинил такой ущерб и судну, и команде, что я был вынужден зайти в Марсель. Теперь, встретив вас здесь, я приглашаю всех на двухдневное пиршество.

Резкий, как пистолетный выстрел, звук заставил всю компанию вздрогнуть. Один из надсмотрщиков щелкал своим длинным бичом и уговаривал толпу разойтись.

— Уйдемте отсюда, дорогие мои, — сказал господин де Вивонн, положив руки в надушенных перчатках на плечи девушек. — Сейчас каторжники сойдут на берег. Я разрешил примерно пятидесяти из них вернуться в лагерь в бухте Роше, чтобы похоронить своего товарища, имевшего глупость отдать богу душу, когда мы входили в гавань. Из-за этого и вышла заминка. Мой помощник предложил, чтобы тело, по морскому обычаю, было брошено за борт, и я согласился с ним, но капеллан был против. Он заявил, что ему не хватит времени на обычные молитвы и прочие ритуалы и что мы не можем обращаться с христианской душой словно

с собачьей, — короче, он хочет похоронить тело. Я согласился потому, что мы были так близко к порту и еще потому, что по собственному опыту знаю, что этот лазарист в конце концов всегда берет верх. Ничто — ни уговоры, ни сила — не способно заставить его изменить свое мнение, если что-то втемяшится ему в голову. Так что идемте. Я хочу отвести вас к Сцеволе и угостить фисташковым шербетом и кофе, — и они удалились, между тем как надсмотрщик продолжал щелкать своим бичом у сходней, словно укротитель, выгоняющий львов из клетки на песок арены.

Из трюма донеслись ужасающие звуки раскачивающихся цепей и надломленные голоса. Шепот пролетел над толпой, когда на сходнях показались первые каторжники, скованные длинными цепями, которые они несли, перекинув через плечо или положив на локоть, чтобы не потерять равновесия под этим грузом. Один за другим они проходили по доске, соединявшей галеру с берегом. Они были скованы по четыре. Грязные лохмотья, обвязанные вокруг лодыжек, должны были защищать тело от этих цепей, но у многих эти тряпки были окрашены кровью. И мужчины, и женщины крестились, когда каторжники проходили мимо них.

Они шли босиком, почесываясь от вшей и опустив глаза. Их одежда, состоявшая из рубахи и пары красных шерстяных штанов, поддерживаемых широким когда-то белым поясом, была покрыта пятнами от соленой воды и издавала невыносимую вонь. Многие из каторжников были бородаты. Красный шерстяной колпак, свешивающийся на брови, прикрывал спутанные волосы. У некоторых колпаки были зеленого цвета — это были пожизненные каторжники.

Первые прошли не оглядываясь. Проход остальных и был тем зрелищем, ради которого собралась толпа. Их глаза блестели, они задирали женщин грубыми

фразами или непристойными жестами. Один из пожизненных пристававал к почтенному гражданину, единственный недостаток которого, по мнению каторжника, состоял в том, что ему следовало бы находиться в другом месте.

— Надулся, а? Ты, проклятый толстый бочонок.

Надсмотрщик высоко поднял плеть и вытянул ее пеньковыми хвостами по бледной коже, и без того покрытой ранами и струпьями. У женщин перехватило дыхание от жалости.

Однако приближалась новая группа каторжников — каждый из них нес свой колпак в руке. Губы этих каторжников шевелились, и вскоре можно было расслышать, как они бормочут молитвы. Толпа погрузилась в торжественное молчание. Двое каторжников спустились по сходням, неся тело, завернутое в парусину. За ними шел капеллан, черная сутана которого резко контрастировала с массой красных лохмотьев.

Анжелика пристально всматривалась в священника. Она не была уверена, что узнает. Прошло десять лет с тех пор, как она его видела, и ей тогда было не до того, чтобы рассматривать его лицо.

Маленькая процессия, звякая цепями о булыжник мостовой, уже удалялась. Анжелика схватила Флипо за запястье:

— Следуй за тем священником. Его имя — отец Антуан. Поравнявшись с ним, скажешь — слушай внимательно! — «Мадам де Пейрак здесь, в Марселе, и она хотела бы встретиться с вами в кабачке «Золотой Рог».

— Входите, отец, — произнесла Анжелика.

Священник помедлил на пороге комнаты, в которой сидела дама, одетая в простое, но дорогое платье. Он явно стеснялся своих грубых башмаков и порыжевшей черной сутаны, обтрепанные манжеты которой не

закрывали покрасневших, потрескавшихся от морской воды запястий.

— Простите, что принимаю вас в своих комнатах, — сказала Анжелика. — Я здесь по секретному делу и не хочу быть узнанной.

Священник дал понять, что понимает и что ему это безразлично. Приняв ее извинения, он сел на табурет. Теперь она узнала его. Точно так же он выглядел в тот вечер, сидя на корточках перед костром палача, ссутулившись, похожий на замерзшего кузнечика; глаза его, если он открывал их широко, блестели.

Она села перед ним.

— Вы помните меня?

Меж тонких губ отца Антуана промелькнула улыбка:

— Помню, — он разглядывал ее, сравнивая сидящую перед ним женщину с тем раздавшимся, обезумевшим от горя существом, которое он видел когда-то в зимних сумерках бродящим вокруг жаровни с угольями, раздуваемыми ветром. — Вы тогда ожидали ребенка, — сказал он мягко. — Кем он оказался?

— Мальчиком, — ответила она. — Он родился в ту же ночь. И уже умер. Он дожил всего до девяти лет, — при мысли о Канторе она отвернулась к окну. — Средиземное море отняло его у меня, — добавила она задумчиво.

Опускался вечер. Из переулков доносились крики, песни, возгласы множества людей самых различных национальностей — турок, испанцев, греков, арабов, неаполитанцев, негров, англичан, — которые шумной толпой двигались к открывающимся тавернам и публичным домам. Невдалеке после нескольких гитарных аккордов послышался теплый, вибрирующий голос, поющий серенаду, и над всеми звуками доминировал шум вездесущего моря, подобный жужжанию пчелиного роя.

Отец Антуан задумчиво рассматривал ее. Эта изумительно красивая женщина имела так мало общего с тем юным подавленным горем созданием, которое запомнилось ему. Теперь она казалась уверенной в себе, такой настороженной, такой внушительной. Он искал, не оставили ли перенесенные ею невзгоды каких-либо следов на ее внешности. Он не узнал бы ее, если бы она не назвалась, да и сейчас узнавал с трудом, и то благодаря печальному выражению, появившемуся на ее лице при упоминании об утонувшем сыне.

Она снова повернулась к нему лицом. Капеллан сложил руки на коленях, как будто готовясь к долгому разговору. Он боялся говорить что-нибудь. Она заставит его рассказать обо всем, и это может лечь на его плечи тяжелой ответственностью.

— Отец, — сказала Анжелика. — Я не знаю, каковы были последние слова моего мужа у костра, а теперь я хочу это узнать. На костре... — повторила она. — В последний миг. Что он говорил?

Священник поднял брови.

— Ваша просьба очень запоздала, мадам, — произнес он. Вы должны простить мне, если я не вспомню. С тех пор прошли уже годы, и за это время я, увы, напутствовал многих осужденных. Поверьте, я не могу ответить на ваш вопрос точно.

— Тогда я могу. Он не говорил ничего. Ничего, потому что был уже мертв. К столбу привязали труп. А мой муж, еще живой, был вынесен через тоннель, пока толпа глазела, как пламя делает то, что несправедливо предназначалось ему. Король признался мне в этом, — она наблюдала, не сделает ли он удивленного, может быть, протестующего жеста, но он оставался невозмутимым. — Вы знали об этом, не правда ли? — сказала она со вздохом. — Вы всегда знали об этом.

— Нет, не всегда. Подмена была совершена так умно, что в то время у меня не возникло ни малейших

подозрений. На его голову опустили капюшон. И только позже я...

— Позже? Где? Когда? Кто сказал вам? — Она подалась вперед, тяжело дыша и сверкая глазами. — Вы видели его, не так ли? Вы видели его после костра.

Он не отрываясь смотрел на нее. Теперь он действительно узнал ее. Она совсем не изменилась.

— Да, — сказал он. — Я видел его. Слушайте, — и он начал свой рассказ.

Это случилось в Париже в марте 1661 года. Морозной ночью, «терзаемый демонами», с воплями «прости меня, Пейрак!» умер монах Беше.

Отец Антуан молился в часовне, когда к нему пришел послушник и сказал, что какой-то бедняк настаивает на встрече с ним — бедняк, который тем не менее вложил в ладонь послушника золотую монету. Послушник не посмел прогнать его. Отец Антуан вернулся в приемную. Человек ждал, опираясь на крепкий костыль, и почти уродливая тень его качалась на побеленной стене в свете масляной лампы. Одет он был соответственно. Лицо закрывала черная стальная маска. Когда он приподнял ее, отец Антуан упал на колени, моля небеса избавить его от ужасных видений, потому что перед ним стоял призрак, призрак колдуна, сожжение которого на Гревской площади он видел своими глазами.

Призрак насмешливо улыбался. Он попробовал заговорить, но единственным звуком, который вырывался у него изо рта, было нечленораздельное рычание. Внезапно привидение исчезло. Лишь через несколько мгновений отец Антуан понял, что оно упало в обморок и лежало на каменных плитах у его ног. Он успокоился и наклонился над бесчувственным посетителем. Тот был еще жив, вернее, полумертв, и силы его были на исходе. Тело было не более чем

скелетом, но кошелек содержал немалое достояние золотыми самородками и камнями.

Много дней посетитель находился между жизнью и смертью. Отец Антуан ухаживал за ним, поделившись тайной с настоятелем.

— Он дошел до последней степени истощения. Трудно представить, что его тело, истерзанное палачом, было способно на малейшее усилие. На одной ноге — той, которая хромала, — были ужасные раны на колене и бедре от пытки испанским сапогом. Раны не закрывались почти месяц, потому что все это время он оставался на ногах. Вот какая воля дана человеку, мадам!

Однажды могущественный граф Тулузский сказал смиренному тюремному капеллану: «Отныне вы мой единственный друг!»

Именно об этом священнике он подумал, когда, истратив все оставшиеся силы на посещение особняка Ботрелле, он почувствовал, что умирает от истощения. Зайти так далеко и умереть на пороге успеха! Он ушел из особняка через потайную дверь в саду, от которой у него был ключ, потом дотащился через весь Париж к Дому лазаристов, где, как он знал, он найдет отца Антуана.

Теперь ему нужно было бежать — он не мог оставаться во Франции. Отцу Антуану предстояло присоединиться к партии каторжников, отправлявшейся в Марсель, и вступить там в новую должность.

Жоффрей де Пейрак придумал план: смешаться с каторжниками и проделать с ними путь до Марселя. Он снова нашел своего слугу-мавра Куасси-Ба. Отец Антуан спрятал золото и драгоценности в собственной одежде и вернул их после прибытия на место. Спустя короткое время граф и его мавр спрятались в рыболовном смаке и исчезли.

— И с тех пор вы их не видели?

— Никогда.

— И вы ничего не можете предположить о дальнейшей судьбе графа после побега?

— Ровно ничего.

Она опять заглянула ему в глаза, потом почти робко спросила:

— Не вы ли приезжали в Париж несколько лет назад, чтобы справиться обо мне? Кто послал вас?

— Я вижу, вы знаете о моем визите к Дегре.

— Он сам сказал мне, — она ловила его на слове и, поскольку он медлил с ответом, настойчиво повторила:

— Кто послал вас?

Капеллан вздохнул.

— По правде говоря, я так и не знаю этого. Это произошло несколько лет назад, когда я находился в Марселе, где занимался главным образом больницей для каторжников. Ко мне пришел арабский купец, один из тех, кто заходит в этот порт. Он под большим секретом сообщил мне, что кое-кто интересуется, что случилось с графиней де Пейрак. Он попросил меня съездить в столицу. Адвокат по имени Дегре, другие люди, имена которых он мне назвал, возможно, сообщат мне что-нибудь. На расходы я получил кошелек, содержащий значительную сумму, которую я принял, памятуя о своих бедных каторжниках, но все мои попытки узнать у араба, кто послал его, ни к чему не привели. Он только показал мне золотое кольцо с топазом — я узнал в нем одну из драгоценностей графа де Пейрака. Чтобы выполнить поручение, я отправился в Париж. Там я узнал, что мадам де Пейрак стала женой королевского маршала маркиза дю Плесси-Белльер, что она богата и занимает высокое положение при дворе, как и ее сыновья.

— А вы не были шокированы, услышав это? Я вышла замуж еще раз, хотя мой первый муж был еще жив!

Может, ваша совесть церковника получит некоторое облегчение, если я скажу вам, что маршал был убит под Франш-Конте, так что с тех пор меня можно считать дважды вдовой.

Отец Антуан не обиделся. Он даже слегка улыбнулся, отвечая, что знает о многих удивительных ситуациях, хотя должен признать, что провидение воистину ведет Анжелику по извилистому пути. Он глубоко жалеет ее.

— Итак, я вернулся в Марсель и, когда купец появился снова, рассказал ему все, что узнал. Больше я не слышал от него ни слова. Это все, что я знаю, мадам, в самом деле все.

— Этот араб, — спросила Анжелика, — откуда он появился? Помните ли вы его имя?

Капеллан, нахмурившись, задумался.

— Сейчас, — произнес он наконец, — я пытался припомнить о нем все, что могу. Его зовут Мохаммед Раки, но он не из Аравии. Я обратил внимание на его одежду. Арабские купцы с Красного моря стараются одеваться по-турецки, а купцы с Североафриканского побережья носят шерстяные платки, которые называются бурнусами. Этот приехал из Алжира или Марокко. Но это все, что я знаю, и этого мало, чтобы начинать розыски. Кроме того, я припоминаю его слова об одном из его дядюшек, имя которого мне запомнилось — Али Мектуб. Я говорил с ним об арабе — рабе на галерах, которого выкупил богатый дядя. Али Мектуб составил богатство на жемчуге, губках и всевозможных безделушках. Он жил на Крите и, насколько я знаю, живет там и сейчас. Возможно, он смог бы рассказать вам что-нибудь о своем племяннике Мохаммеде Раки.

— На Крите? — Анжелика погрузилась в размышления.

Анжелика и Флипо спустились к самой воде, надеясь найти судно, которое могло бы взять их в длинное путешествие к Левантийским островам. Прогуливаясь, Анжелика вдруг остановилась и протерла глаза, думая, что, должно быть, видит сон. В нескольких шагах впереди нее на самом краю набережной в глубокой задумчивости стоял маленький старичок, не обращавший внимания ни на прохожих, ни на мистраль, теребивший его бороду. По его морской шапке, по очкам в черепаховой оправе, старомодной одежде, шелковому зонтику и бутылочкам в ивовой корзине, стоявшей у его ног, она сразу же узнала аптекаря Савари, которого встречала при дворе.

— Мэтр Савари! — окликнула она.

Он настолько изумился, разглядывая Анжелику через очки, что чуть не свалился в воду.

— Так это вы, мой маленький дипломат! Вот не думал найти вас здесь!

— Конечно. Я здесь оказалась совершенно случайно.

— Гм-м! Эта случайность собирает всех искателей приключений. Разве вы знаете лучшее место, чтобы отправиться в рискованное предприятие? Рано или поздно ваше честолюбие должно было привести вас в Марсель. Это записано у вас на лбу. Или вы не вдохнули запаха восхитительных путешествий, — он в экзальтации поднял руки. — Пряности, ах, пряности! Или вы не чувствуете их, этих сирен, которые заманили лучших моряков? — Он принялся по пальцам перечислять: — Имбирь, корица, шафран, красный перец, чеснок, кориандр, тмин и князь всех пряностей — перец, черный перец! — с воодушевлением повторил он.

Она оставила его с его мечтами, потому что увидела Флипо, возвращавшегося с крупным мужчиной в красном колпаке морского капитана.

— Так это вы предлагаете целое состояние за переезд на Крит? — воскликнул он, поднимая руки к небу. — Я думал, это какой-нибудь старый дурак, которому нечего терять, кроме своих костей. Неужели у вас нет мужа, чтобы вложить хоть немножко здравого смысла в вашу голову? Или вам не терпится кончить свои дни в гареме турецкого султана?

— Я сказала, что хочу на Крит, а не в Константинополь.

— Но Крит в руках турок. В нем столько евнухов, и белых, и черных, которые приезжают туда за дешевым товаром для своих хозяев. Ваше счастье, если вы попадете туда, не будучи похищенной по пути.

— Но вы собираетесь на Крит, не так ли?

— О, разумеется, я собираюсь на Крит, — прорычал капитан, — но я не говорил, что доберусь до Крита.

— Послушать вас, так можно подумать, что берберийские пираты поджидают вас прямо у выхода из гавани.

— Именно так. Только на прошлой неделе турецкая галера была замечена около Йерских островов. Наш флот не имеет сил даже на то, чтобы отпугнуть их. Господи, какой позор! Можете быть уверены — про вас прознают заранее, и все работоторговцы Средиземноморья — белые, черные, коричневые, христиане, турки, берберы или пираты — будут бороться за возможность продать вас какому-нибудь задыхающемуся от жира паше. Как вам улыбается получить порцию палок от такой вот уродины? — он показал на тучного турецкого купца, спускающегося со своей свитой к набережной.

Анжелика уставилась на эту группу, вполне обычную в Марселе, но непривычную для нее. Огромные тюрбаны из зеленой и оранжевой кисеи сидели на их головах, как тыквы. Туфли с загнутыми носами, на которых покачивались жемчужины, и зонтики, которые

черные слуги несли над их головами, делали их похожими скорее на карнавальное шествие, чем на опасную шайку.

— Они выглядят не такими уж злыми, — сказала Анжелика, чтобы подразнить капитана. — И, безусловно, красиво одеты.

— Ба! Не все то золото, что блестит. Они знают, что здесь они на нашей земле. В Марселе купцы всегда ведут себя как можно лучше. Но за замком Иф все их помыслы обращаются к пиратству и только пиратству. Нет, мадам, бесполезно так смотреть на меня. Я не буду связываться с вами. Пресвятая богородица никогда не простит меня за это.

— А со мной? — спросил Савари. — Меня вы возьмете?

— Вы тоже собираетесь на Крит?

— На Крит и дальше. Если хотите знать, я собираюсь в Персию, но не разглагольствую об этом налево и направо.

— И сколько вы предлагаете мне за проезд?

— На самом деле я не очень-то богат, так что предлагаю тридцать ливров...

— Не о чем говорить! — нахмурился капитан. — Ни с вами, ни с мадам. За тридцать ливров вы уплывете не дальше Ниццы. Ради этого не стоит рисковать. Вы, мадам, привлечете ко мне берберов, как труп привлекает акул, — простите за сравнение, — приподняв колпак благовоспитанным жестом, он направился к своей лодке, стоявшей на якоре у набережной.

— Все они одинаковы, эти марсельские моряки, — сердито сказал Савари. — Жадны и расчетливы, как армяне.

— Мне нет смысла и говорить с другими капитанами, — сказала Анжелика. — Со мной все начинают говорить о гареме и рабстве. Можно

подумать, ни одна женщина до сих пор не могла выйти в море без того, чтобы угодить в сераль турецкого султана!

— Или тунисского бея, или алжирского дея, или марокканского султана, — добавил Савари. — Да, так часто и бывает. Но каждый, кто хочет избежать такой возможности, должен воздерживаться от морских путешествий.

Анжелика вздохнула. С самого утра все, что она получала в ответ на свои просьбы о переезде, сводилось к разным степеням изумления, пожимания плечами, отказам. Женщина, в одиночку едущая на Крит! Полнейшее сумасшествие! Да вас должен конвоировать весь королевский флот!

Савари столкнулся с аналогичными трудностями, но только из-за недостатка денег.

— Давайте объединим усилия, — предложила ему Анжелика. — Вы находите мне судно, а я оплачиваю вашу поездку вместе со своей собственной, — она дала ему адрес гостиницы, где остановилась, и, когда он отправился на поиски, присела ненадолго на одну из новых пушек, которые во множестве стояли в порту и, без сомнения, были забыты каким-то экипировщиком кораблей, а теперь казались предназначенными служить скорее в качестве скамей для гуляющих по набережной, чем для стрельбы по берберийским галерам.

Женщины из части города, носившей название Канбера, вязали и сплетничали здесь, поджидая, когда вернутся рыбаки, а купцы торговали своим товаром вразнос.

Ноги у Анжелики горели, а голова болела от сильного солнца. Она с завистью смотрела на женщин, классически красивые лица которых с большими глазами и полными губами были закрыты от солнца широкополыми соломенными шляпами. Они придавали

женщинам величественный вид, даже когда они призывали проклятия на прохожих, которые не хотели покупать у них букеты красных гвоздик, и расточали благодарности тем, кто останавливался у их прилавков.

— Купите у меня эту треску, — приставала одна из них к Анжелике. — Это у меня последняя. Взгляните, она блестит, как новая монета.

— Я не знаю, что с ней делать.

— Есть конечно! Что еще можно делать с треской!

— Я далеко от дома, и мне не в чем ее нести.

— В своем животе. Так она не будет вам мешать.

— Съесть ее сырой?..

— Нет, поджарить на жаровне у братьев-капуцинов. Вот веточка чабреца, чтобы проткнуть ее, пока она жарится.

— У меня нет никакой тарелки.

— Возьмите камень с пляжа.

— И вилки.

— Как вы все усложняете! Ешьте пальцами.

Чтобы отделаться от женщины, Анжелика в конце концов купила рыбу. Держа ее за хвост, Флипо отошел за угол, где трое капуцинов устроили что-то вроде кухни на открытом воздухе, черпая суп из большого горшка и наливая его беднякам. За несколько солей они позволяли желающим готовить на двух жаровнях. От запаха жарящейся рыбы и супа у Анжелики потекли слюнки, и она вдруг обнаружила, что голодна.

Наступило время, когда горожане, даже самые напыщенные буржуа, приходили к воде, чтобы вдохнуть этот странный и восхитительный запах.

Недалеко от Анжелики вылезала из паланкина тщательно одетая женщина с мальчиком, который с завистью смотрел на уличных мальчишек, кувыркавшихся на кипах хлопка.

— Можно мне поиграть с ними, мама?

— И не думай об этом, Анастас, — с негодованием отвечала мамаша. — Там одни оборванцы.

— Им так весело, — надулся мальчик.

С нежностью глядя на него, Анжелика думала о Флоримоне и Канторе. Сама она в детстве играла с мальчиками.

Она с трудом уговорила Флоримона не ехать с нею. Она добилась этого, лишь сказав, что уезжает всего на несколько недель — если повезет, недели, может быть, на две. За то время, которое понадобится ей, чтобы доехать в почтовой карете до Лиона, затем спуститься по Роне в лодке, найти капеллана и вернуться, ее отсутствие в Париже, быть может, останется не замеченным королевской полицией. «Это была бы самая лучшая шутка, которую я сыграла с вами, господин Дегре», — говорила она себе.

При воспоминании об опасном побеге сердце ее начинало биться чаще. Флоримон не обманул ее: подземным ходом вполне можно было пользоваться. Средневековые своды, возведенные рукой, опытной в горном деле, долгое время противостояли действию сырости. Флоримон провел мать в заброшенную часовню в Венсеннском лесу. Она была разрушена. Анжелика пообещала себе, что присмотрит, чтобы к появлению хозяина все было готово. Почему только, недоумевала она, он так долго не возвращается?

Не без волнения она обняла сына, когда рассвет разбудил лес. Как он был смел, как горда была она, как здорово он сохранил тайну! Ей так много надо было сказать ему перед расставанием. Она проследила, как закрылась дверца за его кудрявой головой. Прежде чем закрыть лаз, Флоримон подмигнул матери. Для него все это было лишь игрой, которая возбуждала его и давала ощущение собственной значимости.

После этого Анжелика в сопровождении Флипо, который нес ее саквояж, дошла пешком до следующей

деревни, где наняла карету, которая довезла ее до Норгена. Там она села в почтовую карету.

Она достигла своей цели — Марсея. Теперь впереди вырисовывалась другая цель — Крит. В результате разговора с капелланом возникла необходимость в следующем путешествии, трудном и сомнительном. Следующим звеном был араб, торговец драгоценностями, чей племянник был последним, кто видел Жоффрея де Пейрака живым. Как найти этого ювелира на Крите — это особая задача. Поможет ли он разыскать своего племянника? Однако, говорила себе Анжелика, Крит — это доброе предзнаменование. Она была назначена на должность консула Франции именно на этом острове. Правда, Анжелика не знала, сможет ли воспользоваться своим титулом, раз она действовала против воли короля Франции. По этой причине, а также и по многим другим ей следовало уехать из Марсея как можно скорее, а прежде всего — избегать встреч с людьми своего круга.

Флипо не возвращался. Неужели все это время он жарил рыбу? Она поискала его и обнаружила за разговором с мужчиной в длинном коричневом плаще, который, казалось, задавал ему вопросы. Флипо выглядел растерянным. Жонглируя дымящейся рыбой, он переминался с ноги на ногу, но, судя по ужимкам, рыба обжигала его. Однако человек, видимо, не собирался его отпускать. Наконец, пожав плечами, он отошел и вскоре затерялся в толпе. Анжелика увидела, что Флипо двинулся в направлении, прямо противоположному тому, в котором она сидела.

Некоторое время спустя он появился вновь, маневрируя, чтобы не привлекать ее внимания. Анжелика пошла следом и догнала его в темном переулке, где он пытался спрятаться за колонной какой-то галереи.

— Что это означает? — спросила она. — Кто это говорил с тобой только что?

— Не знаю... мне он сразу не понравился... Вот ваша рыба, мадам Маркиза. Тут осталось достаточно. На бегу я кое-что уронил.

— Что он спрашивал у тебя?

— Кто я такой. Откуда. На кого работаю. Я отвечал только: «Не знаю». — «Валяй, валяй, — говорил он. — Не думай, что я поверю, будто ты не знаешь своего хозяина. Будешь так продолжать — я знаю, что делать: обращусь в полицию». — Я твердил: «Да, месье, нет, месье, не знаю...» — Тогда он обозлился: — «Уж не маркиза ли это дю Плесси-Белльер, ведь так, а? В какой гостинице она остановилась? Почему ты не хочешь мне сказать?»

— И что ты ответил?

— Я придумал подходящее название гостиницы: «Белая Лошадь». Она в другом конце города.

— Идем! Быстро!

Торопясь вместе с ним по крутым улицам, Анжелика старалась решить эту головоломку. Преследует ли ее полиция? Почему? Может ли быть, что Дегре так скоро обнаружил ее бегство и послал за ней своих провокаторов? Вдруг ей показалось, что она нашла ответ. Господин де Вивонн заметил ее в толпе, когда высаживался на берег. До сих пор он не мог вспомнить ее имени, но вспомнил, что ее лицо ему знакомо. Теперь он вспомнил и послал слуг, чтобы они разыскали ее. Из любопытства? или из дружбы? или чтоб угодить королю?

Так или иначе, она не особенно жаждала видеть его, но его интерес не внушил ей беспокойства. Вивонн слишком часто отсутствовал в Версале, участвуя в очередной кампании, и не мог знать всех тонкостей придворных интриг и последних новостей о мадам дю Плесси-Белльер, будущей любовнице короля. В этом она

была уверена. Однако не было сомнений, что... если только этот человек не послан капелланом, единственным, кто знает о ее пребывании в Марселе. Может быть, он сообщит ей что-нибудь об Али Мектубе или Мохаммеде Раки? Но тогда он послал бы своего человека в гостиницу «Золотой Рог» — он ведь знает, где она остановилась.

До гостиницы она добралась мокрая от пота, с бешено бьющимся сердцем.

— Не очень-то мудро с вашей стороны доводить себя до такого состояния, — сказала ей хозяйка. — Вы, парижские дамы, считаете, что все время нужно спешить. Пожалуйста сюда, я приготовила вам отличное кушанье из баклажанов и помидоров с хорошей порцией красного перца и масла, и вы сможете рассказать мне все новости.

Без сомнения, хозяйка собиралась проявить материнскую заботу об ее туго набитом кошельке. У нее уже был наготове свой сюжет — она понимала, что гостиница ее весьма скромна, и подозревала, что Анжелика — знатная дама, которой пристало жить в окружении целой армии слуг, но она тем не менее старается жить здесь, не привлекая внимания. О, любовь, любовь!..

— Идите сюда, — говорила она Анжелике. — Вот тихий уголок у окна. За этим столом вы будете совсем одна, и другие посетители с такого расстояния не будут пялить на вас глаза. Что вы предпочли бы пить — немного розового вина из Вара? — она поставила перед ней оловянный кубок и глазурованный глиняный кувшин, запотевший с холода.

Анжелика подняла глаза и заметила Флипо, стоящего в дверях и делающего ей выразительные знаки. Как только хозяйка отошла, он проскользнул к Анжелике и зашептал: «Он подходит... этот дьявольский человек... самый злой из всех!»

Она выглянула в окно и увидела на крутой улице мужчину, закутанного в пурпурный шелковый плащ, который держал в сложенных за спиной руках трость с серебряным набалдашником и был не кем иным, как лейтенантом полиции Франсуа Дегре, направлявшимся к гостинице.

Глава 5

Первой реакцией Анжелики было оттолкнуть кресло, спуститься на две ступеньки, которые отделяли это помещение от остальной залы, и броситься через него к лестнице, ведущей наверх.

— За мной, — приказала она Флипо.

— Мадам, что случилось? — всплеснула руками хозяйка. — Что-нибудь с кушаньем, которое я вам приготовила?

— Идите сюда, — приказала Анжелика таким голосом, что хозяйка повиновалась, не потребовав объяснений. — Быстро идите за мной. Я должна кое-что сказать вам, — Анжелика втокнула ее в комнату, держа за запястье и не замечая, как ее ногти вонзаются в пухлое тело хозяйки. — Слушайте, через несколько минут сюда придет мужчина в лиловом плаще и с тростью с серебряным набалдашником.

— Не тот ли, который утром прислал вам пакет?

— О чем вы говорите?

Хозяйка порылась за вместительным корсажем и достала письмо, написанное на пергаменте.

— Его принес мальчик незадолго до вашего возвращения.

Анжелика выхватила письмо и развернула его. Отец Антуан сообщал о визите Дегре, адвоката, с которым он имел честь встречаться в Париже в 1666 году. Он не считал разумным скрывать ни того, что мадам дю Плесси находится в Марселе, ни ее адреса.

Анжелика скомкала письмо.

— Оно мне уже неинтересно, — сказала она хозяйке. — Если человек, о котором мы говорили, спросит обо мне, вы не знаете меня и никогда не видели. Как только он уйдет, придете и скажете мне. Вот вам, — она

вытащила три золотые монеты, которые привели хозяйку в такое восхищение, что она, ничего не говоря, понимающе подмигнула и удалилась с видом заговорщицы.

Анжелика лихорадочно ходила по комнате, кусая от нетерпения ногти.

— Собери мои вещи, — приказала она Флипо, который с беспокойством наблюдал за ней. — Упакуй чемоданы и будь готов.

Дегре действовал быстро, но она не собиралась допускать, чтобы он поймал ее и в цепях, словно рабыню, доставил назад к королю. Теперь море и ей послужит путем к спасению.

Она уйдет от Дегре и от короля. Море унесет ее отсюда. Она подошла к окну и прислушалась к звукам, доносящимся из гостиницы.

Опускалась ночь и, как всегда в вечернее время, из темных переулков, которые извивались между домами террасами, спускавшимися к воде, слышались звуки гитары и голос провансальского певца.

Кто-то постучал в дверь.

— Вы сидите без света, — прошептала хозяйка, проскользнув в комнату. Она высекла огонь и зажгла лампу. — Он еще здесь, — продолжала она. — О, это человек приятной наружности и очень вежливый, но у него странная манера смотреть на вас. Но дело не в этом! «Как будто я не знаю, кто остановился у меня в гостинице, — говорю я ему. — Конечно, я заметила бы женщину, которую вы описываете, если бы она находилась в моем доме. Но говорю вам, я ее в глаза не видела». Наконец он поверил или сделал вид, что поверил. Он потребовал подать ужин, и притом в той самой комнате, где я накрывала вам. Он все потягивал своим длинным носом, как будто вынюхивал что-то.

«Мои духи!» — подумала Анжелика. Дегре, конечно, должен был узнать их, потому что это была смесь

вербены и розмарина, специально для нее составленная знаменитым парфюмером из предместья Сен-Оноре, Дегре часто вдыхал свежий деревенский запах ее тела, когда она позволяла ему целовать и ласкать себя. Ох, что толку в жизни, когда что-то выдает тебя такому дьяволу!

— И тут, — продолжала хозяйка, — его взгляд упал на золотые монеты, которые вы дали мне и которые я все еще сжимала в ладони. «У вас щедрые постояльцы, матушка», — сказал он. Я начала нервничать. Этот человек ваш муж, мадам?

— Нет, — с нажимом ответила Анжелика.

Женщина несколько раз покачала головой:

— Понимаю, — сказала она. Потом приставила ладонь к уху: — Кто это там выходит? Это не мои постояльцы — я знаю их походку. — Она приоткрыла щелочку в двери, потом с треском захлопнула. — Он в коридоре, открывает двери во все комнаты. — Она подбоченилась и с негодованием заявила: — Я покажу этому новоявленному тюремщику, с кем он имеет дело! — И тут же изменила тон: — Нет, этим можно все испортить. Знаю я этих полицейский. Начинаешь им дерзить, а кончаешь тем, что плачешь и сморкаешься в платочек!

Анжелика схватила кошелек:

— Мне нужно выбраться отсюда... обязательно нужно. И я не могу ошибаться, — она вынула пригоршню золота.

— Идите сюда, — прошептала хозяйка. — Она вытолкала Анжелику на маленький балкон и сняла один из железных поручней. — Прыгайте! Ну, прыгайте на соседнюю крышу! Не смотрите вниз. Ну вот и все. Отлично! Слева вы найдете лестницу. Когда спуститесь во двор, постучите. Скажите Марио-сицилианцу, что вас послала я и что он должен доставить вас к Санти-корсиканцу. Нет, это недалеко, только до Хуанито и до

Левантийского квартала. Я займусь этим сыщиком, чтобы у вас хватило времени, — она добавила еще несколько напутственных слов по-провансальски, перекрестилась и вернулась в комнату.

Бегство Анжелики и Флипо походило на игру в прятки. Не останавливаясь хотя бы для того, чтобы перевести дыхание, они возносились до небес, проваливались в сады, пробегали мимо окон, за которыми, даже не поднимая глаз от тарелок и не видя беглецов, спокойно ужинали люди; скатывались по лестницам, петляли по римскому акведуку — и лишь для того, чтобы спрятаться в греческом храме, запутывались в сотнях красных и голубых рубашек, висящих на веревках, протянутых поперек улиц, скользили по грудам арбузных корок и рыбьих голов, слышали глухие выкрики, песни и просьбы на всех языках и наконец, тяжело дыша, вместе со смуглым испанцем нашли убежище на границе Левантийского квартала. Теперь, сказал он им, они далеко, очень далеко от чего бы то ни было, напоминающего гостиницу «Золотой Рог». Не желает ли дама двигаться дальше? — испанец и Санти-корсиканец испытующе глядели на нее.

Анжелика вытерла лицо носовым платком. На западе свет сумерек соперничал с огнями города. Странные монотонные ритмы слышались из-за закрытых дверей и ставней таверен — это уличные носильщики, а также арабские и турецкие купцы, развалившись на мягких подушках, курили свои кальяны и потягивали из серебряных чашечек таинственный состав с берегов Босфора. Заморские ароматы смешивались с тяжелыми запахами жарящейся пищи и чеснока.

— Я хочу в адмиралтейство, — сказала Анжелика, — к господину де Вивонну. Можете вы проводить меня туда?

Оба проводника закачали головами так, что их золотые серьги зазвенели. Окрестности адмиралтейства казались им намного более опасными, чем зловонный лабиринт, через который они провели Анжелику. Но благодаря ее щедрости они согласились подробно объяснить ей дорогу до адмиралтейства, чтобы Анжелика могла добраться туда сама.

— Ты понял их? — спросила она Флипо.

Мальчик покачал головой. Он был испуган до смерти, не зная, по каким законам живет это пестрое «дно» Марселя; он знал только одно — его обитатели не медлят, прежде чем вытащить ножи. Если на его хозяйку нападут, как он сможет защитить ее?

— Не бойся, — успокаивала его Анжелика. Этот старый город финикийских колонистов не казался ей враждебным. Дегре не имел здесь своей власти, как в Париже.

Уже опустилась ночь, но прозрачное небо бросало на город голубоватый отблеск, обрисовывая остатки былого — разрушенные колонны, римские арки, среди которых бесшумно, как кошки, играли полуголые ребятишки.

Ярко освещенная резиденция Вивонна виднелась на изгибе улицы. Прибывали и исчезали паланкины и экипажи, а через открытые окна доносились звуки лютней и скрипок.

Анжелика на минуту остановилась, чтобы оправить платье и привести себя, насколько это возможно, в приличный вид. Она увидела, как от группы людей отделился широкоплечий мужчина и направился к ней, будто он поджидал ее, однако против света она не могла рассмотреть его лица. Приблизившись, он внимательно взгляделся в нее и снял шляпу.

— Мадам дю Плесси-Белльер, не так ли? Конечно, это вы. Разрешите представиться — Карулле, начальник полиции в Марселе. Я хороший друг господина Ла Рени.

Он написал мне насчет вас, потому что хотел, чтобы ваше пребывание в нашем городе было по возможности приятным, — он говорил елейным голосом. Анжелика разглядела мягкое, отеческое лицо и заметила большой нарост в углу одной ноздри. — Я повидался также с его помощником, господином Дегре, который приехал вчера утром. Полагая, что вы, быть может, намереваетесь откликнуться на приглашение герцога де Вивонна, — он знает, что это один из ваших друзей, — он поручил мне подождать вас у входа, так что досадного недоразумения...

Внезапно Анжелику охватила ярость — не страх. Дегре пустил по ее следу всю марсельскую полицию, вплоть до Карулле, про которого хорошо известно, что под бархатной перчаткой он прячет железную руку.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — холодно произнесла она.

— Гм, — ответил он снисходительно. — Но, мадам, вас так тщательно описали.

Рядом с ними проезжала карета. Начальник полиции вжался в стену. Анжелика, напротив, бросилась чуть ли не под копыта лошадей и, воспользовавшись задержкой, — кучер вынужден был объезжать ее, — успела затеряться среди гостей, которые толпились у входа в особняк герцога де Вивонна. Слуги с зажженными факелами освещали парадную лестницу, ведущую в переднюю. Она уверенно поднялась по ней и смешалась с другими гостями.

Флипо шел за ней по пятам, неся ее вещи. Анжелика отступила в тень лестницы, как женщина, которая заметила, что у нее спустилась подвязка.

— Спасайся, пока можно, — шептала она своему пажу, — спрячься в кварталах, где живут слуги — меня это не касается, — пока никто не заметил нас. Я встречу с тобой завтра утром на набережной во время отплытия королевского флота. Постарайся узнать, где и

когда это будет. Если тебя не окажется, я уплыву без тебя. Вот тебе деньги, — она вышла из своего убежища и той же уверенной походкой поднялась по мраморной лестнице.

Едва она достигла второго этажа, как внизу появился полицейский, от которого она только что избавилась. Любопытство в Анжелике превозмогло страх, и она нагнулась через перила, чтобы наблюдать за ним, будучи уверена, что он не увидит ее в тени.

Карулле выглядел несчастным. Он заговорил со слугой, затем стал настойчиво расспрашивать его. Слуга покачал головой, потом отошел. Вскоре появился герцог де Вивонн, смеющийся над какой-то шуткой. Начальник полиции подобострастно поклонился ему, потому что адмирал флота был весьма значительной особой. Ему благоволил король, а его сестра была общепризнанной любовницей короля. Поскольку он был к тому же весьма обидчивым молодым человеком, держался он далеко не снисходительно.

— О чем вы толкуете мне? — воскликнул он могучим голосом. — Мадам дю Плесси-Белльер среди моих гостей? Если верить последним новостям из Версаля, поищите ее лучше в королевской постели. — Карулле настаивал, и Вивонн потерял терпение: — Не говорите чепухи. Она была здесь, говорите вы, а сейчас ее здесь нет. Вы или слепы, или страдаете галлюцинациями. Примите лучше лекарство.

Упавший духом начальник полиции счел за благо ретироваться. Вивонн пожал плечами. К нему подошел один из его друзей и, видимо, спросил, в чем дело, потому что Анжелика слышала, как молодой адмирал сердито ответил: «Этот невежда заявлял, что я скрываю в своем доме прекрасную Анжелику, последнюю страсть короля».

— Мадам дю Плесси-Белльер?

— Ее самую. Спаси меня небо, если я когда-нибудь принимал эту интриганку и шлюху под своей крышей. Моя сестра чуть не сошла с ума от всего, что ей пришлось вынести от этой женщины. Она писала мне отчаянные письма. Если эта зеленоглазая сирена добьется того, к чему стремится, то Атенаис придется спустить флаг, и для Мортемаров настанут тяжелые времена.

— Вы думаете, она в Марселе? Я слышал, она такая красавица, что преследует во сне. Я всегда хотел встретиться с ней.

— Вы бы только напрасно страдали. Она кокетка настолько жестокая, что способна чуть ли не на убийство. Ее воздыхатели знают, как трудно добиться от нее чего-нибудь. Она не жалеет времени на любовные разговоры, если хочет что-нибудь получить. А сейчас она хочет получить короля. Она хитра, говорю вам. Моя сестра писала в одном из последних писем... — Они отошли в сторону, и Анжелика не услышала окончания разговора.

«Ты заплатишь за это, мой дорогой», — сказала себе Анжелика, взбешенная клеветой Вивонна.

Она ощупью двигалась по длинному коридору, пока не наткнулась на дверь, ручку которой она медленно повернула. Пустая комната была освещена только отблесками света, проникавшими через открытое окно. Анжелика без сил растянулась на мягком восточном диване, покрытом коврами и подушками. Ногой она задела за что-то вроде медной тарелки, лежавшей на полу, и та зазвенела, как гонг. Она встревоженно прислушалась, потом разыскала свечу и определила, где находится — должно быть, в апартаментах герцога де Вивонна — спальня, гардеробная и ванная. Это было жилище моряка, который, будучи на берегу, ничего другого не делал, кроме как предавался удовольствиям. Разобравшись в царившем здесь беспорядке, она

быстро разыскала карты и мундиры, а также стенной шкаф, в котором висело множество сорочек и домашних платьев.

Анжелика выбрала белую расшитую муслиновую сорочку, она вымылась в бассейне, приготовленном для хозяина (и его возлюбленной) — вода в нем пахла провансальской лавандой. Анжелика вычесала пыль из волос. Вздохнув от блаженства, она завернулась в газовую одежду и босиком вернулась в гардеробную. Ее качало от усталости. Прислушавшись на мгновение к приглушенным крикам, доносившимся из гостиных, она опять опустилась на диван. К дьяволу будущее и всех полицейских в мире! Она намерена поспать.

— Ах! — Анжелику разбудил пронзительный визг. Она приподнялась, щуря глаза от яркого света.

Темноволосая девушка с мушками по всему лицу стояла в ее изголовье, являя собой картину изумленного негодования. Она быстро обернулась и закатила кому-то звонкую пощечину.

— Ну и свинья! Это и есть тот сюрприз, который ты приготовил мне? Поздравляю, хорошо придумано! Вряд ли я когда-нибудь забуду такое изысканное оскорбление. Видеть тебя больше не хочу! — громко шурша своим платьем и резко щелкнув веером, она вылетела из комнаты и исчезла. Герцог де Вивонн, держась за горевшую щеку, отвел взгляд от двери и увидел Анжелику.

Первым, кто помог ему прийти в себя, был слуга. Он внес и поставил на стол два канделябра, поклонился хозяину — а заодно и Анжелике — и выскользнул из комнаты, бесшумно закрыв дверь.

— Господин де Вивонн... я в отчаянии, — бормотала Анжелика, выдавливая покаянную улыбку. Только теперь, когда она заговорила, он, казалось, осознал, что

имеет дело с существом из плоти и крови, а не с призраком.

— Так этот невежда говорил правду, вы были в Марселе. Вы были под моей крышей. Откуда я мог знать? Почему вы не вмешались сами?

— Я не хотела быть узнанной. Несколько раз меня чуть не арестовали.

Молодой человек приложил ладонь ко лбу и направился к секретеру из черного дерева, откуда достал графин с коньяком и стакан.

— Значит, по следам мадам дю Плесси-Белльер идет вся французская полиция! Вы убили кого-нибудь?

— Нет. Хуже! Я отказалась лечь в постель к королю!

Брови придворного удивленно поднялись:

— Почему?

— Из любви к вашей дорогой сестре, мадам де Монтеспан!

Вивонн смотрел на нее молча, все еще держа графин в руках. Наконец его лицо смягчилось, и он расхохотался, наполнил себе стакан и сел рядом с ней.

— Полагаю, это может стоить вам жизни.

— Быть может. Но не так скоро, как вы думаете, — она продолжала робко улыбаться ему. Ее веки, еще тяжелые после сна, трепетали, а ресницы отбрасывали длинные тени на гладкие щеки. — Я так устала, — вздохнула она. — Я несколько часов бегала по вашему городу. Я заблудилась. Пришла сюда искать убежища. Простите, я знаю, это было неразумно с моей стороны. Я вымылась в вашей ванне и взяла эту сорочку из вашего шкафа, — она пригладила на обнаженном теле однотонный белый материал. Под ним просвечивали розовые линии бедер и угадывалось лоно. Вивонн уставился на ее неглиже, потом отвел глаза. Он проглотил свой коньяк одним глотком.

— Проклятое положение, — прорычал он. — Король того и гляди разыщет вас здесь и обвинит меня в

сообщничестве.

— Господин де Вивонн, — произнесла Анжелика, поднимаясь на ноги. — Не будьте дураком. Я думаю, вас больше всего волнует благополучие вашей сестры... от которого в немалой степени зависит и ваше собственное. Или вы в самом деле хотели бы видеть меня в объятиях короля, а ее — в немилости?

— Нет, конечно, — пробормотал Вивонн, оказавшийся в ситуации, которая все больше и больше походила на пьесу Корнеля, — но я не хотел бы сердить его величество. Вы, если хотите, можете отвергать его внимание. Но почему вы в Марселе? Да еще в моем доме?

Она легко положила ладонь на его руку:

— Потому что я хочу попасть на Крит.

— Что-о? — он подпрыгнул, будто его укусила пчела.

— Вы отплываете завтра, не так ли? — настаивала Анжелика. — Возьмите меня с собой.

— Нахалка! Видно, вы не в своем уме. Вы в самом деле собираетесь на Крит? Вы хоть знаете, где это?

— А вы? Знаете ли вы, что я консул на Крите? У меня там очень важные денежные интересы, а сейчас самое время проследить за делами и дать королю малость поостыть. Разве это не хорошая идея?

— Это безумие! Крит... — он закатил глаза, как бы теряя сознание от ее предложения.

— Знаю, — заявила Анжелика, — гарем турецкого султана, берберийские пираты и так далее и тому подобное. Но видите ли, с вами мне нечего бояться. Что может со мной случиться, если я буду под охраной французского королевского флота?

— Дорогая, — торжественно начал Вивонн, — я всегда глубоко уважал вас...

— Может, даже слишком, — с насмешливой улыбкой вставила Анжелика. Это настолько смутило молодого

адмирала, что он что-то проворчал, прежде чем продолжить начатую фразу:

— Какая разница? Гм! Ну, все равно, я всегда уважал вас как разумную женщину с головой на плечах. Теперь, к моему огромному разочарованию, я обнаруживаю, что у вас не больше здравого смысла, чем у любой другой молодой вертихвостки, говорящей, прежде чем действовать, и действующей, прежде чем подумать.

— Как прекрасная брюнетка, оставившая вас несколько минут назад? Я хотела бы объясниться с вашей очаровательной возлюбленной. Теперь она настолько разозлилась, что повсюду разнесет новость, что я здесь.

— Она не знает вашего имени.

— Она вполне способна описать меня, и люди, которым, по моему мнению, не следовало бы знать, где я, узнают меня. Отвезите меня на Крит.

Герцог де Вивонн почувствовал, что у него перехватило горло, а от взгляда Анжелики у него кружилась голова. Он подошел к секретеру и налил себе еще один стакан коньяка.

— Нет, — произнес он в ответ на ее последнее требование, — слишком большая ответственность. Содействуя вашему побегу, я стану соучастником, я навлеку на себя гнев короля.

— И благодарность своей сестры.

— Я уверен, что попаду в немилость.

— Вы недооцениваете власти Атенаис, дорогой мой. Однако вы знаете ее лучше, чем я. Сейчас она единственная пассия короля и очень ему нравится. Она не забыла, какими хитростями завлекала его в самом начале. Не думайте, что у нее не хватит могущества и ума, чтобы исправить те небольшие разрушения, которые я, может быть, причиню.

Вивонн нахмурился и погрузился в размышления.

— Ба! — произнес он. После этого перед ним, должно быть, возник образ прельстительной Мортемар, слышался ее презрительный смех и ее неподражаемый голос, потому что он опять успокоился. — Ба! — повторил он. — Мы можем положиться на нее, — он несколько раз покачал головой. — Но вы, мадам, как насчет вас? — он следил за ней краем глаза.

Каждый раз, когда он смотрел на нее, она замечала, что он все лучше и лучше осознает ее присутствие в своем доме в этот час — присутствие женщины, которая была одним из украшений двора и которой домогался король. Он изучал ее совершенство с некоторым удивлением, как будто видел ее впервые. В ее красоте нельзя было найти изъянов. Цвет лица у нее был несравненный, более золотистый, чем у многих блондинок, а зрачки ясных зеленых глаз были черными, как смоль. В Версале он смотрел на нее в придворном платье как на идола, который, бывало, заставлял Монтеспан белеть от ярости. Теперь, неодетая, она была вполне женственной и живой. Впервые в жизни пожалел он короля, бормоча про себя: «Бедняга! Если она в самом деле отказала ему...»

Анжелика не нарушала тяжелой тишины, установившейся между ними. Ей доставляло удовольствие поддерживать Мортемара в состоянии неопределенности; очень немногие могли похвастать этим. Сильные и импульсивные характеры представителей этого семейства, казалось, никогда не знали слабости. Можете ненавидеть или боготворить их — даже старейшую, аббатиссу Фонтеврало, которая своим лицом, закутанном в покрывала и платы, так напоминала изображения мадонны, что обворожила короля и очаровала его придворных. Года не остудили ее пыла, когда она читала отцов церкви, руководила монастырями и направляла своих монахинь на путь высшей добродетели.

Вивонн обладал лучшими достоинствами и худшими недостатками своих сестер — он был непостоянным и добродушным, колебался между грубостью и учтивостью, глупостью и гениальностью. Так же, как нечто вроде дружбы — дружбы между соперницами — влекло Анжелику к Атенаис, так же она всегда смотрела на герцога де Вивонна с полусерьезным интересом. Он казался сделанным из более деликатного материала, чем многие другие дворяне, которые ходили по следам своего хозяина и жили его подачками.

Она еще раз улыбнулась ему своей неуловимой улыбкой и подумала, что в конце концов и в самом деле сама похожа на этих ужасно жадных, глупых, красивых Мортемаров. Она медленно подняла руку, чтобы опереть на нее голову, и бросила на молодого человека дразнящий взгляд.

— Ну так что же насчет меня? — спросила она.

— Вы удивительная женщина, мадам. Или вы забыли, что пытались свергнуть мою сестру? Тем не менее, здесь вы теперь делаете нечто противоположное и пытаетесь дать ей преимущество. Что за этим стоит? Чего вы хотите добиться с помощью всех этих притворств?

— Ничего, кроме новых неприятностей.

— В самом деле?

— Имею ли я право на маленькие капризы, как любая другая женщина?

— Конечно! Но только выбирайте себе мишени. Король может достать вас издалека.

Анжелика надула губы.

— Разве я виновата, что мне не нравятся молчаливые мужчины со странными наклонностями, едва чувствующие юмор и до вульгарности мелочные в интимных делах.

— О ком вы говорите?

— О короле.

— Отлично! Вы заходите так далеко, что судите о нем?.. — Вивонн был явно оскорблен.

— Дорогой мой, когда дело доходит до постели, позвольте мне говорить как женщине, а не как подданной.

— К счастью, не все женщины рассуждают, как вы.

— Пусть подчиняются и терпят, если им это нравится. Но я этого не разделяю. Что касается меня, то титулы, милости, почести никогда не перевесят подчинения и унижения. Я с радостью оставляю все это для Атенаис.

— Вы... слов нет!

— Чего вы ожидали? Разве моя вина, что я предпочитаю веселых молодых людей с характером... Как вы, например. Мне нравятся обходительные мужчины, у которых хватает времени на женщин. К дьяволу всех этих преданных своему делу зануд, у которых нет времени ни на что, кроме дел. Я люблю тех, кто способен сделать шаг с дороги успеха, чтобы сорвать цветок.

Герцог де Вивонн отвел глаза, ворча:

— Теперь я понимаю вашу игру. На Крите вас ждет любовник, этакий молодец с роскошными усами, не интересующийся ничем, кроме женщин.

— Ошибаетесь. Я никогда не была на Крите, и никто меня там не ждет.

— Тогда зачем вы стремитесь в этот пиратский притон?

— Я уже говорила вам, у меня там дела. Кроме того, это, наверное, хороший способ заставить короля забыть меня.

— Он не хочет забывать вас! Вы думаете, такую женщину, как вы, легко забыть?

— Говорю вам, он забудет меня. С глаз долой — из сердца вон. Разве не так у вас, у всех мужчин? Он опять откроет свою Монтеспан и будет совершенно счастлив с

нею до конца жизни. Он не сложный человек и вовсе не сентиментален. — Герцог де Вивонн, у которого странным образом сжималось горло, теперь не мог не разразиться смехом: «Как безнравственны женщины!..» — Поверьте, король будет благодарен вам, если узнает, что вы пришли мне на помощь и тем самым избавили его от бесплодной страсти. Теперь ему не придется поступать как пирату и заточать меня в темницу. Пройдет время, и он будет смеяться над своим гневом, а Атенаис сумеет как следует воспользоваться местом, которое вы обеспечите ей, удалив особу, которую она наверняка хотела бы удалить.

— Но что если король не забудет вас?

— Ну, тогда у меня будет время изменить свое мнение. Быть может, я обдумаю все еще раз и найду ошибку в своих поступках. Преданность короля тронет мое сердце. Я упаду в его объятия и стану фавориткой, и... так или иначе, я не забуду вас. Поймите, вы должны думать о будущем. Помогая мне, вы сможете выиграть в обоих случаях, мой маленький придворный, — в последние слова она вложила достаточно презрения, чтобы уязвить его. Он вспыхнул до корней волос и надменно возразил:

— Уж не считаете ли вы меня негодяем, способным лизать чужие туфли?

— Никогда так не думала.

— Тогда поймите, что я так же способен высказать королю свое мнение, как и вы.

— Не сомневаюсь.

— Но не в этом дело, — резко ответил молодой адмирал. — Вы слишком легко забываете, мадам, что я команду эскадрой и что королевский флот завтра отправляется в военный поход, который, скажем так, связан с опасностью. На меня возложена ответственность наводить порядок в этом средиземноморском сумасшедшем доме именем короля

Франции. Мои приказы строги. Никаких пассажиров, тем более женщин.

— Господин де Вивонн...

— Нет, — взревел он, — помните, я хозяин на борту своего корабля и знаю, что я должен делать. Экспедиция на Средиземном море — это не прогулка по большому каналу. Я знаю, сколь важна моя миссия, и я уверен, что король говорил и действовал бы так же, как я сейчас.

— Вы думаете? Я, напротив, считаю, что король не будет совать свой нос в то, что я предлагаю вам, — она говорила серьезно. Вивонн опять изменился в лице. Кровь прилила к его вискам. Ему казалось, что сама жизнь поджидает его в мягком медленном колебании ее груди, виднеющихся через кружево сорочки.

Он потерял дар речи от удивления. Мадам дю Плесси-Белльер имела репутацию женщины надменной и недоступной. А она признавалась в своих капризах. Он был придворным и не мог допустить мысли, что ему предложат то, в чем было отказано королю. У него внезапно пересохли губы. Он проглотил свой коньяк и аккуратно поставил стакан на секретер, как бы опасаясь, что он выскользнет из рук.

— Давайте убедимся, что мы понимаем друг друга, — произнес он.

— Думаю, что понимаем... очень хорошо понимаем, — прошептала Анжелика. Она сложила губы бутончиком и смотрела ему прямо в глаза.

Он опустился на колени рядом с диваном, обнял ее за тонкую талию. С почтительным жестом, которого сам не ожидал от себя, наклонил голову, прикоснулся губами к ее бархатной коже чуть выше трепещущих груди и остался в этом таинственном мраке, вдыхая крепкий запах ее духов.

Она не шевелилась, только прикрыла веками сверкающее великолепие своих глаз.

Потом он почувствовал, что она прижимается к нему, ожидая его ласки. Его охватило бешеное желание овладеть этой золотистой плотью, слегка шероховатой, как тонкий фарфор. Он жадно покрывал поцелуями ее тело, ласкал ее гладкие округлые плечи, впадинку на шее, от теплоты которой у него закружилась голова.

Руки Анжелики заключили его в объятия. Потом она мягко положила ладонь на его щеку и заставила взглянуть на нее. Вивонну еще не приходилось встречать такое совершенное создание природы и испытывать такое возбуждающее восхищение.

— Вы возьмете меня на Крит? — спросила она.

— Думаю... думаю, что я не могу поступить иначе, — хрипло ответил он...

Анжелика знала все тонкости искусства случайных любовных встреч. Она обещала удовлетворить его, а он был слишком извращен, чтобы ограничиться пассивным любованием. Иногда ластясь и смеясь, иногда ожесточаясь, как дикое животное, она отдавалась ему, потом избегала его новых ласк, так что ему приходилось умолять ее, признаваясь, что он умирает от огорчения.

— Разве это мудро? — спросила она.

— Зачем нам думать об этом?

— Не знаю... вчера мы едва знали друг друга.

— Это неправда. Я всегда издали восхищался вами.

— А я должна признать, что находила вас весьма непривлекательным, но сегодня увидела как будто впервые. Вы намного более... зажигательны, чем я думала. Вы немного испугали меня.

— Испугал?

— Я так много слышала о жестокости Мортемаров.

— Чепуха! Забудьте свои страхи, милая.

— Но... месье! Ох! Дайте мне перевести дыхание, ради бога! Слушайте, у меня есть какие-то принципы. Есть вещи, которые нельзя делать ни с кем, кроме старого, хорошо знакомого любовника.

— Вы восхитительны! Я еще увижу, как вы забудете свои принципы. Как вы думаете, мне это удастся?

— Быть может. Не знаю.

Они долго страстно перешептывались в мерцающем полумраке при свете свечей. Анжелика уступала его мягким, но решительным атакам, хотя и трепетала в его объятиях, покоряющих ее, подчиняющих ее своей воле. Свеча догорела. Их окутала темнота, которая, казалось, еще сильнее вовлекла ее в его игру. Она позволяла себе вслепую скользить во все новые и новые глубины сладострастия. Забыв обо всем, она стонала от страсти, борясь и блаженствуя, и каждый раз боль отдавалась наслаждением.

Все еще сжимая ее, он заснул, но она не спала, несмотря на восхитительную усталость и томительное головокружение, охватившее ее. Уже недалеко было до рассвета, а она хотела застать момент, когда он откроет глаза, — хотя бы потому, что не полагалась на обещания мужчин после того, как их желания были удовлетворены.

Она лежала с открытыми глазами, глядя в темно-голубое покрывало ночи за открытым окном, через которое доносился сердитый рокот моря на покрытом галькой берегу. Механически она ласкала рукой жилистое тело спящего любовника, вспоминая, как несколько лет назад тосковала по нежности, лежа рядом с Флоримоном.

Дневной свет придавал небу серо-розовую, как грудка воркующего голубя, окраску, которая постепенно сменилась нежным зеленовато-белым мерцанием, напоминающим переливы перламутра.

Кто-то поскребся в дверь.

— Адмирал! — послышался голос камердинера. — Пора!

Вивонн проснулся сразу, как человек, привыкший к тревогам.

— Это ты, Жузеппе?

— Да, господин. Можно помочь вам одеться?

— Нет, я сам. Скажи турку, чтобы приготовил мне кофе, — понимающее улыбаясь Анжелике, он добавил: — Скажи ему, чтобы он принес две чашки и захватил пирожных.

Камердинер ушел.

Анжелика вернула Вивонну улыбку и положила ладонь на щеку своему любовнику.

— Как ты прекрасен! — сказала она.

От такого дружеского обращения по его телу пробежала дрожь восторга. Она отказала королю!

— Ты тоже прекрасна. Я, должно быть, заснул.

В полумраке, окутанная собственными длинными волосами, она казалась почти ребенком.

— Ты возьмешь меня на Крит?

— Конечно! — он казался оскорбленным. — Не такой же я мерзавец, чтобы не выполнить свои обещания после того, как ты так изумительно выполнила свои. Однако нужно поторопиться, потому что мы должны выйти не позже чем через час. Твой багаж с тобой или нужно послать за ним?

— Мой лакей будет ждать меня около причала с вещами. А пока я собираюсь обследовать этот шкаф, который так набит вещами, ласкающими женский взор. Это одежда твоей жены?

— Нет, — спокойно ответил Вивонн. — Мы с женой живем отдельно. Мы не виделись с тех пор, как эта гадюка в прошлом году попыталась отравить меня, чтобы заменить своим возлюбленным.

— Да, вспоминаю. Я слышала об этом при дворе, — она безрадостно засмеялась. — Бедняжка, какой ужас!

Она действительно отравила тебя?

— Меня рвало, как собаку.

— Все уже позади, — мягко сказала Анжелика, поглаживая его по щеке. — Так эти наряды принадлежали твоим любовницам, которые, судя по всему, столь же разнообразны, сколь многочисленны. Но не буду жаловаться. Я должна найти то, что мне нужно, — она опять рассмеялась. После любовных забав ее тело сохранило пряный аромат, и, когда она проходила мимо, он инстинктивно обнял ее и притянул к себе. Но она со смехом освободилась. — Нет, мой повелитель. Мы торопимся. Мы еще встретимся позже.

— Ну, — поморщился он. — Не знаю, насколько ты осведомлена о комфортабельности галеры.

— Пустяки! У нас найдется масса возможностей пообниматься. Разве ты никогда не заходишь в порты? И разве нет в Средиземном море островов с чистой голубой водой и мягкими песчаными пляжами?

Он глубоко вздохнул.

— Будь спокойна. Ты свела меня с ума, — он со свистом натянул шелковые чулки и надел голубые бархатные штаны, потом подошел к двери в ванную. Она налила в мраморный таз воды из графина и плескала ее на себя. — Позволь мне смотреть на тебя, — взмолился он.

Она снисходительно взглянула на него через мокрое плечо.

— Как ты молод!

— Наверное, не моложе тебя. Я дошел до того, что прибавляю себе три или четыре года. Если не ошибаюсь, первый раз я увидел тебя — да, именно так, — когда король вступал в Париж. Ты сверкала неукротимой свежестью своих двадцати лет. Мне тогда было двадцать четыре, и хотя я был взрослым мужчиной, умудренным опытом, я тогда начал понимать, что на самом деле не знаю ничего.

— Но я состарилась быстрее, — весело ответила Анжелика. — Я ужасно стара. Мне сотня лет.

Турок в зеленом тюрбане, с лицом, как будто сделанным из печеного теста, принес медный поднос, на котором стояли крошечные чашки с черным дымящимся напитком. Анжелика узнала в нем тот настой, который она пила вместе с персидским послом Бахтияром-беем, и узнала запах, пропитавший весь Левантийский квартал Марселя. Анжелика едва пригубила его — так отталкивал ее этот горький запах. Однако Вивонн одну за другой выпил несколько чашек и спросил, готова ли она отправляться.

Анжелику опять охватила паника. Что, если полиция все еще подстерегает ее в спящем городе?

Однако адмиральский дом, к счастью, примыкал к арсеналу, и чтобы попасть на причал, им пришлось просто пересечь внутренний двор.

Вдали поджидали галеры. Золотые и белые шлюпки пересекали гавань, направляясь к причалу. Анжелика боялась, что лишится чувств, дожидаясь, пока они подойдут к берегу. Камни Марселя жгли ей ноги. В любой момент появление Дегре могло разрушить все ее планы и надежды. Она то и дело оглядывалась на молы, причалы, стапели, на гавань и на тонущий в коричневом тумане город.

Пока Вивонн разговаривал со своими офицерами, слуги перетаскивали багаж в шлюпку.

— Кто это там идет?

Анжелика обернулась. От каких-то тюков робко отделились две тени и направились к ним. Она глубоко вздохнула, с облегчением узнав Флипо и Савари.

— Вот моя свита, — представила она. — Мой врач и мой лакей.

— Пусть сядут в шлюпку. И вы тоже, мадам.

Им еще пришлось подождать, пока шлюпка качалась и билась о причал. Кто-то забыл карты, и

пришлось вернуться за ними.

Порт просыпался. Рыбаки, несшие сети, спускались по трапам в свои смаки. Другие вылезали из стоящих на якоре лодок, чтобы на берегу поджарить себе завтрак на жаровне братьев-капуцинов.

Греческая, а может быть, турецкая проститутка принялась танцевать, полыхая своими покрывалами и поднимая руки с медными кастаньетами. Здесь было не место, да и не время привлекать мужчин своими чарами, но может быть, танцем она просто приветствовала восходящее солнце после убогой ночи в восточном квартале. Экзотический звук ее кастаньет казался неуместным на почти пустынном берегу.

Весла маленькой шлюпки с плеском выскочили из воды, потом погрузились в нее снова. Скоро они уже плыли по волнам, и Анжелика могла видеть первые лучи восходящего солнца на башне Сен-Жан.

Анжелика бросила назад последний взгляд. Марсель отступал. Но ей казалось, что она узнает силуэт человека, появившегося на причале. С такого расстояния она не могла разглядеть его лица, но была уверена, что это Дегре. Слишком поздно!

«Я выиграла, господин Дегре», — подумала она, дрожа от сознания своего триумфа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
КРИТ

Глава 6

Анжелика задумчиво рассматривала золотые кисточки навеса табернакля; галера качалась на волнах и плясала в кильватерной струе. Шесть галер шли под свежим попутным ветром, их длинные бушприты вздымались и опускались, описывая изящные кривые, ярко расцвеченные корпуса склонялись над волнами. Украшенные золочеными фигурами носы весело разрезали волны, а на резной корме каждой галеры сверкали глазами трубящие в раковины тритоны, увенчанные розами купидоны и полногрудые сирены, и их золоченые тела, то погружались в воду, то выныривали из нее. На мачтах весело хлопали вымпелы и стяги. Полы тента были сдвинуты назад, и морской воздух, несущий запахи мирта и мимозы, дразнил ноздри.

Герцог де Вивонн убрал табернакль в восточном стиле — коврами, низкими диванами и подушками — и превратил его в кают-компанию для офицеров. Анжелика сочла ее комфортабельной и предпочитала сидеть здесь, а не в узкой каюте в межпалубном пространстве, показавшейся ей совсем унылой. На корме непрерывный звон гонгов надсмотрщиков и хриплая ругань солдат тонули в плеске волн, разбивавшихся о корпус, и хлопках парусины. В кают-компании она чувствовала себя почти как в гостиной.

В нескольких шагах от нее молодой офицер, господин де Миллеран, осматривал берег в подзорную трубу. Он по молодости лет был еще безбород, но высок и хорошо сложен. Адмирал, его отец, обучал его традициям королевского флота и, только что окончив школу и будучи строгим блюстителем правил, он не одобрял присутствия женщины на корабле. Его никто не

видел улыбающимся, и он шагал надменно, старательно избегая общества других молодых офицеров, которые в определенные часы собирались вокруг Анжелики. Они были далеко не так строги, как он, и откровенно наслаждались ее обществом, которое вносило в их экспедицию какую-то прелесть.

Береговая линия представляла собой отвесные скалы пурпурного цвета, за которыми поднимались горы, покрытые темно-зеленой растительностью — низкими кустами и ароматными растениями. Несмотря на приятный колорит, местность имела дикий вид — ни черепичной крыши, ни парусной лодки в голубых бухтах, окруженных розовыми скалами, очаровательными и зовущими, как шкатулки для драгоценностей. Только изредка виднелся красивый маленький городок, окруженный валами. Появился герцог де Вивонн, расточающий улыбки. За ним следовал негритенок, несущий коробку с конфетами.

— Что вы делаете, дорогая? — спросил он, целуя Анжелике руку и садясь подле нее. — Не хотите ли восточных сладостей? Заметили что-нибудь, Миллеран?

— Нет, ваше превосходительство, за исключением того, что берег пустынен. Рыбаки оставили свои уединенные деревни, прячась от берберов, которые пришли сюда за рабами. Они, должно быть, нашли убежище в городах.

— Мы как раз проходим Антиб, не так ли? Немного везения — и к вечеру сможем воспользоваться гостеприимством моего хорошего друга, князя Монако.

— Да, ваше превосходительство, при условии, что в наше путешествие не вмешается другой наш хороший друг — я имею в виду Рескатора.

— Вы увидели что-нибудь? — повторил Вивонн, поднимаясь на ноги и принимая подзорную трубу от офицера.

— Нет, конечно. Но именно это и удивляет меня — ведь мы знаем его.

Помощник Вивонна, господин дела Броссадьер, в сопровождении двух других старших офицеров, графа де Сен-Ронана и графа де Лаганеста, вошел под тент, за ними — Савари. Появился слуга-турок и с помощью молодого раба принялся готовить кофе, в то время как господа уселись на подушках.

— Хотите кофе, мадам? — спросил Анжелику де Броссадьер.

— Не знаю. Думаю, я привыкну к нему.

— Привыкнув, вы не сможете без него обходиться.

— Кофе хорош, чтобы удерживать внутренности в животе и не давать им подниматься к голове, — педантично заметил Савари. — Магометане любят его не столько за его медицинские свойства, сколько в силу традиций — архангел Гавриил придумал его, чтобы поддержать силы великого Магомета. Сам пророк заявил, что не было случая, чтобы он пил кофе и не чувствовал достаточно сил, чтобы победить сорок мужчин и справиться с сорока женщинами.

— Тогда давайте пить кофе! — весело воскликнул Вивонн, бросая на Анжелику горячий взгляд.

Эти здоровые молодые люди глядели на нее, не стараясь скрыть своего восхищения. Она действительно великолепно выглядела в бледно-лавандовом платье, открывающем красоту ее кожи, румяной от морского ветра, и светлые локоны. Милостивой улыбкой она благодарила мужчин за восхищение, которое читала в их глазах.

— Помнится, я пила кофе с Мохаммедом-беем, персидским послом, — сказала она.

Молодой раб расстелил дамасские салфетки с золотой бахромой, турок налил кофе в чашечки из тонкого фарфора, негритенок принес два серебряных

блюда — одно с кусками белого сахара, другое с зернами кардамона.

— Возьмите сахар, — посоветовал ла Броссадьер.

— Натрите в него немного кардамона, — предложил Сен-Ронан.

— Пейте очень медленно, но не давайте ему остыть.

— Кофе всегда нужно пить обжигающе горячим.

Все пили кофе маленькими глотками. Анжелика поступила, как ей советовали, и обнаружила, что если кофе сам по себе и неприятен, то аромат его восхитителен.

— Наше плавание начинается с отличных предзнаменований, — самодовольно заявил ла Броссадьер. — Нам повезло, у нас на борту одна из королев Версаля; к тому же я слышал, что Рескатор отправился навестить своего союзника, султана Марокко. Пока его нет, Средиземное море будет мирным.

— Что это за Рескатор, который так занимает ваши мысли? — спросила Анжелика.

— Один из бандитов вне закона, которых мы должны выследить и захватить, — спокойно ответил Вивонн.

— Он турецкий пират?

— Пират-то он пират, но турок или нет — не знаю. Кое-кто говорит, что он один из братьев султана Марокко, другие настаивают на том, что он француз, потому что он очень гладко говорит на нашем языке. Я скорее склоняюсь к мысли, что он испанец. Трудно остановиться на каком-либо мнении, потому что он всегда носит маску, а это не необычно для ренегатов-христиан. Они часто калечат себя, чтобы не быть узнаваемыми после того, как отреклись от своей религии. Говорят также, что это немой с вырезанным языком и рваными ноздрями. Кто знает? Те, кто говорят, что он мавр или испанский мавр, считают его жертвой

инквизиции. Те же, кто считает его испанцем, обвиняют мавров за то, что те искалечили его. В любом случае вряд ли он хорошо выглядит, потому что никто не может похвастаться, что видел его без маски.

— Но это не мешает ему пользоваться большим успехом у дам, — со смехом сказал ла Броссадьер. — Я слышал, что в его гарем входят несколько бесценных красавиц и что на аукционе рабов он соперничал с самим Константинопольским султаном. Начальник белых евнухов султана — знаете, этот красавец Шамиль-бей с Кавказа — никогда не простит Рескатору, что тот перебил ему цену при торгах за голубоглазое сокровище — черкешенку.

— У нас слюнки текут, — сказал Вивонн, — но следует ли рассказывать такие истории при даме?

— Я не слушаю, — заявила Анжелика. — Пожалуйста, продолжайте свои средиземноморские сказки, господа.

Ла Броссадьер сказал, что эту историю он слышал от рыцаря Мальтийского ордена Балиффа Альфредо ди Вакузо, итальянца, которого встречал в Марселе. Рыцарь возвращался с Крита, где он сам забрал нескольких рабов, и он очень живо вспоминал тот аукцион, на котором Рескатор один за другим бросал мешки с золотом к ногам черкесской красавицы, пока они не достигли ее колен.

— Он наверняка богат? — сказал Вивонн в одном из неожиданных приступов гнева, когда он наливался кровью до самого парика. — Совершенно ясно, что он вовсе не так называемый Рескатор. Вы, наверное, знаете, что значит это имя, мадам?

Анжелика покачала головой.

— По-испански это означает торговец контрабандными деньгами, фальшивомонетчик. Были времена, когда они действовали практически повсюду, маленькие мастера, которые не представляли ни

опасности, ни даже беспокойства, но теперь существует только один — Рескатор, — он торжественно углубился в размышления по этому поводу. Миллеран, молодой лейтенант, весьма сентиментальный и робкий от природы, набрался смелости и вступил в разговор:

— Вы говорите, рваные ноздри не мешают Рескатору пользоваться успехом у женщин, но эти пираты имеют дело только с женщинами, которых они покупают или берут силой, так что мне кажется, что нельзя судить об его обольстительности просто по числу его жен. Возьмите хотя бы этого алжирского ренегата, Меццо-Морте, эту жирную свинью, крупнейшего работорговца на всем Средиземноморье. По его виду никому и в голову не придет, что найдется хоть одна женщина, которая отдастся ему из любви, тем более — из симпатии.

— Лейтенант, — начал ла Броссадьер, — в ваших словах есть логика, но вы делаете две ошибки. Во-первых, Меццо-Морте, хотя он и крупнейший работорговец на Средиземном море, не имеет женщин в гареме, потому что предпочитает маленьких мальчиков. Говорят, он держит больше пятидесяти мальчиков в своем дворце в Алжире. Во-вторых, у Рескатора действительно репутация человека, любимого многими женщинами. Он покупает их во множестве, но удерживает только тех, кто по доброй воле предпочитает жить с ним.

— А что он делает с остальными?

— Отпускает их на свободу. Это его хобби. Он освобождает всех своих рабов, мужчин и женщин, если ему этого хочется. Не знаю, насколько это соответствует истине, но это входит в легенду о нем.

— Легенду! — проворчал Вивонн озлобленно. — Эта часть легенды — правда. Он действительно освобождает своих рабов. Я сам видел.

— Может быть, он делает это в компенсацию за отречение от веры, — предположила Анжелика.

— Может быть, но скорее — просто для того, чтобы создать беспорядок. Он делает это, чтобы... всех смутить! — взрычал Вивонн. — Для собственного развлечения, вот именно, для собственного развлечения. Вы помните, Грамон, когда вы были в моей эскадре в битве у мыса Пассаро, эти две галеры, которые он захватил? Вы знаете, что он сделал с четырьмястами каторжниками, находившимися на них? Расковал их и высадил в Венеции. Представляете, как рады были венецианцы этому подарку! Возник международный конфликт, и его величество не без иронии заметил мне, чтобы я, когда позволяю захватывать свои галеры, выбирал бы в победители нормального работорговца.

— Ваши рассказы занимательны, — сказала Анжелика, — похоже, что на Средиземном море много интересных личностей?

— Да поможет вам небо, если вы встретите кого-нибудь из них. Неважно, простые ли это искатели приключений или ренегаты-христиане, работорговцы или обычные купцы, — всякого, кто уходит к нехристям, чтобы противостоять мальтийским рыцарям или королю Франции, следует сжигать на костре. Вы еще должны услышать о маркизе д'Эскранвиле, французе; или о датчанине Эрике Янсене; или о Меццо-Морте, которого здесь уже упоминали; или о братьях Сальвадор, испанцах; или о многих других, не столь известных пиратах, Средиземное море кишит ими. Но хватит, мы достаточно говорили об этих подонках. Становится прохладно, и мне кажется, самое время проверить галеру. Я пойду посмотрю, все ли в порядке, — адмирал ушел, а за ним покинули Анжелику и другие офицеры, возвращаясь на свои посты.

А потом Анжелика заметила Флипо. Маленький лакей, должно быть, прибежал по трапам из люка, потому что задыхался и побледнел, и он смотрел на свою хозяйку расширившимися от ужаса глазами.

— Что с тобой? — накинулась она на него.

— Там, — пробормотал он, — я видел его.

Она бросилась к нему, схватила за плечи и встряхнула.

— Что? Что ты видел? Кого? — она настолько была уверена, что видела Дегре на набережной при отплытии, что подумала было, не выскочит ли он сейчас перед ней, как чертик из табакерки. — Скажи же что-нибудь, — велела она Флипо.

— Я видел его... видел... надсмотрщика. Ах, госпожа маркиза... Он напугал меня до смерти... я не могу... не могу сказать вам... там... внизу, где рабы, — он сдерживал рвоту и, освободившись из ее рук, подбежал к фальшборту, и его вырвало.

Анжелика успокоилась. Бедный мальчик еще не обвыкся в море. Вид каторжников и вонь, исходившая из трюма, подействовали на него ужасающе. Анжелика попросила турка налить ей чашку кофе.

— Остайся здесь, — сказала она Флипо. — Свежий воздух поможет тебе.

— О боже, видеть это! — повторял он. — У меня кровь застыла...

— Все будет сделано, — проговорил герцог де Вивонн, возвращаясь. — Через несколько дней мы будем готовы встретить бури. Мадам, осмотрим галеру, которую вы почтили своим присутствием.

Золоченые поручни табернакля и алые парчовые занавески отделяли небо от преисподней. Как только Анжелика сошла с кормы, ветер донес до нее снизу отвратительный запах галерных рабов, то склоняющихся над веслами, то выпрямляющихся в медленном монотонном ритме, от которого у нее

кружилась голова. Герцог де Вивонн протянул руку, чтобы помочь ей спуститься с трапа, а потом повел ее по кораблю.

Переходный мостик шел почти по всей длине галеры. По обеим сторонам от него проходили вонючие трюмы, в которых находились скамейки каторжников и рабов. Здесь не было ни ярких красок, ни позолоты — только грубое дерево скамеек, к которым гребцы были прикованы по четыре.

Адмирал продвигался вперед медленно, с важностью, чтобы все видели его стройные икры, облаченные в красные шелковые чулки с золотыми стрелками, и заботливо ставя изящные башмаки с алыми каблуками на скользкие доски. Костюм его был сшит из голубой парчи с широкими красными отворотами; вокруг талии был повязан широкий белый пояс с золотой каймой. Жабо и манжеты были сделаны из драгоценных кружев; шляпу украшало такое количество страусиных перьев, что на ветру она походила на гнездо с взлетающими из него птицами. Он часто останавливался, чтобы проверить все досконально. У камбуза на правом борту, где готовили пищу для гребцов, он задержался надолго. Над небольшим очагом висели два гигантских котла, в которых варилась плохая картошка и кипел суп из черных бобов — дневной рацион гребцов.

Вивонн попробовал суп и нашел его отвратительным. Он постарался объяснить Анжелике, что сам проследил за усовершенствованием этого камбуза.

— Прежний очаг весил пять тысяч фунтов. Он не был закреплен, и в шторм ближайшие гребцы обычно бывали ошпарены. Как видите, теперь я сделал его ниже и легче.

Анжелика сделала неопределенно-одобрительный жест. Ее тошнило от вони, исходящей от гребцов, к

которой добавлялся далеко не аппетитный запах супа. Но Вивонн, счастливый от того, что она находится рядом с ним, и гордый своим кораблем, не замечал ее состояния. Ей приходилось восхищаться красотой и мореходными качествами двух спасательных шлюпок, изящными линиями пинассы и тузика и хвалить расстановку вертлюжных пушек на шкафуте.

Для размещения моряков оставался только узкий шкафут у орудий. Там едва хватало места, и им приходилось стоять согнувшись или сидеть весь день, чтобы не накренить тяжелый корабль. У них не было другого развлечения, кроме как осыпать проклятиями каторжников внизу или перекрикиваться со стражниками и надсмотрщиками. Дисциплину поддерживать было трудно.

Вивонн объяснил, что гребцы работают в три смены, каждая под руководством надсмотрщика. Обычно гребут две смены, а третья отдыхает. Гребцов набирают по тюрьмам Франции и из иностранных пленных.

— От гребца требуется большая сила, это должен быть убийца или вор. Каторжники, которых нам присылают из тюрем, мрут как мухи, потому что им недостает мускулов. Поэтому здесь так много турок и мавров.

Анжелика разглядывала группу людей с длинными светлыми бородами, у большинства из которых на шее висели деревянные крестики.

— Эти не похожи на турок, и у турок на груди не должны висеть кресты.

— Это пленники турок. На самом деле это русские, которых мы купили у турок. Они превосходные гребцы.

— А те, за ними, с длинными бородами и большими носами?

— Это грузины с Кавказа, купленные у мальтийских рыцарей. Это добровольцы. Мы нанимаем их в качестве

загребных, потому что они чрезвычайно сильны. Они поддерживают дисциплину в походе.

Анжелика наблюдала, как сгибаются их спины в красной одежде и как они потом откидываются назад, показывая лица с открытыми от напряжения ртами. Еще более отталкивающим, чем тяжелый запах пота и грязи, было жестокое выражение их лиц, когда глаза гребцов устремлялись наверх, на женщину, как будто она была привидением.

На ней было платье нежно-зеленого цвета и громадная шляпа с перьями, колыхавшимися на ветру. Неожиданный порыв ветра вскинул ее юбку так, что расшитые фестоны задели лицо каторжника, прикованного около мостика. Быстро повернув голову, он захватил материю зубами.

Анжелика с ужасом вскрикнула и дернула юбку, чтобы высвободить ее. Гребец разразился диким хохотом.

Надсмотрщик бросился к ним, высоко подняв плеть, и опустил ее на голову каторжника; но тот не разжимал зубов. Спутанные волосы под зеленым колпаком наполовину прикрывали дьявольский блеск его глаз, настолько дерзкий, жестокий и пристальный, что он невольно очаровал Анжелику. Внезапно она вздрогнула, и кровь отлила у нее от лица. Этот жадный, дразнящий, как у волка, взгляд не был ей незнаком.

Два других стражника перегнулись в трюм и били гребца дубинками и кулаками до тех пор, пока не выбили ему зуб. Наконец они забросили его залитое кровью тело под скамью.

— Извините, ваше превосходительство. Извините, мадам, — твердил стражник, ответственный за смену. — Это один из самых худших, совершенно неуправляемый смутьян. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту.

Герцог де Вивонн посинел от ярости.

— Привяжите его на час к бушприту. Небольшая ванна его успокоит, — он обнял Анжелику за талию. — Идем, дорогая. Прошу прощения.

— Все в порядке, — ответила она, вновь обретая присутствие духа. — Он напугал меня, но теперь все прошло.

Когда она удалялась, из трюма донесся хриплый крик:

— Маркиза ангелов!..

Смертельно побелев, Анжелика обернулась. На краю мостика к ее ногам вслепую тянулись, как когти, две скованные руки. На отвратительно распухом лице, повернутом к ней, она вдруг увидела только два черных глаза, глядящих на нее из глубины ее прошлого.

Никола! Это был пастушок, сын одного из слуг ее отца, с которым она водилась в детстве и который еще раз повстречался ей под именем Каламбрден на парижском «дне».

Адмирал Вивонн помог ей вернуться под тень навеса на корме.

— Мне следовало бы побольше заниматься этими собаками. Человек — не слишком приятный объект для наблюдения с мостика над трюмом галеры. Конечно, для дам здесь нет ничего интересного, но многие из моих знакомых дам любят это зрелище. Я не думал, что вы так чувствительны.

— Ничего, — ответила Анжелика. Ее тоже тянуло к рвоте, точно так же как незадолго до этого Флипо, когда он узнал среди гребцов Никола Каламбрдена, некогда первого человека на «Дворе чудес» и известного грабителя из Пон-Нёф, которого после стычки на Сен-Жерменской ярмарке все считали мертвым и который уже десять лет искупал свои преступления на скамье королевской галеры.

— Милая моя, что с тобой? Ты выглядишь такой печальной, — герцог де Вивонн наклонился над ней, воспользовавшись тем, что застал ее одну. Он стоял позади нее, любуясь дорожкой от заходящего солнца на волнах. Она так глубоко задумалась, что он встревожился.

Анжелика обернулась и сжала его за сильные плечи:

— Поцелуй меня, — прошептала она. Она нуждалась в прикосновении чистоплотного сильного человека, чтобы рассеялись призраки нищеты, преследовавшие ее в течение последних часов. Непрестанное гудение гонга падало на ее сердце свинцовым дождем, пробуждая в ней ощущение безнадежности, неизбежной предопределенности. — Поцелуй меня.

Когда он коснулся ее губ, она горячо обняла его. Ей хотелось погрузиться в забытие.

Он целовал ее снова и снова, желание вспенивало кровь, текущую по его жилам, как горный поток. Его рука скользнула с ее талии на грудь, и он гладил идеальные полушария ее груди, дрожа от возбуждения, как будто ему было мало ее тела. Она тесно прижалась к нему.

— Нет... слушай, дорогая, — сказал он, отодвигаясь от нее и тяжело дыша. — Не сегодня. Это невозможно. Мы должны быть начеку. В море полно опасностей.

Она не настаивала, только прижалась лбом к его золотому эполету, который слегка царапал ей кожу, но от этой боли ей становилось легче.

— Опасностей? — переспросила она. — Приближается шторм?

— Нет, но пираты у нас на хвосте. Пока мы не придем на Мальту, нам надо быть готовыми к бою. — Он снова сильно прижал ее к себе. — Не знаю, что ты со мной делаешь, — сказал он. — Ты зажигаешь меня таким желанием. Ты такая изменчивая, настолько полна тайны и неожиданностей. Иногда ты так лучезарна, что

все мы словно ручные овечки в сиянии твоих глаз и улыбок. Но теперь я вижу тебя слабой и беспомощной, как будто тебя объял ужас перед чем-то, что может повредить тебе. Я хочу защитить тебя от этого, — я не испытывал такого чувства ни к кому, кроме маленьких детей, — он мягко отстранил ее и поставил локти на поручень. Время от времени разбивавшаяся о борт волна обдавала брызгами его лицо, охлаждая пламя, которое Анжелика зажгла на его губах, еще хранящих тепло ее рта. Ему хотелось еще коснуться ее губ, почувствовать, как они раскрываются для него, ощутить своими зубами барьер ее зубов, барьер, благодаря которому это прекрасное лицо уступало с еще большим сладострастием, откидываясь назад с закрытыми глазами, отвечая на его ласки.

Женщина, которая умеет так целоваться! Женщина, которая так искренне смеется и плачет — из самой глубины своего сердца! Его не заботило, насколько она чувствительна и ранима. И все же он не мог забыть, что в вероломном, безжалостном соперничестве она заставила неукротимую Атенаис склониться перед собой.

Такие мысли огорчали его. Ему нужно было знать, что кроется за ее настроением.

— Я знаю, почему ты так печальна, — сказал он. — Знаю с того самого момента, когда впервые ты заговорила со мной о своем сыне. Ты думаешь о нем, не так ли, — о мальчике, которого ты доверила моим заботам и который утонул во время сражения?

Анжелика закрыла лицо ладонями.

— Да, — произнесла она приглушенным голосом. — Так и есть. Вид этого ослепительного голубого моря, которое отняло у меня сына, терзает меня.

— Это все этот дьявол Рескатор. Мы огибали мыс Пассаро, когда он устремился на нас, как морской орел. Никто не видел его приближения, потому что он не

ставил верхних парусов и мог долго оставаться незамеченным благодаря бурному морю. Когда мы наконец увидели его, он был уже совсем рядом. Его двенадцать пушек дали только один залп, и мы потеряли две галеры. Рескатор послал своих янычар на борт «Фламандии», где находились мои приближенные, в том числе и маленький Кантор... Быть может, мальчик перепугался при виде закованных рабов, дерущихся в трюмах, или мавров с их кривыми саблями. Мой оруженосец слышал, как он кричал: «Папа, папа!». Кто-то из своих схватил его, чтобы вытащить...

— Дальше?

— Галера переломилась надвое и на удивление быстро затонула. Даже мавры из абордажной команды были смыты в море. Пираты выловили их, а мы сделали то же самое со своими людьми, еще державшимися на воде. Но почти все мои приближенные погибли — капеллан, мальчишки-певцы, четыре камердинера, — и прекрасный ребенок с голосом, как у соловья...

Лунный свет упал на табернакль, превратив слезы на глазах у Анжелики в жемчуга. Он страстно говорил ей, как ему нравится видеть ее плачущей, потому что она имеет такую власть над сердцами мужчин. В чем ее тайна? Он лишь смутно припоминает давний-давний скандал, что-то насчет колдуна, сожженного на Гревской площади...

— Кто был его отцом? Тем, кого мальчик звал, когда тонул? — спросил он прямо.

— Он исчез много лет назад.

— Умер?

— Возможно.

— Смешно, как это люди думают о таких вещах перед смертью. Даже ребенок знает, когда он умирает, — он глубоко вздохнул. — Я любил этого маленького пажа. Ты не возненавидела меня за то, что случилось с ним, а?

Анжелика сделала жест покорности судьбе:
— С чего бы, господин де Вивонн? Это не ваша вина.
Проклинать надо войну — или жизнь, такую жестокую,
такую бессмысленную.

Глава 7

Перед отходом из Специи, где французская эскадра была радушно принята родственником герцога Савойского, Анжелике показалось, что меры предосторожности становятся строже. Адмирал Вивонн, хотя и был человеком капризным, становился, если того требовали обстоятельства, дальновидным и дотошным морским командиром. И хотя вторая галера эскадры уже отплыла, он стоял на табернакле «Ройяла» и наблюдал за ней.

— Броссадьер, прикажите ей немедленно вернуться!

— Однако, ваше превосходительство, это произведет наихудшее впечатление на итальянцев, которые наблюдают за нашим отплытием.

— Как будто меня заботит, что подумают о нас эти пироженки! Я заметил, а вы этого, видимо, не замечаете, что «Дофин» накренился до самых бортов. Его груз расположен слишком высоко. Уверен, что его трюм пуст. Он перевернется при первом же шквале.

Его заместитель подчеркнул, что продовольствие нужно хранить на палубе, в трюме оно отсыреет, особенно мука.

— Лучше подмокшая мука, чем еще один тонущий корабль, как мы недавно потеряли один прямо в Марсельской гавани.

Ла Броссадьер отправился выполнять приказы. Другая галера, «Флер д'Лиз» выходила в море.

— Броссадьер, усильте гребцов в середине корабля!

— Это невозможно, адмирал. Вы знаете, там мавры, которых мы захватили на этой лодке с контрабандным серебром.

— Еще союзники Рескатора! Это вызывает тревогу, и они упрямы к тому же. Проследите, чтобы они получили по две плети и были посажены на хлеб и воду.

— Уже сделано, ваше превосходительство, и врач говорит, что нам нужно оставить некоторых из них на берегу, так они слабы.

— Доктор пусть думает о своих делах. Я никогда не ссажу на берег людей Рескатора, и вы знаете, почему.

Бросадьер кивнул. Люди Рескатора, в каком бы состоянии они ни находились, исчезали, будто по волшебству, едва коснувшись земли. Возможно, они сами искали пути к побегу, тем более что хозяин платил особое вознаграждение каждому, кто доставлял ему его людей. Это были отборные моряки, но в плену они оказывали большее пассивное сопротивление, чем другие пленные.

— А теперь мы выходим в открытое море, — заявил Вивонн, когда шесть других галер покинули гавань. — Наконец-то! Уже дней десять, с тех пор, как мы вышли из порта, мне кажется, что галеры не способны ни на что другое, кроме как тащиться вдоль берега. Поднять грот! — крикнул он.

Приказ передавался с галеры на галеру.

Матросы тянули канаты; свернутые паруса с пушечным звуком разворачивались, когда ветер наполнял их.

Для Анжелики это был первый выход в море. Берега Тоскании исчезли позади, и куда бы она ни посмотрела, всюду перед глазами была одна вода.

Еще до полудня раздался возглас впередсмотрящего: «Земля! земля!»

— Это остров Горгона, — объяснил Анжелике герцог де Вивонн. — Посмотрим, не прячутся ли там пираты.

На подходе к острову французский флот выстроился полумесяцем, окружая его. Остров был скалистым и бесплодным, его побережье изобиловало мысами.

Кроме трех рыболовных судов из Генуи и двух — турецких, ставивших сети на тунца, здесь не было никаких признаков пиратов. Остров был почти необитаем. Несколько коз паслось на скудной растительности, и Вивонн хотел купить их, но старшина рыболовов отказал, потому что они были единственным источником молока и сыра.

— Скажите им, — приказал Вивонн одному из своих офицеров, говорившему по-итальянски, — что у них, по меньшей мере, должна быть свежая вода.

— Они говорят, что у них нет.

— Тогда поймайте коз.

Матросы, перескакивая по скалам, убили животных из своих пистолетов. Вивонн вызвал старшину рыбаков и предложил ему денег за коз, но тот отказался взять их. Адмирал на всякий случай приказал вывернуть ему карманы. Несколько золотых и серебряных монет вывалилось на палубу. Вивонн вышвырнул его за борт. Он поплыл к своей лодке.

— Пусть они скажут, кто дал им эти деньги, и мы оставим им сыра и вина в уплату за коз. Мы не грабители. Переведите.

Рыбаки не выглядели ни удивленными, ни враждебно настроенными. Анжелике они казались вырезанными из обугленного дерева, таинственными, как черная пресвятая дева, которую она видела в маленьком святилище Нотр-Дам де Ла Гард в Марселе.

— Готов поручиться, что эти так называемые рыбаки только притворяются, что вышли на тунца. Они здесь для того, чтобы известить врага о нашей экспедиции.

— Они кажутся безобидными.

— Я их знаю, хорошо знаю, — говорил де Вивонн, делая угрожающие жесты в сторону невозмутимых рыбаков. — Все они — шпионы на службе у всех разбойников этих широт. Это деньги Рескатора.

— Вы видите врагов повсюду, — заметила Анжелика.

— Это моя обязанность как охотника за пиратами.

Ла Броссадьер подошел, чтобы обратить их внимание на закат, но не потому, что фиолетовое небо с пурпурными полосками окаймленных золотом облаков казалось ему красивым:

— Дня через два мы захватим южный ветер. С нашей стороны было бы разумно вернуться ближе к берегу.

— Никогда! — ответил Вивонн.

Побережье принадлежало герцогу Тосканскому, который, являясь обещающим союзником Франции, в то же самое время давал в Ливорно убежище англичанам и голландцам, а особенно — берберам. Ливорно являлся важнейшим после Крита невольничьим рынком. Если они придут туда, им либо нужно будет всерьез продемонстрировать мощь флота, либо делать вид, будто они ничего не замечают. Его величество предпочитал оставаться в хороших отношениях с Тосканией. Поэтому им следовало ограничиться просто обследованием островов.

— Мы направимся на юг, и мадам дю Плесси сможет увидеть и доложить королю, что галера способна идти в открытое море ночью под всеми парусами.

На самом деле к ночи ветер спал, и корабль шел под веслами. Вахта из предосторожности была удвоена. Однако гребла лишь одна смена гребцов. Они работали в свете ламп, которые отбрасывали тени непрерывно движущихся по мостику надсмотрщиков. Остальные каторжники спали в грязи под своими скамьями.

На другом конце галеры Анжелика пыталась отогнать от себя мысли об этих страдальцах, находящихся всего в нескольких шагах от нее. Она так и не вернулась на мостик, а значит, не могла дать Никола понять, что узнала его. Он принадлежал к самой

горькой странице ее жизни, ужасы которой затмили даже воспоминания детства, когда они впервые близко познакомились. Она разорвала эту страницу, уничтожила ее, и ей не следует допускать даже малейшей возможности, что ее можно оживить. Тягучие часы путешествия были пыткой для нее, стремящейся поскорее попасть на Крит.

Из-за отражения фонарей в волнах голубая глубина казалась почти фосфоресцирующей. Каждый удар весел оставлял за собой светящийся свет. На корме кораблей горели огромные сигнальные фонари из золоченого дерева и венецианского стекла, имевшие форму человека, — в этих фонарях каждую ночь сгорало двенадцать фунтов свечей.

Она слышала доклад лейтенанта Миллерана адмиралу. Моряки выражали неудовольствие необходимостью провести ночь на борту, в тесных помещениях.

— О чем они ворчат? На них нет цепей, а вечером они получили отличную тушеную козлятину. Война есть война. Когда я был полковником кавалерии, я часто спал на коне и обходился без пищи. Все, что от них требуется, — это научиться спать сидя. Это дело привычки.

Анжелика принялась раскладывать подушки, чтобы улечься на них. Паж-негритенок помогал ей. От Флипо было мало толку — он был слишком уж подвержен морской болезни.

Герцог де Вивонн ходил туда и обратно, и повсюду его сопровождал негритенок с коробкой сладостей. Аппетит Мортемаров вошел в легенду, и молодой человек за свое пристрастие к восточным сладостям расплачивался начинающейся полнотой.

Жуя засахаренные орехи и посасывая турецкую пастилу, адмирал обдумывал план кампании. Он посоветовал офицерам немного отдохнуть, и они спали

на своих матрацах, но ему самому и в голову не приходило последовать собственному совету. Он казался озабоченным и, несмотря на темноту, вызвал к себе главного канонира.

В свете сигнального фонаря показался человек с седеющими волосами.

— Главный канонир, ваши пушки готовы к бою?

— Я исполнил ваши приказы, ваше превосходительство. Пушки осмотрены и смазаны, и я поднял на палубу порох, ядра и картечь.

— Хорошо, возвращайтесь на свой пост, Броссадьер, старина...

Пробудившись ото сна, офицер натянул парик, пригладил локоны и почти сразу же предстал перед своим командиром.

— Ваше превосходительство?

— Прикажите Шевалье де Клену, командующему флангами, встать в центр. Он везет наши запасы пороха и картечи, и мы должны иметь возможность пополнять свои собственные припасы, и не один раз, если дело затянется. Позовите ко мне также командира отряда мушкетеров. — И, когда тот появился, продолжал: — Раздайте мушкеты, пули и порох. Особенно следите за вертлюжными пушками. Не забывайте, что у нас всего три носовых пушки. В случае неожиданного нападения вертлюжные пушки и мушкеты — наша единственная защита.

— Все готово, ваше превосходительство. Последнее учение показало каждому его место.

Во время этих приготовлений появился Савари и объявил, что селитра в аптечке отсырела, а это означает, что в течение ближайших двадцати четырех часов погода изменится.

— Мне не нужна ваша проклятая селитра, чтобы знать об этом, — прорычал Вивонн. — Если собирается

плохая погода, она не приходит сразу же, а первой предсказывает изменение поверхность воды.

— Должен ли я понимать вас так, что вы боитесь нападения?

— Маэстро аптекарь, запомните, что адмирал флота его величества не боится ничего. Скажите лучше, что я предвижу нападение, и возвращайтесь к своим склянкам.

— Я как раз хотел спросить у вас, ваше превосходительство, нельзя ли мне положить свои драгоценные снадобья в безопасное место в вашем кабинете для совещаний. Пуля может разбить какую-нибудь из склянок.

— Хорошо, если вы считаете, что это нужно сделать.

Герцог де Вивонн сел рядом с Анжеликой.

— Я беспокоюсь, — сказал он, — мне кажется, что-то скоро произойдет. Всегда так было. Когда я был ребенком и ночью бывал шторм, я все время вертел в руках что попадет. Что мне делать, чтобы успокоиться? — он отправился на поиски кого-нибудь из своих пажей, который вернулся с лютней и гитарой. — Споем немного в честь звездной ночи и женской любви.

Брат Атенаис де Монтеспан обладал сладким голосом, быть может, несколько высоким, но хорошо поставленным. Он мог прекрасно петь итальянские песни. Время пошло веселее, и большие песочные часы, отсчитывающие минуты, пришлось перевернуть дважды.

Анжелика почувствовала, как дрожь пробежала по ее спине.

— Слушайте, — прошептал граф де Сен-Ронан, — рабы поют.

Звук их бормотания в четыре голоса несся над водой, как шум моря в раковине. Это продолжалось долго, и пение наполняло морскую пустыню. Но вот

поднялся еще молодой голос солиста, поющего припев песни:

Был ребенком я, и матушка моя
Говорила: «Будь хорошим, мой сынок,
Или ждет тебя галерная скамья,
Как того злодея — брата твоего».
Пусть не грабил я людей ночной порой,
Но забыл советы матери своей -
С деревянной породнился я скамьей
И гребу, гребу, гребу под звон цепей.

Песня отзвучала. В тишине, установившейся после этого, громче зазвучали удары волн о корпус.

Раздался возглас:

— Неизвестный огонь в пяти лигах по правому борту!

— К бою готовьсь! Погасить кормовые огни, оставить только ходовые. Четыре взвода солдат — наверх! — Вивонн схватил свою подзорную трубу. Через некоторое время он спросил у Броссадьера:

— Мы подходим к мысу Корсика. Это может быть лодка, ловящая тунца и подманивающая его светом в сети. Не думаете ли вы, что нам следует пристать к берегу и проверить?

— Нет, Корсика принадлежит Генуе, а кроме того, ее берега почти всегда кишат берберами, поджидающими на якоре в засаде. Ее жители такие фанатики, что не позволят кому бы то ни было вообще войти на рейд. Все мореплаватели, пираты и корсары достаточно хорошо знают, что надо избегать этого острова. Давайте следовать плану, разработанному при отплытии, и пойдём на остров Капри, который принадлежит герцогу Тосканскому и часто дает прибежище турецким пиратам.

— Когда мы пойдём туда?

— На рассвете, если погода сохранится. Вы слышите что-нибудь?

Они напрягли слух. С дальней галеры доносилось протяжное завывание, которое вдруг резко прекратилось.

Вивонн выругался:

— Опять эти мавританские собаки воют на луну.

Ла Броссадьер, который много лет плывал на Востоке и знал арабские обычаи, сказал:

— Они воют от радости. Это их победный клич.

— Радость? Победа? Они сегодня, должно быть, возбуждены.

Впередсмотрящий прислал одного из вахтенных.

— Ваше превосходительство, вахтенный начальник полез на наблюдательный пост. Он просит вас повернуть свою подзорную трубу в том же направлении, откуда мы видели свет, и посмотреть, не похоже ли это на сигналы.

Вивонн опять поднял подзорную трубу, а ла Броссадьер смотрел через свой бинокль.

— Вахтенный прав, мне кажется, — сказал он. — Сигналят с вершин гор Рольяно на мысе Капо-Бьянка, несомненно, для того, чтобы созвать свой рыболовный флот в гавань.

— Да, — откликнулся Броссадьер, — несомненно.

Новый взрыв завываний донесся с той же галеры, с «Дофина».

Опять появился Савари.

— Вы заметили, как вдруг повеселели мавры с «Дофина», — зашептал он Анжелике. — Сигнальные огни с берега предупредили их.

Вивонн уловил последние слова. Он схватил старика за воротник его старомодного пальто:

— Предупредили о чем?

— Не могу сказать, ваше превосходительство. Я не знаю кода.

— Почему вы думаете, что они пытаются связаться с маврами?

— Потому что это турецкие огни, ваше превосходительство. Вы не заметили голубые и красные ракеты? Я знаю, ваше превосходительство, потому что я когда-то был приглашен в качестве фейерверкера начальником артиллерии в Константинополе. Он нанял меня, чтобы делать ракеты различного цвета из пороха, смешанного с минеральными солями. Секрет пришел из Китая, но его использует весь магометанский мир. Поэтому я думаю, что не только турки и арабы могут посылать сигналы другим туркам и арабам, а поскольку я не вижу на горизонте других огней, кроме огней наших галер...

— Вы заходите слишком далеко, мэтр Савари, — насмешливо произнес граф.

Приближалась шлюпка с двумя зажженными сигнальными фонарями. Ла Броссадьер крикнул на нее, чтобы там погасили огни. Из темноты послышался ответный крик:

— Ваше превосходительство, на борту «Дофина» беспокойно. Мавры в середине корабля возбуждены огнями с горы.

— Это не те мавры, которых мы захватили на фелуке, перевозившей незаконное серебро?

— Да, ваше превосходительство.

— Так я и знал, — произнес адмирал сквозь зубы.

— Один из них все лезет на свою скамью и выкрикивает заклинания.

— Что он говорит?

— Не знаю, сир. Я не понимаю по-арабски.

— Я понимаю, — вмешался Савари. — Я слышу его. Он кричит: «Наше освобождение рядом!» Другие отвечают ему криками радости, как будто он муэдзин.

— Возьмите этого зачинщика и казните его!

— Повесить?

— Нет, у нас нет времени, а зрелище их товарища, висящего на рее, может возбудить других фанатиков.

Выстрелите ему в затылок из пистолета и бросьте тело за борт.

Шлюпка отошла. Через несколько минут раздалось два вскрика.

Анжелика завернулась в плащ. Бриз внезапно посвежел, и ей стало холодно.

Адмирал еще раз осмотрел берег, но все тонуло в темноте.

— Поставьте паруса и посадите другие три смены гребцов за работу. Немного везения, и к утру придем на Капри. Мы пополним запасы провизии — там великое множество коз — и возьмем свежей воды и апельсинов.

Анжелике казалось, что она не спала, но вдруг она очнулась от дремоты, неожиданно разбуженная дневным светом. В ослепительном сиянии восхода они увидели перед собой остров. На фоне бледно-золотистого, розового и светло-голубого неба он казался лишь темной грязно-голубой массой, отражающейся в почти зеркальной поверхности воды.

Анжелика заметила, что она не одна под навесом табернакля. Она поправила платье, привела в порядок волосы и вышла, чтобы вдохнуть свежий воздух. Команда собралась на носу. Она заколебалась перед тем, как пройти по переходному мостику, однако лейтенант Миллеран заметил ее и любезно проводил на нос.

Герцог де Вивонн был в превосходном настроении. Он протянул ей свой бинокль.

— Смотрите, как привлекателен этот остров, мадам. Заметьте, что у основания этих вулканических скал нет прибоя. Значит, мы подойдем по совершенно штилевому морю. Ничто не помешает подойти вплотную к берегу.

Анжелика с трудом приспособила бинокль к своим глазам, но в конце концов она с удовольствием принялась рассматривать залив, скрытый за цветущей сиренью, и чаек, парящих над кустами.

— Что это за округлое сияние слева? — спросила она, и тут же огонь взлетел в небо и, затухая, упал.

Офицеры переглянулись. Савари спокойно произнес:

— Опять сигнальная ракета. Вас здесь ждут.

— Освободить палубу для боя! — закричал Вивонн в рупор. — Канониры, к пушкам! Мы прорвемся через пролив! Какого дьявола, ведь нас здесь целый флот! — Несмотря на ветер, они могли расслышать вой на борту «Дофина» и совсем рядом, на носу адмиральской галеры. — Заставьте этот сброд заткнуться!

Но над всеми другими шумами взлетел пронзительный голос, тянущий с раздирающим уши визгом:

Ла иллалла иллалла,
Мухамаду, Ракул улла.
Наконец голос смолк.

Герцог де Вивонн продолжал отдавать приказы:

— Прикажите перестроиться в соответствии с маневренностью и со знанием кораблей! Артиллерийские припасы держать в центре. Я тоже буду в центре, чтобы наблюдать за событиями. «Дофин» и «Фортуна» — впереди, «Люрона» — на левом фланге. Три остальные в арьергарде полумесяцем.

— Флаг на скале! — сообщил дозорный.

Вивонн поднял подзорную трубу:

— Там два флага, один белый, но поднят в руке, объявление войны на христианский манер. Другой красный с белой каймой и эмблемой. Смешно, я, кажется, различаю серебряное зубило Марокко. Не может быть... не может быть...

— Я понимаю, что вы имеете в виду, сир. У берберов нет обычая поднимать свои стяги, а мавры никогда не пользуются белым флагом. Только христиане поднимают белый флаг в знак объявления войны.

— Не понимаю, — произнес Вивонн задумчиво. — Не знаю, с каким врагом мы имеем дело.

Несмотря на волнение, галеры со спущенными парусами выстроились в линию и занимали места в боевом строю, направляясь к обрыву, который отмечал вход в бухту.

В этот момент появились две турецкие фелуки. Адмирал передал подзорную трубу офицеру, который посмотрел на нее и передал Анжелике. Но она уже смотрела через старую, покрытую ярь-медянкой трубу, которую Савари извлек из багажа.

— Я ничего не вижу на этих лодках, кроме негров и нескольких угрожающего вида мушкетов, — сказала она с разочарованием.

— Это дерзкая провокация!

Вивонн пришел к решению:

— Прикажете «Люроне», самому легкому из наших судов, дать залп и потопить их. У этих дураков нет даже артиллерии!

«Люрона» подчинилась сигналам и пустилась в погоню за двумя фелуками. Чуть позже выстрелили пушки, и эхо выстрелов покатилоь вдоль берега. Анжелика отдала подзорную трубу Савари, чтобы освободить руку и закрыть уши.

Фелуки, невредимые, направлялись в открытое море.

«Флер д'Лиз» и «Конкорд», под огнем которых они оказались, соблазнились легкой добычей и самовольно вышли из строя, чтобы приблизиться к цели. Еще несколько раз бухнула пушка.

— Попадание!

Треугольный парус одной из фелук тащился по волнам. Корпус затонул за несколько секунд. Черные головы спасшихся появились на верхушках волн. Другая фелука попробовала сманеврировать, чтобы подобрать их, но удачный залп с «Флер д'Лиз» и «Конкорда»

окружил ее всплесками, и ей пришлось опять пуститься в бегство.

— Bravo! — сказал адмирал. — Поверните три галеры обратно в сторону рейда.

Теперь корабли маневрировали с трудом, так как море стало довольно беспокойным. В боевом строю кораблей возник некоторый беспорядок.

Затем раздался крик наблюдателя:

— Военная ксебека по правому борту, идет на нас!

Судно под всеми парусами только что появилось на выходе из бухты и со значительной скоростью пересекало пролив.

— Переменить галс! — взревел Вивонн. — Огонь из трех пушек по моему приказу! Пли!

Большая пушка в середине откатилась, выплюнув свой заряд. Выстрел оглушил Анжелику, а запах пороха щекотал ей ноздри. Через дым она слышала следующие приказы, быстро отдаваемые и точно выполняемые:

— Правые вертлюжные пушки к бою! Ксебека обгоняет нас. Все мушкеты — огонь! Приготовиться к перемене галса на дистанции залпа. Пли!

Грохот орудий усилился, отдаваясь эхом. Но ксебека была невредима и находилась еще слишком далеко для мушкетов.

Савари наблюдал в свою подзорную трубу со всей сосредоточенностью энтомолога, изучающего муху под микроскопом.

— Прекрасный корабль, построенный из сиамского тика, бесценное дерево. Сняв кору, ждут три года, прежде чем срубить его, потом еще семь лет выдерживают бревно перед распиловкой. Белый флаг на грот-мачте, вымпел короля Марокко на корме и особая эмблема — красная с серебряной короной — посередине.

— Это эмблема господина Рескатора, — зло произнес Вивонн. — Я мог бы и догадаться!

У Анжелики подпрыгнуло сердце. Так ей предстояла встреча с ужасным Рескатором, который виновен в смерти ее сына и бояться которого храбрые офицеры флота его величества не почитают за грех. Она не слушала, как Вивонн и Броссадьер обмениваются мнениями, и целиком сосредоточилась на маневрах врага.

— У этого дьявола Рескатора новый корабль. Гладкие обводы, низкий борт, и он находится на предельной дистанции нашего выстрела — из-за этого мы упускаем его сейчас, когда он пересекает наш курс. Всего двадцать две пушки. Проклятие!

Через порты, прорезанные в корпусе ксебеки, блестели круглые жерла пушек, а струйки дыма, вьющиеся из портов, указывали, что канониры готовы запалить заряды по первой команде. На фале поднялись сигнальные флаги: «Сдавайтесь, или мы потопим вас».

— Не думает ли этот нахальный ублюдок, что он так просто испугает флот короля Франции! Он слишком далеко, чтобы потопить нас. «Конкорд» продвигается к нему и скоро подойдет на расстояние выстрела. Поднять белый флаг войны на грот-мачте и знамя с цветами лилии на корме!

Противник изменил курс и описывал теперь дугу так, чтобы избежать носовых пушек французских кораблей, направленных в сторону берега — на восток. Корабль двигался с изумительной скоростью, поставив все паруса. Раздалось несколько пушечных выстрелов. «Флер д'Лиз» и «Конкорд», которых ксебека обманула своими маневрами, вернулись и пытались попасть в своего противника.

— Мимо! — с отвращением сказал Вивонн и вытащил из своей коробки несколько засахаренных фисташковых орешков. — Теперь мы должны быть внимательными. Он знает, что нам нужно время, чтобы перезарядить

пушки. Он обогнет нас и попробует потопить. Приготовьтесь к перемене галса. Если мы сможем занять эту позицию, ему придется плыть против ветра, чтобы стрелять нам в борта.

Галеры поворачивали. Противник, казалось, реагировал на этот новый маневр. В течение нескольких секунд на корабле установилась тяжелая тишина, нарушаемая только ритмичным звоном гонгов, бившихся, как сердце от боли.

Потом они увидели, как пиратский корабль вдали сдвинулся с места, приближаясь к ним, как и предсказывал французский адмирал. Он летел, как морской орел, далеко позади французского флота, потом неожиданно остановился и повернул на другой галс.

— Этот проклятый пират — умный стратег, — проворчал ла Броссадьер. — Жаль, что он наш враг.

— Это не так задевает меня, как момент, который вы выбрали, чтобы восхищаться его искусством, господин дела Броссадьер, — сухо заметил Вивонн. — Какониры, перезарядили?

— Да, ваше превосходительство.

— Тогда стрелять залпом по моему приказу.

Но двенадцать орудий на правом борту пиратского корабля выстрелили первыми. Море, казалось, превратилось в огромный гейзер, скрывший противника. В воздух взлетели всевозможные обломки, и оглушительный взрыв эхом перекатывался над водой. Затем огромная волна обрушилась на весельные порты «Ройяла», и несколько весел с правого борта сломались, как тростинки.

Насквозь промокшая Анжелика держалась за планшир медленно выпрямлявшейся галеры. Герцог де Вивонн, которого бросило на колени на палубу, уже встал на ноги.

— Неплохо, — сказал он. — Он не попал в нас. Дайте мне подзорную трубу, Броссадьер! Я думаю теперь, что... — он осекся, оставшись с открытым ртом, с выражением замешательства и недоверия на лице. На месте галеры с припасами теперь было только что-то вроде водоворота, в котором кружились балки и обломки весел. Корабль, сотня рабов и, что самое важное, четыреста тонн боеприпасов утонули.

— Вот куда канули наши запасы, — Вивонн с трудом дышал. — Ну и разбойник! Мы попались на его хитрость. Он целил не в нас, а в плавучий склад. Когда другие галеры погнались за ним, он их не трогал. Но мы его потопим... Мы его еще потопим. Игра не кончена на этом взрыве, — молодой адмирал сорвал насквозь мокрые шляпу и парик и яростно швырнул их на палубу. — «Дофина» вперед! Он еще не стрелял, его заряды целы.

Вдалеке поджидал противник, поворачиваясь для бортового залпа. «Дофин» быстро занимал место. Анжелике пришло в голову, что именно на этом корабле среди гребцов были захваченные люди Рескатора, — те самые, что пели по-арабски прошлой ночью, и те самые, у которых казнили вожака. Она подумала, что вряд ли разумно использовать этих пленников в таком маневренном сражении.

И едва у нее мелькнула эта мысль, как длинные весла в середине галеры сбились с ритма и сцепились с остальными. «Дофин», который как раз менял галс, вздрогнул, как раненая птица, потом внезапно развернулся и лег на борт. Послышался громкий треск дерева, но все звуки перекрывали пронзительные крики мавров.

— Пинас и шлюпку с каждой галеры на помощь!

Все это потребовало времени. Анжелика закрыла глаза руками, чтобы не видеть тонущей галеры. Большинство моряков и все рабы были обречены

задохнуться внутри корпуса или утонуть. Моряки, сброшенные в воду, пытались выплыть, но тяжелое снаряжение тянуло их на дно. Они молили о помощи.

Когда она посмела снова открыть глаза, то чуть ли не у себя над головой увидела десять белых парусов, хлопающих на ветру. Ксебека была теперь едва ли в пятистах футах от нее. Она видела блеск солнца на лакированном дереве корпуса и четко различала темные силуэты вооруженных мушкетами берберов, закутанных в огромные перетянутые ярко расцвеченными поясами белые плащи, которые толпились на шкафуте от носа до кормы.

На носу в окружении охраны из янычар в зеленых тюрбанах, вооруженные короткими шпагами, стояли два человека, внимательно разглядывавшие «Ройял» через подзорные трубы. Сначала Анжелике показалось, что, несмотря на европейскую одежду, это тоже мавры, потому что лица у обоих были темными, но потом она увидела их белые руки и сообразила, что они в масках.

— Посмотрите на того, кто выше, — мягко сказал Вивонн, — на того, в черном с белым плаще. Это он, Рескатор. Второй — его помощник, по имени — или по прозвищу — Язон. Грязный авантюрист, но хороший моряк. Подозреваю, что он француз.

Анжелика дрожащей рукой дотянулась до подзорной трубы Савари. В ее круглом окуляре она видела этих людей яснее. Они отличались друг от друга, как Дон Кихот от Санчо Пансы, но никоим образом не казались смешными. Язон был крепким мужчиной в военном платье и при громадной сабле, бившей его по ногам. Рескатор, напротив, был высок и худ и носил черный костюм очень старомодного испанского покроя. Отвороты его узких сапог были отделаны золотыми кистями, а вокруг головы на пиратский манер был обмотан красный платок, увенчанный большой черной шляпой с красными

перьями. Единственным указанием на его принадлежность к исламу был расшитый золотом просторный плащ из белой шерсти, развевающийся по ветру.

Анжелика с дрожью думала о том, насколько он похож на изображения дьявола, и весь его облик казался воплощением зачаровывающей жестокости. Значит, этот человек холодно смотрел на тонущую галеру, на которой ребенок поднимал руки к небу и звал своего отца!

— Почему мы не топим его? — воскликнула она в отчаянии. — Чего мы ждем? — Она забыла об ужасной картине, разыгрывавшейся вокруг нее, — опрокинутом «Дофине», экипаж которого ценою невероятных усилий цеплялся за борта. Ничто уже не могло спасти галеру, вода поступала в нее быстрее, чем помпы успевали откачивать, и она начала медленно погружаться в воду.

С ксебеки спускали шлюпку. В ту секунду, когда она коснулась воды, в нее прыгнул помощник Рескатора.

— Они идут на переговоры, — с некоторым удивлением сказал Вивонн.

Вскоре пират взошел на борт и, представившись офицерам, низко, на восточный манер, поклонился.

— Приветствую вас, адмирал, — сказал он на прекрасном французском языке.

— Я не веду дел с ренегатами, — ответил Вивонн.

Мимолетная улыбка проскользнула по закрытому маской лицу помощника. Он перекрестился.

— Я такой же христианин, как и вы, ваше превосходительство, и мой господин Рескатор — тоже.

— Христиане не возглавляют войск нехристей.

— Наши силы составлены из арабов, турок и белых, как и ваши, ваше превосходительство, — сказал помощник, бросая взгляд на гребцов. — Вся разница в том, что наши без цепей.

— Хватит об этом. Чего вы хотите?

— Позвольте нам освободить и забрать наших мавров, которые содержатся на «Дофине», и мы удалимся, не возобновляя боя.

Вивонн взглянул на тонущую галеру.

— Ваши мавры утонут вместе с кораблем.

— Не обязательно. Мы предлагаем поставить его на ровный киль.

— Это невозможно!

— Мы сможем. Наша ксебека быстроходнее, чем... чем эти корыта, которые вы называете галерами, — сказал он презрительно. — Но решайтесь скорее. Через несколько минут будет поздно что-нибудь делать.

Вивонн все понимал и сам. Он знал, что ничего не сможет сделать для спасения «Дофина». Принять предложение значило спасти отличное судно и несколько сот людей, но это было уступкой более слабому врагу. Однако он отвечал за королевский флот, и у него не было выбора.

— Я согласен, — произнес он сквозь зубы.

— Благодарю вас, адмирал! Честь имею...

— Предатель!

— Мое имя Язон, — с иронией ответил тот. Он ступил на трап. Герцог де Вивонн сплюнул под ноги.

— Француз! Вы француз! Ваша речь не оставляет сомнений на этот счет. Мерзавец! Как ты мог предать соотечественников!

Пират с горящими под маской глазами обернулся:

— Мои соотечественники предали меня первыми, — сказал он, показывая на яму для гребцов. — Я греб на королевских скамьях — годы и годы — все прекрасные годы своей юности! И тем не менее я ни в чем не был виноват.

— Разумеется.

Шлюпка удалялась. Герцог де Вивонн со сжатыми кулаками еле сдерживался. Получать приказы от беглого каторжника, выслушивать оскорбления от

галерного раба; и все это время Рескатор следил за ним, ухмыляясь! Какая радость для него!

— Ваше превосходительство, вы собираетесь положиться на слово безбожника? — спросил, дрожа от негодования, один из лейтенантов.

— Уж во всяком случае не собираюсь спрашивать вашего совета, дурень! Иногда слово пирата стоит больше, чем слово принца. Что вы думаете обо всем этом, Броссадьер?

— На такую сделку я не надеялся, ваше превосходительство. И она весьма в духе этого проклятого шутника. Я бы не сказал этого, если бы мы имели дело с адмиралом Меццо-Морте или с кем-нибудь из берберийских капитанов, которые, вообще говоря, все мошенники.

— Поднимите парадный вымпел и объявите перемирие!

Ксебека повернулась правым бортом, также имевшим двенадцать пушек.

— Они идут слишком быстро. Они пройдут мимо. Это хитрость, — возбужденно сказал лейтенант де Сен-Ронан.

Неожиданно неприятельский корабль привелся к ветру, сбавив ход, и подошел к «Дофину» другим галсом, так что оказался прямо за кормой терпящего бедствие корабля, вокруг которого пинасы и шлюпки наконец стали подбирать барахтающихся людей. На палубе ксебеки кипела деятельность. Мавры прикрепили канат к основанию средней мачты и пропустили его через брашпиль.

Офицеры на борту «Ройяла» затаили дыхание. Матросы и солдаты, окаменев, наблюдали за происходящим.

Рескатор, казалось, вышел из своей презрительной неподвижности. Можно было видеть, как он оживленно говорит со своим помощником, помогая себе жестами.

Потом он дал знак, и янычар принял у него плащ и шляпу. Другой подал ему конец каната, оставшиеся витки которого Рескатор повесил на плечо. Вскарabкавшись на планшир ксебеки, он прополз несколько футов по бушприту, действуя с удивительной ловкостью.

Помощник через рупор обратился к капитану «Дофина».

— Он советует Турневу сбросить правый носовой якорь, чтобы предохранить галеру от вращения, когда ее потянет ксебека, и перенести все, что можно, на правый борт, а потом, как только галера начнет выпрямляться, — на левый, чтобы ее не перекинуло на другую сторону.

— Как вы думаете, этот черный дьявол собирается забросить конец, как лассо, и зацепиться за правый борт «Дофина»?

— Похоже на это.

— Быть не может! Этот конец весит очень много. Нужно быть Геркулесом, чтобы...

— Смотрите!

Они вдруг увидели его силуэт на фоне неба. Канат взвился в воздух, и петля на его конце захлестнулась за выступ на правом борту «Дофина» примерно посередине галеры.

На борту ксебеки слышались одобрителные возгласы. Мавры в знак одобрения потрясали поднятыми мушкетами.

— Акробат в Пон-Нёф не сумел бы сделать лучше, — вздохнул ла Броссадьер.

— Смотрите, смотрите, мой дорогой, — горько засмеялся Вивонн. — Хороший эпизод к вашему рассказу о Средиземном море. Легенда о господине Рескаторе не зачахнет от недостатка новых анекдотов.

Теперь ксебека постепенно отходила назад. Матросы на ней бросились на мостик и установили

шесть огромных весел, чтобы помочь парусам. Канат натянулся. Все люди, оставшиеся на несчастной галере, полезли на правый борт, чтобы уцепиться за планшир, где был закреплен конец. Погрузившийся в воду борт резко поднялся из воды с громким хлюпающим звуком. По команде Турнева команда бросилась на левый борт, чтобы уравновесить корабль.

Оказавшись на киле, «Дофин» сильно перекачивался с одного борта на другой, пока наконец не успокоился. Последний приказ пронесся над волнами как крик избавления: «К помпам! Всем качать!».

С других галер слышались радостные крики. Через некоторое время шлюпка от пиратского корабля направилась к «Дофину».

— С ними переносный горн и кузнечные инструменты. Они собираются снять оковы с узников.

Эта операция заняла много времени. Наконец освобожденные арабы начали появляться на палубе, а вместе с ними — человек десять самых сильных турок.

Герцог де Вивонн побагровел:

— Изменники! Пираты! Некрещеные собаки! — кричал он в рупор. — Вы не выполняете обещаний! Речь шла об освобождении только ваших мавров. Вы не имеете права забирать еще и турок.

— В уплату за кровь казненного вами мавра, — ответил Язон.

— Успокойтесь, ваше превосходительство, — сказала Броссадьер своему командиру, — а то придется пустить вам кровь. Я позову врача.

— У него есть, что делать, вместо того чтобы пускать мне кровь, — печальным голосом ответил молодой адмирал. — Посмотрите, сколько у нас убитых и раненых.

Пиратская ксебека под всеми парусами исчезала за горизонтом.

Глава 8

Герцог де Вивонн спустился в шлюпку и поднял лицо к Анжелике, оставшейся на палубе галеры.

— Скоро я вас увижу, дорогая. Через несколько дней я буду встречать вас на Мальте. Молитесь за победу нашего оружия.

Анжелика заставила себя улыбнуться в ответ. Она развязала небесно-голубой шелковый шарф с золотой бахромой и бросила ему:

— За победу вашей шпаги!

— Благодарю, — крикнул Вивонн из удаляющейся шлюпки. Он поцеловал шарф и принялся повязывать его на эфесе своей шпаги. Потом опять помахал ей на прощание.

Анжелика удивлялась, почему она не чувствует себя несчастной при этом расставании. Вивонн решил преследовать Рескатора и выслеживать его в районе Мальты, где галеры рыцарей Св. Иоанна Иерусалимского могли прийти на помощь французским. Адмиральская галера «Ройял» была слишком тяжела и недостаточно маневренна для такого преследования. Адмирал перешел на «Люрону», и Анжелика осталась на попечении ла Броссадьера и солдат. «Ройялу» предстояло несколько медленнее и в несколько переходов дойти до Валлетты вместе с «Дофином», которому требовался ремонт.

Военные галеры выстроились в линию и исчезли в темноте шторма, быстро надвигавшегося с юго-востока. Анжелика вернулась на табернакль, оставив палубу, по которой барабанил дождь. «Ройял» бешено раскачивался и кренился во все стороны.

— Сначала пираты, теперь море, — сказал ла Броссадьер.

— Это шторм?

— Нет еще, но он не заставит себя ждать.

Дождь прекратился, но небо оставалось серым, а море — бурным. Было душно, несмотря на влажный ветер, который временами обвевал их.

Савари и лейтенант Миллеран, который теперь, после отъезда Вивонна, к которому он безумно ревновал, немного оттаял, своими разговорами не давали Анжелике умереть со скуки.

— Что мне делать на этой галере? — спросила она у Савари и печально улыбнулась про себя, вспомнив Версаль и Мольера с его комедиями.

С наступлением ночи господин де ла Броссадьер посоветовал ей спуститься в каюту, но она не могла заставить себя послушаться и сказала, что предпочитает остаться там, где была до сих пор. Бешеная качка корабля в конце концов убаюкала ее, несмотря на поднявшийся ветер и удары волн о корпус.

Она проснулась как от кошмара. Ночь была чернее сажи. Приподнявшись на диване, она поняла, что надвигается что-то необычное. Корабль по-прежнему качало, но ветер, казалось, стих.

Вдруг она сообразила, что разбудило ее, — тишина. Гонги больше не звонили. Похоже было, что галера опустела и качалась на волнах, как щепка. Ее охватил ужас.

— Господин де ла Броссадьер! — позвала она.

Никакого ответа.

Она с трудом встала на ноги и сделала несколько неуверенных шагов, потом наткнулась на что-то мягкое и чуть не упала.

Анжелика наклонилась. Ее рука нащупала тесьму мундира. Она схватила лежащего ничком человека и сильно потрясла его.

— Господин де ла Броссадьер, проснитесь!

Никакой реакции. Анжелика лихорадочно нащупала его лицо и в ужасе отпрянула — оно было ледяным.

Она встала, чтобы найти свой саквояж, который всегда держала под рукой, достала маленькую дорожную лампу и ударила по кремню, чтобы зажечь ее. Бешеный порыв ветра трижды задувал огонек, прежде чем ей удалось надвинуть на пламя красноватое стекло, и окружающая ее тьма немного рассеялась.

Месье де ла Броссадьер распростерся на палубе; глаза его уже остекленели, а ужасная рана на лбу сочилась кровью.

Анжелика перешагнула через труп к выходу с табернакля. Здесь она наткнулась на другое лежащее тело — солдат тоже был мертв. Она тихонько приподняла занавес и выглянула. В темноте она могла различить в трюме гребцов какие-то огни и движущиеся по переходному мостику тени, но это были не надсмотрщики с их длинными плетями. Силуэты в красных одеждах сновали туда и сюда, и до нее доносились их хриплые голоса.

Анжелика опустила занавес и отступила в глубину табернакля, забыв о брызгах, которыми время от времени обдавала ее особенно большая волна, разбивавшаяся о корму. Она была в панике от ужаса, потому что наконец узнала, из-за чего замолчали гонги. Звук босых ног, скользящих по палубе, заставил ее вскочить и болезненно насторожиться.

У входа стоял Никола, одетый в красные лохмотья галерного раба. Он глядел на нее из-под спутанных волос и грязной бороды с той же улыбкой, которая сначала испугала ее, когда он лежал, поджидая Анжелику, под окнами таверны. Когда он заговорил, его несвязные, исступленные слова казались продолжением кошмара:

— Маркиза ангелов... моя красавица... моя мечта... ты наконец видишь меня! Из-за тебя я разбил свои цепи... Один удар надсмотрщику... один удар стражнику. Ха-ха! Удар туда, удар сюда. Я долго ждал, когда рассчитаюсь с ними... но тут я не выдержал... видеть тебя здесь... живой!.. Как я видел твое лицо на небесах все десять лет, что провел на галерах... И ты принадлежишь этому, а? Ты целовала его, ласкала его... я знаю тебя! Ты жила своей жизнью, а я — своей... ты выиграла... но не навсегда. Колесо повернулось... оно привело тебя назад ко мне... — он протянул к ней руки с запястьями, израненными цепями, которые он носил эти долгие месяцы. Никола Каламбретен за годы рабства дважды пытался бежать. Сейчас, в третий раз, это удалось. Он и его товарищи перебили всю команду, солдат, офицеров. Они были хозяевами на галере. — Почему ты ничего не говоришь?.. Когда я сжимал тебя, тогда ты не боялась! — Вспышка молнии осветила небо снаружи, и в ночи раздались раскаты грома. — Ты не узнаешь меня? — продолжал каторжник. — Не может быть... я знаю, ты узнала меня вчера там, внизу.

Она ощутила запах пота и соли, исходящий от его лохмотьев, и закричала от отвращения:

— Не трогай меня! Не трогай меня!

— А, так ты узнала. Скажи, кто я?

— Каламбретен, грабитель.

— Нет, я Никола, твой хозяин из Ньельской башни...

— неожиданная волна перекатилась через них, и Анжелике пришлось вцепиться в перила, чтобы не быть смытой за борт. На демонические раскаты грома ответил зловещий треск наверху. У входа появился молодой гребец:

— Вожак, грот-мачта сломана. Что будем делать?

Никола махнул мокрой одеждой.

— Свинское отродье, — он показал на свое горло. — Если вы не знаете, что делать, то зачем вы требовали,

чтобы я перерезал глотки всем морякам? Ты говорил, что умеешь плавать под парусом.

— Парусов больше нет.

— Отлично! Будем грести! Посади за работу тех, кто еще прикован к скамьям. В гонг будешь бить сам. Посмотрим, как эти черные бунтари работают!

Он вышел, и скоро возобновились монотонные удары гонгов, слышные через завывания шторма. Галера, которая в течение бесконечного мгновения колебалась и кренилась на тот борт, где лежала сломанная мачта, выпрямилась, когда Никола перерубил топориком еще удерживающие ее снасти, и набежавшая волна смыла мачту в море. На помпы были поставлены люди, и галера под веслами двинулась вперед.

Теперь, когда Анжелика могла разобраться в кошмаре, к ней вернулось мужество. В своей жизни ей часто приходилось думать, что она умрет от страха, но каждый раз, когда напряжение проходило, ярость и боевой дух одерживали в ней верх. Мокрое платье липло к ногам и мешало ходить. Она дотащилась до своего саквояжа, открыла его, достала новую одежду. Пользуясь мгновениями, когда качка становилась тише, Анжелика ухитрилась стянуть с себя платье и насквозь промокшее белье.

Она предвидела, что в ходе поисков ей, быть может, придется ходить, поэтому запаслась мужским костюмом серого цвета, в который сейчас, как сумела, облачилась. С ногами, обтянутыми бриджами, и с телом, защищенным костюмом, который застегивался до самого полотняного воротника, она чувствовала себя более подготовленной к кораблекрушению — и к встрече с каторжниками. Она натянула высокие сапоги, туго закрутила волосы вокруг головы и заколола их, потом натянула на голову серую фетровую шляпу. У нее хватило здравого смысла снова открыть свой саквояж и

вынуть все оставшееся золото, которое она спрятала в пояс вместе с заемными письмами. Все это отняло у нее оставшиеся силы — ведь приходилось удерживать равновесие на мокрой, заливаемой волнами палубе, а тело несчастного ла Броссадьера все время скользило вокруг ее ног.

— Анжелика! — закричал Никола, возвращаясь. Он увидел перед собой только молодого человека и на секунду растерялся. — А, так это ты, — сказал он с облегчением. — Когда я не увидел твоего платья, я подумал, не смыло ли тебя за борт.

— Смыло за борт?

— Если так пойдет и дальше, то этого недолго ждать.

Парусиновые стенки табернакля сложились пополам, и ветер унес их.

— Слишком плохо, — проворчал он. — Я думаю, мы направляемся к берегу.

С ним вошел старый одноглазый каторжник с белой бородой.

— Можно посмотреть отсюда, — сказал он, наклоняясь над кормой и вглядываясь в бешеную ночь. — Вон... вон там, видишь пляшущие огни... там гавань, говорю тебе. Лучше всего укрыться там.

— Ты с ума сошел? Опять попасть в руки надсмотрщиков?

— Это маленькая рыбацкая деревушка. Мы можем запугать их достаточно, чтобы они не рыпались, а мы останемся здесь только до конца шторма. Если мы не зайдем сюда, нас разобьет о скалы на мелкие кусочки.

— Я не согласен.

— Тогда что ты предлагаешь, вожак?

— Попробовать переждать шторм в море.

— Это глупо, вожак. Этот старый деревянный башмак не выдержит.

— Будем голосовать. Живей! — ответил тот, хватая Анжелику за руку. — Спрячься в каютах. Здесь тебя смоем за борт, а я не хочу, чтобы ты досталась акулам. Ты принадлежишь мне.

В темноте она могла только угадывать беспорядок на лишенной мачты галере. Трюм гребцов был наполовину заполнен водой. Под плетями своих бывших товарищей иностранцы — русские, мавры, турки — ожесточенно гребли, время от времени вскрикивая от отчаяния и страха.

Где Савари и Флипо?

Никола опять был около нее.

— Они хотят зайти в порт, который мы видели сверху, — прокричал он ей. — Я не хочу. Кое с кем еще мы можем выйти в море и уплыть. Идем, Маркиза.

Она попробовала высвободиться от него, предвидя, что безопаснее находиться на мятежной галере, чем под защитой порта. Но он схватил ее и, подняв на руки, снес в поджидавшую шлюпку.

Когда занялся день, шлюпка прыгала на волнах, как ореховая скорлупка. Вскоре небо очистилось, но море, несшее к берегу жалких человечков, осмелившихся бросить вызов его гневу, оставалось бурным и зеленым.

— Каждый заботится о себе! — крикнул Никола, когда они приближались к красным утесам.

Каторжники попрыгали в воду.

— Ты умеешь плавать? — спросил Никола Анжелику.

— Нет.

— Быстрей делай, как я, — он прыгнул с ней в воду, стараясь держать ее голову над волнами.

Она глотнула изрядную порцию соленой воды и захлебнулась. Волна отбросила ее от Никола, и она понеслась к берегу, будто верхом. Ее с силой ударило о скалу, и она вцепилась в нее что было мочи. Волна перекатилась через нее, едва не утащив обратно в

море. Анжелика вскарабкалась по скале чуть повыше. Волна снова окатила ее холодной водой, потом схлынула и тут же накатилась вновь. Однако с каждым разом она ухитрялась взбираться все выше и выше. Наконец она добралась до песчаного пляжа на скале. Еще чуть выше! Потом она обнаружила песчаный холм, покрытый сухой травой, заползла в нее и упала без памяти.

Очнувшись, она открыла глаза, увидела над собой тяжелое голубое небо, вспомнила события этой ужасной ночи, и ей пришло в голову, что она ни разу не подумала вручить свою душу богу. Обморок пугал ее не меньше, чем если бы непростительный грех отягощал ее совесть. Сейчас, униженная, она не осмеливалась исправить упущение и возблагодарить провидение, даровавшее ей увидеть еще одно утро.

Она с трудом встала, чувствуя легкое недомогание от проглоченной соленой воды, и осмотрелась. Заслужило ли провидение благодарности? В нескольких шагах от себя она увидела каторжников, собравшихся вокруг костра, который они развели на пляже.

Поднявшееся высоко солнце высушило ее одежду и волосы, но в голове было полно песка, а обожженные солнцем щеки горели. Ладони были сильно ободраны. Мало-помалу она пришла в себя. Сначала к ней вернулось зрение, потом слух. Она слышала хриплые голоса человек десяти каторжников. Двое из них варили что-то на огне, но остальные, стоявшие вокруг, судя по интонациям, спорили.

— Нет, так не пойдет, вожак, — кричал долговязый светловолосый парень. — Мы делали все, что ты приказывал. Мы уважали тебя, теперь ты уважь нас.

Никола стоял спиной к Анжелике, и она не слышала его ответа.

— Ты говорил, она принадлежала тебе прежде.

— Ты не заставишь нас поверить в это. Она светская дама. Что бы она стала делать с такой вошью, как ты?

— Не дурачь нас, вожак. Так не бывает.

— Если даже то, что ты говоришь, правда, это ничего не меняет. Одно дело парижский закон, совсем другое — галерные законы.

Костлявый высокий парень, беззубый и совершенно лысый, кричал, потрясая пальцем:

— Ты знаешь закон Средиземного моря: «Работорговец получает людей, пират получает добычу, а женщина принадлежит всем».

— Да, всем! — вскричали остальные, угрожающе придвигаясь к вожаку.

Анжелика взглянула на вершину утеса. Следовало бы попытаться пройти внутрь острова, где, быть может, ей удалось бы спрятаться в низком кустарнике или в рощицах пробковых дубов, венчавших остров. Это место наверняка не безлюдно, и она сможет найти защиту у рыбаков.

Она начала осторожно отползать на четвереньках. Если каторжники затеют драку, она выиграет время. Но ссора, видимо, затихала. Она услышала голос:

— Ладно, пойдет. Ты вожак, и ты имеешь право быть первым. Но оставь что-нибудь и остальным...

После этих слов раздался взрыв смеха. Анжелика увидела Никола, шагающего в ее сторону. Она попробовала ускользнуть, но он моментально настиг ее и схватил за руку. Глаза его бешено сверкали, а губа задергалась, обнажив зубы, почерневшие от жевания табака. Безумие настолько овладело им, что он не замечал, как она отстает от него, и продолжал волочить Анжелику бегом по неровной козьей тропе к подножию скалы. Смех и непристойные шутки каторжников, оставшихся на пляже, неслись им вслед.

— Пользуйся, вожак, но не забывай о нас... мы хотим не меньше тебя...

— Так я и допущу, чтобы они обладали ею, — рычал Никола. — Она моя. Моя! — Он промчался по гальке и низкому кустарнику, волоча ее за собой; ветер растрепал ее высвободившиеся волосы — узел, которым она скрепила их, развязался — и они шелковым шарфом закрыли ей лицо.

— Стой! — заорала она. Каторжник продолжал бежать. — Стой! Я больше не могу!

Наконец он послушался ее и остановился, озираясь вокруг, как будто его только что разбудили.

Они бежали вдоль края обрыва, и теперь море было у их ног; его темная голубизна контрастировала с бледно-голубым небом, по которому вычерчивали замысловатые кривые белые чайки. Морской воздух пьянил их.

Беглый каторжник вдруг, казалось, осознал, что его больше ничто не удерживает. «Все это, — шептал он, — все это для меня...» — он отпустил Анжелику, чтобы широко развести руки в стороны и вдохнуть полной грудью, шевеля плечами, которые от работы веслами стали еще более широкими и мощными, чем прежде. Его мускулы выпячивались и бугрились под туго натянутой красной рубахой.

Анжелика отскочила в сторону и пустилась бежать.

— Вернись! — прорычал он и бросился за ней.

Когда он настиг ее, она повернулась к нему лицом, выставив вперед руки с ногтями, как разъяренная кошка:

— Не подходи! Не прикасайся ко мне! — Ее глаза так сверкали, что он замер.

— Что с тобой? — проворчал он. — Ты не хочешь, чтобы я поцеловал тебя? Это было очень, очень давно. Ты не хочешь моей любви?

— Нет!

Мужчина сильно нахмурился, как будто ее слова доходили до него так медленно, что ему было трудно

проникнуть в их смысл. Он еще раз попробовал поймать ее, но она увернулась. Он застонал от вожделения.

— Что с тобой случилось? Ты не можешь так вести себя со мной. У меня не было женщин десять лет, даже не прикасался, даже видеть едва приходилось. Потом пришла ты, ты была здесь... ты! Я разгромил все, чтобы быть рядом с тобой, отнять тебя у этого малого. И я не имею права прикоснуться к тебе?

— Нет!

Черные глаза каторжника вращались в глазницах, как будто он сходил с ума. Он прыжком настиг ее, но она царапалась так яростно, что он опять отпустил ее, недоуменно глядя на глубокие царапины на руках, наливавшиеся кровью.

— Что с тобой? — повторил он. — Или ты не помнишь меня, моя милая, — как ты, бывало, пригревалась около меня и спала в Ньельской башне, и я обнимал тебя, и мы занимались любовью, сколько я хотел... и ты хотела... это не сон, это было в самом деле. Ты пытаешься сказать, что этого не было, что я страстно жаждал кого-то другого, а не тебя... что не ты захотела меня в свою брачную ночь? Но все это правда! Я всегда любил тебя! Или ты не помнишь Никола, который, бывало, таскал для тебя землянику?

— Нет, нет! — завизжала она, в отчаянии убегая от него. — Никола давно умер. Ты Каламбретен-грабитель, и я ненавижу тебя.

— Но я люблю тебя! — вскричал он.

Они снова начали бегать — он гонялся за ней по колючим зарослям. Анжелика споткнулась о корень и упала. Никола почти навалился на нее, но она уже снова была на ногах. Он крепко охватил ее за талию, хотя она впилась ногтями ему в лицо.

— Но я люблю тебя, — твердил он. — Я всегда стремился к тебе. Я никогда не оставлю тебя. Годы и годы, сидя за этими веслами, я сгорал от страсти к

тебе. А теперь я даже не могу дотронуться до тебя... — он попробовал стащить с нее одежду, но с ее мужским костюмом это было не так-то просто сделать. Она продолжала защищаться с нечеловеческой силой, но он сумел оторвать воротник камзола и обнажить грудь.

— Отдайся мне, — умолял он. — Попробуй понять. Я изголодался по тебе, я умираю от желания. — Они бешено и ожесточенно боролись среди пучков можжевельника под порывами ветра.

Внезапно она осознала, что каторжника оттащили, как будто вырвали с корнями из почвы и швырнули на землю в нескольких шагах от нее. Из зарослей появился человек. Через его порванный голубой мундир виднелись грудь и плечи, покрытые синяками, а распухшее лицо было измазано запекшейся кровью. Но Анжелика сумела узнать в нем молодого лейтенанта Миллерана.

Никола тоже узнал его, едва встав на ноги.

— А, господин офицер, — произнес он, скаля зубы. — Так вы пришлись рыбам не по вкусу, хоть мы и отправили вас за борт? Жаль, что я не помог вам так, чтобы вы не смогли появиться здесь и вмешаться не в свое дело.

— Бунтовщик! — взревел молодой человек. — Ты заплатишь за это!

Никола бросился на него, но бешеный удар повалил его. Каторжник взвыл от ярости и снова бросился в атаку. Казалось, бесконечно долгое время они обменивались смертельными ударами. Они были примерно одинакового роста и одинаковой силы, и несколько раз офицер короля так тяжело падал на землю, что Анжелика боялась, что он уже не поднимется под ударами молотившего его сверху Никола. Но в какой-то неуловимый момент лейтенант перекатился на спину и ударил противника в живот. Секундой позже он был снова на ногах. Еще один удар в

живот заставил Никола побелеть — это было заметно даже под грязной бородой, — пошатнуться и согнуться пополам.

— Подонок, — прохрипел каторжник. — Все это время ты ел ортоланов, а я жрал на галерах деликатесный бобовый суп...

Миллеран безжалостно ударил его в лицо, после чего Никола отступал все ближе и ближе к кромке утеса под градом сыпавшихся на него ударов, пока не закачался на краю обрыва.

— Нет!!! — завизжала Анжелика. Но в это время Никола потерял равновесие и упал в голубые глубины. На эхо ее голоса ответил только удар его тела о красные скалы внизу.

Лейтенант Миллеран вытер лоб.

— Справедливость восторжествовала, — сказал он.

— Он мертв! На этот раз он действительно мертв! О, Никола! О, на этот раз ты уже никогда не вернешься!

— Да, он мертв. Море уже уносит его, — еще не остыв от только что выигранного поединка, лейтенант не мог понять, почему она рыдает, почему на коленях стоит на краю обрыва, плача и заламывая руки. — Не смотрите, мадам. Это бесполезно. Он вполне мертв. Вам больше нечего бояться. Пойдемте, и потише, иначе мы привлечем других каторжников, — он помог ей подняться, и они вдвоем скрылись с места, где разыгралась трагедия.

Глава 9

Они долго шли через безлюдный остров, пока не увидели вдаль на мысу темную громаду замка.

— Слава богу, — прошептал лейтенант. — Мы сможем попросить приюта у владельца этих мест, — молодой офицер совершенно обессилел от ночного заплыва в ледяной воде, от борьбы, от судорог и отчаяния. Только на рассвете море выбросило его на берег, где он, придя в себя, сумел подкрепиться несколькими корешками. Потом он потащился в глубь острова искать помощи, услышал женские крики и побежал туда, где Анжелика боролась с Никола.

Ярость при виде зачинщика мятежа, стоившего жизни его товарищам, придала ему силы для мести. Но в поединке он получил немало болезненных ударов, и теперь силы его были почти на исходе.

Полумертвая от жажды, Анжелика едва ли была бодрее его.

Вид замка придал им сил, и они прибавили шаг. Теперь в диком, необитаемом ландшафте появились некоторые следы человека. На далеком пляже они различали фигуры людей, а за поворотом тропинки перед ними открылось стадо коз, мирно пасущихся на короткой траве.

Миллеран взглянул на них и нахмурился. Он затащил Анжелику за скалу и жестом велел ей лечь.

— Что там?

— Не знаю. Но эти козы кажутся мне подозрительными.

— Почему?

— Не удивлюсь, если их пускают бродить по берегу с фонарями на шеях.

— О чем вы?

Он приложил палец к губам и подполз к краю обрыва. Понаблюдав минуту, Миллеран поманил ее к себе.

— Я не ошибся, — прошептал он. — Смотрите!

Под ним в океан впадала широкая река, над которой высилась мрачная громада замка. Между скал плавали обломки кораблекрушения — мачты, весла, паруса, куски позолоченного дерева, бочонки и доски, качавшиеся на волнах, а кое-где — и мертвые тела. Другие тела были выброшены на скалы, и их заметные издали красные одежды отражались в лужах, оставшихся после прилива. На пляже, где свистели и перекрикивались морские птицы, мужчины и женщины, вооруженные баграми, подбирали плавающие предметы. Другие подтаскивали выброшенные на берег трупы и сбрасывали их обратно в море. Третьи направлялись на маленьких лодках к остову судна, разбившегося об острые скалы в устье реки.

— Это морские мародеры, — прошептал Миллеран, — стервятники, кормящиеся падалью. Ночью они привязывают зажженные фонари на шею козам, а корабли, проходящие мимо, принимают их за огни гавани, поворачивают к берегу и разбиваются о скалы.

— Так каторжники на галере решили, что найдут здесь убежище?

— Они получили по заслугам. Но что скажет господин де Вивонн, узнав о потере своего флагмана? Бедный старый «Ройял»!

— А что делать нам?

Лейтенанту помешали ответить десять обожженных солнцем мужчин, бесшумно появившихся позади них.

Мародеры связали им руки за спиной и повели их к сеньору Паоло ди Висконти, который управлял этими землями из башни, построенной из вулканической породы.

Это был атлетически сложенный генуэзец с такими мощными мускулами, что они, казалось, того и гляди разорвут его атласную рубашку. По ослепительной улыбке и жестокому выражению лица в нем нетрудно было признать разбойника. Он и был разбойником, и никем другим, и правил своими корсиканскими подданными, такими же жестокими, как он сам.

Казалось, он обрадовался при виде двух пленников. Добыча в виде старой галеры и нескольких жалких рабов казалась ему до смешного скудной.

— Офицер его величества короля Франции! — воскликнул он. — Думаю, у вас есть любящая семья, сеньор, и, быть может, богатая к тому же? Dio mio, che Bello Ragazzo! — вздохнул он, поднимая подбородок Анжелики грязной рукой с множеством перстней.

Лейтенант Миллеран посуровел.

— Мадам дю Плесси-Белльер, — представил он ее.

— Женщина? Мадонна! Ma Garda che Carina! Che Bella Ragazza! Мне нравятся молодые леди, но такая женщина — это большая редкость!

Лейтенант Миллеран узнал от него, что шторм выбросил их на берег Корсики, в дикое и пустынное место, находящееся под властью Генуи.

Из уважения к их положению итальянец пригласил их к обеду. Его гостеприимство представляло собой забавную смесь роскоши с сельской простотой. Кружевная скатерть была изумительной ручной работы, но вилки отсутствовали, и стол был сервирован несколькими оловянными ложками. Все ели, запуская пальцы в серебряное блюдо с клеймом знаменитого венецианского мастера.

Сеньор ди Висконти предложил жареного молочного поросенка с гарниром из укропа и каштанов. Потом слуги принесли огромный оловянный горшок, наполненный желтовато-шафрановым супом, еще какие-то кушанья и кусочки печенья с жареным сыром.

Несмотря на свои опасения, Анжелика ела сколько могла. Генуэзец не спускал с нее глаз, наполняя ее серебряный с золотой чеканкой кубок темным ароматным вином, которое сразу вызвало румянец на ее щеках. Она непрестанно бросала испуганные взгляды на Миллерана, который понял их значение и пришел ей на помощь.

— Мадам дю Плесси крайне устала. Нельзя ли ей отдохнуть где-нибудь в спокойном уголке?

— Устала? Быть может, сеньора — ваша возлюбленная, сеньор?

— Нет, — молодой человек покраснел до корней волос.

— Ну, прямо гора с плеч свалилась! Я опять могу дышать, — сказал генуэзец, прикладывая руку к груди. — Я бы не хотел смущать вас. Но теперь все в порядке, — он повернулся к Анжелике. — Вы устали, сеньора? Я понимаю. Я грубиян. Я провожу вас в вашу — как это по-французски? — комнату.

На самом верху башни находилась хорошо проветриваемая комната, в которой стояла кровать с расшитыми простынями и парчовыми покрывалами. В комнате находилось множество венецианских зеркал, французских часов и турецких доспехов. Анжелика подумала, что ее спальня сильно смахивает на склад краденых вещей в Ньельской башне.

Горничная-корсиканка настояла, чтобы она приняла ванну и надела очень симпатичное платье, которое достала из шкафа, где висело еще много других, без сомнения, добытых из сундуков слишком смелых путешественников. Анжелика была рада окунуться в бадью с теплой водой и вытянуть уставшие до судорог ноги, которые пострадали от солнца и соленой воды, однако она настояла на том, чтобы вновь надеть свой прежний костюм, хотя он испачкался и порвался. Она убедилась, что пояс, набитый золотыми монетами, не

пропал. Мужское платье и деньги послужат ей некоторой защитой.

Ей казалось, что кровать поднимается и опускается, как застигнутый штормом корабль, лишая ее последних сил. Вокруг нее кружились, глядя на нее и подмигивая, лица Никола, каторжников, сеньора Паоло. Наконец она провалилась в мучительный сон.

Ее разбудил стук в толстую решетку, которая служила дверью. Приглушенный голос звал:

— Хозяйка! Хозяйка! Это я. Мадам Маркиза, открывайте! — она потерла лоб. Комнату пронизывал ледяной ветер. — Это я, Флипо!

Она вскочила и нашарила дверь, за которой обнаружила своего лакея с масляной лампой.

— Как вы себя чувствуете, мадам Маркиза? — спросил он, улыбаясь до ушей.

— Но... как... — она понемногу приходила в себя. — Флипо, откуда ты взялся?

— С корабля, как и вы, мадам Маркиза.

Анжелика взяла его за плечи и поцеловала:

— Мой мальчик, как я рада видеть тебя! Я думала, что ты или убит каторжниками, или погиб при кораблекрушении.

— Нет. Каламбрден узнал меня еще на галере. Он сказал: «Это наш». Я упросил его спасти также старого аптекаря, потому что он не мог ничем повредить им. Они заперли нас в кладовую, но господин Савари открыл замок. Это было в темноте, в самый разгар шторма. В трюмах завывали рабы, а те, кто освободился от цепей, толпились по всей галере. Обнаружив, что вас уже нет на корабле, мы с господином Савари ухитрились спустить шлюпку. Этот старик еще немного и моряк! Но все же мы не сумели уйти от рыбаков сеньора Паоло. Мы все держались заодно, и нам дали немного еды. Когда мы узнали, что вы тоже спаслись, радости нашей не было предела!

— Да, мой мальчик, остаться в живых — это уже кое-что, но наше положение не из приятных. Мы в руках отъявленных грабителей.

— Поэтому я и пришел за вами. Корабль готов выйти в море. Да, купец, задержанный сеньором Паоло, пытается потихоньку улизнуть. Он готов ждать нас в течение часа, но нам нужно торопиться.

Раздумывать Анжелике было некогда. Все, что у нее было, было на ней. Она бросила взгляд на комнату и, решив, что один из кинжалов, висящих на стенах, придется ей по руке, засунула его в рукав.

— Как мы выберемся из замка? — спросила она шепотом.

— Мы можем только попробовать. Но здесь все пили, празднуя крушение галеры. На ней нашли несколько неповрежденных бочонков вина. Они напились как свиньи.

— А сеньор Паоло?

— Я не видел его. Наверное, тоже спит где-нибудь в углу.

Анжелика спросила о лейтенанте Миллеране, но Флипо сказал, что тот заперт в подземной тюрьме, и его придется предоставить его собственной судьбе.

Они черепашьям шагом преодолевали лестницу пролет за пролетом. Сквозняк чуть не задувал их лампу и заставлял мигать даже укрепленные на кронштейнах факелы. В конце концов они наткнулись на пошатающегося генуэзца; улыбка, появившаяся на его лице при их появлении, не сулила ничего хорошего.

— А, сеньора ше соа с'е? Вы пришли составить мне компанию? Я в восхищении!

Анжелика, спускаясь еще на несколько ступенек, с одного взгляда оценила ситуацию. Над головой сеньора Паоло на сделанной из реек раме свисали сверху четыре толстые сальные свечи; рама держалась на шнуре, пропущенном через блок, который был укреплен

на стенке лестницы. Анжелика выхватила кинжал и перерезала шнурок.

Она так никогда и не узнала, свалилась ли эта примитивная люстра на голову генуэзца или нет, потому что все огни погасли. Но они услышали, как он взревел, и поняли, что если его и не убило, то, во всяком случае, ему сейчас придется нелегко.

Воспользовавшись замешательством и темнотой, Анжелика и Флипо смогли добраться до ворот и без помех пересечь внутренний двор. Здание было разрушено настолько, что они не знали, находятся ли еще в пределах его рассыпавшихся стен или нет, пока Флипо не нашел проход, ведущий к месту встречи. Несущиеся по небу облака закрывали луну.

— Сюда, — сказал Флипо.

Проползая через заросли, они слышали шум волн на покрытом галькой пляже и наконец добрались до маленькой бухточки, где вокруг лодки бродило несколько силуэтов.

— Так это вы желаете отправиться на корм рыбам Корсики и Сардинии? — спросил голос с марсельским акцентом.

— Да, я, — ответила Анжелика. — Подождите, вот вам за ваши хлопоты.

— Мы поговорим об этом позже. Залезайте в лодку.

В нескольких шагах от них Савари, похожий в темноте на демона, изрыгал проклятия в ветреную ночь:

— Твоя жадность принесет тебе несчастье, о ненасытный Молох, осьминог, вонючая пиявка, кровосос. Я предлагаю тебе все, что у меня есть, а ты отталкиваешь.

— Я заплачу за него, — сказала Анжелика.

— На борту будет слишком много пассажиров, — проворчал капитан. Потом он подошел к румпелю и

притворился, что не видит, как старик забрался в лодку вместе со своим саквояжем, зонтиком и склянками.

Луна, извечный друг беглецов и контрабандистов, надолго скрылась в облаках. Лодка успела незаметно выйти за линию утесов, охраняемую генуэзскими часовыми. Когда серебряный свет опять пробился сквозь тучи, маяк на вершине башни мелькал уже, казалось, где-то далеко позади.

Капитан-провансалец облегченно вздохнул.

— Ну, — сказал он, — теперь можно и спеть. Возьми-ка руль, Муччо, — он вытащил из сундука гитару и тщательно ее настроил. Вскоре над морем разнесся его бас.

— Ба, да это никак та самая дама из Марсея, которой не терпелось взглянуть на гарем турецкого султана? Вот уж воистину вы умеете добиться своего, — в свете дня Анжелика узнала капитана «Жульетты», того самого шкипера, который так неумолимо предупреждал ее об опасностях путешествия. Это был человек лет за сорок, с веселым, сильно загоревшим лицом, увенчанным полосатым красно-белым неаполитанским колпаком, по имени Мельхиор Паннассав. Штаны его поддерживал обернутый в несколько оборотов вокруг талии широкий шарф. Он долго сосал свою трубку, прежде чем обратиться к одному из своих людей:

— Если женщина что-нибудь вобьет себе в голову, — заметил он, — то сам господь бог не удержит ее.

Старый беззубый матрос по имени Скаяно, который казался столь же молчаливым, сколь разговорчивым был капитан, выразил свое согласие, выпустив длинную струю табачного сока.

В команду входил еще мальчик-грек по имени Муччо.

— Ну, итак мы на борту, — сказал капитан. — С грузом у нас не так уж много места. Я никак не рассчитывал на даму-пассажирку.

— Почему бы вам не обращаться со мной, как с мальчиком? Вы не будете первым, кто принял меня за молодого человека.

— Возможно, это в конце концов самое лучшее. Но пока, при своих, не будем разыгрывать комедию, ладно?

— Это помогло бы нам привыкнуть, чтобы, если мы будем остановлены нехристями...

— Бедная моя девочка, при всем уважении к вам должен сказать, что вы фантазируете. В ту минуту, как они увидят ваше милое личико, вы попадете к ним в руки, будь вы хоть девочкой, хоть мальчиком, — спросите об этом Меццо-Морте, адмирала алжирского флота, ха-ха-ха! — он многозначительно подмигнул в сторону молчаливого матроса.

Анжелика пожала плечами:

— Но ведь это чепуха — делать вид, что мы обречены на встречу с берберами или султаном.

— Это не выдумка, мадам — простите, месье, — я сам был в плену у них десять раз. Пять раз меня обменивали почти сразу, а остальные стоили мне в общей сложности тринадцати лет плена. Я был рабом на виноградниках на побережье Босфора и в пекарнях какого-то паши на вилле около Константинополя. Вы можете представить меня пекарем? Ну и судьба для рыбака! Особенно раскатывающим их оладьи, тонкие, как платок, и наклеивающим их в печи. Конечно, я справлялся, но больше всего мне досаждали окружавшие нас евнухи с мечами в руках, которые все время следили, чтобы я не бросил ни одного взгляда на юных девушек за ставнями гарема.

Прояснилось. Большие белые со светящимися кромками облака неслись по небу, подгоняемые сухим

свистящим ветром, от которого на волнах появились клочья пены.

— Какое счастье, что шторм утих, как только мы отошли от берега, — продолжал Паннассав, попыхивая трубкой. — Отсюда до Сицилии нам будет сопутствовать хорошая погода.

— И еще берберы, — прошипел Савари, — ждущие своего часа!

— Чего я не могу понять, — проговорила Анжелика, — так это как у вас хватает мужества оставаться рыбаком после всех ваших злоключений. Что гонит вас в море — не понимаю.

— Ха! Вы начинаете понимать. Отлично! Почему я плаваю? Видите ли, это моя работа, мадам. Я плаваю вдоль берега от одного порта до другого и понемногу торгую. Вот сейчас в этих узелках, завернутых в станиоль, — видите? — шалфей и огуречник. Я собираюсь продать их в Леванте за цейлонский чай. Растение за растение, как видите.

— Но чай не принадлежит ни к семейству миртовых, ни к семейству фенхеля, — педантично заметил Савари. — Это листья кустарника, который выглядит, как олеандр. Настои его освежают мозг, просветляют глаза и помогают от газов в желудке.

— Я, конечно, люблю его, — зло сказал Паннассав. — Но турецкий кофе нравится мне больше. Я посылаю свой чай мальтийским рыцарям, а они торгуют им с берберийскими племенами — алжирцами, тунисцами и марокканцами. Все они, несомненно, большие любители чая. Я возвращусь также с небольшим количеством кораллов и несколькими жемчужинами из Индийского океана. Смотрите, вот они, спрятаны в поясе, — провансальский капитан растянулся под солнцем на банке. Анжелика на носу сражалась со своими волосами. Она решила сесть лицом против ветра и

распустила их, как золотой водопад, подставив лицо обжигающему солнцу.

Мельхиор Паннассав наблюдал за ней через полуприкрытые веки:

— Почему я плаваю? — повторил он улыбаясь. — Потому что для сына Марсея нет ничего лучше, чем носиться в такой вот ореховой скорлупке между голубым морем и голубым небом. А если впридачу есть красивая девушка с волосами, развевающимися по ветру, то... всякий может сказать...

— Латинский парус по правому борту, — сообщил старый матрос.

— Заткнись, дурак, ты мешаешь мне мечтать.

— Это арабское судно с парусами и веслами.

— Подними флаг Мальтийского ордена.

Юнга пошел на корму, чтобы развернуть красный флаг с белым крестом посередине. Все находящиеся на борту маленькой парусной лодки не без беспокойства следили, чем ответит арабское судно.

— Они удаляются, — сказал Паннассав, снова ложась. — Нет лучшего противоядия от этих гадов, плавающих под знаком полумесяца, чем флаг добрых монахов ордена святого Иоанна Иерусалимского. Конечно, их уже нет ни в Иерусалиме, ни на Кипре, ни даже на Родосе; но на Мальте они все еще держатся. В течение столетий не было у мусульман худшего врага. Поэтому я, не колеблясь, заплатил целую сотню ливров за то, чтобы плавать под их флагом. У меня есть еще и французский флаг, и флаг с эмблемой герцога Тосканского, еще один, который, если немного повезет, может отпугнуть испанцев, и еще один, который служит пропуском для марокканцев. Последний — настоящее сокровище, он мало у кого есть. Я держу его на крайний случай. Видите, мадам, мы готовы к любой встрече.

На суденушке не было каюты или кубрика для команды. Муччо, юнга, повесил два гамака и развернул парусину, пропитанную для водонепроницаемости льняным маслом, чтобы защитить Анжелику от брызг. Ветер переменял направление и утих, но почти сразу же поднялся ветер с другой стороны. Моряки бросились брать рифы, пока еще не совсем стемнело.

— Мы не будем зажигать фонарей? — спросила Анжелика.

— Чтобы нас было видно?

— Кому?

— Кто знает, — ответил капитан, широким жестом обводя горизонт.

Анжелика прислушивалась к глухому ворчанию моря. Чуть позже взошла луна, и по воде от нее протянулась серебряная дорожка.

— Время для песен, — заявил Мельхиор Паннассав, доставая гитару.

Анжелика слушала, как звуки неаполитанской баллады разносятся над тихой водой. В ее голове начал складываться план. Похоже, на этом Средиземном море поют все. Каторжники забывают о своих несчастьях, моряки забывают о подстерегающих их опасностях. Эти южане с незапамятных времен славились звучными, глубокими голосами.

«Тот, кого, бывало, называли «золотой голос», — думала она, — разве он не пел так, что слава его разносилась по земле и по морю?»

Воодушевленная внезапной надеждой, она воспользовалась моментом, когда Паннассав переводил дыхание, и спросила, не слышал ли он на Средиземном море о певце с особенно красивым приятным голосом. Капитан задумался на мгновение, потом назвал ей всех, кто славился своими голосами от Босфора до берегов Испании, не упуская из виду Корсики и Италии. Но ни

один из них не подходил под описание Лангедокского трубадура.

Она погрузилась в сон, все еще горя этой идеей.

Когда она проснулась, солнце поднялось уже высоко. Море было спокойным. Лодка медленно двигалась вперед, шкипер сидел на руле. Старый матрос лежал, жуя табак. Анжелике был виден кудрявый Флипо, пытающийся найти забвение от всех хлопот во сне, и маленький юнга, спящий столь же крепко с обнаженной грудью, обожженной солнцем, под расстегнутой рубахой. Однако нигде не было видно ни следа Савари.

Анжелика вскочила и принялась трясти капитана.

— Что вы сделали с мэтром Савари? Ссадили его ночью на берег?

— Если ты не успокоишься, девочка, я могу ссадить и тебя.

— Как вы могли сделать такую подлость! И все потому, что у него нет денег! Я же сказала, что заплачу за него.

— Ну-ну, потише! Ты настоящий дракон, а? Недумаешь ли ты, что судно могло зайти ночью в порт и потом выйти в море без суматохи и без визита властей? Уж очень крепко ты должна была спать, чтобы не заметить всего этого.

— Но тогда где он? — крикнула Анжелика. — Упал за борт?

— В самом деле, что за чудо? — сказал капитан, оглядываясь вокруг. Насколько он мог видеть, повсюду искрилась голубая вода.

— Вот я, — произнес замогильный голос, который мог бы принадлежать какому-нибудь морскому божееству.

Черное, как у угольщика, лицо появилось над люком, а потом из отверстия вылез и весь старый ученый. Одной рукой он вытирал запачканное сажей

лицо, не переставая разглядывать черный предмет, который держал в другой.

Капитан даже не засмеялся — зарычал:

— Не ломайте себе голову, дедушка, вы не сможете расколоть эту шишку. Она тверже чернильного орешка.

— Интересная штука, — сказал ученый. — Очень похоже на свинцовую руду. — Он покачнулся от удара волны, и предмет, который он держал руке, упал с глухим, тяжелым звуком.

Мельхиор Паннассав пришел в ярость:

— Смотрите, что делаете! Если эта штука упадет за борт, мне придется заплатить тысячу ливров штрафа.

— Что-то свинцовая руда стала по вашим словам очень дорогой, — задумчиво протянул аптекарь.

Капитан извинился за грубость и успокоился:

— Это просто моя манера говорить. Нет ничего плохого в том, чтобы перевозить свинцовую руду, но я предпочел бы, чтобы вы делали вид, будто ничего не видели. Кстати, что вы делали в трюме?

— Я боюсь, чтобы мои склянки не разбились, и искал для них безопасное место. Да, у вас есть немного пресной воды, чтобы я мог привести себя в порядок?

— На это у меня воды нет. К тому же вам не поможет ни вода, ни мыло. Вам нужен лимонный сок или крепкий уксус, но у меня нет ни того, ни другого. Вам придется подождать до суши.

— Очень занятное вещество, — повторил ученый, удаляясь в уголок и по-прежнему напоминая рабочего угольных копей.

Анжелика удобно устроилась на сложенном парусе на дне лодки, где она была защищена от ветра, и неохотно жевала солонину, печенье и сладкий перец, которыми Паннассав потчевал своих пассажиров. Она размышляла о шишке, и в ее памяти вновь вставало прошлое. Савари, хотя и был ученым, не знал, что «шишка» — не свинцовая руда, а сильно загрязненное

серебро, которое нагревали в парах серы, чтобы оно почернело. Именно к такой маскировке прибегал граф де Пейрак, чтобы контрабандой провозить серебро из своих шахт в Испании и Англии, и она слышала, что многие средиземноморские контрабандисты делали то же самое.

В полдень, когда Мельхиор Паннассав устроился на краткий послеобеденный отдых, Анжелика подседа к нему.

— Господин Паннассав, — прошептала она.

— Да, прекрасная дама!

— Можно задать вам нескромный вопрос? Вы везете серебро для Рескатора?

Капитан был занят разворачиванием платка, который должен был закрыть его лицо от солнца. Он резко уселся, и лицо его уже не было веселым.

— Не расслышал, что это вы сказали, — ответил он сухо. — Знаете ли, опасно болтать на людях. Рескатор — это христианский пират, который состоит в союзе с турками и берберами, а это означает, что он человек отчаянный. Я никогда не видел его и не хочу видеть. А то, что я везу в трюме, — свинец.

— У меня на родине горняки называют это штейном. Вы называете это «шишками», но это одно и то же, а именно, — замаскированная серебряная руда. Мой отец занимался перевозкой ее на побережье на мулах и отправлял в виде тонких черных пластинок без королевского клейма. Я знаю, что не ошибаюсь. Слушайте, господин Паннассав, я расскажу вам все, — и Анжелика рассказала ему, как она разыскивает человека, которого любит и который занимался горным делом.

— Так вы думаете, что он и теперь этим занимается?

— Да.

Не слышал ли он, занимаясь торговлей, об очень ученом человеке, хромом, со шрамом на лице?

Мельхиор Паннассав покачал головой. Потом спросил:

— А как его зовут?

— Не знаю. Он наверняка должен был переменить имя.

— Без имени, а? Ну, видно, правильно говорится, что любовь слепа и выбирает себе жертвы наугад, — он погрузился в глубокие размышления, лицо его успокоилось, но в глазах осталась настороженность. — Ну, девочка, слушай, — решил он наконец. — Я не хочу обсуждать твой вкус или спрашивать, почему ты все еще цепляешься за эту любовь, когда в мире полно красивых приятных молодых людей, которые не стыдятся имени господина и крещены своими родителями. Нет, не мое это дело читать тебе проповедь. Ты уже не ребенок. Ты должна знать, что делаешь и чего хочешь. Но я не должен тебя обманывать. Перевозка «шишек» всегда существовала на Средиземном море и всегда будет существовать. Твой возлюбленный не первый. Хочешь, я скажу тебе кое-что? Мой отец перевозил «шишки». Говорят, он тоже был «Рескатором» — о, совсем мелким, не столь крупным и могущественным, как тот, настоящий. Этот — профессиональная акула. Он явился из южной Америки, куда, говорят, король Испании отправил его на поиски золота и серебра, принадлежавших инкам. Впоследствии он стал работать на себя. Как только он появился на Средиземном море, он проглотил всю мелкую рыбу. Всякого, кто не работал на него, он топил. Можно сказать, он захватил монополию.

Но никто не порицал его за это. Теперь дело на Средиземном море поставлено лучше. Перекупщик стал покладистее, и торговля не хиреет. Раньше приходилось идти на неприятности, чтобы найти на рынке чуток серебра. Оно циркулировало мизерными порциями, и всем приходилось затягивать пояса. Когда купец хотел совершить крупную сделку с шелком или

другими восточными товарами, ему часто ничего не оставалось, как обращаться к банкиру и занимать деньги под громадные проценты. Туркам, естественно, не хотелось разыскивать повсюду свои деньги, и операции такого рода совершенно сошли на нет. Теперь серебра много. Откуда оно берется? Кому какое дело? Вот и все.

Разумеется, не всем это нравится — людям, которые копят деньги и никогда не ссужают их — разве только под пятьсот процентов — маленькие страны, мелкие принцы. Король Испании, например, думает, что все богатства Нового Света принадлежат ему, есть и другие жадные люди вроде герцога Тосканского, венецианских дождей или рыцарей Мальтийского ордена. При таком ходе событий им пришлось выйти из игры.

— Иными словами, Рескатор — ваш благодетель.

Лицо капитана потемнело.

— Он не мой благодетель. Я не хочу иметь никаких дел с этим проклятым пиратом.

— Тем не менее, вы везете серебро, а он — монополист...

— Слушай, девочка, позволь дать тебе совет. Не нужно знать слишком много. Никто ничего не знает до конца. Не нужно знать ни где начинается цепь, звеном которой ты являешься, ни даже где она кончается. Я обычно беру груз в Кадисе или еще где-нибудь — обычно в Испании — и подряжаюсь отвезти его в левантийские города, не всегда в одно и то же место. Я разгружаюсь и получаю плату наличными или заемными письмами, которые могу предъявить в любом месте Средиземноморья — в Мессине, Генуе, даже в Алжире, если мне взбредет в голову поехать туда. После этого все сделано, и дело с концом. Мельхиор, возвращайся в Канберру, — с этими словами капитан развернул свой платок, показывая, что сказал все, что собирался сказать.

Анжелика покачала головой. «Неважно, где начинается и где кончается цепь, в которой ты являешься звеном». Она не могла согласиться с правилами этих мест, где сталкиваются столь многочисленные интересы и приходится забывать имя своего благодетеля и вообще стараться помнить поменьше. Она не упустит тонкую нить, которая оказалась у нее в руках, пока не дойдет до конца.

Тем не менее эта тонкая нить, казалось, проскальзывает у нее между пальцев и тает в синеве неба. Ленивое движение моря, тепло солнца растворяли действительность в фантазии. Она легко могла понять, каким образом на этих берегах действительность переплавлялась в античные мифы.

«Не думаете ли вы, что сама я верю в миф... в легенду об исчезнувшем герое, которого нет больше на земле людей... пытаюсь найти дорогу, которую он проложил сюда, где никто не спрашивает о подробностях, и все миражи сливаются в одну огромную недостижимую мечту».

Она очнулась от своих мыслей и сказала:

— Спасибо вам, господин Паннассав. Вы рассказали мне массу интересного.

Капитан отверг ее благодарность галантным жестом и растянулся на скамейке.

— Ерунда, — сказал он скромно. — Не стоит благодарности.

Ближе к вечеру они заметили увенчанную снежной шапкой гору, сверкающую в свете заходящего солнца.

— Везувий, — сказал Савари.

Юнга, который скорчился на бухте каната около мачты, крикнул, что видит судно. Когда оно подошло ближе, оказалось, что это бригантина внушительных размеров.

— Какой флаг?

— Французский, — весело крикнул в ответ Муччо.

— Поднять флаг Мальтийского ордена, — приказал Паннассав.

— Почему мы не поднимаем французский флаг, завидев соотечественников? — удивилась Анжелика.

— Потому что мне не нравятся мои соотечественники, когда я вижу их на испанском военном корабле.

Галеон, видимо, собирался пересечь курс маленькой «Жульетты». На всех его реях развевались орифламы.

Месье Паннассав проглотил ругательство:

— Ну что я говорил! Они идут на сближение. Это не регулярный корабль — они в неаполитанских водах, и Франция не воюет с Мальтийским орденом. Это какая-то хитрость. Подождем и посмотрим.

Галеон продолжал идти прежним курсом. Потом Анжелика к своему удивлению увидела, как французский флаг опустился и на его место был поднят не знакомый ей флаг.

— Флаг великого герцога Тосканского, — сказал Савари. — Это означает, что на борту корабля французы, но он имеет право вести дела с Мессиной, Палермо и Неаполем.

— Нас еще не поймали, детки, — прошептал капитан. — Приготовимся пошутить, если они настаивают.

Им был виден человек в длинном красном плаще и в шляпе с перьями, стоявший на корме и наблюдавший за ними в подзорную трубу. Когда он отнял трубу от лица, Анжелика заметила, что оно закрыто маской.

— Это дурной признак, — проворчал Паннассав. — Тот, кто надевает маску, идя на переговоры, — не добрый христианин.

Человек с лицом палача, очевидно, помощник, дал человеку на корме рупор.

— Какой груз? — крикнул тот по-итальянски.

— Везем свинец из Испании на Мальту, — ответил Паннассав на том же языке.

— Это все? — надменно крикнул тот по-французски.

— Еще немного трав, — ответил Паннассав также по-французски.

Человек, перегнувшийся через поручень, разразился смехом. Паннассав подмигнул.

— Насчет трав — хорошо придумано. Они ими подавятся!

Потом, посоветовавшись с помощником, человек в шляпе снова поднял рупор.

— Спустите паруса и приготовьтесь к проверке. Мы собираемся проверить коносаменты.

Паннассав побагровел:

— О чем он думает, обрушивая закон на невинных людей? Ну, сейчас я ему задам!

С борта бригантины спустили шлюпку. В нее уселись матросы, вооруженные мушкетами, под командой некрасивого помощника, один глаз которого был закрыт черной повязкой, отнюдь его не украшавшей.

— Муччо, берись за парус. Скаяно, приготовься принять руль, когда я скажу. Дедусь, вы умнее, чем кажетесь. Походите вокруг меня, чтобы они вас видели. Повернитесь к ним спиной. Вот так. Это ключ от сундука с порохом. Прихватите еще и пуль. Нужно действовать так, чтоб они не видели. Пушка уже заряжена, но мы ее придержим в запасе. Пока не снимайте с нее чехла, я думаю, ее еще не заметили.

Парус наполнился, и «Жульетта» легла в дрейф. Шлюпка направилась к ним, то пропадая между волн, то показываясь уже на меньшем расстоянии.

Мельхиор Паннассав снова крикнул в свой рупор:

— Я не признаю вашего права вступать ко мне на борт.

В ответ послышался презрительный смех.

— Ну погоди, — проворчал капитан. — Берите румпель, дедусь, — он сорвал парусиновый чехол, закрывавший пушку, схватил фитиль, который до сих пор держал в зубах, поджег его от трута и засунул в запальное отверстие пушки.

— Держитесь, детки, и да поможет нам бог!

Пушка рывкнула, так тряхнув судно, что все попадали на палубу.

— Мимо, черт бы их побрал! — выругался Паннассав. Он возился в густом дыму, стараясь перезарядить пушку.

Выстрел обдал призовую команду брызгами, и только. Когда дым рассеялся, нападающие снова стали видны, целые и невредимые. Они бросили весла и принялись заряжать мушкеты.

«Жульетта» все еще лежала в дрейфе — легкая добыча для более сильного противника.

— Руль, Скаяно, руль! А вы, дедусь, попробуйте помочь ему кормовым веслом.

Град мушкетных пуль поднял вокруг них фонтанчики воды. Капитан взвыл и схватился за правую руку.

— О, вы ранены! — взвизгнула Анжелика, бросаясь к нему.

— Ублюдки! Я заставлю их заплатить за это. Дедусь, вы умеете стрелять из пушки?

— Я был пушкарем у Сулеймана-паши.

— Отлично! Подойдите к орудию и приготовьте фитиль. Бери руль, Муччо.

Шлюпка была теперь не дальше пятидесяти морских саженей, носом к шхуне, и представляла собою плохую мишень. И парусное суденышко, и шлюпка подпрыгивали на волнах под порывистым ветром.

— Сдавайтесь, дурачье, — крикнул человек с черной повязкой.

Мельхиор Паннассав, все еще зажимая рану на руке, обернулся на своих спутников. Все покачали головами. Тогда он крикнул:

— Провансальские капитаны не сдаются! — и, указывая пальцем на Савари, прошептал: — Огонь!

Второй выстрел потряс судно. Когда дым рассеялся, открылись плавающие в воде обломки и весла, за которые цеплялись люди.

— Bravo! — проворчал капитан. — А теперь — поднять все паруса! Попробуем удрать.

Но тупой удар потряс «Жульетту». Анжелике показалось, что планшир, в который она вцепилась, плавится под ее руками, как масло. Холодная вода захлестнула ее ноги. Потом она почувствовала соленый вкус во рту.

Глава 10

Капитан корсарского корабля снял маску, открыв еще молодое лицо, загар которого приятно контрастировал с серыми глазами и светлыми волосами. Но сетка тонких морщин придавала ему насмешливое выражение, а мешки под глазами свидетельствовали о неумеренной жизни. Виски у него начинали сесть.

— За всю свою жизнь, — заметил с высокомерным видом, — я не видал такой жалкой команды. Кроме этого марсельца, который неплохо сложен, — если не считать пули в плече, — только двое тощих мальчишек и пара плюгавых стариков, один из которых зачем-то подделывается под негра, — он схватил Савари за бороду и подтянул к себе. — Как ты думаешь, что ты выиграешь, сменив цвет? Негр ты или нет, я не выручу за твой старый скелет и двадцати цехинов.

Помощник с черной повязкой, плотный, темнокожий человек дрожащим пальцем указал на старика:

— Это тот самый... тот, который потопил... нашу шлюпку... из пушки, — он насквозь промок и клацал зубами. Кроме него, выловили из воды еще трех человек, но пятерым членам команды «Гермеса» столкновение с безобидным на вид парусным суденышком стоило жизни.

— В самом деле? Вот этот? — переспросил пират, пронзая взглядом змеиных глаз съездившегося старика, выглядевшего настолько жалким, что трудно было не заподозрить помощника во лжи.

Тот пожал плечами и отвернулся от едва ли привлекательной группы, состоящей из Савари, Флипо, юнги и старого Скаяно — со всех стекала на палубу соленая вода, к могучему провансальскому капитану, лежавшему на палубе с перекошенным от боли лицом.

— Эти провансальские дурни — как они горды! Думаешь, они блефуют, а они не боятся атаковать целый флот. Идиот! Что ты выиграл своей смелостью? Если бы твоя лодка не была так хороша, я пустил бы ее на дно. Но теперь посмотрим на этого юношу, который из всей компании кажется единственным стоящим товаром, — он направился к Анжелике, стоявшей поодаль от остальных. Она тоже дрожала в мокрой одежде, потому что солнце стояло невысоко над горизонтом, а ветер становился холодным. С рассыпавшихся по плечам локонов стекала вода.

Капитан осмотрел ее с тем же холодным презрением, с которым рассматривал всех остальных пленников.

Ему стало не по себе, потому что мокрый костюм прилип к телу, обрисовывая его форму. Блеклые брови пирата сходились все ближе и ближе, глаза сузились в щелочки, на губах заиграла дьявольская усмешка.

— Ну, молодой человек, — произнес он, — как вам понравилось путешествие? — он вытащил шпагу и приставил ее к груди Анжелики у самого воротника рубашки, края которой она инстинктивно пыталась стянуть. Она чувствовала, как стальное острие царапает ей кожу, но не вздрогнула.

— А ты смел, а? — он чуть нажал на шпагу. Анжелика едва не лишилась чувств от боли. Неожиданно лезвие шпаги скользнуло вдоль выреза рубашки и разрезало ее, обнажив белую грудь. — Отлично, женщина!

Матросы разразились диким хохотом, а Анжелика быстро стянула разорванную рубаху на открытой груди. Глаза ее пылали.

Корсар не переставал улыбаться.

— Женщина! Сегодня на борту «Гермеса» сплошные шутки. Старик, маскирующийся под негра, женщина, маскирующаяся под мужчину, провансалец, играющий

роль героя, и даже старина Кориано, который кажется морским богом, — при виде отвратительного помощника с повязкой на глазу, который отзывался на имя Кориано, раздался новый взрыв смеха.

Анжелика выждала, пока уляжется шум.

— И свинья, разыгрывающая из себя французского дворянина, — закончила она.

Он выслушал оскорбление, не переставая улыбаться.

— Отлично! Новые сюрпризы! Женщина с даром остроумия! Это редкость в восточных портах. Быть может, сегодняшней день для нас не так уж и неудачен, господа. Откуда вы, красавица? Из Прованса, как и ваши друзья?

Не дождавшись ответа, он подошел к ней и положил руку ей на талию. Не обращая внимания на то, что она отступила, пират вытащил кинжал и снял с нее пояс. Взвесив его в руке, он с понимающей улыбкой раскрыл его и стал пересыпать золотые монеты из одной руки в другую. Мужчины подошли ближе, глаза их загорелись. Однако стоило ему взглянуть на них, и они отступили.

Он еще пошарил в ее поясе и вытащил заемные письма, которые она завернула в непромокаемую парусину. Развернув пакет, он, видимо, почувствовал себя неловко.

— Мадам дю Плесси-Белльер, — протянул он. Потом пришел в себя: — Позвольте мне представиться. Маркиз д'Эскранвиль! — его поклон свидетельствовал об определенном воспитании и о том, что титул был подлинным. Она начала надеяться, что из уважения к равному с ним положению в обществе он проявит к ней некоторое почтение.

— Я вдова маршала Франции, — сказала она, — и еду на Крит проверить дела моего покойного мужа.

Его губы сложились в недобрую усмешку, но глаза оставались холодными.

— Меня зовут грозой Средиземноморья, — произнес он. Потом, подумав немного, провел ее в каюту, которую, очевидно, держал наготове для непростых пассажиров, особенно для женщин.

Там в грязном старом окованном медью сундуке Анжелика нашла европейские и турецкие женские украшения, покрывала, поддельные драгоценные камни и комнатные туфли. Она задумалась, снимать ли ей свою одежду, потому что на этом судне она не чувствовала себя в безопасности. Ей казалось, что через щели между досками в стенах каюты за ней подглядывают подмигивающие глаза. Ледяная одежда все еще липла к ее телу, и она никак не могла заставить себя не стучать зубами. Наконец она сделала над собой усилие, стянула одежду и с отвращением переоделась в белое платье, которое пришлось ей почти впору, но было очень безвкусным и вряд ли уместным для данного случая. Она подумала, что похожа в нем на пугало. В испанской шали, накинутой на плечи, она стала выглядеть лучше. Она съежилась на койке и долго лежала так в совершенной прострации. Волосы у нее слиплись и воняли морской водой, как сырые деревянные стенки каюты, и от этого мерзкого запаха Анжелику тошнило.

Она была совершенно одна посредине моря, забытая и брошенная, как потерпевший кораблекрушение моряк, цепляющийся за плот. Собственными руками она разорвала все, что связывало ее с некогда блестящей карьерой, и никто не поможет ей перейти через разверзшуюся пропасть. Где соединятся разошедшиеся концы? Даже если пират-дворянин вдруг доставит ее на Крит, что она будет там делать? Теперь у нее нет денег. Ей остается надеяться только на арабского купца по имени Али Мектуб. Потом Анжелика вспомнила про француза, который исполнял обязанности консула и который мог, возможно, помочь

ей. Она старалась припомнить его имя: Роше?.. Поше?.. Паше?.. — Нет, все не то...

Она услышала звук ключа, поворачивающегося в замке двери. Появился Кориано с фонарем в сопровождении мальчика, который нес поднос. Он подвесил фонарь к световому люку и, жадно глядя единственным глазом на узницу, приказал поставить поднос на пол. Потом, указав на него корявым пальцем с огромными перстнями, приказал ей есть.

Когда он вышел, Анжелика не смогла устоять перед соблазнительным ароматом, исходившим от подноса, на котором были жареные креветки, суп из крабов и апельсины, а также бутылка хорошего вина. Анжелика с жадностью проглотила еду. Силы ее были на исходе, она умирала от усталости и тревог. Услышав тяжелые шаги маркиза д'Эскранвиля, она чуть не закричала.

Пират повернул ключ в замке и вошел. Он был так высок, что ему приходилось наклонять голову в каюте с низким потолком. В красном свете фонаря он мог показаться красивым — с седеющими висками, с ясными глазами, — если бы не жестокая усмешка, постоянно кривившая его рот.

— Ну, — сказал он, увидев пустой поднос, — мадам, очевидно, отдала должное еде.

Она презрительно молчала, отвернув голову. Он положил ладонь на ее обнаженное плечо. Она сбросила руку и забилась в узкий угол в кормовой части каюты, шаря глазами в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не находила. Он наблюдал за ней, как дикий кот.

— Нет, — сказал он, — вы не уйдете от меня. Во всяком случае, сегодня. Сегодня счет увеличился, и вы оплатите его.

— Я ничего не должна вам, — возразила Анжелика.

Он рассмеялся:

— Не вы, так ваши сестры. Ба! Вы достаточно насолили другим мужчинам, чтобы заслужить тысячу

наказаний. Скажите, сколько мужчин ползали у ваших ног? Сколько? — Безумный блеск его глаз поверг ее в панику. Она искала путь к спасению. — Вы начинаете бояться, а? Я рад видеть это. Вы теперь не так горды. Скоро вы будете ползать передо мной на коленях. Я знаю, как добиться этого, — он расстегнул перевязь и отбросил ее на подушку вместе с поясом. Потом поступил так же с портупеей и начал с циничным бесстыдством снимать с себя одежду.

Она схватила табуреточку и бросила в него, но он увернулся и пошел на нее, дьявольски ухмыляясь, пока не схватил руками. Когда он приблизил к ее лицу свое, она укусила его в щеку.

— Проклятие! — вскричал он. Обезумев от ярости, он схватил ее за талию и пытался швырнуть на пол. В крохотной каюте они боролись молча и свирепо, только деревянные стены тряслись от ударов их переплетающихся тел.

Анжелика чувствовала, как быстро убывают ее силы. Она упала. Тяжело дыша, д'Эскранвиль прижал ее к полу всей тяжестью своего тела и следил, как успокаивается ее дыхание, ставшее неровным от ярости. Она чувствовала мощь, исходившую от всех членов его тела и оставлявшую ей силы лишь на то, чтобы вертеть головой, не давая ему прижаться ухмыляющейся маской к своему лицу.

— Успокойся, красавица! Успокойся! Ну, теперь ты ведешь себя лучше. Позволь взглянуть на тебя поближе, — он разорвал лиф и со сладострастным стоном приник к ее груди. Анжелика извивалась, снова пытаясь освободиться от него, но он лишь плотнее удерживал ее и начал раздвигать ей колени, чтобы овладеть ею. Это уже почти удалось ему, когда ее обильно, мучительно вырвало. Он выругался и ударил ее так, что она застонала от боли. В течение бесконечных минут ей приходилось испытывать на себе

его слепую ярость, позволять ему утолять свою страсть со всей деликатностью кабана в период течки.

Когда он наконец встал, она сгорала со стыда.

Он поднял ее на ноги и, взглянув на ее посиневшее лицо, отпустил, так что она опять тяжело упала к его ногам.

— Вот таких женщин я люблю видеть, — сказал он. — Вам ничего не осталось, кроме как плакать, — он снова надел свое красное платье и застегнул перевязь.

Анжелика, опираясь на одну руку, другой поправляла платье. Ее желтые волосы, падавшие на лицо, закрывали ослабевшую шею.

Д'Эскранвиль на прощанье пнул ее ногой:

— Плачь! Валяй, плачь!

Но после его ухода слезы не шли к ней. Потом по ее щекам потекла обжигающая влага. Она с трудом взобралась на койку. Из-за всех жестоких испытаний последних дней, непрерывной борьбы со свихнувшимися от страсти мужчинами она начала терять храбрость и волю к сопротивлению. Безудержные рыдания сотрясали ее, пока, посреди ночи, она не услышала постукивание в дверь, которое вывело ее из прострации.

— Кто там?

— Савари, — лицо старика, все еще черное от «орешков», появилось в щели приоткрывшейся двери.

— Можно?

— Конечно, — ответила Анжелика, натягивая на себя платье. Какое счастье, что этот скотина пират забыл запереть за собой дверь.

— Гм, — сказал Савари, оглядывая предательский беспорядок в каюте. Он сел на краешек койки, скромно опустив глаза. — Увы, мадам, боюсь, что, пока я нахожусь на борту этого корабля, мне не придется гордиться своей принадлежностью к мужскому полу. Прошу у вас прощения за это.

— Это не ваша вина, мэтр Савари, — сказала Анжелика, вытирая залитые слезами щеки и поправляя волосы. — Я сама виновата. Я не слишком дальновидна. Теперь вино налито, мы должны пить его. В конце концов, я еще не умерла, и вы тоже, а остальное неважно. Что с беднягой Паннассавом?

— Плохо. У него лихорадка.

— А как вы? Вас не ожидает ужасное наказание за визит ко мне?

— Кнут, удары палками по пяткам, распятие за большие пальцы на рее — таковы развлечения нашего прекрасного маркиза.

Анжелика вздрогнула.

— Это ужасный человек, Савари. Я думаю, он способен на все.

— Он курит опиум, — сказал старый аптекарь. — Я смог определить это с первого же взгляда. Это снадобье ведет всех, кто употребляет его, к явному помешательству. Мы попали в трудное положение, он потерял тонкие белые руки. Этот хилый старик в лохмотьях, с белыми волосами, рассыпавшимися по мертвенному зеленовато-голубому лицу, — все, что осталось у нее в качестве поддержки и помощи, — подумала Анжелика.

Тихим голосом Савари уговаривал ее не терять мужества. Через несколько дней они освободятся.

— Освободимся? Вы в самом деле думаете, что это возможно? Как?

— Тс-с! Это дело вовсе не легкое, но нам должно помочь то, что этот Паннассав — один из людей Рескатора, один из многих шкиперов, рыбаков и торговцев, которые помогают ему в его торговле. Все это мне объяснил Паннассав, да вы и раньше подозревали это. В этой шайке самый ничтожный перевозчик «шишек», будь он мусульманин или христианин, может быть уверен, что не попадет в трюм

галеры. Рескатор умеет освобождать людей отовсюду. Вот почему столь многие работают на него, — Савари наклонился, его голос перешел в шепот. — Даже здесь, на этом корабле, есть сообщники Рескатора. Один из этих таинственных паспортов, которые Паннассав носит в клеенчатом футляре, послужит ему удостоверением и обеспечит помощью от людей Рескатора.

— Вы в самом деле думаете, что вахтенные этого ужасного д'Эскранвиля — его сообщники? Они рискуют жизнью...

— Или состоянием! Видимо, в этой шайке всякий, кто помогает пленнику бежать, может рассчитывать на баснословную сумму. Таков приказ этой таинственной личности, этого Рескатора, которого мы с вами имели сомнительную честь встречать. Никто не знает, бербер ли Рескатор, турок или испанец, ренегат-христианин или мусульманин по рождению, — но одно известно точно: что он не водит компании с пиратами Средиземного моря, которые все как один, черные или белые, являются работоторговцами. И вы, мадам, проявившая ко мне такое дружеское участие и столь уважительно относящаяся к научным занятиям, не заслуживаете того, чтобы исчезнуть в лабиринте какого-нибудь гарема и стать игрушкой одного из этих похотливых мусульман. Я сделаю все, что можно сделать, чтобы избавить вас от этой участи.

— Вы имеете в виду, что такую судьбу уготовил мне маркиз д'Эскранвиль?

— Буду крайне удивлен, если это не так.

— Это невозможно! Может быть, он грязный пират, но он все же француз, как и мы, и он происходит из древнего дворянского рода. Он не может и помыслить о такой отвратительной вещи!

— Это человек, прошедший всю жизнь на Востоке, мадам, хотя у него и французские предки. Они для него все равно что поношенная одежда. Душа у него — если,

конечно, у него вообще есть душа — восточная. От этого тоже трудно избавиться, — сказал Савари с легким смешком. — На Востоке унижать женщину — такой же обычай, как пить кофе. Д'Эскранвиль либо попробует продать вас, либо оставит себе.

— Должна признаться, что ни одна из этих перспектив меня не прельщает.

— Тогда зачем биться головой о каменную стенку? Мы идем отсюда в Мессину, ближайший невольничий рынок. Я надеюсь лишь, что Паннассав поправится к тому времени, как мы придем туда, так что нам удастся следовать намеченному плану.

Корабль продвигался вперед, и Анжелика уговаривала себя, что приближается к месту назначения. Она мечтала о таком морском путешествии с тех пор, как ее брат Жослен, говоря с ней, воскликнул: «Я ухожу в море!»

Корабль нес ее к ее любви, но любовь все время уходила, маяча на горизонте. «Вспомнит ли меня Жоффрей де Пейрак? — сомневалась она, — захочет ли меня снова? Я отказалась от его имени, а он может не захотеть вспомнить меня».

Однажды утром она проснулась с убийственной головной болью. Голова казалась свинцовой, во рту пересохло, а одежда, казалось, обжигала тело.

— Где мы? — спросила она раба-негритенка, который принес ей поднос.

— У берегов Сицилии. Ночью можно было видеть зарево от вулкана.

— Сицилия, — повторила она машинально. Пепел от Этны проникал в каюту через иллюминатор. «Я умру от этого пепла, — говорила себе Анжелика, — задохнусь от жары, поджарюсь, и никто, я знаю, не придет мне на помощь».

В этот момент дверь отворилась, и в дымный полумрак каюты проник свет фонаря. Над ней наклонилось лицо маркиза д'Эскранвиля, покрытое кожей, напоминавшей потрескавшийся фарфор.

— Ну, моя прекрасная фурия, вы не решили стать послушной?

Она неподвижно лежала на животе, положив голову на руку, как мраморная статуя, с рассыпавшимися по сверкающим плечам волосами, но не спала.

Он нахмурился и поставил фонарь на маленькую подставку. Когда он наклонился, чтобы поднять Анжелику, ее тело безвольно обвисло на его руках, а голова тяжело привалилась к нему.

Ее кожа казалась горячей на ощупь, и он с удивлением отпрянул. Потом поднял ее лицо, чтобы внимательно рассмотреть его. Голова запрокинулась, как будто под весом волос. Она бормотала что-то неразборчивое, из чего он понял всего два слова, вызвавшие у него улыбку: «Моя любовь, моя любовь...»

Он положил ее обратно на койку и прикрыл покрывалом. Выходя, он сказал кому-то, находившемуся за дверью: «Эта женщина больна. Позаботься о ней».

Корабль стоял на якоре. Анжелика чувствовала это по мягкой качке, убаюкивавшей ее на койке. Сквозь иллюминатор светило солнце. Она решила, что его обжигающее тепло разбудило ее, и передвинулась, чтобы не лежать в его лучах. Снаружи слышался шум и звуки ссоры. Босые ноги прошлепали мимо ее двери. Крики и свистки, доносившиеся снаружи, заглушали грохот и топот бегущих ног.

— Где я?

Она провела ладонями по лицу, стараясь отогнать туман, окутывавший ее мозг. Какими тонкими, почти прозрачными казались ее пальцы! Волосы, однако, на ощупь были чистыми и мягкими, как будто их заботливо вымыли и даже надушили. Она оглянулась в поисках

своей одежды и увидела ее опрятно сложенной на сундуке. Она встала, начала одеваться и с удивлением обнаружила, насколько велика ей стала ее одежда. Не найдя собственной обуви, она надела пару турецких комнатных туфель. Потом в поисках пояса обшарила всю каюту, пока не вспомнила — его забрал пират.

Понемногу к ней возвращалась память. Однако когда она встала на ноги, ее шатало. Тем не менее, придерживаясь за стены, она сумела выйти из каюты.

На палубе никого не было, но впереди, на носу корабля, шумела толпа. От свежего воздуха Анжелика чуть не упала. Потом еле слышно вскрикнула от восхищения. Перед ней лежал остров, а вершину холма венчал старинный белый храм, вырисовывавшийся на фоне золотистого неба. Он казался кораблем из мечты, готовым к отплытию к Елисейским полям. Вокруг него, как лилии из травы, поднимались к небу белые колонны, указывающие, что некогда здесь стояли другие храмы, другие алтари, от которых теперь остались одни лишь развалины.

Совсем рядом с Анжеликой хлопнула дверь, и наружу выскочил человек. Он прошел мимо, не заметив ее, но она узнала слегка потертый красный камзол с обтрепанной вышивкой, а над ним — темное лицо, изборожденное мелкими морщинами, которые с первого же взгляда придавали ему выражение безумного бешенства. Маркиз д'Эскранвиль. Последний раз она видела его склонившимся над собой, когда она боролась с беспомощностью. Его ухмылка напомнила ей пережитый ужас. Она отступила и сочла за благо исчезнуть с его глаз.

Вся команда корабля собралась на носу, так что ей была видна толпа рабов в самом низу трюма, составленная из самых разных людей — женщин и детей, мужчин старых и молодых, представителей всех рас и цветов кожи, одетых во всевозможные одежды от

курток крестьян с побережья Адриатики, покрытых блестящей вышивкой, до белых бурнусов арабов и темных покрывал гречанок.

Д'Эскранвиль уставился на них, как будто принимая их за галлюцинацию, потом обратился к Кориано, который приближался к командиру медленно и задумчиво.

— Творится что-то ненормальное, — заорал он. — Я позволил этой старой вороне аптекарю обольстить себя! И что же он сделал? Бежал! Второй раб, который уходит из моих рук за месяц! Раньше со мной такого не бывало — со мной, Грозой Средиземного моря! Меня прозвали так не напрасно. И вот я позволил обвести себя ничтожной вше, за которую не выручил бы в Леггорне и пятидесяти пиастров. Он соблазнил меня зайти на эти проклятые острова, говоря, что я смогу заработать состояние на каком-то мифическом продукте, который будет готов к отправке. Подумать только, я поверил ему — какой осел! Мне следовало помнить, что я подобрал его с этим проклятым провансальцем, удравшим на своей лодке, которую я позаботился заново проконопатить, чтобы продать за хорошую цену! Еще не было никого, кто одурачил бы меня! А теперь еще этот аптекарь!

— Кто-то наверняка помог ему — или один из вахтенных, или кто-то из рабов.

— Это я и собираюсь выяснить, Кориано. Все здесь?

— Да, ваша светлость.

— Тогда мы сейчас как следует посмеемся. Ха! Ха! Никто не может морочить голову маркизу д'Эскранвилю долго! Если этот проклятый аптекарь еще раз попадется мне, я раздавлю его как вошь — да он и в самом деле вошь. И я не забуду, что этот старый демон к тому же пустил ко дну нашу шлюпку. Все сюда! — Поскольку все и так были в сборе, никто не пошевелился. Как и следовало ожидать, установилась

тишина. — Кто-то заплатит за это. Факт — шлюпка исчезла. Я по опыту знаю, что никто не сознается, так что виновного будем искать по жребию. Тянуть будут самый старый и самый младший из христиан. Но не младше десяти лет. Я не монстр.

Анжелика застывшими глазами смотрела на истеричную фигуру в красном камзоле. Смертельная тишина охватила судно; потом из трюма стали подниматься покрывала женщин, старающихся защитить цепляющихся за них детей.

— Быстрее! — кричал д'Эскранвиль. — Правосудие на корабле совершается быстро, так что...

В этот момент слова маньяка заглушил могучий взрыв, казалось, исходивший изнутри корабля. На мгновение все остолбенели, потом раздался крик: «Пожар!»

Из решетчатых вентиляторов на корме «Гермеса» показался белый дым.

Среди рабов поднялась паника, но плети надсмотрщиков скоро восстановили порядок.

Д'Эскранвиль с помощником бросились на корму.

— Где первый помощник? — крикнул он.

Несколько белых от ужаса матросов неуверенно двинулись вперед.

— Четверо человек — поднять люк, еще четверо — вниз, посмотреть, что происходит. Дым идет из кладовой провизии за камбузом.

Никто не сдвинулся ни на дюйм. Казалось, зрители окаменели от неожиданного происшествия.

— Это дьявольский пожар, — пробормотал один из матросов. — Поглядите на этот дым. Это не добрый христианский дым...

В самом деле, клубы, выходящие из люка, тяжело ползли по палубе, похожие сначала на плотное белое тесто, а потом вдруг рассеивались, как туман, поднимающийся из сырой ложины. Д'Эскранвиль

приблизился, как бы желая взять дым в руки, и поднес к ноздрям.

— Странный запах, — он взял себя в руки и выхватил пистолет из-за пояса Кориано. — Пристрелю на месте, — взревел он, — если вы немедленно не спуститесь вниз по моему приказу.

Вдруг крышка люка среди паров приподнялась вроде бы сама собой. Очевидцы взвыли от ужаса, и даже сам д'Эскранвиль отступил на шаг или на два.

— Призрак!

В особенно плотном клубе дыма появился силуэт, завернутый во влажную белую простыню, из которой исходил приглушенный голос:

— Умоляю вас, ваша светлость, не тревожьтесь. Ничего не случилось!

— Что... что это означает? — запинаясь, произнес пират. — Проклятый алхимик, тебе недостаточно, что ты загонял нас сегодня утром и без пожара на корабле?

Фигура, видимо, выпутывалась из своего кокона. Через мгновение появилась бородатая голова Савари. Он чихал и кашлял; потом, подбирая свой саван, сделал в сторону толпы несколько успокаивающих жестов и снова нырнул в люк, который захлопнулся за головой привидения. Анжелика, как и все остальные, была уверена, что оказалась свидетельницей какого-то колдовства. Но вскоре Савари поднялся по трапу, спокойный и в превосходном настроении, хотя и был покрыт сажей, а изорванная одежда его пропиталась отвратительным сладковатым запахом. Он с достоинством объяснил, что никакого пожара не было. Взрыв и пары были просто результатом «эксперимента, который может иметь огромное значение для науки вообще и навигации в частности».

Главарь пиратов с любопытством оглядел его с головы до ног.

— Так ты не бежал?

— Я? Бежал? С чего? Я очень счастлив на этом корабле, ваша светлость.

— А шлюпка? Кто ее спустил...

Над планширом показалось красное лицо молодого матроса с кривым носом. Он поднялся по веревочной лестнице, свисавшей с борта корабля, и остановился, удивленно глядя на сборище.

— Шлюпка, капитан? Да я же утром пошел на ней на остров за вином.

Д'Эскранвиль успокоился, и Кориано позволил себе рассмеяться:

— Ха, капитан, после побега этого провансальца вам повсюду видятся побеги. Я сам утром приказал Пиеррику наполнить бочонки.

— Дурак! — он с раздражением пожал плечами и отвернулся.

И первое, что он увидел, — это была Анжелика. Его напряженное лицо разгладилось, как будто он старался быть мягким и выглядеть дружески. — Ах, это наша прекрасная Маркиза. Поправилась наконец? Как вы себя чувствуете?

Анжелика по-прежнему прижималась к стене, глядя на него со страхом и недоверием. Наконец она выдавила:

— Прошу прощения, капитан, но я еще не поняла, что со мной случилось. Я в самом деле была больна?

— Больше месяца.

— Месяца! О, милосердный боже, где же я теперь?

Маркиз показал на остров:

— В виду Цеоса, дорогая дама, посреди Кикландского архипелага.

Глава 11

Анжелика припомнила, что заснула, когда они были у берегов Сицилии. А теперь, через месяц, она здесь, по ее понятиям — на краю света, среди бесплодных греческих островов, забытых даже их богами, и находится во власти пирата и работорговца.

Она опять скрылась в своей крошечной каюте и тщетно пыталась вспомнить, что произошло. Наконец, поняв, что толку от этого не будет, она послала за Савари.

— Да, — сказал тот, — я ухаживал за вами с помощью рабыни-гречанки по имени Геллис. Пока вы были без чувств, она вымыла вас, расчесала и умаслила волосы, которые теперь выглядят отлично. Скоро вы будете такой же прекрасной, как и прежде.

— Дайте мне зеркало, — с некоторым трепетом попросила Анжелика.

Рассматривая себя, она не могла удержаться от гримасы. Щеки побледнели и ввалились, глаза утомленные. Может быть, подумала она, пират теперь меня так и не продаст.

— Где Флипо? — спросила она старого ученого.

— Д'Эскранвиль продал его в Мессине итальянскому дворянину, которому был нужен гувернер — учить сына французскому. Д'Эскранвиль получил за вашего лакея хорошую цену.

— Флипо — учитель языка! — несмотря на огорчение, Анжелика рассмеялась. Она решила спросить у работорговца, не запомнил ли он имени итальянца, чтобы она могла выкупить Флипо. Потом с тревогой сообразила, что, если план д'Эскранвиля осуществится, она никогда не сможет этого сделать. Еще никому не удавалось бежать из гарема.

— Вы считаете, — жалобно спросила она, — что Паннассав нам поможет?

— Увы, бедняга не мог ждать, пока вы поправитесь. Он должен был осуществить собственные планы, иначе его продали бы в рабство. А мне пришлось пустить в ход все свои способности к убеждению, чтобы д'Эскранвиль оставил меня на борту.

— Так вы остались из-за меня, — сказала Анжелика, тронутая его верностью.

— Как я мог покинуть вас? — скромно отозвался старик. — Вы были отчаянно больны, да и сейчас еще не вполне здоровы. Но вы поправитесь.

— Вы тоже болели? На вашей коже какие-то синие пятна.

— Это все еще от «шишек», свинца Паннассава. Они плохо отмываются. Я попробовал лимонный сок и спирт, но мне, наверное, придется сменить кожу, чтобы отделаться от пятен окончательно, — весело сказал Савари. — Но это не так важно. В действительности самое главное — уйти из рук этого презренного пирата, — он обшарил глазами каюту. — Тс-с! У меня есть план.

— Вы думаете, маркиз д'Эскранвиль действительно направляется на Крит?

— Конечно. Он намерен представить вас Батистану.

— Кто это?

— Это не человек. Это гостиница, где выставляют на продажу дорогих рабов. Прочих выставляют на базарах и людных площадях. Батистан Крита — крупнейший на всем Средиземном море.

Анжелика почувствовала, что руки ее покрылись гусиной кожей.

— Не волнуйтесь, — продолжал Савари, — потому что у меня есть новый план. Но чтобы осуществить его, я должен уговорить нашего жадного буканьера провезти нас по всем греческим островам, чтобы мы

смогли увеличить его богатство с помощью редких благовоний.

— Зачем?

— Потому что нам нужны сообщники.

— Вы думаете найти их на греческих островах?

— Кто знает, — загадочно сказал Савари. — Мадам, я могу показаться очень неосмотрительным, но с тех пор, как мы вместе оказались в этой переделке, я уверен, что вы не будете сердиться, если ваш старый друг задаст вам несколько вопросов. Почему, например, вы отправились в это опасное путешествие одна?

Анжелика вздохнула. Поколебавшись недолго, она решила довериться старому ученому, и рассказала ему, как, многие годы прожив в уверенности, что ее муж, граф де Пейрак, был казнен, она получила убедительные доказательства, что он избежал своей участи. И как, следуя то по одной, то по другой ниточке, она оказалась перед необходимостью поехать на Крит, где у нее был слабый шанс найти его следы.

Савари кивнул головой, но ничего не сказал.

— Вы думаете, я сошла с ума? — спросила Анжелика.

— Да. Но это простительно. Я сам старый дурак. Я бросил все ради непредвиденных опасностей. В погоне за знаниями я, как и вы, иду за своими мечтами, потому что в глубине наших сердец горит неугасимое пламя — в вашем случае это любовь, которая ведет вас, как звезда в пустыне. Действительно мы такие уж дураки? Сомневаюсь. Выше рассудка в нас обоих инстинкт, который ведет нас сквозь наши страхи. Это как волшебные прутки, которые помогают найти воду, скрытую под землей.

— Вы слышали когда-нибудь о греческом огне? — спросил он, меняя тему. — Во времена Византии секта ученых обладала его секретом. Откуда они пришли? Мои изыскания показывают, что они были зоро-

астрийскими огнепоклонниками из-под Персеполиса на границе между Персией и Индией. Именно этот секрет делал Византию непобедимой, пока ее ученые владели тайной неотразимого огня. Увы, секрет был утрачен, когда крестоносцы захватили Византию, кажется, в 1203 году. Я уверен, что секрет кроется в минеральном мумие, которое горит вечно, а при правильном обращении выделяет летучий газ, чрезвычайно горючий и почти взрывчатый. Вот с чем я экспериментировал сегодня утром, используя лишь ничтожно малое количество. Вы видите, мадам, я воскресил секрет греческого огня! — От возбуждения голос его зазвучал громче, и Анжелике пришлось напомнить, что они пока всего лишь жалкие рабы в руках безжалостного хозяина.

— Ничего не бойтесь, — заверил ее Савари. — Если я рассказал вам о своих открытиях, так не для того, чтобы оправдать свое увлечение, а потому, что они помогут нам получить свободу. У меня есть планы, и я обещаю, что они удадутся, если только мы сможем попасть на остров Тира, который лежит южнее нас в этом же самом архипелаге Киклады.

— Почему Тира?

— Это я вам скажу, когда придет время.

Приближался вечер, и корабль наполнялся новыми звуками. Женские крики сливались с голосами и ругательствами мужчин. Слышались звуки падающих тел, шарканье босых ног по бесконечным закоулкам корабля, громкие рыдания и болезненные стоны, наполовину приглушенные глубокими голосами пиратов и их бесстыдным смехом.

Анжелика выглянула в бортовой иллюминатор. Пираты грузили новую партию рабов, оставляя их для удовольствий будущих хозяев. Но много женщин было согнано для продажи в качестве простой рабочей силы. Мужчины тыкали их пальцами в живот, чтобы

определить, не беременны ли они, потому что беременные женщины имели более высокую цену — ведь покупатель приобретал двух рабов вместо одного.

Анжелика прижала ладони к ушам, крича, что она достаточно насмотрелась на это варварство и хочет выйти. Когда появился Кориано с двумя негритятами, которые принесли ей поднос с едой, она обругала его и отказалась взять хотя бы кусочек.

— Но вы должны есть, — сказал одноглазый помощник, — у вас и так одна кожа и кости.

— Тогда перестаньте мучить этих женщин, — она ударила по подносу и опрокинула все, что на нем стояло. — Прекратите эти крики!

Кориано исчез с такой быстротой, на какую были способны его кривые ноги. Потом она услышала рычание д'Эскранвиля.

— Ты думаешь, у нее есть характер, не так ли? Ну, кажется, ты получишь, что хочешь. Если моя команда не имеет права побаловаться с женщинами на собственном корабле... — обозлившись, он вошел в каюту: — Похоже, вы отказываетесь есть?

— Вы думаете, ваши оргии возбуждают у меня аппетит? — Она была так тоща, что в обвисавшем, слишком просторном платье выглядела как своевольный юноша, и пират не смог удержаться от улыбки.

— Отлично! Я распорядился, так что и вы будьте покладистее. Мадам дю Плесси-Белльер, не окажете ли вы мне честь отобедать со мной на корме?

Вокруг низкого стола были разложены подушки. Им подали круглые серебряные чаши, наполненные густой сметаной, в которой плавали голубцы, завернутые в виноградные листья. Стол был уставлен тарелками с различными соусами — луковым, из красного и черного перца, шафрановым — расцвечивающими скатерть зелеными, желтыми и красными пятнами.

— Попробуйте вот этого, — предложил Кориано, кладя кушанье ей в тарелку. — Если не понравится, вам принесут рыбы.

— Из тебя вышла хорошая сиделка, — главарь пиратов смотрел на своего помощника со злобой. — Несомненно, ты рожден для этого.

Кориано обиделся на насмешку.

— Кто-то должен же позаботиться о том, чтобы исправить сделанное, — прорычал он. Нам еще повезло, что она не умерла. Если бы она сейчас умерла, я бы этого не пережил.

Но маркиз сердился:

— Чего ты от меня хочешь? — заорал он. Я разрешил ей выходить на воздух. Я пригласил ее к обеду настолько обходительно, насколько умею. Мы все ходим на цыпочках, чтобы не тревожить ее сон. Мои люди должны вести себя, как мальчики из церковного хора и в восемь часов отправляться в постель.

Анжелика расхохоталась.

Оба пирата смотрели на нее, открыв рты от изумления:

— Она смеется!

Бородатое лицо Кориано просветлело:

— Если только она сможет засмеяться так на аукционе, ее цена сразу возрастет на двадцать тысяч пиастров!

— Идиот! — отозвался д'Эскранвиль. — Много смеха видел ты на аукционах до сих пор? Кроме того, это не в ее стиле. Мы можем считать, что нам повезло, если она не раскроет рта. Почему вы смеетесь, дорогая?

— Не могу же я все время плакать, — ответила Анжелика. Она поддавалась очарованию тихого голубого вечера. Маленький остров перед ними, казалось, уплывал в прозрачный туман, как корабль из мечты. Серебряные лучи заходящего солнца коснулись храма на вершине холма.

Маркиз д'Эскранвиль проследил за ее взглядом.

— Когда-то здесь было шесть храмов Аполлона, и каждый день его красоту славил песнями и танцами.

— А теперь вы заменили все это властью страха.

— Не будьте такой сентиментальной. Должен же быть хоть какой-нибудь прок от этих дегенератов-греков.

— И поэтому вы вырываете детей из рук матерей?

— Они бы все равно умерли с голоду на этих бесплодных островах.

— А эти бедные старики, такие слабые, что они с трудом взошли на борт?

— Это другое дело. Я совершил добро, захватив их.

— Конечно, — язвительно сказала она.

— В самом деле. Вы, наверное, не знаете, что на Цеосе есть такой обычай: когда человек достигает шестидесяти лет, его либо отравляют, либо ссылают. Здесь не любят стариков, — он наблюдал за ней с ироничной улыбкой. — Вам еще многое предстоит узнать о Средиземном море, милая дама. — Раб принес ему турецкий кальян. Он откинулся и стал курить. — Посмотрите, какое звездное небо. Завтра на рассвете мы отплываем в Киурос, там под олеандрами лежит спящий бог Марс, еще не размолотый на мел местными жителями. Каждый раз, когда я оказываюсь там, я навещаю его. Вам нравятся скульптуры?

— Да. В королевских садах в Версале их много.

Храм возвышался над туманом, достигавшим его подножия, и казался парящим в темно-голубом небе.

— Боги мертвы, — прошептала Анжелика.

— Но не богини, — маркиз смотрел на нее сквозь полуприкрытые веки. — Этот костюм очень вам идет, как раз по фигуре. Он скрывает достаточно, чтобы возбуждать любопытство.

Анжелика сделала вид, что не слышит. Она принялась за еду, потому что больше не могла

сопротивляться требованиям желудка и соблазнилась запахами пищи.

— Мы далеко от Крита? — спросила она.

— Не очень. Мы сейчас были бы там, если бы этот дьявол аптекарь не втянул меня в пустую трату времени на блуждание от одного острова к другому. Но какая разница? Одна из прелестей Востока состоит в том, что никто не гонится за временем, — он выпустил высокий столб дыма. — Вы торопитесь попасть на Крит?

— Я тороплюсь узнать, какая судьба уготовлена мне. Вы действительно продадите меня в рабство?

— А с чего вы взяли, что я собираюсь держать вас здесь?

— Послушайте, — сказала она, воодушевленная внезапно вспыхнувшей надеждой. — Если вы хотите денег, то я могу заплатить выкуп. Во Франции я очень богата.

Он покачал головой:

— Нет, я не хочу вступать ни в какие отношения с Францией. Это слишком рискованно. Чтобы получить деньги, я должен зайти в Марсель. Это было бы небезопасно... и заняло бы слишком много времени. Мне нужно купить новый корабль. У вас хватит денег на это?

— Возможно, — она вспомнила, в каком печальном состоянии оставила свои дела при отъезде. Ей пришлось заложить свой корабль и его будущий груз, чтобы оплатить расходы, понесенные во время жизни при дворе. Кроме того, положение Анжелики во Франции сейчас, когда король сердится на нее, было весьма неустойчивым. Она в отчаянии прикусила губу.

— Видите ли, — начал он, — вы всецело в моих руках. Я ваш хозяин и могу делать с вами все, что мне угодно.

После этого маркиз д'Эскранвиль каждый вечер приглашал ее на корму разделить с ним обед. Он был до предела любезен, потому что Кориано, без сомнения,

сделал ему выговор, но иногда его истинный характер брал верх, и тогда он разговаривал с ней фамильярно и рассказывал грязные истории. Случалось, что он вспоминал свое бывшее воспитание и развлекал ее беседой. Она узнала, что маркиз обладал немалой эрудицией, знал восточные языки и мог читать греческих классиков. В целом его характер складывался из самой невероятной комбинации качеств.

Он разрешил ей сойти на остров, где Савари собирал бальзамы и экстракты, представлявшие, по его уверениям, большую ценность. Земля была покрыта сладким базиликом, запах которого дурманил Анжелику, когда она грелась под солнцем, и она поняла наконец, как хорошо быть живой.

Однажды она почувствовала, что кто-то смотрит на нее, и, подняв глаза, увидела д'Эскранвиля, следившего, как она стоит, прислонившись к белой колонне и прижав к губам веточку ароматного растения. По его глазам Анжелика почувствовала, что он кончит тем, что убьет ее; она была слишком женственной для него, слишком соблазнительной. Он понял, что она — женщина, которой он никогда не сможет обладать, — возможно, из-за того, что он курит опиум. Только в снах, которые навеивает ему наркотик, может он когда-нибудь привлечь ее. Она встревожилась и отступила назад.

— Идите сюда, — произнес он с повелительным жестом.

Она двинулась в его сторону, не сводя глаз с предательских камешков на дорожке, чувствовавшихся даже через тонкие турецкие туфли, которые она носила. Она заметила, какие у него изящные и загорелые икры, видневшиеся ниже серебряных застежек, стягивавших штанины на коленях.

Д'Эскранвиль взял ее за руку:

— Не смотрите на меня так, будто я собираюсь вас съесть. Вы же не считаете меня монстром?

— Нет, я знаю, кто вы.

— И кто же?

— Гроза Средиземноморья.

Он немного ослабил силу пальцев, стискивавших ее руку, очевидно, довольный ответом. Они взошли на холм и достигли высшей точки острова, откуда «Гермес», стоявший на якоре посреди лазурной воды, казался игрушечным корабликом, качающимся на зыби.

— Закройте глаза, — сказал д'Эскранвиль.

Анжелика вздрогнула. Какую жестокую шутку собирается он сыграть с ней теперь? Он ухмыльнулся, увидев ее встревоженное лицо.

— Закройте же глаза, упрямый вы мул.

Чтобы она наверняка не могла видеть, он прикрыл ей глаза рукой и повел по дорожке, прижимая к себе. Потом снял руку с ее глаз, и она почувствовала, как эта рука ласкает ей щеку.

— Смотрите, — сказал он.

— Ох! — Они пришли на что-то вроде террасы, где возвышались развалины храма. Цветы росли между мраморными плитами, которыми была вымощена площадка, окруженная клубникой, желтым и розовым лавром. Неповрежденные статуи, установленные в два длинных ряда, изображали схваченные моменты движения, сверкая белизной на фоне раскаленной голубизны неба.

— Что это? — прошептала Анжелика.

— Богини, — он повел ее по аллее между статуями, улыбаясь их безмолвной радости, их изящным рукам, вытянутым в грустной молитве забытым божествам, которых прославляли лишь ароматы растений и которым пело гимны одно только отдаленное бормотание моря.

Она настолько углубилась в созерцание, что не заметила, как его рука обвилась вокруг ее талии.

В конце аллеи стоял алтарь, на котором натягивал лук обнаженный малыш — торжествующий крошечный бог.

— Эрот!

— Как он красив! — вздохнула Анжелика. — Это бог любви, не так ли?

— В вас когда-нибудь попадала его стрела?

Ей не хотелось отвечать ему, а тянуло осмотреть затененную нишу, где полулежала сладострастная Афродита.

— Вы могли бы быть столь же прекрасной, если бы только больше любили, — произнес он после минутного молчания.

Она не могла заглянуть ему в глаза, потому что он переводил взгляд от статуи богини на нее и обратно, но чувствовала, что он терзается. Что он собирается делать?

— Вы думаете, ваши важные манеры произвели на меня такое впечатление, что я не обращаюсь с вами, как вы того заслуживаете? — сказал он. — Вы достаточно тщеславны, чтобы думать так, я это знаю, но не обманывайте себя, потому что причина не в этом. В мире нет раба, который мог бы произвести такое впечатление на Грозу Средиземноморья. Хватит с меня ваших воплей ненависти и ваших когтей. Пока хватит; это придает немного пикантности приключению. Но некоторое время спустя это надоедает. Вы не собираетесь стать немного покладистее? — Она холодно взглянула на него, но он не видел ее, потому что принялся расхаживать взад и вперед, стуча каблуками по мраморной мостовой так, что заглушал неумолчный треск цикад. — Вы можете быть такой красивой, когда любите, — повторил он, однажды ночью, с закрытыми глазами, вы повернулись ко мне и

через полуоткрытые губы шептали: «Моя любовь!» — потом, в ответ на недоумение, написанное на ее лице, он продолжал: — Не помните? Вы были больны, быть может, без памяти. Но я никогда не забуду. Какой восхитительной вы можете быть в руках мужчины, который вас любит! — Он перестал вышагивать и поднял глаза на белоснежную, украшенную позолотой статую Эрота. — Хотел бы я быть этим человеком, — сказал он жалобно. — Хотел бы, чтобы вы любили меня... — это была почти мольба, но Анжелика не могла дожидаться, пока он кончит.

— Любить вас? — воскликнула она. — Вас? — Все происходящее показалось ей вдруг настолько абсурдным, что она рассмеялась. Неужели ему не понятно, насколько он ей отвратителен? Бессердечный, бездушный мучитель! Не думает ли он, что она когда-нибудь сможет полюбить его? Ее смех нарушил безмолвие пустынного уголка, и резкое эхо насмешливо возвратило его — ветер был слишком слаб, чтобы рассеять эти слова: «Любить вас? Вас?..»

Маркиз д'Эскранвиль стал белым, как мраморные скульптуры. Шагнув к Анжелике, он дважды ударил ее тыльной стороной ладони. Она почувствовала во рту соленый вкус крови. Он ударил ее еще раз, и она упала к его ногам. Из угла рта у нее сочилась кровь.

— Еще смеется! — выкрикнул он, открывая рот, как будто ему не хватало воздуха. — Потаскуха! Как ты смела! Ты еще хуже всех остальных! Я продам тебя! Я продам тебя похотливому паше, базарному торговцу, мавру, любому скоту, который усмирит тебя. Но ты никогда не подаришь другому взгляд любви. Я запрещаю это! А теперь убирайся. Прочь! Я не намерен позволить Кориано и своим людям обойти себя. Убирайся, пока я тебя не убил!

Через два дня корабль бросил якорь вблизи Тира. Маркиз д'Эскранвиль вышел из своей каюты, где

последние два дня он пролежал, накурившись опиума.

Анжелика сошла на берег, чтобы размяться. Гуляя, она пришла к юношеской гимназии, украшенной неподвижными танцорами. Земля была усеяна руками и пальцами, отломившимися от статуй. Анжелика попробовала поднять один обломок, прекрасную руку какой-то давно умершей юности, но она была слишком тяжела. Казалось, она вобрала в себя всю тяжесть прошедших столетий. Анжелика лежала в траве под статуей Дискобола. Боль от побоев еще не прошла, и ее переполняло чувство горя. Она подумала было о побеге в глубь острова, но бесплодный пейзаж обескураживал ее.

Она слышала теперь звуки корабельного колокола, а внизу по дорожке шел Савари в сопровождении своих неизменных коз, из чьей шерсти он извлекал смолы, которые отдавал д'Эскранвилю как эссенцию для духов. На этот раз он шел с греком, которому что-то доверительно говорил.

— Позвольте представить вам Вассоса Миколеса, мадам, — сказал он с сияющим лицом. — Что вы думаете об этом прекрасном юноше?

Анжелика тактично скрыла удивление. Она часто восхищалась греческими мужчинами, которые сохраняли красоту и грацию молодых людей, воплощенных в мраморе, но этот человек нисколько не напоминал этих греков. На самом деле она нашла его весьма непривлекательным и хилым. Его темное лицо было окаймлено спутанной коричневой бородой, а тощее, с впалой грудью тело делало его весьма похожим на его спутника. Анжелика переводила глаза с одного на другого.

— О да, — сказал Савари в восхищении. — Вы догадались. Это мой сын.

— Ваш сын, мэтр Савари! У вас есть дети?

— Несколько, во всему Востоку, — отвечал старик, делая широкий жест. — Что вы думаете? Я был моложе и ловчее, чем сейчас, когда впервые ступил ногой на землю Тира лет этак тридцать назад. Я был лишь маленьким французом, похожим на всех остальных, — бедным, но рыцарем.

Савари объяснил, что, посетив те же места лет через пятнадцать, он с удовлетворением увидел, как сувенир, оставленный им в первый свой приезд, становится первоклассным учеником рыбака. Во время этого путешествия он оставил семье Миколеса, который считал его путешественником, достойным пера Гомера, целый бочонок минерального мумие, доставленный из Персии с риском для жизни.

— Подумайте только, что это значит, мадам! Целый бочонок! Теперь мы спасены!

Анжелика не видела, каким образом; не видела она и того, каким образом этот отпрыск парижского аптекаря может помочь им в борьбе с целой командой пиратов. Но Савари был уверен в успехе. Он нашел своих сообщников. Вассос и его дядя присоединятся к ним на Крите с бочонком мумие.

Глава 12

Уже несколько часов «Гермес» стоял на якоре в гавани Кадиса, главного города острова Крит. День угасал, но Восток полыхал буйством красок, а береговой бриз приносил запахи горячего масла и апельсинов. Красное солнце окрашивало камни причала в малиновый цвет, и красная пыль покрывала весь город и венецианские укрепления, еще красные от крови после недавних сражений. Крит, который раньше был христианским, теперь находился под властью мусульман. Новые хозяева были видны по белым свечам минаретов, возвышавшихся среди колоколен венецианских церквей и куполов церквей греческих.

Сразу после прибытия д'Эскранвиль отправился на берег в шляпке.

Анжелика стояла на палубе, глядя на город и сгорая от нетерпения увидеть конец своих сумасшедших скитаний.

От древнего Крита, острова Минотавра и легендарного лабиринта, осталась только Кандия — город жадный и взрывоопасный, современный лабиринт, в котором своеобразно смешивались все расы земли, потому что остров находился на равном расстоянии от берегов Азии, Африки и Европы и связывал все три части света в гордиев узел.

Турок, однако, было видно немного. Достаточно было корсарскому кораблю поднять бело-зеленый флаг герцога Тосканского, как красный с белым полумесяцем турецкий флаг сигнализировал с форта о разрешении на вход в гавань.

Двадцать галер и военных кораблей и несколько сотен рыболовецких суденышек стояли на якоре на рейде и вдоль причала.

Анжелика заметила нарядный барк с десятью недавно отполированными орудиями.

— Это французский корабль? — спросила она с внезапно вспыхнувшей надеждой.

Савари, сидевший около нее с зажатым между колен зонтиком, с тревогой поднял глаза:

— Это мальтийская галера. Видите — красный флаг с белым крестом. Мальтийский флот самый нарядный в Средиземном море, потому что рыцари креста очень богаты. Как бы то ни было, чего можете ожидать вы, пленница, от французов в Кандии? — Он объяснил, что Кандия — будь она греческой, французской, венецианской или турецкой — оставалась тем, чем она была в течение веков, а именно — убежищем для христианских пиратов, как Александрия была убежищем для турецких, а Алжир — для берберских.

Освобожденные от уплаты пошлины турецкому губернатору, пираты поднимали флаги Тоскании, Неаполя, Мальты, Сицилии и Португалии, и зачастую эти флаги защищали наихудших представителей христианского мира, которые всегда возвращались в Кандию для заключения торговых сделок.

Анжелика разглядывала груды товаров на набережной и на судах: кипы материй, рыбу, бочки с маслом и груды арбузов, но плохое качество и небольшое разнообразие этих товаров не вязалось с огромным количеством судов.

— Здесь в основном военные корабли, — заметила она. — Что они здесь делают?

— Ну, а что мы здесь делаем? — подмигнул Савари. — Взгляните на большинство из этих кораблей. Их трюмы закрыты, в то время как купеческий корабль с законным грузом стоял бы в порту, скорее всего, с открытыми трюмами. Взгляните на штыки вахтенных на их палубах. Что они охраняют? Самый драгоценный из всех товаров.

— Рабов? Это все работоторговцы?

Савари не отвечал. Никуда не годная шлюпка двигалась к «Гермесу». Одетый в траур европеец в шляпе, увенчанной развевающимися перьями, стоял на корме и размахивал флагом, размером не больше носового платка, с золотыми лилиями на серебряном поле.

— Француз! — воскликнула Анжелика. Несмотря на слова ученого, она не отрывала глаз от соотечественника, который мог помочь ей.

Человек в шлюпке услышал ее возглас и после некоторого размышления снял перед ней шляпу.

— Д'Эскранвиль на борту? — крикнул он.

Никто не собирался отвечать ему. С тем он и взобрался по трапу, свисавшему с борта. Несколько вахтенных матросов не высказали ни удивления, ни неудовольствия по поводу несвоевременного визита и продолжали щелкать семечки и играть в карты.

— Я спрашиваю, здесь ли ваш командир, — повторил вновь прибывший, подходя к одному из них.

— Может быть, вы найдете его в городе, — сказал его сосед не пошелохнувшись.

— Он не оставлял мне пакета?

— Я не кладовщик, — ответил тот, сплевывая шелуху и возвращаясь к игре. Человек раздраженно поскреб небритый подбородок. Из каюты вышла Геллис, гречанка-рабыня. Она улыбнулась ему, потом подошла к Анжелике, чтобы шепнуть ей: «Это Роша, французский консул. Вы не хотите поговорить с ним? Возможно, он может помочь вам. Я принесу вам французского вина».

— А, теперь вспомнила, — сказала Анжелика. — Моего поверенного в Кандии зовут Роша. Может быть, ему удастся сделать что-нибудь для нас.

Но Роша уже понял, что молодой человек, которого он видел на корме, — на самом деле женщина, одетая в мужской костюм, и направлялся к ней.

— Я вижу, счастье еще не изменило моему старому другу д'Эскранвилю. Позвольте представиться, прекрасная путешественница: Роша, вице-консул короля Франции в Кандии.

— А я, — отвечала она, — маркиза дю Плесси-Белльер, консул короля Франции в Кандии, — лицо Роша являло собой картину удивления, недоверия, озабоченности и сомнения. — Вы не слышали, что я купила эту должность? — спокойно продолжала Анжелика.

— Слышал, конечно, но позвольте мне немного удивиться, мадам. Если вы действительно маркиза дю Плесси-Белльер, то что заставило вас скитаться в этих краях? Я хотел бы иметь доказательство ваших слов.

— Придется вам довольствоваться в качестве доказательства моим словом, месье. Ваш «друг» маркиз д'Эскранвиль присвоил мои бумаги, в том числе и патент на должность, когда захватил нас в море.

— Понимаю, — протянул жалкий дипломат, поглядывая на нее и Савари все более нагло. — Раз вы здесь, значит, вы являетесь гостями моего друга д'Эскранвиля против своей воли?

— Да. И мэтр Савари — мой слуга и советник — тоже.

Савари тут же вошел в роль, которую она ему предложила:

— Не будем терять драгоценного времени, — произнес он. — Месье, мы предлагаем дельце, которое скоро принесет вам сотню ливров чистоганом.

Роша пробормотал, что он не очень-то видит, каким образом пленники... — казалось, он спорит сам с собой. Он расправил жабо из поношенных кружев.

Геллис поставила перед ними поднос, на котором стоял графин и несколько стаканов, потом, как настоящий лакей, наполнила стаканы. Почтение, которое она проявляла по отношению к Анжелике,

видимо, показало Роша, что перед ним не обычная рабыня, а высокопоставленная дама. После недолгого разговора, в котором они обменялись именами общих знакомых, поверенный был окончательно убежден. Но это повергло его в замешательство.

— Я сожалею, мадам. Попасть в руки д'Эскранвиля — это худшее, что могло с вами случиться. Он презирает женщин, и если он решил обрушить свою месть на кого-то, смягчить его трудно. Со своей стороны я ничего не могу сделать. Работоторговцы пользуются в этом городе свободой, как здесь говорят, «добыча принадлежит пирату». Я не имею ни финансовой, ни административной власти, поэтому не рассчитывайте, что я вмешаюсь в планы маркиза д'Эскранвиля или рискну потерять то небольшое влияние, которое я имею как вице-консул, — потом, все еще стараясь привести в порядок свой костюм и разглядывая поношенные сапоги, он попытался оправдать свою позицию. Он был младшим сыном графа де Роша и не располагал наследством; восьми лет был отдан в дипломатический центр на Востоке учиться языкам. Это был единственный возможный путь для бедного младшего сына — выучиться языкам и узнать обычаи страны, чтобы позже стать переводчиком при после. Его привезли во французский квартал Константинополя, он закончил там курс мусульманской школы и играл с сыновьями паши. Там он и встретил д'Эскранвиля, тоже попавшего в Константинополь для изучения языков. Они были выпущены из школы вместе, и молодой д'Эскранвиль начал было блестящую карьеру в качестве управляющего в колониях, но она оборвалась в тот день, когда он влюбился в жену французского посла в Константинополе. Она имела любовника, погрязшего в долгах. Чтобы выплатить их, не привлекая внимания посла, она заставила молодого д'Эскранвиля

подделать несколько расписок. Очарованный ею, он пошел на подлог.

Разумеется, ему и пришлось платить, когда обман раскрылся. Красавица все отрицала, да к тому же взвалила на него еще какие-то обвинения.

История получила широкую огласку. Д'Эскранвиль из-за этого тронулся умом. Он продал свою должность, купил небольшое судно и занялся пиратством. В действительности он выбрал более удачный путь, чем его друг Роша, который старался продвинуться на дипломатической карьере, но, живя вдали от Версаля, не мог противодействовать интригам, в результате которых без конца продавали и перепродавали должности. Он знал только одно: что он имеет право на два с половиной процента от объема французской торговли, осуществляемой через Кандию. Но уже четыре года как ни марсельская торговая палата, ни министр финансов Кольбер не вспоминают о нем и не платят — очевидно, то, что ему причитается, попадает в карман прежнего обладателя этой должности.

— А вы не передергиваете? — спросила Анжелика. — Обвинять короля и его министра — не шутка. Почему вы не обратились в Версаль со своей жалобой?

— Не имею возможностей. Откуда мне знать, доберусь я туда живым или попадусь туркам? Если вы думаете, что я преувеличиваю, позвольте сказать, что чиновник гораздо более высокого ранга, чем я, — маркиз де Ла Хай, наш посол в Турции, — сидит в константинопольской тюрьме за долги только потому, что министр годами не платит ему. Видите, я должен выбраться из этой неразберихи. У меня жена и дети, слава богу! — И со вздохом он закончил: — Точно так же я могу попробовать оказать вам какую-нибудь помощь при условии, что я не встану поперек дороги вашему владельцу, маркизу д'Эскранвиллю. Что я могу сделать для вас?

— Две вещи, — сказал Савари. — Во-первых, найти в этом городе, который вы должны очень хорошо знать, арабского купца по имени Али Мектуб, у которого есть племянник Мохаммед Раки. Затем попросить его, если он хочет порадовать пророка, быть на пристани в тот момент, когда французский пиратский корабль станет выгружать рабов для аукциона.

— Возможно, я смогу сделать это, — с облегчением отозвался Роша. — Кажется, я знаю, где живет этот купец.

Но вторая просьба, сказал он, не столь проста; речь шла о том, чтобы отдать Савари несколько цехинов, которые были у него в кармане. Наконец он согласился, но не без болезненных переживаний.

— Так вы уверены, что эти сорок цехинов принесут мне сотню ливров... А как насчет выручки от продажи моих паразитов в Марселе? Д'Эскранвиль обещал мне еще привезти бочонок банюэльского вина. Где оно?

Анжелика и Савари понятия об этом не имели.

— Тем хуже! Я не могу ждать хозяина. Когда увидите его, скажите, что его старый друг Роша был здесь и требовал платы за своих пьяниц и еще обещанный бочонок банюэльского вина. Нет. Лучше ничего не говорите. Будет лучше, если он ничего не узнает о нашем разговоре. Кто знает?

— На Востоке правая рука никогда не позволяет левой знать, что она делает, — нравоучительно произнес Савари.

— Правильно! Он не должен и подозревать, что я одолжил вам, пленникам, деньги. Ну и положение! Не знаю, не будет ли моя щедрость стоить мне в конечном счете головы. Мое положение становится чем дальше, тем более запутанным. Счастливо оставаться! — Он отбыл, даже не осушив своего стакана, так его беспокоило то обстоятельство, что из-за собственной неосмотрительности он впутался в такую историю.

Вечером, во время разгрузки рабов, у причала ждал араб в плаще с капюшоном. Анжелика едва вступила на набережную под наблюдением Кориано, как Савари, ничем не ограниченный, присоединился к ним. Вдруг он сунул в ладонь Кориано горсть цехинов.

— Где ты достал эти деньги, старая жаба? — взревел пират.

— Вы не станете богаче оттого, что узнаете это... Или оттого, что скажете капитану, — зашептал аптекарь. — Позвольте мне остаться на пять минут наедине вон с тем арабом, и я дам вам еще больше.

— Так ты можешь замыслить с ним план побега?

— А если и так, что это меняет? Вы думаете, что цена, которую вы выручите за мой старый скелет, составит хотя бы те тридцать цехинов, которые я дал вам?

Кориано подбрасывал в руке медные монеты, колеблясь между справедливостью и здравым смыслом, потом отвернулся и сосредоточил все свое внимание на сортировке товара: старики и больные в один угол; крепкие мужчины в другой; молодые и красивые женщины в третий — и так далее.

Савари рысцой бросился к арабу. Через короткое время он вернулся и бочком подобрался к Анжелике.

— Это и в самом деле Али Мектуб. У него есть племянник Мохаммед Раки, живущий в Алжире. Тем не менее дядя помнит, что племянник ездил в Марсель по поручению европейца, на которого долгое время работал в Судане, где этот человек, очень ученый, добывал золото.

— Как он выглядел? Может он его описать?

— Не волнуйтесь. Я не могу выпрашивать у него о подробностях при первом знакомстве. Но сегодня вечером или завтра я собираюсь поговорить с ним подольше.

— Как вы сумеете добиться этого?

— Это мое дело. Положитесь на меня.

Их разделил Кориано. Анжелику препроводили во французский квартал города под строгой охраной. Наступал вечер, и из таверн без передних стенок, вытянувшихся вдоль улицы, доносились звуки тамбуринов и флейт.

Дом, в который они вошли, напоминал небольшую крепость. Д'Эскранвиль находился там, окруженный полуевропейской обстановкой, в которой изящная мебель и картины в золоченых рамах соседствовали с восточными диванами и с вездесущим кальяном. Запах опиума пропитал всю комнату.

Он пригласил Анжелику выпить с ним кофе — такого не случилось с того памятного вечера на острове среди мраморных богинь.

— Ну, моя красавица, мы в порту. Через несколько дней все любители красивых девушек, которые пожелают расстаться с приличной суммой, чтобы приобрести редкость, смогут как следует рассмотреть вашу фигуру. Мы дадим им достаточно времени, можете не сомневаться.

— Вы жестоки, — сказала Анжелика, — но я сомневаюсь, что вы наберетесь наглости выставить меня на аукцион... да еще раздетой.

Пират очень громко рассмеялся:

— Чем больше я покажу вас, тем больше вероятность получить столько, сколько я хочу — двенадцать тысяч пиастров.

Анжелика подпрыгнула, глаза ее сверкали:

— Этого не будет никогда! — закричала она. — Я не дойду до такого срама. Я не рабыня. Я придворная дама французского короля. Никогда, никогда я не потерплю этого. Попробуйте только сделать со мной что-нибудь подобное, и я заставлю вас пожалеть об этом в сто раз сильнее, чем вы можете вообразить.

— Наглая потаскуха! — взревел д'Эскранвиль, хватаясь за плеть.

— Оставьте ее в покое, капитан, — наконец не выдержал одноглазый помощник. — Вы можете покалечить ее. Не стоит украшать ее синяками. Посидит немного в подземной тюрьме — и стыдливости в ней поубавится.

Маркиз д'Эскранвиль был не в состоянии прислушаться к этим доводам, но помощник аккуратно оттеснил его в сторону, и он растянулся на диване, обрушив свою плеть на пол.

Кориано схватил Анжелику за руку, но она оттолкнула его, заявив, что вполне способна идти сама. Она никогда не была особенно расположена к этому человеку с волосатыми татуированными руками, который выглядел точь-в-точь как полагалось выглядеть подлому пирату, — с черной повязкой на одном глазу, с головой, обвязанной красным платком, из-под которого свисали на небритые щеки грязные волосы. Он пожал плечами и повел ее через продуваемые сквозняками коридоры старого дома, полукрепости, пол у гостиницы. Заставив ее спуститься на пролет каменной лестницы, он остановился перед дверью, щедро обитой средневековым железом, вытащил связку ключей и повернул лязгнувшие замки.

— Заходите!

Анжелика замешкалась на пороге темной дыры, которую он распахнул перед нею. Он толкнул ее и запер дверь.

Теперь она была одна в мрачной темнице, освещаемой только маленьким зарешеченным окошком под потолком. Здесь не было даже соломы для лежанки, единственной «обстановкой» служили три цепи с кандалами для рук и для ног, вделанные в стену. Этот мерзавец по крайней мере не заковал ее в цепи.

«Они же боятся причинить мне вред», — отметила она про себя.

Плечи в том месте, где по ним прошлась плеть, горели. Она упала на пол. Было тихо, как в могиле. Наконец-то она смогла собраться с мыслями — правда, без удобств, но зато и без чувства отчаяния. Она понимала, что ее спокойствие объясняется новостями об арабском купце Али Мектубе, которые Савари недавно шепнул ей.

Анжелика снова и снова повторяла каждое его слово, чтобы не потерять надежду. Она правильно делала, что, несмотря на тяжелейшие несчастья, стремилась на Крит. Тонкая нить не порвалась, и в конце пути она еще различала свет надежды. Теперь нельзя обманывать себя. Долгое время ее поиски не приносили никакого определенного результата. Где и когда сможет она встретить племянника Али Мектуба? Она не знала даже, каким образом вернет себе свободу — или ее ожидают ужасы гарема.

Тем не менее она, должно быть, заснула, и заснула крепко, потому что, проснувшись, обнаружила возле себя медный поднос, от которого доносился аппетитный запах турецкого кофе. На нем лежали еще засахаренные фисташки и несколько медовых лепешек.

Она уже кончала завтрак, когда в подземелье послышались отзвуки голосов. Приближались чьи-то шаги. Ключ заскрежетал в замке, и одноглазый втолкнул двух женщин, одна из которых была под покрывалом, и обе по-турецки осыпали его страшными проклятиями. Тюремщик ответил им ругательством на том же языке и, заперев всех троих, удалился, ворча что-то.

Обе женщины забились в угол подземелья и с ужасом уставились на Анжелику, пока не рассмотрели, что она тоже женщина. Тогда они разразились истерическим смехом.

Анжелика уже привыкла к полумраку и разглядела, что женщина под покрывалом была одета в турецкие шаровары, черную шелковую кофту и короткую бархатную курточку. Ее густые черные волосы, казавшиеся еще более темными от зеленой хны, были прикрыты красной бархатной шапочкой, с которой свисала газовая вуаль, скрывавшая лицо. Увидев, что она находится в обществе одних только женщин, она откинула покрывало, и стали видны длинные, голубоватые ресницы, обрамлявшие оленьи глаза. Она была бы безупречной красавицей, если бы не громадный нос. На шее блестела золотая цепь, на ней висело распятие, которое она поцеловала несколько раз, потом перекрестилась сама.

Увидев, как Анжелика отреагировала на этот жест, она подошла, села подле нее и заговорила, к удивлению Анжелики, по-французски, не быстро, но правильно. Она была армянкой из Тифлиса, в Закавказье, а следовательно, православной, но выучила французский язык у отца-иезуита, который учил ее и ее братьев. Она представила свою прекрасную спутницу, русскую, захваченную турками под Киевом.

Анжелика спросила, как случилось, что они попали под власть д'Эскранвиля, но та не могла объяснить, потому что только недавно попала в Бейрут из Сирии, начав свой путь в Эрзеруме и побывав в Константинополе. Обе считали, что им повезло, что они оказались на Крите, потому что знали — на этот раз с ними не будут обращаться как со скотиной и не выставят для продажи на площади голыми, а скорее всего будут предлагать как ценный товар в специально для этого предназначенном помещении.

Анжелика слушала ее с тревогой. Эта женщина — ее звали Чемиган, — должно быть, месяцами находилась в пути, ее выставляли голой на всех базарах Востока. И все же никто не ограбил ее, не снял тяжелых золотых

браслетов с запястий и лодыжек, а также длинного тяжелого пояса из золотых цехинов. На ней было золота на несколько ливров — казалось бы, достаточно, чтобы купить ей свободу.

Армянка рассмеялась. Это вопрос не столько денег, сколько сильного и могущественного покровителя. Она была уверена, что здесь, в этой стране, еще недавно принадлежавшей христианам и все еще служившей портом европейским корсарам, а также местом, куда заходили корабли, чтобы торговать с Западом, она легче найдет себе покровителя. Она видела на улице православного священника, и его вид вдохнул в нее надежду.

Русская была намного менее разговорчивой. Она казалась безразличной к своей судьбе, но попыталась захватить большую часть камеры, расположившись для сна.

— Она не конкурентка, — сказала армянка, понимая подмигивая. — Она неплоха, но, как видите, в ней не хватает чего-то для истинной привлекательности. С другой стороны, я твердо надеюсь, что ваше присутствие здесь не помешает мне найти хорошего хозяина.

— Разве вы не думали когда-нибудь о побеге? — спросила Анжелика.

— О побеге? Я? Куда я денусь? До Кавказа, откуда я родом, далеко, и весь путь проходит по турецкой земле. Разве они уже не завоевали Крит? К тому же дома никого не осталось. Там турки. Они зарезали моего отца и старших братьев, а младших кастрировали прямо на моих глазах, чтобы продать их карскому паше как белых евнухов. Нет, конечно, самое лучшее для меня — найти как можно более могущественного хозяина.

Потом она принялась расспрашивать Анжелику, с некоторым уважением осведомляясь, не прибыла ли она сюда с невольничьего рынка на Мальте.

— Что? Вы думаете, быть изнасилованной монахами Мальтийского ордена — это большая честь? — с подчеркнутой иронией спросила Анжелика.

— Это самые могущественные христианские правители на Востоке, — ответила ее собеседница, вращая глазами. — Даже турки боятся их и оказывают им уважение, потому что рыцари ведут торговлю во всех частях Средиземноморья и сказочно богаты. Вы не знаете, что Батистан в Кандии принадлежит им? Я слышала, что у причала стоит одна из их галер и что главный закупщик рабов Ордена будет на аукционе, где нас будут продавать. Но я забыла — вы француженка, у вас во Франции должен быть невольничий рынок. Говорят, Франция — могущественная держава. Она такая же большая, как Мальта?

— Нет, — поправила ее Анжелика, — во Франции нет невольничьих рынков, и она в десять раз больше Мальты.

Армянка рассмеялась ей в лицо. Зачем француженка рассказывает сказки, еще более фантастические, чем у арабов? Все знают, что нет христианской страны большей, чем Мальта.

Анжелика попробовала убедить ее. Она говорила, что перспектива быть проданной на Батистане благородным мальтийским рыцарям не компенсирует для нее потери свободы, и она надеется скоро найти путь к побегу.

Армянка пожала плечами. Она не думает, что кто-нибудь может ускользнуть из когтей такого работорговца, как «французский пират». Она находится в руках турок уже около года и ни разу, ни разу не слышала, чтобы какой-нибудь женщине удалось бежать. Больше всего «повезло» тем, которые были заколоты или растерзаны собаками или кошками.

— Кошками? — воскликнула Анжелика.

— Некоторые мусульманские племена натаскивают кошек стеречь своих пленников. Кошки намного более свирепы, чем собаки, и действуют быстрее.

— Я думала, женщин охраняют евнухи.

Она узнала, что евнухи охраняют только тех, кому посчастливилось оказаться в гареме. Простых пленниц отдают под надзор кошек и собак, которым иногда бросают на съедение бунтарей. Не ведающие стыда животные начинают с того, что выцарапывают глаза и выедают груди.

Анжелика вздрогнула. Она не боялась смерти, но, если ей уготована такая смерть, это совсем другое дело.

Остатки еды, принесенной для Анжелики, были поделены на троих и быстро исчезли, особенно если учесть, что русская съела большую их часть. Узницы начали страдать от жажды. Несмотря на все их призывы — громче всех вопила армянка, — никто не пришел к ним на помощь. Однако по мере того, как ночь становилась все холоднее, жажда казалась не столь мучительной — но лишь для того, чтобы с новой силой возобновиться с восходом солнца. Никто к ним так и не пришел.

Порывы горячего ветра врывались в их тюрьму через узкую решетку под потолком. Скоро к жажде присоединился голод. Никто не появлялся. Свет снаружи стал розовым, потом пурпурным, затем совершенно угас. Опять наступила ночь — еще более тяжелая, чем предыдущая. Спина у Анжелики в том месте, где плеть рассекла кожу и одежда пропиталась кровью и прилипла к телу, ужасно болела. Но утром их разбудил тонкий аромат, доносившийся откуда-то неподалеку.

— Пахнет как от настоящего кавказского шашлыка, — сказала армянка, у которой трепетали ноздри.

Потом они услышали приветственный звон металлических блюд в коридоре.

— Сюда! — произнес голос д'Эскранвиля. В тот же момент дверь открылась, пропуская в темницу луч света.

— Недолгий пост и товарки, которые кое-что порассказали вам о вашей судьбе, должны были немного прибавить вам ума, красавица. Вы не решили вести себя примерно, так, как подобает послушной рабыне? Наклоните голову и повторяйте: «Да, хозяин, я сделаю все, что вы хотите...» — Пират находился под влиянием вина и наркотика. Он был плохо выбрит. Когда Анжелика промолчала, он выругался и объявил, что его терпение иссякает.

— Я не могу выступить на аукцион, пока не укрошу эту девку. Иначе она все испортит. Опустит голову и повторяй за мной: «Да, хозяин...»

Анжелика стиснула зубы. Работорговец сплюнул от злости. Он снова поднял свою плеть, и снова одноглазый помощник остановил его. Немного успокоившись, главарь пиратов сделал усилие, чтобы взять себя в руки.

— Единственное, почему я не могу заживо содрать с тебя кожу, — потому что это уменьшит твою цену, — он повернулся к матросам, которые несли блюда: — Остальных в другую камеру, чтобы они поели и попили, но не этой упрямой ослице.

К великому удивлению Анжелики, армянка и обжора русская отказались принять то, в чем было отказано ей. Это был неписанный закон: заключенные держатся вместе.

Их мучитель послал всех женщин к дьяволу, ругаясь, что этих отродий вообще не должно было бы существовать на свете, и с большим шумом все блюда были отнесены обратно.

День прошел, ночь опять принесла трем узницам голод. Анжелика не могла спать. Значит, ей предстоит еще один день унижения до аукциона, на котором они втроем будут, без сомнения, главной приманкой. Савари обещал вытащить ее из этого безнадежного положения, но возможности бедного старика, не имеющего денег и к тому же самого находящегося в плену, имеющего в качестве помощника лишь презренного грека и состязавшегося с самыми известными пиратами, которые конкурировали между собой в демонстрации товара, борясь за выживание на ниве работорговли, были совершенно ничтожными.

К середине ночи ей показалось, что она видит два глаза, сверкающих в темноте. «Кошка!» — завизжала она.

Но это была всего лишь двухфитильная лампа.

Ночь казалась бесконечной. Она хотела уснуть, но решила, что лучше не спать, потому что Савари мог еще прийти. Перед рассветом она услышала рев моря, как будто во время шторма. Она скрючилась под окном и в конце концов задремала.

— Мадам дю Плесси-Белльер, вы будете писать письмо?

Анжелика проснулась мгновенно. Она едва различала старого аптекаря, старавшегося просунуть между прутьями оконной решетки лист бумаги, чернильницу и перо.

— Как? У меня нет стола.

— Неважно. Пишите на стене или положите бумагу на пол.

Анжелика положила бумагу на шероховатый камень.

— Кому письмо? — спросила она, чувствуя душевный подъем.

— Вашему мужу.

— Мужу?

— Да. Я снова виделся с Али Мектубом. Он решил поехать в Алжир, найти племянника и расспросить его. Вряд ли этот племянник сможет привести его прямо туда, где прячется ваш муж. На этот случай ему было бы неплохо иметь письмо, написанное вашей рукой и подтверждающее его миссию.

Рука Анжелики дрожала над смятой бумагой. Писать письмо мужу! Он был уже не призраком, а живым существом. Мысль о том, что его руки могут коснуться этого письма, хранящего ее прикосновение, что он будет читать его, казалась ей безумной. Но ведь, подумалось ей, она уже поверила в воскрешение тела, не правда ли?

— Что мне сказать, мэтр Савари? Я не знаю, что... Что мне писать?

— Это неважно, лишь бы он смог узнать ваш почерк. Анжелика написала, царапая бумагу от возбуждения:

«Вспомни меня, которая была когда-то твоей женой. Я всегда любила и люблю тебя. — Анжелика».

— Нужно ли писать, в каком трудном положении я нахожусь? Дать ему знать, где я?

— Али Мектуб скажет сам.

— Вы действительно думаете, что он найдет его?

— Во всяком случае, он сделает все возможное.

— Как вы уговорили его помогать жалким нищим рабам вроде нас?

— Мусульмане не всегда ищут материальных выгод, — ответил Савари. — Скорее для них характерна некоторая склонность делать то, что хочется, и, если они решили поддаться ей, их не остановить. Али Мектуб считает, что вы и ваш муж посланы ему Аллахом. Бог имеет относительно вас какие-то загадочные планы и дарит вам особенное расположение. Ваши поиски священны, и он думает, что Аллах накажет его, если он

не поедет. Он совершит это паломничество с таким же благочестием, как если бы он шел в Мекку, и притом за свой счет. Он одолжил мне сто ливров, которые я обещал Роша. Я был уверен в этом.

— Быть может, это так, что на небесах жалеют меня. Но путешествие продлится долго. Знаете, говорят, что меня собираются продавать дня через два.

— Знаю, — ответил Савари озабоченно. — Но не теряйте надежды. Может, у меня хватит времени устроить вам побег. Если вы сумеете выиграть несколько дней до аукциона, это поможет моим планам.

— Я подумаю. Мои подруги по заключению говорили, что иногда пленницы калечат себя, чтобы избежать продажи. У меня на такое не хватит мужества, но думаю, что если я остригу волосы под самый корень, то нарушу планы своих тюремщиков. Они строят все свои надежды на том, что я блондинка, потому что на Востоке любят белокурых женщин. Без волос я буду стоять не так уж много. Они не станут продавать меня, если все что требуется, — это подождать, пока отрастут волосы. Это даст нам какое-то время.

— Неплохая мысль. Но я боюсь ярости этого скота д'Эскранвиля.

— Не беспокойтесь. Я начинаю привыкать к ней. Все, что мне нужно, это ножницы.

— Попробую передать вам. Не знаю, смогу ли я еще раз прийти сюда, потому что за мной следят, но я найду кого-нибудь. Держитесь смелее. На все воля Аллаха!

Начинался третий день заточения. Анжелика ожидала, что жестокость ее тюремщика еще возрастет. В голове у нее было легко, а ноги ослабли, и она подумала, не начинается ли у нее лихорадка. Потом она услышала шаги в коридоре за дверью и задрожала.

Появился Кориано, приказал ей выйти из темницы и, не произнося ни слова, провел ее в гостиную, по которой вышагивал д'Эскранвиль, находившийся в состоянии обычной для него сосредоточенной ярости.

Завидев Анжелику, он свирепо взглянул на нее, потом вытащил из заднего кармана сюртука ножницы.

— Это мы отобрали у греческого мальчишки, который пытался просунуть их через решетку твоей камеры. Они предназначались для тебя, не так ли? Что ты собиралась с ними делать?

Анжелика презрительно смотрела в сторону и не отвечала. Ее план провалился.

— Она наверняка затевала что-то, — сказал Кориано. — Вы же знаете, как они горазды на выдумки. Помните ту сицилианку, которая выпила кислоту? И ту, другую, которая бросилась с городской стены? Обеих пришлось списать в убытки.

— Не напоминай мне о таких вещах, — сказал пират. Он снова принялся расхаживать по комнате. Потом схватил Анжелику за волосы и оттянул голову так, чтобы видеть ее лицо.

— Ты вбила в голову, что не дашь себя продать, ведь так? Ты постаралась бы удрать, не правда ли? Собираешься вопить? Выть? Бороться? Понадобится десять человек, чтобы раздеть тебя? — он отпустил ее и снова начал ходить. — Это нетрудно было предвидеть. Хороший был бы скандал. Рыцари Мальтийского ордена, которым принадлежит Батистан, этого не любят. И фокусов непослушных женщин тоже.

— Мы можем дать ей наркотиков, — сказал Кориано.

— Прекрасно знаешь, что этого нельзя делать. Они от этого выглядят слишком равнодушными. Мне нужны эти двенадцать тысяч пиастров! — он остановился перед Анжеликой. — Если ты будешь послушной, я наверняка получу их. Если нет, ты обманешь наши

ожидания. Говорю тебе, Кориано, я бы заплатил любому, кто избавил бы меня от этой шлюхи!

Помощник раздраженно застонал:

— Мы должны усмирить ее, только и всего.

— Как? Мы уже все испробовали.

— Нет, — его глаз засверкал. — Она еще не познакомилась с подземными темницами в толще стены. Там она узнает, что ждет ее, если из-за ее фокусов мы потеряем цену, — отвратительная усмешка скользнула по его беззубому рту. Д'Эскранвиль согласился:

— Хорошая мысль, Кориано! Попробуем еще это, — он подошел к пленнице. — Хочешь знать, какую смерть я приготовил для тебя, если ты испортишь нам торги? Хотела бы ты знать, какой конец ждет тебя, если ты не дашь нам наши двенадцать тысяч пиастров? Если ты сделаешь так, чтобы не понравится покупателям? — Опять взяв ее за волосы, он приблизил к ее лицу свое, обдав запахом опиума. — Потому что ты умрешь! Не надейся на жалость с моей стороны. Если я не выручу за тебя двенадцать тысяч пиастров, ты умрешь. А теперь не хочешь ли узнать, как ты умрешь?

Дверь новой темницы закрылась за ней. Как и та, прежняя, она была сырой и темной, но в общем казалась такой же. Она долго оставалась на ногах, потом села на чурбан, стоящий в углу. Она не собиралась выдавать маркизу д'Эскранвилью охвативший ее страх, но тем не менее испытывала смертельный ужас. Когда он закрывал дверь, она была готова броситься к его ногам, умоляя о пощаде, обещать все, чего он хочет, но последняя вспышка гордости удержала ее.

— Мне страшно, — сказала она вслух. — Боже милосердный, как же мне страшно!

Камера напоминала могилу. Она закрыла лицо ладонями и ждала. Потом ей показалось, что она

услышала мягкий звук, как будто что-то упало рядом с ней. Потом опять наступила тишина...

Но она была не одна. Она чувствовала присутствие какого-то существа, глядящего на нее. Она медленно расставила пальцы и взвизгнула от ужаса. В середине камеры стоял громадный кот, глаза которого светились в темноте. Анжелика застыла.

Потом в просветах оконной решетки показался другой кот и спрыгнул в камеру. За ним — третий и четвертый, и пятый, пока она не оказалась в кольце приникающих к полу, крадущихся тварей. В темноте она могла различать лишь их светящиеся глаза. Один из котов присел на задних лапах, готовясь к прыжку и целясь, как она была уверена, в ее глаза. Она попробовала отшвырнуть его ногой, животное ответило бешеным мяуканьем, которое тут же было подхвачено бесовским хором всех остальных.

Анжелика вскочила на ноги, пытаясь добраться до двери. Она почувствовала тяжесть вспрыгнувшего ей на плечи кота и его острые когти, впивающиеся в тело, в то время как остальные рвали на ней одежду.

Закрыв глаза руками, она заорала, как сумасшедшая:

— Нет! Не это! Только не это! Помогите! Помогите!

Дверь быстро распахнулась, и вошел Кориано, плетью и ногами раскидывая котов в стороны и осыпая их проклятиями. Даже ему оказалось не просто разогнать их, потому что их морили голодом. Он вытянул Анжелику наружу, она была настолько вне себя от ужаса, что со стоном корчилась на каменном полу.

Д'Эскранвиль наблюдал, как она ползала перед ним, наконец-то побежденная. Наконец-то слабость взяла в ней верх над волей, и она не отличалась теперь от всех остальных женщин.

Рот пирата оскалился, как у черепа. Это была его величайшая победа — и в то же время самая горькая, неожиданно ему захотелось кричать от боли. Он сжал зубы, чтобы взять себя в руки.

— Теперь ты понимаешь? Теперь ты будешь послушной?

Всхлипывая, она твердила:

— Нет... Не это... Не кошки! Не кошки!

Он поднял ей голову.

— Ты будешь послушной? Ты будешь покорной на Батистане?

— Да, да!

— Ты позволишь выставить себя голой?

— Да, да... все что угодно, только не кошки!

Оба пирата смотрели на нее:

— Кажется, вы выиграли, капитан, — произнес Кориано. Он наклонился над Анжеликой, все еще корчившейся и всхлипывающей на полу, и показал на плечо, разорванное когтями котов-убийц. — Я вошел, как только она начала звать на помощь, но они все равно успели ее поцарапать. Начальник Батистана и аукционер Эриван будут недовольны.

Маркиз д'Эскранвиль отер пот со лба.

— Это еще не самое худшее. Наше счастье, что они не выцарапали ей глаза.

— Вы правы. Мадонна, это самая упрямая баба, какую я встречал. Всю свою жизнь, во всех морях я буду помнить эту француженку с зелеными глазами.

После этого ужаса Анжелика, как могла, покорилась, не стараясь ни собраться с мыслями, ни бороться с судьбой. Две ее товарки обменялись понимающими взглядами, увидев, как она, когда-то такая гордая, часами лежит в унынии, глядя в пустоту. Пиратский главарь знал, как подавлять бунты. У него был богатый опыт. Он мог даже заставить женщину гордиться, подчиняясь ему.

На следующий день вошел один из стражников-мавров с «Гермеса» в сопровождении двух толстых негров. Сначала Анжелика приняла их за мужчин, потому что на них была мужская одежда, в том числе громадные тюрбаны и ятаганы за поясом, но, присмотревшись, решила, что это женщины средних лет — под расшитыми бархатными халатами висели увядшие груди, а темные лица были лишены растительности. Старшая предстала перед Анжеликой и фальцетом сказала: «Хаммам!».

Анжелика повернулась к армянке и спросила:

— Хаммам? По-персидски это означает «ванна»?

— Конечно, — сказала старуха по-турецки. Потом она указала покрытым оранжевым лаком ногтем на русскую: «Баня». Потом показала на себя: «Хаммамчи».

— Это означает, что он старший в банях, — сказала армянка. Она объяснила, что это два евнуха, которые пришли за ними, чтобы отвести в турецкие бани, где с них сбреют лишние волосы и как следует оденут. Она вышла из оцепенения и быстро заговорила с отвратительными личностями. И она, и русская, казалось, были в восхищении от такой перспективы.

— Они говорят, что вы сможете выбрать самые дорогие одежды на базаре, и украшения тоже. Но прежде всего нужно надеть покрывало. Евнух считает, что вам неприлично быть в мужской одежде. Ему стыдно за вас.

Они отвели трех пленниц обратно в дом, где для них были приготовлены напитки — лимонный и апельсиновый соки. Анжелика вздрогнула, когда евнух с длинными оранжевыми ногтями откинул ей волосы, чтобы рассмотреть спину. В это время вошел маркиз д'Эскранвиль. Евнух что-то выразительно сказал ему по-турецки.

— Он спрашивает, не сошел ли д'Эскранвиль с ума, если так наказывает вас перед самым аукционом, —

прошептала армянка. — Он не ручается, что сумеет залечить эти царапины до ночи.

Д'Эскранвиль громко ответил на том же языке. Евнух надул губы, словно обиженная старуха, и выскочил.

Глаза корсара налились кровью, рот был перекошен, блуждающий взгляд не останавливался на Анжелике. Через минуту он выскочил из комнаты.

Рабы принесли уличные одежды для всех женщин, и Анжелике пришлось надеть просторную черную чадру, закрывающую все лицо, кроме глаз, прикрытых, однако, полоской белого газа. Снаружи ждало несколько косматых мальчишек, державших в поводу оседланных ослов. Армянка сказала, что такой транспорт должен подчеркивать высокую стоимость их особ. Потом она и русская заговорили по-турецки с евнухами, которые выпустили Анжелику из поля зрения.

Старый евнух казался очень приятным и, очевидно, разговорчивым. Для начала он купил красного и зеленого дрожащего желе, которое предложил трем женщинам, говоря, что оно сделано на малине и мяте, но не следует объедаться им перед баней. Анжелике оно показалось безвкусным и противным, и она отдала его мальчишке, но негр отнял его и ударил мальчика.

После стольких дней заточения свежий воздух благотворно подействовал на нее. Шторм кончился, и украшенное белыми барашками море, которое виднелось в конце узкой улочки, имело глубокий сиреневый цвет. Небо было голубым и безоблачным, но духоты не ощущалось.

Маленькая процессия очень медленно пробиралась через толпу, несмотря на ранний час, уже наполнявшую улицы. В порту в тени стен греческих домов без окон и под маленькими балконами венецианских палаццо, почти касавшимися друг друга, жались представители всех рас средиземноморского бассейна. Греков с гор и

крестьян из окрестных деревень легко было узнать по их коротким белым юбкам и обнаженным коленям. Были здесь и арабские купцы в коричневых плащах с капюшонами. Немногочисленные турки были еле видны под громадными шарообразными тюрбанами, украшенными драгоценными камнями, и выделялись широкими шароварами, державшимися на поясах, обернутых вокруг талии в несколько оборотов. Мальтийцы с оливковой кожей шли бок о бок с сарацинами и итальянцами в национальных костюмах. Это были мелкие купцы, занимавшиеся каботажной торговлей. Факт, что они избегали пиратов, которые позволяли им торговать на равных как свободным людям, в то время как Мельхиор Паннассав мог заниматься торговлей, только если судьба оказывалась милостивой к нему. Здесь было много и европейских костюмов — больших шляп с перьями и высоких сапог с отворотами, туфель на каблуках — но все это было более или менее потерто, показывая, что колониальные чиновники на этом далеком острове забыты своими начальниками. Иногда появлялся итальянский банкир, одетый в бархат и носивший шляпу с плюмажем из огромных страусиных перьев и сапоги из тонкой кожи. Через каждые сто шагов они наталкивались на одетого в черное бородатого православного священника, носящего на груди огромное распятие — вырезанное из дерева, серебряное или золотое.

Армянка у каждого просила благословения, которое священник рассеянно давал ей, издали осеняя ее крестом.

В торговых рядах главный евнух купил множество разноцветных одежд и украшений. Наконец он предложил им возвращаться через порт. Они проходили мимо груд фиников, дынь, арбузов, апельсинов, лимонов и фиг, сложенных на огромных черных плитах мостовой. Потом показался лес матч и реев.

На мостике галеона под тунисским флагом стоял форменный людоед с длинными волосами и бородой, одетый в расшитый золотом камзол и высокие сапоги красной кожи и ревевший, как морской бог. Евнухи остановили ослов, чтобы насладиться зрелищем и обменяться замечаниями с пленницами. Армянка любезно переводила Анжелике.

Так Анжелика узнала, что людоед был ренегатом, датчанином по имени Эрик Янсен, который провел среди берберов двадцать лет. Чтобы спасти перегруженное судно во время недавнего шторма, ему пришлось выбросить за борт часть груза — почти сотню рабов, погруженных в Албании. Теперь старый викинг бушевал, наблюдая за распродажей остальных рабов, пострадавших в трюме штормовавшего судна. Мужчины с кровоподтеками, женщины и дети, полумертвые от страха, сбывались по сходным ценам тут же, у берега, и он придерживал только самые удачные приобретения последнего рейса. Это разочарование повергло его в ужасное настроение, и он орал на своих надсмотрщиков, чтобы те не жалели плетей.

Вызывавшая сочувствие группа была размещена на кипах товара и бочонках, чтобы лучше было видно публике на набережной. Арабы в белых бурнусах — члены команды — хрипло перечисляли достоинства каждого. Будущим покупателям разрешалось ощупывать, щипать, даже снимать покрывала у женщин, которые стояли у самой воды, голые и дрожащие. Некоторые пытались прикрыть наготу волосами, но стражники били их за такое проявление стыдливости. Их даже заставляли раскрывать рты, чтобы проверить, сколько зубов у них сохранилось.

Анжелика вздрогнула от стыда при этом зрелище. «Не может быть, — говорила она себе, — чтобы я... Нет, нет, не это!». Она оглянулась в поисках какой-нибудь помощи и увидела старого продавца апельсинов,

пристально глядящего на нее из-за складок просторного плаща. Он сделал ей знак, потом исчез в толпе.

Черный торговец оттаскивал от троих детей ничего не соображавшую, с безумными глазами женщину.

— Вот так же, — сказала армянка, — оттаскивали моих братьев от нашей матери, — она прислушалась к словам и продолжала: — Эту женщину купили для египетского гарема в глубине пустыни. Покупатель не может связываться с детьми, они умрут по дороге.

Анжелика ничего не сказала. Ею овладело какое-то безразличие.

— Они собираются продать детей за несколько пиастров, — снова заговорила армянка. — Или оставят их здесь бродить вместе с собаками и кошками. Будь проклят день, когда они появились на свет! — Она медленно наклонила голову. — Нам везет. По крайней мере, мы не умрем от голода, — и она весело попросила разрешения пойти полюбоваться мальтийскими галерами, красные флаги которых с белыми крестами весело трепетали на ветру.

Продажа заканчивалась. Солдаты Мальтийского ордена с помощью алебард наводили порядок в шеренгах пленников, которых должны были увести их новые хозяева. Одетые в шлемы и обутые, эти солдаты отличались от обычных наемников черными ризами с большими восьмиконечными крестами на груди и на спине.

Армянка пришла в восторг при виде этих представителей величайшего флота христианского мира. Евнуху пришлось резко приказать ей идти дальше. Он вовсе не хотел лишать пленниц, которым назавтра предстояло уехать в далекие гаремы, возможности поглазеть на уличные сценки, столь дорогие сердцу каждого жителя Востока, которые позволено видеть даже осужденным, но он был

вынужден спешить, потому что время аукциона приближалось.

— Хаммам! Хаммам! — твердил он, подгоняя их.

У самых турецких бань Анжелика опять заметила продавца апельсинов. Когда он осторожно приблизился к ее ослу, она узнала в нем Савари.

— Вечером, — прошептал он, — когда вы выйдете из Батистана, будьте готовы. Сигналом будет голубая ракета. Мой сын Вассос проводит вас, но если вы не сможете с ним встретиться, любой ценой постарайтесь добраться до башни крестоносцев у гавани.

— Это невозможно. Как я смогу удрать от своих стражей?

— Сдается мне, что вашим стражам, кем бы они ни были, в этот момент будет на что посмотреть и кроме вас, — Савари ухмыльнулся, и даже через очки был виден дьявольский блеск его глаз. — Будьте готовы!

Глава 13

Солнце уже опустилось низко над горизонтом, когда рабы доставили трех женщин в тщательно закрытых носилках в Батистан Кандии.

Расположенное на холме, это здание издали казалось большим и солидным. Оно имело квадратную форму, дверьми служили железные решетки. Народ около него толпился так плотно, что пленницам, все еще сопровождаемым евнухами, пришлось с трудом прокладывать себе дорогу через толпу, окружавшую нечто вроде классной доски из неполированного мрамора, на котором темнокожий человек с громадным носом писал по-итальянски и по-турецки.

Анжелика достаточно знала итальянский, чтобы понять объявление:

Православные греки — 50 экю золотом

Православные русские — 100 экю

Мавры и турки — 75 экю

Разные французы — 30 экю

Обмен

1 француз = 3 маврам в Марселе

1 англичанин = 6 маврам в Танте

1 испанец = 7 маврам в Агадире

1 голландец = 10 маврам в Леггорне или Генуе

Евнухи подтолкнули Анжелику вперед, и они вошли в просторный внутренний двор с голубыми черепичными дорожками между кустами роз, олеандрами и апельсиновыми деревьями. В центре бил красивый венецианский фонтан. Сюда едва проникал городской шум, толстые стены задерживали все посторонние звуки, так что крупные сделки могли совершаться в торжественной тишине. Двор был окружен резными колоннами, которые поддерживали

галерею и были покрыты древней византийской росписью, напоминавшей миниатюры в рукописных книгах; за этой галереей и находились комнаты, где происходили торги. Старший евнух остановил свой отряд, чтобы узнать, какая из комнат предназначена для них.

Анжелика едва дышала под своими покрывалами. Все происходящее казалось ей сном. Как будто она попала в какую-то машину, которая вдруг перенесла ее на порог этих комнат, где всевозможные человеческие существа выставлялись для обозрения перед жадными взорами. Она сдвинула покрывало, чтобы отдышаться, но более молодой из евнухов выразительным жестом приказал ей закрыть лицо. Она притворилась, будто не понимает, и продолжала меланхолично смотреть на шествие покупателей — турок, арабов и европейцев, — пересекавших внутренний двор и скрывающихся в комнатах наверху.

Неожиданно она заметила входящего вице-консула. Вице-консул, как обычно, был с недельной щетиной на щеках и нес под мышкой портфель с бумагами.

— Господин Роша, — зашептала она. — Послушайте. У меня мало времени. Этот негодяй, ваш друг д'Эскранвиль, собирается выставить меня для продажи. Постарайтесь помочь мне, и я навсегда буду вам благодарна. Во Франции у меня состояние. Помните, я не обманула вас насчет обещанной сотни ливров. Я знаю, вы не можете сами вступить за меня, но нельзя ли заставить кого-нибудь из покупателей-христиан — например, мальтийских рыцарей, которые имеют здесь такое влияние, — проникнуться жалостью к моему ужасному положению. Я и слышать не могу о том, чтобы быть проданной мусульманину и попасть в гарем. Скажите рыцарям, что я могу и хочу заплатить любой выкуп, если только они победят на аукционе и вырвут меня из когтей этих нехристей. Неужели они не

пожалуют бедную христианскую женщину? — Французский чиновник сначала притворился раздраженным и едва не оставил ее, но чем дальше она говорила, тем больше он успокаивался.

— А что, хорошая мысль, — отозвался он, почесывая затылок. — Это может получиться. Закупщик рабов для Мальтийского ордена, дон Хосе де Альмандо, кастилец, сегодня здесь, и другой высокопоставленный член ордена, Балифф Шарль де Ла Марш из Оверни, ваш соотечественник, — тоже. Я попробую заинтересовать их вашим делом. Не вижу, почему бы им не помочь.

— Не попадает ли член религиозного Ордена в смешное положение, покупая женщину?

Роша закатил глаза:

— Дитя мое, вы, конечно, не можете много знать об этом месте. Многие годы Орден покупает и продает женщин, как и всех других рабов, и никто против этого не возражает. Это Восток, и не забывайте, что добрые рыцари принимают лишь обет безбрачия, но не целомудрия. Однако выкуп, возможно, заинтересует их больше, чем рабыня для развлечения. Орден нуждается в деньгах на содержание флота. Я собираюсь разузнать о ваших титулах, вашем положении и вашем состоянии. Рыцари всегда рады сделать доброе дело королю Франции, а я слышал, что вы весьма значительная фигура при дворе и близки к его величеству Людовику XIV. Все это может склонить их к тому, чтобы прийти вам на помощь.

— О, благодарю вас, господин Роша! Вы мой спаситель! — Она забыла о его бессилии и непривлекательном виде, о том, что он не брит. Он собирается что-то сделать для нее. Она пылко сжала его руку.

Тронутый и смущенный, Роша сказал:

— Я счастлив, что могу быть полезен вам. Ваше положение огорчает меня, но я бессилен, не так ли? Ну,

а сейчас не теряйте надежды.

Младший евнух обрушился на них, как визжащий ястреб, и оттащил Анжелику за руку. Роша быстро исчез.

Придя в ярость от прикосновения черных ладоней евнуха, Анжелика обернулась и ударила его по дряблым щекам. Евнух вытащил меч, но, видимо, не мог решить, может ли он пустить его в ход, имея дело с таким ценным товаром. Он был молод и приехал из отдаленного гарема, где имел дело с очень покорными женщинами, и никто никогда не говорил ему, как вести себя со строптивыми и независимыми. Казалось, он готов разразиться слезами.

Старший евнух, услышав об инциденте, поднял руки к небу. Единственное, чего он хотел, — это сбросить с себя ответственность, и поскорее. К счастью для него, появился маркиз д'Эскранвиль. Оба евнуха рассказали ему обо всех беспокойствах.

Пират взглянул на молодую женщину под покрывалом, в которой едва можно было узнать юношу, с которым он проделал путешествие. Прозрачные шелка и покрывала Анжелики в большой степени способствовали повышению ее цены, так как не скрывали фигуры. Д'Эскранвиль сжал зубы. Пальцы его стиснули ее руки с такой силой, что она чуть не вскрикнула от боли.

— Ты не забыла, тварь, что я обещал сделать с тобой, если ты не будешь вести себя как следует? Либо ты делаешь то, что говорят евнухи, либо опять кошки. Кошки, поняла? — Его лицо внушало такой ужас, что Анжелике он и вправду показался демоном из преисподней. Но как только подошел один из покупателей, он успокоился.

Это был пузатый венецианский банкир, тщательно украшенный плюмажем, кружевами и золотым шитьем.

— Маркиз д'Эскранвиль, — сказал он с сильным акцентом, — я рад вновь видеть вас. Как ваши дела?

— Не слишком хорошо, — ответил пират, вытирая пот со лба. От этой головной боли я схожу с ума. И она не пройдет, пока я не продам эту девку.

— Хороша?

— Судите сами, — как торговец лошадьми, он стащил покрывало с лица Анжелики. Венецианец присвистнул.

— Вот это да! Как вам повезло, господин д'Эскранвиль. Она принесет вам настоящие деньги.

— Надеюсь. Я отдам ее не меньше чем за двенадцать тысяч пиастров.

Лицо банкира с тяжелой челюстью приняло загадочное выражение — он старался прикинуть, по средствам ли ему прекрасная пленница:

— Двенадцать тысяч пиастров? Да, она наверняка стоит того, но не слишком ли вы жадничаете?

— Многие любители выложат столько, не колеблясь ни минуты. Я ожидаю черкесского принца Риома Мирзу, друга турецкого султана, который поручил ему приобрести эту редкую жемчужину, а также Шамиль-бея, главного евнуха паши Сулеймана-аги, который не думает о деньгах, когда речь идет об удовольствии его хозяина.

Венецианец вздохнул:

— Нам трудно конкурировать с богатством этих жителей Востока. Но я буду на аукционе. Если я не ошибаюсь, нам предстоит интересное зрелище. Счастливо, мой друг!

Помещение для аукциона выглядело как большая гостиная. Стены покрывали красивые гобелены, под ними лицом друг к другу стояли низкие диваны. В дальнем конце комнаты находилось возвышение, на которое вела лестница. Люстры венецианского стекла

отбрасывали своими призмами бесчисленные блики от ламп, только что зажженных слугами.

Комната была уже наполовину заполнена, и находившиеся в ней люди непрерывно спорили друг с другом. Турецкие слуги с длинными усами, одетые в остроконечные шляпы с серебряными или золотыми украшениями, расставляли чашки с кофе и тарелки с угощениями на низеньких медных и серебряных столиках. Другие подносили курильщикам неперенные кальяны, басовитое бульканье которых служило фоном для более высоких голосов спорщиков.

Преобладали восточные костюмы, но присутствовало также человек десять корсаров в расшитых золотом штанах и вышитых плащах. Некоторые, как маркиз д'Эскранвиль, позаботились надеть помятые мундиры и шляпы, украшенные перьями, но хранящие следы пистолетных выстрелов и ударов шпаги. Их длинные голландские трубки казались неуместными рядом с таким количеством кальянов.

Эрик Янсен, ренегат-датчанин, вошел с тремя телохранителями-тунидцами и демонстративно уселся рядом со старым суданским купцом, негром в берберийской одежде, агентом египетских купцов, который снабжал женщинами гаремы Аравии и Эфиопии, а также и расположенные в глубине африканского материка.

Евнухи провели трех женщин через всю комнату, поднялись вместе с ними по лестнице на возвышение и затолкнули их за занавес, свисавший на заднем плане, который наполовину скрыл их и за которым лежали подушки, чтобы женщины могли сидеть. К ним подошел тот самый армянин, который писал прейскуронт у входа.

Это был Эриван, аукционер и церемониймейстер. Со всей почтительностью он спросил Анжелику по-

французски, а армянку и русскую по-турецки, не хотят ли они кофе и шербета, чтобы скоротать время. Потом он вступил в оживленный спор с маркизом д'Эскранвилем.

— Почему вы хотите уложить ей волосы? Разве вы не видите, это же золотой плащ!

— Положитесь на меня, — прищурился Эриван, — публика любит сюрпризы. Он хлопнул в ладони, и появились две служанки. По приказанию Эривана они заплели ей волосы и заколками с жемчужными головками закрепили узел на затылке. Потом они опять закутали Анжелику в покрывала.

Анжелика не мешала им, потому что ее глаза с тревогой искали мальтийского рыцаря, чьей помощью обещал заручиться Роша. Через дырочку в занавесе она безуспешно пыталась найти среди камзолов и мундиров черный плащ с белым крестом. Холодный пот покрыл ее лоб при мысли, что Роша, быть может, не удалось убедить этих осторожных коммерсантов, что он говорит правду.

Аукцион начался. Первый был мавр, шкипер. Уважительная тишина установилась в комнате при виде его скульптурно вылепленной фигуры, бронзовая кожа которой была щедро умаслена, чтобы лучше показать узловатые мускулы этого богатыря.

Небольшое волнение нарушило тишину при появлении двух рыцарей Мальтийского ордена в черных плащах, на которых белел крест их ордена. Раскланиваясь с константинопольскими сановниками, они прошли через комнату и заговорили с Эриваном. Он показал им женщин.

Анжелика поднялась на ноги, полная надежды.

Оба рыцаря поклонились ей, держа руки на эфесах шпаг. Один из них был испанцем, другой — французом, и оба принадлежали к знатнейшим семьям Европы, потому что для того, чтобы вступить в этот величайший

христианский Орден, человек должен был иметь на гербе щит, разделенный по меньшей мере на четыре части. Их одежда могла показаться скромной, но она никоим образом не была некрасивой. Манжеты и брыжи были сделаны из венецианских кружев, шелковые чулки держались на серебряных пряжках, на сапогах были серебряные застёжки.

— Не вы ли та знатная французская дама, о которой только что говорил господин Роша? — спросил старший из них, носивший парик, не уступавший тем, что можно было видеть в Версале. Он представился: — Я Балиф де Ла Марш из Оверни, а это дон Хосе де Альмандо из Кастилии, закупщик рабов Мальтийского ордена. Я называю такой длинный титул, потому что он может представлять для вас интерес. Кажется, вы были захвачены маркизом д'Эскранвилем, этим вонючим стервятником, когда направлялись на Крит по делу, возложенному на вас королем Франции?

Анжелика мысленно благословила беднягу Роша за то, что он представил дело таким образом. Он подсказал ей линию поведения. Она, в свою очередь, подчеркнула свои личные контакты с самим королем, перечислила свои наиболее важные связи, начиная с Кольбера и кончая мадам де Монтеспан, упомянула герцога де Вивонна, предоставившего в ее распоряжение королевскую галерею и весь средиземноморский флот, потом рассказала, как на ее пути встал Рескатор.

— О, Рескатор! — произнесли рыцари, поднимая глаза с видом мучеников.

Она продолжала рассказывать, как пыталась выполнить свою миссию, воспользовавшись маленьким суденышком, которое вскоре было захвачено другим пиратом, маркизом д'Эскранвилем.

— Это все результаты хаоса, который установился на Средиземном море с тех пор, как безбожники

уничтожили доброе христианское управление, — сказал Балифф де Ла Марш.

Оба кивали, слушая ее, и, очевидно, ее искренность убеждала их. Называемые ею имена и подробности ее жизни при дворе не оставили у них сомнений.

— В высшей степени огорчительная история, — печально сказал испанец. — Наш долг перед королем Франции и перед вами, мадам, — покончить с вашими несчастьями. Увы, мы больше не хозяева Крита, хотя, коль скоро мы владеем этим Батистаном, турки считаются с нами. Мы собираемся перебить цену. Я, как закупщик рабов Ордена, имею в своем распоряжении средства на стоящие приобретения.

— Д'Эскранвиль хочет много, — заметил Балифф де Ла Марш. — Он требует по меньшей мере двенадцать тысяч пиастров.

— Я могу предложить вам в качестве выкупа вдвое больше, — сказала Анжелика. — Если понадобится, я продам свои владения, и свои должности тоже, и обязуюсь возместить все, что вам придется заплатить. Церковь не пожалеет, что спасла меня от такой ужасной судьбы. Подумайте только, если меня запрут в каком-нибудь турецком гареме, никто, даже король Франции, не сможет ничего сделать для меня.

— Увы, вы правы. Но не теряйте надежды. Мы сделаем все, что в наших силах.

Дон Хосе казался озабоченным:

— Цены поднимутся высоко. В городе находится принц Риом Мирза, друг турецкого султана. Султан поручил ему купить белую рабыню необыкновенной красоты. Он уже прочесал невольничьи рынки Палермо и даже Алжира, но не нашел чего хотел. Как только он услышал о француженке, захваченной маркизом д'Эскранвилем, он поспешил сюда. Несомненно, если он сочтет, что мадам дю Плесси — это то, что он ищет для

своего царского друга, то пределом для него будет само небо.

— Я слышал, что Шамиль-бей и богатый арабский ювелир Накер Али тоже здесь.

Рыцари отошли, продолжая шепотом, но достаточно громко обсуждать, как им следует поступить. Потом они вернулись.

— Мы можем дойти до восемнадцати тысяч пиастров, — сказал дон Хосе. — Это дает нам свободу и обескуражит основных соперников. Вы можете положиться на нас, мадам.

Несколько успокоенная, она поблагодарила их слабым голосом и следила, как они отходят от нее. Но в глубине души Анжелика сомневалась, проявили бы они такую щедрость, если бы знали, что она впала в немилость к королю. Ей еще предстояло перенести свое теперешнее положение. Хозяин за хозяина, она предпочитала быть рабыней креста, а не полумесяца.

Пока два рыцаря разговаривали с Анжеликой, началось набавление цен. Мавра купил в свою команду итальянский корсар Фабрицио Олигьеро. Теперь продавали белокурого гиганта с внушительной мускулатурой. Для вида дон Хосе де Альмандо соперничал с тунисцем Даном. Когда раб увидел, что тунисский ренегат выиграл, он упал на колени и взмолился, чтобы его не обрекали на галеры до конца жизни. Никогда больше он не увидит серые, открытые ветрам дороги родной России. Мальтийским слугам, нанятым рыцарями для поддержания порядка в Батистане, пришлось силой передать его новому хозяину. Потом на продажу выставили группу белых детей.

Армянка вонзила ногти в руку Анжелики:

— Смотрите, вон там, у колонны, мой брат Арминак.

— Я думала, это девочка, он так нарумянен.

— Я же говорила, он теперь евнух. Вы знаете, зачем румянят этих мальчиков. Я не думала увидеть его здесь, но тем лучше. Значит, он стоит немало. Если его купит настоящий богач, у него хватит ловкости через некоторое время наложить руку на состояние своего хозяина. Если тот окажется достаточно недалеким, чтобы сделать его своим советником и доверенным лицом.

Старый суданец указал малиновым ногтем на мальчика и гортанным голосом назвал цену. Против него выступил турецкий губернатор Кандии. Священник в черной сутане, капеллан Мальтийского ордена, сел рядом с двумя рыцарями и что-то шептал дону Хосе. Испанец сделал знак турецкому губернатору, который уступил ему с вежливым жестом. Мальчики начали петь. Капеллан, прослушав всех по отдельности, отобрал пятерых, среди них — и брата армянки.

— Тысячу пиастров за всех, — сказал он.

Белокожий человек, без сомнения, черкес, вскочил и крикнул: «Полторы тысячи!»

Армянка зашептала Анжелике:

— Какое счастье! Это Шамиль-бей, главный евнух Сулеймана-аги. Если брат попадет в этот сераль, он будет богат.

— Две тысячи, — отозвался капеллан Мальтийского ордена.

В конце концов он выиграл. Армянка заплакала.

— Увы, мой бедный Арминак, такой ловкий, никогда ничего не добьется у этих монахов. Они не думают об удовольствиях, только добывают деньги на свой флот. Я убеждена, священник купил его из-за его фальцета. Теперь ему придется петь в католической церкви. Какое невезение! Может быть, его пошлют в Рим для папского хора, — она сплонула, произнеся ненавистное имя главы соперничающей церкви.

Аукцион шел быстро. Оставалось только два хилых мальчика, которых никто не хотел покупать и которые достались старому суданцу почти задаром. Остальные дразнили его, говоря, что он теряет вкус и деловую хватку.

В этот момент возник шум, вызванный появлением в комнате посланника султана всех правоверных. Принц Риом Мирза носил каракулеву шапку и черный шелковый мундир с золотыми газырями на груди. Его кинжал и меч были украшены рубинами. За ним следовал телохранитель. Поклонившись турецкому султану, он вступил в оживленную дискуссию с Шамильбеом.

— Они поспорили, — прошептала армянка. — Принц говорит, что евнух не имеет права торговаться за прекрасную рабыню, потому что она обещана Султану Султанов. Надеюсь, он имеет в виду меня, — она выпятила грудь и качнула бедрами.

Против своего желания Анжелика чуть не разревелась, уверенная, что эти двое говорят о ней. Она чувствовала себя такой слабой, что чуть не падала в обморок и не могла следить за окончанием церемонии — продажей белых евнухов д'Эскранвиля, потом русской и, наконец, армянки. Поэтому она так никогда и не узнала, сбылось ли желание ее товарки попасть в гарем принца, или она оказалась в руках старого суданца, или, еще хуже, была куплена каким-нибудь пиратом, который перепродает ее, как только она ему надоест.

Эриван уже раскланивался перед ней с обычной ханжеской улыбкой:

— Прошу за мной, прекрасная дама...

За ним по пятам следовал д'Эскранвиль. Он схватил Анжелику за плечо:

— Помни, — прошипел он, — о кошках...

Только мысль об ужасной смерти, ожидавшей ее, и надежда на освобождение благодаря вмешательству двух рыцарей придали ей мужества предстать перед сотнями распутных глаз, устремившихся на нее, едва она появилась.

В комнате установилась настороженная тишина. Три дня в Кандии только и говорили, что о предстоящей продаже прекрасной француженки. Все зрители алчно подались вперед, рассматривая каждую деталь закрытого покрывалами дорогого товара.

Эриван сделал знак молодому евнуху, который подошел к Анжелике и распустил покрывало, скрывавшее ее лицо. Оно упало на пол. Глаза Анжелики сверкнули при виде всех этих напряженных мужских лиц, прикованных к ней, а мысль, что сейчас ее разденут перед ними донага, была настолько отвратительна, что она замерла и смертельно побледнела. Ужасная дрожь пробежала по всему телу. Эта дрожь и гордый, почти властный взгляд зеленых, цвета морской воды глаз, казалось, наэлектризовали до этого несколько разморившихся людей. В сластолюбивом восхищении ее красотой публика кивала головами.

Эриван начал торг:

— Пять тысяч пиастров.

В дальнем углу комнаты наблюдавший за аукционом маркиз д'Эскранвиль задрожал. Вдвое против цены, с которой договаривались начать торг: проклятая вошь Эриван. Он сразу же уловил возникшее в аудитории возбуждение приобретательства, которое могло взвинтить цены за все разумные пределы. Люди вели себя как записные игроки, не думающие ни о чем, кроме выигрыша.

— Пять тысяч пиастров!

— Семь тысяч! — крикнул черкесский принц.

Глава белых евнухов пробормотал новую цену. Тогда в непоколебимом желании выиграть торг во что бы то ни стало принц объявил:

— Десять тысяч!

В комнате установилась тишина. Анжелика украдкой взглянула на мальтийских рыцарей, ни один из которых еще не открыл рта. Дон Хосе с улыбкой, игравшей в уголках рта, наклонился вперед:

— Принц, — сказал он, — теперешний верховный священнослужитель великого султана проповедует строгую экономию. Я уважаю богатство султана, но ведь десять тысяч пиастров — это сумма, за которую можно купить команду на целую галеру.

— Султан Султанов может пожертвовать одной из своих бесчисленных галер, если таково будет его высочайшее желание, — весело ответил принц, с торжеством глядя на Шамиль-бея, жирное женоподобное лицо которого выражало глубокое разочарование. Главный евнух Сулеймана-аги был бы несказанно горд, если бы ему удалось добыть это сокровище для своего хозяина, но он не забывал о своих ресурсах и твердо знал, как далеко ему можно зайти.

Установилась тишина. Вдруг Анжелика почувствовала на плечах руки молодого евнуха, освобождавшие покрывало, прикрывавшее ее грудь. Теперь она была обнажена до бедер. Тело ее покрылось испариной, отчего золотистая при свете свечей кожа приобрела жемчужный оттенок.

Евнух вынул заколки, которые удерживали ее волосы, и они золотым дождем рассыпались по плечам. Инстинктивным движением женщины, чувствующей, как рассыпается прическа, она подняла руки, чтобы подхватить шелковистые локоны, и открыла твердые, идеальной формы полушария груди. Она выглядела как женщина, застигнутая за туалетом.

По комнате прокатился восхищенный шепот. Один итальянский пират вслух выругался.

Шамиль-бей решил, что хозяин простит ему расточительность, и выкрикнул:

— Одиннадцать тысяч пиастров!

Старый суданец вскочил на ноги и нараспев произнес длинную речь, которую переводил Эриван:

— Одиннадцать с половиной тысяч пиастров для бедного старика, рискующего всем своим состоянием, чтобы заполучить это сокровище, расположения которого стали бы добиваться шейхи Аравии, правители Эфиопии, короли Судана и даже властители далеких африканских равнин.

Установилась еще одна долгая пауза. Анжелика с ужасом подумала, что этот черный старик мог напугать двух наиболее могущественных соперников своей показной дерзостью.

Мальтийский рыцарь опустил темные веки и произнес:

— Двенадцать тысяч пиастров.

— Тринадцать тысяч! — крикнул принц Риом Мирза.

И опять испанец саркастически сказал ему:

— Неужели вы думаете, что Султан Султанов будет благодарен вам за то, что вы транжирите его деньги? Все знают о плачевном состоянии его казны.

— Я сейчас выступаю не от имени султана, — ответил принц, — а от своего собственного. Я хочу эту женщину, — он не сводил с Анжелики черных глаз.

— В любом случае не рискуете ли вы головой? — спросил мальтийский рыцарь.

С оттенком нетерпения принц повторил:

— Тринадцать тысяч пиастров!

— Пятнадцать тысяч, — вздохнул дон Хосе.

В аудитории опять поднялся шепот. Шамиль-бей с отсутствующим видом шевелил губами, прикидывая, можно ли расстроить свой бюджет на несколько лет,

чтобы потешить тщеславие и приобрести эту редкую жемчужину для серала Сулеймана-аги.

— Шестнадцать тысяч! — крикнул Риом Мирза, явно выбитый из колеи, потому что он снял свою каракулеву шапку и вытирал пот со лба.

— Кто больше? — вопрошал аукционер, повторив эти слова на нескольких языках.

Ничто не нарушало установившуюся тишину. Европейские пираты не открывали рта, увидев с самого начала, что цены намного превышают их возможности. Проклятый д'Эскранвиль! За одну эту женщину он должен выручить столько, что хватит расплатиться со всеми долгами, да еще купить новый корабль для своей эскадры.

— Кто больше? — повторил Эриван, кивая в сторону дона Хосе.

— Шестнадцать с половиной тысяч, — без всякого выражения произнес рыцарь.

— Семнадцать тысяч, — упорствовал принц.

Последние две цены последовали друг за другом со скоростью ружейных выстрелов. Анжелика растерялась от стольких голосов, говоривших по-итальянски, по-гречески, по-французски и еще на языках, которые она не могла определить. Теперь она не понимала, что происходит, но чувствовала смертельный страх. Она видела, как перекосилось лицо дона Хосе, как помрачнел Балифф. Дрожа, она пыталась подобрать волосы. Кончится ли когда-нибудь эта пытка?

В конце комнаты поднялся высокий араб в белых одеждах и с грацией пантеры направился к возвышению. Анжелика слышала, как Эриван назвал его имя — Накер Али. Под полосатой красно-белой чалмой на темном, с большим носом лице, обрамленном черной бородой, сверкали темные глаза.

Наклонившись вперед, но не отрывая глаз от Анжелики, он вынул из мешочка, который носил на

груди, какие-то предметы и разложил их на вытянутой ладони — самые ценные из самоцветов, которые он привез из последнего путешествия в Индию: два сапфира, рубин размером с грецкий орех, изумруд, голубой берилл, опалы, бирюзу. В другой руке он держал ювелирные весы, на одну чашку которых по очереди переложил все камни. Эриван наклонился через его плечо, быстро подсчитал на пальцах стоимость камней. Наконец он с торжеством объявил:

— Двадцать тысяч пиастров!

Анжелика в панике взглянула на дона Хосе. Предел, который он определил для торга, теперь был превзойден. Балифф де Ла Марш громким шепотом взмолился:

— Попробуйте еще раз, брат.

Принц Риом Мирза скрежетал зубами, но не сдавался. Нельзя было позволить обычному торговцу с берегов Красного моря, как бы богат он ни был, увести такую великолепную женщину. Она была слишком хороша для гарема простого лавочника где-нибудь на окраинных улочках Кандии или Александрии, провонявшей прогорклым маслом и жареной саранчой.

Он отвел дона Хосе в сторону и сказал, что убьет его вот этими самыми руками, если он не надбавит. Рыцарь Мальтийского ордена принял вид мученика и, похожий на святого с алтаря старой испанской церкви, выждал, пока стихнет шум. Потом он назвал последнюю цену:

— Двадцать одна тысяча пиастров!

Глаза турецкого губернатора Кандии были полны злобы, когда он вынул изо рта чубук кальяна и спокойно сказал:

— Двадцать одна тысяча пятьсот пиастров.

Дон Хосе бросил на него взгляд, подобный отравленному кинжалу. Он знал наверное, что турок не имеет такого кредита и лишь старается превзойти

суверенное государство Мальту, ведущую христианскую державу. У него возникло искушение прекратить торг и заставить старого хитрого пашу раскошелиться на двадцать одну тысячу пиастров. Но жалостливое лицо Анжелики тронуло его, тем более что он терпеть не мог действовать под влиянием сантиментов.

Эриван также знал, что последняя цена турецкого губернатора — не более чем шутка. Он сделал перерыв в торгах, достаточно длительный, чтобы убедить губернатора не продолжать такой игры, потом повернулся к дону Хосе:

— Кто больше?

— Двадцать две тысячи, — сказал дон Хосе де Альмандо.

Надолго установилась тишина. Но Эриван еще не разыграл своего последнего козыря. Опыт научил его, что страсти в людях сильнее деловой расчетливости. Дон Хосе де Альмандо, который действовал из принципиальных соображений, не мог вести себя на аукционе так же целеустремленно, как человек, воспламененный жадностью.

Накер Али, стоя на коленях у основания возвышения, поднял глаза на Анжелику, словно она была видением. Его тонкие губы дрожали, он не снимал руки с мешочка, висящего у него на груди, потом отпустил его.

Евнух расстегнул застежку, удерживающую последнее покрывало на бедрах, и оно скользнуло на пол к ногам Анжелики.

Ей были видны мужчины, трясущиеся от страсти, наклонившиеся вперед, поближе к сверкающей фигуре, открывшейся им, прекрасной, как греческие статуи в тени олеандров на забытом острове. Но она была статуей живой, трепещущей, обещающей наслаждение, которое заставляло мужчин терять разум. Каждый из

участников торго мечтал об опьянении при обладании ею, предвкушая, как она уступит его желанию.

Анжелику бросило в жар, но это ощущение тут же сменилось могильным холодом. Чтобы не видеть больше этих жадных глаз, она закрыла лицо локтями и сплела пальцы на затылке. Стыд и отчаяние сделали ее слепой и глухой ко всему происходящему вокруг, так что она не видела, как Накер Али вытащил из своего мешочка огромный алмаз и положил его, сверкающий на свету, на ладонь.

— Двадцать три тысячи пиастров! — объявил Эриван.

Дон Хосе отвернулся.

— Кто больше? — соблазнял Эриван. — Кто больше?

Принц Риом Мирза взревел от муки и ногтями царапал себе щеки в знак отчаяния. Слабая улыбка осветила лицо араба.

Тогда поднялся на ноги Шамиль-бей, главный евнух. За последние минуты он успел прикинуть свои финансовые возможности, придумать, как он сумеет объединить размещенные в нескольких местах деньги своего хозяина и покрыть дефицит. Холодно и бесстрастно он проронил:

— Двадцать пять тысяч пиастров.

Лицо Накера Али угасло. Он снова собрал свои драгоценные камни в мешочек и спрятался в тени в дальнем углу комнаты.

Поворачиваясь к Шамиль-бею, Эриван поднял свой молоток, но рука его замерла в воздухе, будто парализованная. Тишина была такой многозначительной и такой продолжительной, что Анжелика осознала ее и отняла руки от лица. То, что она увидела, так потрясло ее, что она подумала было, не сходит ли она с ума. Она вздрогнула, как сумасшедшая.

У основания возвышения стояла появившаяся здесь совершенно бесшумно массивная фигура, черная с головы до ног. Черный плащ окутывал ее, на руки были натянуты черные перчатки, черная бархатная маска скрывала лицо до самой угольно-черной бороды. Незнакомец был похож на видение из страшного сна. Позади Анжелика узнала капитана Язона.

Эриван медленно опустил руку, занесшую было молоток, поклонился до земли и елеиным голосом проговорил:

— Эта женщина продается. Она интересует вас, ваша милость, господин Рескатор?

— Какова последняя цена? — Голос, исходивший из-под маски, был глубоким и хриплым.

— Двадцать пять тысяч пиастров.

— Тридцать пять тысяч!

Эриван раскрыл рот. Капитан Язон повернулся к собравшимся и повторил громовым голосом:

— Тридцать пять тысяч пиастров от имени моего хозяина, господина Рескатора! Кто больше?

Шамиль-бей сжался на своей подушке, не говоря ни слова.

Анжелика услышала, как с легким стуком упал молоток. Темная фигура, от которой она не отрывала измученных глаз, казалось, увеличилась в размерах — человек подошел к ней и накинул тяжелый черный бархатный плащ, сняв его с плеч. Плащ закрывал Анжелику почти до пят. Инстинктивно она обернула плащ вокруг тела. Никогда, никогда, до самой смерти не забудет она позора, на который ее выставили.

Незнакомые руки все еще крепко держали ее, хозяйские руки, которые поддерживали ее в стоячем положении, потому что ноги не держали ее, и Анжелика понимала, что если бы не эта поддержка, она рухнула бы на пол.

Глубокий хриплый голос говорил:

— Великолепно, Эриван. Француженка, да какая! Кто хозяин?

Маркиз д'Эскранвиль вышел вперед, шатаясь, как пьяный, сверкая белками глаз. Он указывал дрожащим пальцем на Анжелику.

— Сука! — уныло сказал он. — Самая бесстыдная в мире. Смотри, проклятый колдун, как бы она не выела тебе сердце!

Кориано бросился к нему из коридора, откуда он наблюдал за аукционом своим единственным глазом. Обнажая беззубые десны в подобострастной улыбке, он сказал:

— Не слушайте его, ваша милость. Он потерял голову от радости. Это очаровательная женщина, в высшей степени восхитительная. Мягкая и послушная.

— Врун! — ответил Рескатор. Он запустил руку в парчовый мешочек, висевший у него на поясе, вытащил кошелек с экю и швырнул его Кориано, единственный глаз которого расширился до размеров блюдца.

— Но, ваша милость, я получу свою долю добычи, — прохрипел он.

— Возьми в счет этого.

— Почему?

— Я хочу, чтобы сегодня вечером все были счастливы.

— Bravo! Брависсимо! — заорал Кориано, подбрасывая шляпу в воздух. — Да здравствует господин Рескатор!

Рескатор поднял руку.

— Пусть начинается праздник!

Капитан Язон пригласил всех собравшихся. Крупнейший торговец серебром на Средиземном море предложит им танцовщиц, вино, кофе, музыку, жареную баранину. Целый бык будет послан командам всех пиратских кораблей, стоящих в порту, и тридцать бочонков вина будет открыто на всех площадях города.

По улицам будут ходить слуги, предлагая корзины с пирожными, и с крыш домов будут разбрасываться конфеты. Кандия в эту ночь будет веселиться в честь француженки. Таковы желания господина Рескатора.

Все — и корсары, и принцы — расположились на подушках в ожидании пира. Лишь два мальтийских рыцаря направились к двери. Рескатор сам обратился к ним:

— Господа, вы не желаете быть нашими гостями?

Дон Хосе бросил на него уничтожающий взгляд и с достоинством удалился вместе с Балиффом де Ла Маршем.

Глава 14

Постепенно до Анжелики доходило, что она продана — продана пирату, который заплатил за нее цену судна вместе с командой! Но если мыслить здраво, то она всего лишь перешла из рук одного хозяина в руки другого — судьба, которая в дальнейшем будет определять ее существование, существование красивой, желанной женщины. Она издала душераздирающий крик, вложив в него все свое отчаяние, весь испытываемый ею ужас, все свое бессилие перед обманом и внезапным поворотом судьбы.

— Нет! Не продана! Не продана! — она бросилась на янычар Рескатора, которые, будто в кошмаре, окружили ее, и какое-то мгновение боролась с ними. Но они крепко схватили ее и бросили к ногам хозяина. Однако она продолжала скулить: «Не продана! Нет!»

— Француженки всегда появляются на людях в такой скудной одежде? Подождите, по крайней мере, пока вас оденут, мадам, — услышала она насмешливый голос Рескатора. — У меня множество платьев для вас. Посмотрите, понравятся ли они вам, и выберите любое, какое вам по душе. Анжелика бессознательно шарила глазами по черной фигуре, маячившей над ней, пока не остановила взгляд на непроницаемой маске, под которой угадывалась презрительная улыбка. Он рассмеялся.

— Вставайте! — произнес он, протягивая ей руку. Когда она поднялась, он отвел в сторону пряди, упавшие ей на лицо, и поцеловал в щеку, как будто она была ребенком. — Продана? Нет, конечно... Сегодня вы моя гостья, вот и все. А теперь выберите, что вы наденете, — он показал на трех негритят в красных

тюрбанах, которые показывали ей, как в сказке, один — платье из розового шелка, другой — из белой парчи, третий — из голубовато-зеленого атласа, отделанное перламутром.

— Вы колеблетесь? Какая бы женщина не заколебалась. Но поскольку праздник ждет вас, я осмелюсь дать вам совет. Я выбираю вот это, — он указал на голубовато-зеленое платье. — Правду сказать, я выбрал его для вас потому, что слышал, будто у француженки зеленые глаза. Вы будете выглядеть в нем как сирена. Это будет символизировать спасение прекрасной маркизы из волн, — и, не дождавшись от нее никакого ответа, продолжал: — Я понимаю, что вас беспокоит. Вам неясно, как здесь, на далеком Крите, удалось достать такие платья, сшитые по самой последней версальской моде. Не надо забивать этими мыслями свою прекрасную головку. У меня есть свои секреты. Или вы не слышали, что я колдун? — Наполовину скрытый сарацинской бородкой рот, скривившийся в ироничной усмешке, очаровал ее. По ее унылому лицу проскользнула мимолетная улыбка. Его медленная речь внушала ей что-то вроде страха. Каждый раз, когда он обращался к ней, по ее спине пробегала дрожь. Она совершенно оступела и не реагировала ни на что, пока два маленьких раба, помогавшие ей одеться, не запутались в кружевах, крючках и пуговицах европейского платья. Их неловкость действовала ей на нервы, и она сама закрепила шпильки и завязала кружева. Ее движения не избежали внимания Рескатора. Он старался подавить смех и в конце концов закашлялся.

— Ничто не может превозмочь привычки, — сказал он, отдышавшись. — Даже стоя одной ногой в могиле, вы должны быть как следует одеты, не так ли? О, француженки! Ну, а теперь взгляните на эти

украшения, — он наклонился над шкатулкой, которую принес ему паж, вытащил большое ожерелье в три нитки ляпис-лазури и сам надел его ей на шею. Когда он приподнял ей волосы, чтобы застегнуть замочек, она почувствовала, как задержались его пальцы на шрамах, оставленных на ее спине ужасными котами. Но новый хозяин ничего не сказал, только помог ей надеть серьги. Шум за стеной окружавших их янычар все нарастал. Как раз прибыли музыканты, а с ними — и танцовщицы. Появились подносы с фруктами и сладостями.

— Вы не голодны? — спросил Рескатор. — Не хотите ли халвы? Это десерт, его готовят из орехов. А персидскую нугу вы знаете? — Она не отвечала. — Я знаю, чего вы хотите. Вас сейчас не смогут соблазнить все сладости и удовольствия мира. Вы хотите плакать, — губы Анжелики задрожали, горло перехватило. — Нет, — продолжал он, — не сейчас. Когда мы с вами останемся одни, вы можете плакать сколько угодно, но не здесь, не перед этими нехристями. Вы не рабыня. Вы потомок крестоносцев, вспомните об этом, ради бога! Посмотрите на меня, — взгляд его пылающих глаз пронизывал ее так, что она отступила назад. — Так-то лучше. А теперь взгляните на себя в зеркало. Сегодня вы королева — королева Средиземноморья. Дайте мне руку.

В царском платье, рука об руку с Рескатором Анжелика спустилась из отвратительной комнаты для аукционов. Все, мимо кого они проходили, кланялись им.

Рескатор сел рядом с представителем турецкого султана и знаком предложил Анжелике сесть справа от него. Танцовщицы взмахивали своими длинными прозрачными покрывалами в такт музыке тамбуринов и гитар.

— Попробуйте хорошего кандийского кофе, — предлагал Рескатор, снимая крошечную фарфоровую чашечку с подноса, стоявшего перед ним на низеньком столике, и передавая ей. — Ничего нет лучше для скорбящего сердца. Понюхайте, как он замечательно пахнет, мадам.

Она взяла предложенную ей чашку и глотнула из нее. Она приучилась пить кофе на борту «Гермеса», и ей нравился его горьковатый аромат.

Пират все время наблюдал за ней через прорези в маске. Это была не обычная маска, держащаяся на переносице и едва прикрывающая щеки; она, как шлем, доставала почти до губ. Она полностью повторяла форму носа, а там, где должны были быть ноздри, чернели отверстия. Анжелика не могла отделаться от мысли, что под маской скрывается отвратительное лицо. Сможет ли она стерпеть, когда над ней наклонится эта черная бархатная маска, если будет знать, что под ней скрываются страшные увечья? Она вздрогнула.

— Ну? — сказал пират, будто заметив ее движение. — Ответьте, о чем вы сейчас думаете?

— Я думаю, вам вырвали язык.

Рескатор откинул голову и разразился хохотом.

— Отлично, — сказал он. — Наконец-то я узнал, как звучит ваш голос — и только чтобы выяснить, что, по вашему мнению, я недостаточно искалечен. О, мои враги всегда рады добавить еще одну отметину. Если бы я был одноруким и горбатым, они бы радовались еще больше. А еще лучше — и мертвым! Что касается меня, то мне достаточно, что я весь покрыт шрамами, как старый дуб, столетиями противостоявший ветрам и грозам. Но, слава богу, у меня еще осталось достаточно языка, чтобы разговаривать с женщинами. Думаю, это было бы тяжело — не иметь возможности хотя бы использовать богатство языка, чтобы завлекать эти

прелестные создания, украшения всего сущего, — он подался к ней и говорил так, будто они были одни. Она ощущала шеей теплоту его взгляда. — Скажите еще что-нибудь, мадам. У вас восхитительный голос. Я знаю, что прозой этого не скажешь. Мой голос сорвался в тот день, когда я звал кого-то. Это испортило его.

— Кого вы звали? — поинтересовалась она вопреки собственному желанию.

Он показал на потолок, где собирался в облака дым от ладана:

— Аллаха. Аллаха в его раю. Это очень далеко. Мой голос сорвался, но после того, как достиг его. Аллах услышал меня и пожаловал мне то, что я просил у него — мою жизнь.

Она подумала, что он насмехается над ней, и почувствовала досаду. Но кофе восстановил ее силы. Она даже соизволила изысканно откусить от пирожного.

— Дома, — заметил он, — я бы смог предложить вам блюда со всего света. Я привозил домой из каждой страны, где мне приходилось бывать, человека, искусного в приготовлении кушаний своей родины. Я могу дать своим гостям все, что им нужно, чтобы чувствовать себя как дома.

— А... кошки в вашем доме есть?

Пират казался удивленным. Потом он сообразил, что она имеет в виду, и бросил на д'Эскранвиля убийственный взгляд.

— Нет, в моем доме нет кошек — ничего такого, что могло бы испугать вас или испортить вам настроение. Там есть розы... лампы... окна, открывающиеся на море. Пойдемте, выйдем из этой холодной атмосферы, которая совсем не для вас. Мой добрый друг д'Эскранвиль, должно быть, приложил немало трудов, чтобы заставить вас лизать хозяйские сапоги... — Анжелика подпрыгнула и бросила на него яростный

взгляд. Он снова рассмеялся, закашлялся и наконец сумел выговорить: — Вот! Этого я и ждал. Вы опять стали гордой маркизой, придворной дамой французского двора, высокомерной и восхитительной.

— Если бы только я смогла опять ею стать! — прошептала она. — Не думаю, что Средиземное море легко отдает свою добычу.

— Это верно. Средиземное море срывает с людей все фальшивые маски. Оно разбивает иллюзии, но чистым золотом вознаграждает того, кто имеет силу противоборствовать ему и бросить вызов его обману.

Как он угадал, что она мечтает не столько о Франции, сколько о возвращении под яркие огни Версаля, — возвращении в качестве победительницы, которая еще несколько месяцев назад приказывала всем и каждому? Все это казалось ей очень далеким, нереальным, как будто магия Востока закрыла эти воспоминания полупрозрачной завесой.

Неожиданно она сама стала искать в загадочных глазах пирата ответ на свой вопрос. Она не переставала спрашивать себя, в чем заключалось могущество этого человека, который несколькими словами сумел завладеть ее душой. Много дней она была сломленным, загнанным, униженным существом. А теперь Рескатор извлек ее из бездны этого водоворота. Как растение, пьющее свежую воду, она оживала и восставала из смиренного унижения. Она стояла прямо, и в глазах снова мелькали искорки прежней безмятежности.

— Гордое создание, — мягко сказал он. — Такой вы мне нравитесь.

Она посмотрела на него, будто молила бога о жизни, и не имела представления, что в ее глазах застыло то самое голодное выражение, с которым обращаются к тем, кто имеет власть дать все.

Она чувствовала, как ответный взгляд Рескатора, его сила успокаивают бурю, неистовствующую в ее

груди. Исчезли головы в тюрбанах, черные как сажа лица пиратов под шелковыми платками; отдалялась какофония голосов и музыки. Она была одна в магическом кругу — одна рядом с человеком, отдающим ей все свое внимание. Она вдыхала запах восточных духов, которым пропиталось ее платье, — этот аромат напоминал ей запах островов. Он смешивался с запахом бархата от его маски, табака из его длинной трубки, с ароматом кофе, дымящегося в чашках, которые непрерывно наполняли слуги. Неожиданно утомление, сильнейшая усталость овладели ею. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Вы устали, — сказал он. — Вы будете спать в моем загородном дворце. Вы будете лежать на террасе под звездами, но мой арабский врач даст вам успокаивающий настой из трав, и вы проспите столько, сколько захотите. Шум моря и звуки арфы моего пажубаюкают вас. Вас устраивает такая перспектива? Что вы думаете?

— Я думаю, — пробормотала она, — что вы не будете суровым хозяином.

Веселая искорка блеснула в глазах корсара.

— Может быть, в один прекрасный день и стану. Вашей красоте долго сопротивляться нельзя. Но обещаю, что это произойдет не без вашего согласия. Сегодня я прошу вас только об одном, но это для меня бесценно: улыбнитесь. Я хочу увериться, что вы не печалитесь и не боитесь больше. Улыбнитесь мне.

Анжелика приоткрыла губы, глаза ее засветились.

Нечеловеческое рычание вдруг заглушило все другие шумы, и из сгустившегося дыма выступил, как красное привидение, маркиз д'Эскранвиль. Он размахивал обнаженной шпагой, и никто не осмеливался приблизиться к нему.

— Теперь она твоя, — обрушился он на Рескатора. — Это тебе она показывает лицо, полное любви,

проклятый колдун. Не мне. Я лишь ужас, но не колдун Средиземноморья. Слышите, люди, ужас, но не колдун. Но это ненадолго. Я убью тебя, — он бросился на него, выставив шпагу. Ударом ноги Рескатор послал вперед поднос, пролетевший между ног д'Эскранвиля, а за ним — тяжелый серебряный самовар. Потом, пока д'Эскранвиль покачивался, восстанавливая равновесие, он вскочил, вынимая собственную шпагу. Лязгнули клинки. Д'Эскранвиль бился с яростью сумасшедшего. Они дрались, двигаясь среди подушек и подносов к возвышению для аукционов. Маркиз, прижатый к стене, вынужден был вскочить туда. Танцовщицы с пронзительным визгом разбежались.

Это была борьба не на жизнь, а на смерть, красная фигура против черной. Оба мастерски владели оружием. Мальтийские слуги не решались вмешаться и восстановить порядок во вверенном их заботам помещении. Каждый получил от Рескатора по двадцать цехинов и по плитке прессованного американского табака. Постепенно установилась торжественная тишина — все ждали исхода дуэли.

Наконец Рескатор ранил своего безумного противника, и тот выронил шпагу. Из рта д'Эскранвиля выступила пена. Эриван смело бросился к нему, обхватил за талию и оттащил в сторону, передав Кориано.

— Жаль, — вот и все, что произнес Рескатор, вкладывая шпагу в ножны.

Если бы не вмешательство Эривана, тело маркиза д'Эскранвиля наверняка оказалось бы принесенным в жертву за всех тех, кого он продал на этом самом месте.

Рескатор поднял руки:

— Пир окончен! — крикнул он.

Он раскланялся направо и налево, выражая благодарность гостям по-турецки, по-итальянски и по-

испански. Гости выходили из комнаты, соблюдая церемонию прощания.

Рескатор вернулся к Анжелике. Он еще раз поклонился так низко, что черные перья на шляпе промели по полу:

— Вы последуете за мной, мадам?

В этот момент она последовала бы за ним на край света. Она даже не могла узнать сад, через который совсем недавно прошла в полном смятении.

Пират накинул ей на плечи свой изящный плащ:

— Ночь прохладна. Но какой аромат!

Перед зданием на громадной жаровне жарился целый бык. Удовлетворенная команда и местные жители стояли вокруг, освещаемые отблесками углей. С улиц Кандии доносились голоса пиратов, славящих вино. Едва только толпа заметила Рескатора, как послышались веселые приветствия.

Длиннохвостая голубая ракета взвилась из-за конька крыши и рассыпалась на несколько сверкающих звезд.

— Смотрите, фейерверк!

Рескатор был первым, кто почувствовал приближение чего-то непредвиденного. Он оставил Анжелику и бегом бросился к валам, возвышавшимся над городом. Небо сплошь светилось розовым цветом.

Движущийся огонь, исходящий откуда-то из глубины города, бросал блики на растерянные лица янычар. Они тоже кинулись на валы. Ударили колокола. По улицам перекатывался на многих языках один и тот же крик: «Пожар!»

Анжелику оттер людской поток. Ей пришлось добираться до двора на четвереньках. Вдруг на ее руку легла чья-то ладонь.

— Сюда! Сюда!

Она смотрела на хитрое лицо Вассоса Миколеса и вспомнила слова Савари: «Когда вы выйдете из

Батистана, сигналом послужит голубая ракета».

Она умоляла его спасти ее от покупателя и вернуть ей свободу, и он сдержал свое обещание. Но теперь она словно окаменела. Сердце ее было как лед, она не могла сдвинуться с места. Маленький грек все повторял:

— Идемте! Сюда!

Наконец она заставила себя последовать за ним. Они бежали по узким улочкам к порту, обгоняя все увеличивающиеся толпы жителей города. По мере приближения к гавани смятение нарастало. Даже кошки, вздыбив шерсть, выли и, расставив когти, прыгали с балконов, как демоны. Все кричали: «Корабли!»

Когда Анжелика и Вассос Миколес добежали до башни крестоносцев, стоящей у моря, они поняли, в чем дело. Бригантина маркиза д'Эскранвиля пылала как факел. От нее уже оставались только горящие шпангоуты. На другие суда, стоявшие на якоре, дождем сыпались головни. Горела галера ренегата-датчанина. Разгорались и другие пожары, раздуваемые бризом, и в дантевом огне Анжелика разглядела ксебеку Рескатора. С ее носа вырывался огонь, и оставшиеся на борту члены команды уже отчаялись погасить его, отступая перед клубами удушливого дыма.

— Савари!

— Я ждал вас, — укоризненно отозвался старик. — Вы не туда смотрите, мадам. Взгляните вон туда!

В тени ворот крестоносцев, часовой из которых выбежал на пожар, виднелась барка, поднимающая паруса. Она почти совершенно терялась в темноте, и лишь отдельные красные отблески пожара освещали напряженные лица беглых рабов на ее палубе и моряков, пытающихся выйти в море. Это было судно Вассоса Миколеса и его дядьев.

— Быстро!

— Но этот пожар, Савари...

— Это греческий огонь, — кричал маленький старый ученый, подпрыгивая от возбуждения. — Я наконец зажег огонь, который нельзя погасить. Пусть себе стараются. Это древний византийский секрет. И это я, я вновь раскрыл его! — Он пританцовывал от радости, как гном, вырвавшийся из преисподней. Вассос Миколес втолкнул его на борт.

Анжелика ступила на борт барки, когда она уже отваливала от берега. Рыбаки старались держаться в тени мыса, но отблески безжалостно разгорающегося пожара освещали их, какой бы путь они не избирали. Стоя на корме, Савари любовался пылающей гаванью, где, как муравьи в разрушенном муравейнике, суетились люди.

— Я запихал паклю во все уязвимые места галер, — объяснял он ей. — В течение всего плавания между островами я каждый день лазил в трюм и все подготовил. Сегодня вечером я повсюду разбрызгивал эссенцию мумие. Это сделало галеры в тысячу раз более горючими. Огонь распространялся, как ураган...

Стоя около него, Анжелика не могла выдать из себя ни звука — ее била нервная дрожь. Савари умолк. Он поднес к глазам свою древнюю подзорную трубу.

— Что там? Он сошел с ума, этот человек! — они разглядели силуэт Рескатора на пылающем носу «Морского орла». Матросы-мавры перерубили швартовы, и ксебеку относил от очага пожара, но сама она горела. Языки пламени на ее палубе становились выше и плотнее. Отвалился бушприт. Потом раздался ужасающий взрыв.

— Крюйт-камера, — прошептала Анжелика.

— Нет, — в ликующем танце Савари наступал ей на ноги своими тяжелыми башмаками. Вассос Миколес напрасно пытался успокоить отца. — Эти белые облака у самой воды, — закричал Савари, — что это? Что это?

Тяжелая желтая масса исходила изнутри корабля и растекалась по поверхности воды. Вот она окутала корабль почти до верхушек мачт. Она закрыла отблески огня, и ксебека исчезла в этом коконе дыма.

Порт, все еще освещенный пожаром, исчезал вдали — греки налегали на весла изо всех сил. Скоро они подняли латинский парус, и барка с беглецами наклонилась над волнами.

Савари опустил подзорную трубу:

— В чем дело? Похоже, что этот человек погасил огонь на своем корабле с помощью магии.

Пока он размышлял над этой тайной, его сын воспользовался задумчивостью отца и незаметно исчез в глубине судна. Анжелика также стояла с потерянным видом, но по другим причинам.

Кандия была уже едва видна, если не считать красного зарева, все еще отражавшегося в воде. Она вдруг заметила, что на ее плечи все еще накинут плащ Рескатора. Необъяснимая печаль охватила ее, и, спрятав лицо в ладонях, она тяжело застонала.

Женщина, стоявшая рядом с ней, прикоснулась к ее руке:

— Что с вами? Вы не рады свободе? — она говорила по-гречески, но Анжелика уловила смысл.

— Не знаю, — всхлипнула она. — Не знаю. О, не знаю.

Потом начался шторм.

Глава 15

Шторм, который продолжался два долгих и ужасных дня, улегся только к утру третьего, но судно все еще швыряло волнами, мачта упала за борт, румпель разбило в щепы. Каким-то чудом все пассажиры были целы, но с первым же ясным рассветом они вглядывались в морскую даль в поисках судна, у которого можно было бы попросить помощи. Море было пустынным. И только вечером на горизонте появилось мальтийское судно, которое отозвалось на сигналы о помощи.

Это была одна из галер Мальтийского ордена. Измотанных бурей греков подняли на борт, закутали в одеяла, накормили и согрели хорошим астийским вином. Чуть позже Анжелику представили капитану, мальтийскому рыцарю лет пятидесяти, барону Вульффу фон Нессеноду, крупному блондину с седоватыми висками, с тремя бледными морщинами на загоревшем дочерна лбу. Он пользовался репутацией умелого моряка и умелого воина.

Его помощника, французского рыцаря лет тридцати, звали де Роже — невинного вида юноша, на которого Анжелика явно произвела впечатление. Она сообщила ему о своих титулах и званиях и повторила повесть о перенесенных испытаниях и бедствиях.

Когда галера вошла в порт Валлетта, Анжелике предложил гостеприимство рыцарь по имени де Рошебрун, принимавший ее как почетную гостью. Это был восхитительный старый дворянин, который еще поддерживал на Мальте все обычаи и церемонии, к которым привык за время своей жизни при дворе. Заведение, которое он скромно называл харчевней, в действительности было одним из восьми роскошных

дворцов, в которых было устроено нечто вроде магазинов. Каждый дворец представлял один из восьми символов на гербе Мальтийского ордена, и в каждом отражался национальный характер одной из областей, в которых Орден содержал монастырские гостиницы: Прованса, Оверни, Франции, Италии, Арагона, Кастилии, Германии и Англии, хотя в Англии гостиницы были закрыты во время Реформации.

Анжелику принимали с такой пышностью и почтением, что она не спешила уезжать, потому что на Мальте она по меньшей мере находилась под защитой последнего бастиона христианства на Средиземном море. Город Валлетта был красив; выстроенный из мрамора, покрывшегося крапинками от соленой воды, он поднимался, как золотая колонна, на фоне пурпурно-голубого неба и моря — множество колоколен, соборов, дворцов, возвышающихся на скалистых утесах, крепостные укрепления, вооруженные пушками, которые держали под обстрелом весь остров от высшей его точки до гавани, причем последняя сама по себе служила естественной защитой. Как щупальца гигантского спрута, от основного причала к многочисленным островам, каждый из которых был сильно укреплен, тянулись дамбы.

В этой «харчевне» графа де Рошебруна, ее соотечественника и старого знакомого по Версалю, Анжелика узнала, что герцог де Вивонн разыскивал ее. Французская эскадра зашла в Валлетту на две недели, и у французов было достаточно времени, чтобы пообсудить бесчинства пиратов.

При вести о том, что «Ройял» потерпел крушение у берегов Сардинии, де Вивонн чуть не слег. Для него как для адмирала королевского флота потеря была тяжела и сама по себе, но как возлюбленный Анжелики — а он был уверен, что это так и есть, — он был безутешен, думая о постигшей ее ужасной судьбе. Сначала сын,

потом мать... Он не приносит ничего, кроме несчастья. Никто не смел шутить с ним до тех пор, пока он не получил письмо от лейтенанта Миллерана, который просил пустяковую сумму в тысячу пиастров, чтобы заплатить выкуп генуэзскому разбойнику барону Паоло Висконти, в плену у которого он все еще находился. Письмо подтверждало потерю «Ройяла» из-за стервятников моря, а также сообщало, что маркиза дю Плесси осталась цела и невредима, обвела своего тюремщика вокруг пальца и, без сомнения, к настоящему времени добралась до Крита на паруснике из Прованса.

Герцог де Вивонн тут же вышел из подавленного состояния и, как только закончился ремонт его галер, сам отправился на Крит, надеясь разыскать прекрасную маркизу, которая всего через несколько дней после его отплытия ступила ногой на Мальту в черном плаще Рескатора, покрывшемся пятнами от соли и уже потершемся.

Анжелика улыбнулась, узнав об этой сверхъестественной игре в прятки. Вивонн, галерные рабы, появление будто воскресшего из мертвых Никола, его гибель — все это теперь казалось ей таким далеким. В самом ли деле она прошла через все это? Жизнь ее текла так быстро. И теперь на ней оставили свои отметины более недавние и еще более жуткие события.

Через неделю после своего прибытия на Мальту, во время прогулки по городу, она натолкнулась на дону Хосе де Альмандо. Он, как и его спутник Балифф де Ла Марш, также только что высадился на остров.

После двух кораблекрушений и трех побегов Анжелика уже настолько привыкла к превратностям судьбы, что даже не покраснела при встрече с человеком, который видел ее голой в аукционном зале невольничьего рынка. В свою очередь, закупщик рабов

был достаточно умудрен жизнью, чтобы не смущаться в неподходящий момент. Они с одинаковой радостью приветствовали друг друга и сразу же принялись вспоминать об общих приключениях, как старые друзья. Чопорный испанец в самом деле отбросил свою официальность, искренне радуясь, что она вырвалась из лап пиратов и что он видит ее живой.

— Надеюсь, мадам, сказал он, — вы не очень сердитесь, что мы бросили вас на произвол этих жадных и эгоистичных соперников во время торгов в Кандии. Такого аукциона еще не бывало и никогда не будет. Это было чистое безумие. Я зашел так далеко, как только мог.

Анжелика ответила, что ценит его усилия, направленные на ее освобождение, и с благодарностью вспомнила о его вмешательстве, как только получила свободу.

— Храни вас бог еще раз попасть в руки Рескатора, — вздохнул Балифф де Ла Марш. — Вы нанесли ему самый чувствительный удар за всю его жизнь. Пожар или не пожар, но потерять рабыню, за которую заплачена ужасающая сумма в тридцать пять тысяч пиастров, в ту же самую ночь... Хорошую шутку вы сыграли с ним, мадам. Так будьте осторожны!

Они рассказали ей о той ужасной ночи в Кандии. Огонь распространился на старые деревянные дома турецкого квартала, которые вспыхивали, как факелы. В самой гавани многие корабли сгорели по самую ватерлинию или получили серьезные повреждения. С маркизом д'Эскранвилем при виде «Гермеса», исчезнувшего на его глазах в огненном гейзере, случился эпилептический припадок. Напротив, Рескатору каким-то загадочным образом удалось вывести свою ксебеку из огня.

С этого момента Савари проводил все свое время в монастырских гостиницах «Оверни» или «Кастилия»,

стараясь выведать у рыцарей мельчайшие подробности этого происшествия. Каким образом Рескатор укротил огонь? Чем он пользовался? Сколько ему потребовалось на это времени? Дон Хосе понятия обо всем этом не имел. Однако Балифф слышал о какой-то арабской жидкости, которая при нагревании обращается в пар. Всем известно, что арабы весьма преуспели в удивительной науке, называемой химией. Отстояв от пожара собственный корабль, Рескатор помогал выводить из огня другие суда, но его усилия лишь ненамного уменьшили общие потери, потому что пожар распространялся с невиданной быстротой.

— Ничего удивительного, — хихикал Савари, глаза которого блестели под очками. Греческий огонь... — Он столько болтал, что возбудил подозрения у обоих рыцарей.

— Не вы ли один из тех рабов, которые вызвали эту ужасную катастрофу? Мы потеряли одну из наших галер...

Савари благоразумно извинился и исчез. Со своими вопросами он явился к Анжелике. Куда ему теперь направиться? Должен ли он вернуться в Париж и написать в Академию наук статью о своих потрясающих опытах с мумие? Или отправиться на поиски Рескатора, чтобы узнать секрет огнетушителя? Или продолжать свое путешествие — опасное, зависящее от капризов судьбы, — чтобы пополнить запасы мумие в Персии? Теперь, когда у него уже не оставалось драгоценной склянки с мумие, с которой он носился как с писаной торбой, он выглядел совсем неприкаянным.

И потом — что думает делать сама мадам дю Плесси-Белльер? Куда она направляется? Она не знала. Но внутренний голос шептал ей: «Вернись в свое стойло. Проси короля о прощении, вымаливай его милости. Тогда...» Но эта мысль возмущала ее, и она,

вопреки самой себе, с новой надеждой вглядывалась в морскую даль.

Солнце садилось, и на колокольнях сотен городских церквей вызванивали Angelus. Анжелика закрыла окна. В этом шумном прославлении пресвятой девы она не могла собраться с мыслями.

На ее постели лежал плащ Рескатора. Он был изрядно потерт, но она все равно не хотела терять его — для нее он был чем-то вроде трофея. Она растянулась на кровати и зарылась лицом в складки бархата. Морской ветер и брызги соленой воды не уничтожили тяжелого запаха. Едва вдохнув его, она вспомнила властную черную фигуру, возвышающуюся над ней. Она снова услышала его глубокий хриплый голос и заново пережила тот час в Кандии среди фантастических облаков ладана и табачного дыма, запаха кофе, звуков гитар. И вспомнились ей два сверкающих глаза, следящих сквозь прорези черной бархатной маски за каждым ее движением.

Она застонала, прижала к себе потрепанную ткань, перекатывая голову то в одну, то в другую сторону и ощущая потерю, которую не была в состоянии ни назвать, ни описать.

Колокольный звон понемногу стихал. Теперь звонили только один или два колокола, как басовое обигато мелодии. Анжелика расслышала стук в дверь — стучали, очевидно, уже давно, но она ничего не слышала за колокольным перезвоном.

— Войдите! — отозвалась она, вставая на ноги.

В дверях появился паж в черной ризе.

— Мадам, извините за беспокойство, но внизу вас спрашивает какой-то араб. Он говорит, что его зовут Мохаммед Раки, и он прибыл от имени вашего мужа.

С того момента, как эти слова достигли ее сознания, Анжелика двигалась подобно марионетке. Не произнося

ни слова, она пересекла комнату, как привидение, спустилась по длинной мраморной лестнице, прошла через вестибюль. Под венецианскими колоннами стоял человек — худощавый, как все берберы, одетый, как средневековый французский крестьянин, с редкой бородкой на лице. Когда она, сжав пальцы и нетерпеливо глядя на него, приблизилась, он низко поклонился.

— Вас зовут Мохаммед Раки?

— К вашим услугам, мадам.

— Вы понимаете по-французски?

— Я научился языку от французского дворянина, у которого служил когда-то.

— Графа Жоффрея де Пейрака?

По губам араба скользнула улыбка. Он ответил, что никогда не встречал человека с таким странным именем.

— Ну, тогда...

Мохаммед Раки знаком велел ей замолчать. Человека, которому он служил, зовут Джафар-эль-Колдун.

— Так его зовут по-арабски, — заявил он. — Я знаю, что он высокого происхождения, но я никогда не слышал его титула, потому что он не рассказывал о себе. Когда он четыре года назад послал меня в Марсель, чтобы разыскать отца Лазарита и передать ему поручение насчет некоей мадам де Пейрак, я постарался забыть это имя, чтобы угодить человеку, который мне скорее друг, чем хозяин.

Анжелика глубоко вздохнула. Колени у нее дрожали. Она жестом попросила араба проводить себя в глубь гостиной и опустилась на один из многочисленных диванов. Человек смиренно присел перед ней на корточки.

— Расскажите мне о нем, — с трудом выдавила из себя Анжелика.

Мохаммед Раки закрыл глаза и заговорил низким монотонным голосом, как будто повторяя урок:

— Это высокий худой мужчина, обликом похожий скорее всего на испанца. На лице ужасающие рубцы. На левой щеке такие шрамы, — он провел на своей щеке букву V, — а еще один шрам идет от виска через глаз. Должно быть, сам Аллах сохранил ему зрение и уготовил для него славную судьбу. Волосы у него черные и густые, как грива у нубийского льва. Его черные глаза пронзают вас, как глаза хищной птицы. Он силен и ловок. Он великолепный фехтовальщик и может объезжать даже самых диких коней, но все же еще более замечательна в нем ученость и острота ума, которые произвели сильное впечатление на профессоров в Фесе, крупнейшем исламском университете.

Анжелика почувствовала, как кровь снова заструилась у нее по жилам.

— Изменил ли мой муж христианской вере? — с ужасом спросила она, тут же подумав, что для нее от этого ничего не меняется.

Мохаммед Раки покачал головой.

— Не так уж часто, — ответил он, — христиане живут в Марокко, не приняв нашей веры. Но Джафар-эль-Колдун прибыл в Марокко не как раб, а как друг нашего глубоко почитаемого святого отшельника Абд-эль-Мехрата, с которым много лет состоял в переписке, занимаясь, как и он, алхимией. Абд-эль-Мехрат принял его под свое покровительство и запретил кому бы то ни было прикасаться хотя бы к волоску на его голове. Они вместе отправились в Судан искать золото, именно тогда я и поступил на службу к французу. Они оба работали на сына короля Тафилалета, — рассказчик остановился и нахмурился, будто стараясь припомнить важную подробность. — Его повсюду сопровождал верный негр, отзывавшийся на имя Куасси-Ба.

Анжелика закрыла лицо ладонями. Упомянутое арабом имя верного Куасси-Ба рассеяло ее сомнения даже в большей степени, чем предельно точное описание ее мужа, открывшее ей правду. Теперь путь, на котором она перенесла такие страдания и горести, был виден ей совершенно ясно. Она приближалась к его концу. Возвращение ее мужа к жизни завершилось, и тот, кто еще недавно был лишь мимолетным видением, теперь стоял перед ее взором в человеческом облике, и скоро она сможет прижать его к сердцу.

— Где он? — взмолилась она. — Когда он придет ко мне? Почему вы не привели его?

Араб снисходительно улыбнулся ее нетерпению. Уже два года как он оставил службу у Джафара-эль-Колдуна, взял жену и завел собственное маленькое дело. Но он часто слышит о своем прежнем хозяине, который много путешествует, а живет в Боне, городе на африканском побережье, где продолжает заниматься научными исследованиями.

— Значит, мне остается только ехать в Бон, — сказала Анжелика.

— Да, мадам. И если только никакая случайность не позовет вашего мужа в кратковременное путешествие, то вы без труда разыщете его, потому что буквально каждый может сказать вам, где он живет. Он знаменит по всей Берберии.

Она быстро опустилась на колени, чтобы возблагодарить господу, но стук тросточки заставил ее поднять глаза. Она увидела Савари, стучавшего по мозаике наконечником своего огромного зонта.

Завидев его, Мохаммед Раки встал и поклонился, говоря, что счастлив встретиться с выдающимся человеком, о котором говорил ему дядя.

— Мой муж жив! — сказала Анжелика голосом, в котором слышалось волнение. — Мне только что доказали это. Мой муж в Боне, и я встречу с ним там.

Старый аптекарь пристально рассматривал араба поверх очков.

— Ну и ну, — сказал он. — Вот уж не знал, что племянник Али Мектуба — бербер.

Мохаммед Раки, казалось, был одновременно удивлен и восхищен его наблюдательностью. В самом деле, ответил он, его мать, сестра Али Мектуба, была арабкой, а отец, на которого он похож, — бербером с Дабиллийских гор.

— А почему же дядя не приехал сюда с вами? — спросил Савари.

— Мы плыли с ним в Кандию, когда со встречного судна нам сообщили, что француженка бежала и в настоящее время находится на Мальте. Дядя продолжил свой путь в Кандию, где его ждали дела, а я пересел на другой корабль и поспешил сюда, — он смотрел на Савари с победным видом и в то же время насмешливо. — Слухи на Средиземном море распространяются быстро, господин. — Он вытащил из складок своей одежды кожаный мешочек и извлек из него письмо, написанное Анжеликой в тюрьме. — Не эту ли записку вы передали моему дяде?

Савари поправил очки и прочитал письмо.

— Эту самую. Но почему она не дошла по назначению?

На лице Мохаммеда Раки отразилось страдание. Жалобным голосом он посетовал на явное недоверие со стороны Савари. Разве почтенный господин не знает, что Бон — это испанская колония, находящаяся в руках христиан, и два бедных мавра, сыновья пророка, не могут войти в этот город, населенный самыми фанатичными из католиков, не рискуя жизнью?

— Тем не менее вы приехали на Мальту, — заметил Савари.

Араб терпеливо объяснил, что, во-первых, Мальта принадлежит не Испании, а во-вторых, ему подвернулся

удобный случай проникнуть на остров под видом слуги принца Ахмета Сиди, который направлялся на Мальту с выкупом за принца Лаи Лоума, брата короля Адена, недавно попавшего в плен к рыцарям.

Савари удовлетворился этим объяснением.

— Разве я не обязан быть недоверчивым? — обратился он к Анжелике, потом повернулся к берберу. — Чем вы докажете, что вы и есть Мохаммед Раки, бывший слуга человека, которого мы ищем?

Лицо гостя опять омрачилось, и он с негодованием прикрыл глаза, потом снова успокоился и сказал:

— Хозяин любил меня и подарил мне на память вот это, — из того же кожаного мешочка он достал драгоценный камень, оправленный в серебро. Анжелика узнала его с первого взгляда — топаз!

Этот камень не имел особенно высокой цены, но Жоффрей де Пейрак очень дорожил им, потому что он принадлежал его семье уже много поколений. Он любил называть его своим счастливым талисманом. Она видела, как он носил его на серебряной цепочке поверх бархатного камзола. Позже, в Марселе, он показал его отцу Антуану, чтобы удостоверить свою личность.

Она взяла камень из рук мавра и, закрыв глаза, в экстазе прикоснулась к нему губами.

Савари молча наблюдал за ней.

— Что вы намерены делать? — спросил он наконец.

— Попробую добраться до Бона, чего бы мне это ни стоило!

Не так-то просто оказалось уговорить мальтийских рыцарей взять молодую маркизу на борт галеры, чтобы доставить ее в Бон. Граф де Рошебрун, Балифф де Ла Марш, де Роже и даже дон Хосе де Альмандо — все старались отговорить ее от такой безумной затеи. В Берберии, говорили они, христианская женщина не может сойти на берег, не подвергаясь неопишуемым опасностям. Женщина там — всего лишь рабыня,

предназначенная, чтобы угождать, в лучшем случае — одалиска, запертая в гареме. Только еврейки могут свободно передвигаться, но даже и им запрещено выходить за пределы гетто.

— Но я собираюсь в Бон, — настаивала она. — Это католическая колония.

— Еще хуже, — отвечали ей. В подобные поселения на африканском побережье клещами вцепились испанцы и дразнят берберийских львов. Что она, придворная французская дама, будет делать среди этих мелких торговцев, находящихся под защитой Андалузского гарнизона, по жестокости не уступающего самим маврам? Что она может найти в этой забытой богом дыре? Уж не хочет ли она накликать на себя беду почище тех, которых ей удалось столь счастливо избежать?

Наконец Анжелика направилась к самому великому магистру ордена, принцу Никола Котоне, французу английского происхождения, и из очень знатной семьи. Она в открытую поведала ему о своей трагической любви и о том, как через десять лет она наконец доподлинно узнала, что ее муж жив.

Великий магистр внимательно выслушал ее. Когда она кончила, он долго молчал, потом вздохнул. Многие в ее рассказе ему не нравились, особенно то обстоятельство, что ее муж, знатный христианский дворянин, мог оказаться в таком ужасном месте, как Бон.

— Вы говорите, он путешествовал по этим местам и остался невредимым?

— Так мне сказали.

— Тогда он, должно быть, ренегат. Он, наверное, живет как мусульманин, с гаремом из пятидесяти жен. Если вы найдете его, это окажется опасным для вашей души — я уже не говорю о самой жизни.

— Не знаю, беден ли он, ренегат ли он, — проговорила она с бьющимся сердцем, — я знаю только, что он мой муж перед богом, и я собираюсь найти его.

— Счастлив человек, внушающий такую привязанность, — лицо великого магистра смягчилось, потом он снова заколебался. — Ах, дитя мое, ваша молодость и ваша красота беспокоят меня. Чего только не может случиться с вами здесь, на Средиземном море, когда-то принадлежавшем христианам, но теперь попавшим в руки ислама. Какое горе чувствуем мы, рыцари Иерусалима, видя, как наши силы повсюду отступают. Теперь мы должны возвращать не только святые земли, но также и Константинополь, древнюю Византию, где под сводами святой Софии, ныне превращенной в мечеть, зарождалось христианство, — он умолк, углубившись в свои мысли.

Анжелика вернула его из задумчивости:

— Я знаю, почему вы не хотите отпустить меня. Вам не хочется платить за меня выкуп.

Старый прелат покраснел от смущения:

— Положим, это было бы неплохим оправданием моим стараниям отговорить вас от глупости, но на самом-то деле я только что узнал от наших банкиров в Ливорно, что условленная сумма переведена вашим поверенным нашему приору в Париже, — глаза его заблестели. — Ну, мадам, я согласен, что женщина, которая завоевала себе свободу, может употребить ее даже во вред себе, если ей кажется, что она должна это сделать. На этой неделе галера барона фон Нессенода опять выйдет в море, в рейд к берберийскому побережью. Я разрешаю вам отправиться на ней.

Но даже когда лицо Анжелики вспыхнуло от радости, он не смягчился. Нахмурившись и указывая на нее пальцем с кардинальским перстнем, он нараспев проговорил:

— Не забудьте моих советов. Берберы невероятно жестоки. Даже турецкие паши, и те боятся их, потому что эти пираты обвиняют турок в прохладном отношении к вере. Если ваш муж в дружеских отношениях с ними, то лишь потому, что стал одним из них. Для спасения вашей души вам лучше оставаться верной Кресту, мадам, — и, видя, что ему не удастся поколебать ее, он нежным голосом добавил: — На колени, дитя мое, и позвольте дать вам мое благословение.

Галера плыла, оставляя за кормой янтарные валы Мальты. Барон фон Нессенод мерял шагами палубу, как уверенный в себе адмирал. Внизу, в каюте, два французских купца — торговцы кораллами — беседовали с напыщенным голландским банкиром и с молодым испанским студентом, едущим к своему отцу, офицеру бонского гарнизона. Если не считать Анжелики и Савари, это были единственные штатские лица на борту. Естественно, разговор в конце концов коснулся шансов избежать встречи с берберийскими пиратами.

Эта галера была просторнее галеры французского королевского флота. Пассажиры могли отдохнуть на жестких скамьях в укромном уголке под прикрытием парусинового табернакля.

Анжелика страдала от нетерпения и одновременно — сама не зная почему — от тревоги. Совсем не об этом она мечтала. Если бы не увиденный его топаз, она не поверила бы посланцу, который предъявил ей камень. В его глазах была видна хитрость. Она так и не смогла вытянуть из него еще какие-нибудь подробности; он лишь разводил руками с какой-то странной улыбкой, как будто говорил: «Я сказал все, что знаю».

Ей на ум шли страшные предсказания Дегре. Как примет ее Жоффрей де Пейрак через столько лет, оставивших свои следы и на их телах, и на сердцах? У каждого из них были свои невзгоды, свои знакомые... И

свои возлюбленные. Легко ли будет им встретиться снова?

В ее золотых волосах теперь блестели одна или две седые пряди, но она все еще переживала первый расцвет молодости и была даже более прекрасной, чем во времена своего первого брака, когда черты лица еще не успели приобрести определенности, фигура не вполне сформировалась, а походка еще не приобрела королевской грации, придававшей ей теперь такую выразительность. Все эти изменения произошли вдали от взора Жоффрея де Пейрака и его влияния. Жестокая рука судьбы лепила ее вдали от него.

А он? Преследуемый, изнуренный бесчисленными несчастьями, лишенный состояния, оторванный от прежней своей жизни, — сохранил ли он свой характер, за который она так нежно его любила?

«Мне страшно», — прошептала она про себя. Она боялась, что он испортит каким-нибудь грубым замечанием тот кульминационный момент, когда она снова увидит его. Дегре предупреждал ее об этой возможности. Но ей никак не удавалось убедить себя, что Жоффрей де Пейрак может пасть так низко.

Эти сомнения почти отняли у нее силы. Как ребенок, она снова и снова твердила про себя, что хочет опять увидеть его, свою любовь, своего возлюбленного из Дворца Веселой Науки, а не другого, не незнакомца в чужой стране, в которого он мог превратиться. Она стосковалась по его восхитительному голосу. Кстати, Мохаммед Раки ничего не говорил о его голосе. Да можно ли петь в Берберии? Под этим безжалостным солнцем? Среди этих темнокожих людей, которые так же легко рубят человеческие головы, как выпалывают сорную траву? О, что могло случиться с ним?..

Она отчаянно пыталась погрузиться в воспоминания о прошлом, вызвать в своей памяти образ графа Тулузского под сводами Дворца Веселой Науки. Но

видения ускользали от нее. Тогда она попробовала уснуть — сон рассеет туман, скрывавший ее любовь. Сон овладел ею, и она слышала тихий голос, шепчущий ей в ухо: «Вы устали... Вы уснете в моем доме... Там розы... лампы... окна, выходящие на море...»

Вскрикнув, она проснулась. Ее тряс склонившийся над ней Савари.

— Мадам дю Плесси, проснитесь. Вы чуть не подняли на ноги всю галеру.

Анжелика села на своей кушетке и прижалась к переборке. Наступила ночь. Непрестанного бормотания гребцов больше не было слышно, потому что галера шла только под парусами и 120-футовые весла были убраны. Единственным звуком, нарушавшим неестественную тишину, были шаги барона фон Нессенода, ходившего по палубе. Кормовой фонарь был притушен, чтобы не привлекать внимания пиратов, без сомнения, шнырявших в проливе между Мальтой и Сицилией справа и берберийским берегом Туниса — слева.

— Во сне меня преследовал колдун, — вздрогнула Анжелика.

— Если бы это так и осталось сном! — сказал Савари.

— Что вы имеете в виду? О чем вы думаете?

— Я думаю, что такой дерзкий пират, как Рескатор, не даст вам так просто уйти от него, не постаравшись вернуть то, что принадлежит ему.

— Я не принадлежу ему, — с отсутствующим видом произнесла Анжелика.

— Он заплатил за вас цену целого корабля.

— Теперь меня защитит мой муж, — ответила она, хотя и не вполне уверенным тоном. Савари молчал.

— Мэтр Савари, — прошептала Анжелика. — Вы думаете, это может быть ловушкой? Я знаю, вы не

доверяете Мохаммеду Раки, хотя у него есть неопровержимые верительные грамоты, не так ли?

— Так.

— Он безусловно виделся со своим дядей Али Мектубом, раз у него находится мое письмо. И он видел моего мужа. Он приводил подробности, которые могу знать я одна и которые почти позабыла, но сразу же вспомнила. Если только... О, Савари, не думаете ли вы, что я могу оказаться жертвой каких-нибудь чар, обманываться видениями, которые вижу на каком-то далеком экране и которые заставляют меня верить, а между тем то, чего я хочу больше всего на свете, — всего лишь мираж, средство, чтобы заманить меня в ловушку. О, Савари, я так боюсь...

— Такие вещи возможны, — заявил аптекарь, — но не думаю, чтобы мы с этим столкнулись. Это что-то другое... быть может, и ловушка, но без всякой магии. Мохаммед Раки сказал нам не всю правду. Подождите, пока не доберемся до цели. Тогда увидим, — он растворял в оловянной чашке пилюлю. — Выпейте это. Вы лучше отдохнете.

— Опять ваше мумие?

— Вы прекрасно знаете, что у меня больше нет мумие, — жалобно сказал Савари. — Я истратил все на греческий огонь в Кандии.

— Савари, почему вы так настойчиво стремитесь сопровождать меня в этой поездке, которую не одобряете?

— Как я могу оставить вас, — проворчал он, как бы размышляя о трудной научной проблеме. — Действительно, я не одобряю ее, но я попаду в Алжир.

— В Бон?

— Это одно и то же.

— Христиане там в большей безопасности, чем в Алжире.

— Кто знает? — ответил Савари, качая головой, как пророк, которому являются видения.

Неожиданно ночное небо озарилось сверхъестественным огнем, который несколько раз изменил цвет и наконец рассыпался разноцветными искрами.

— Ракета!

Оцепенение на корабле сменилось суматохой. Туда и сюда бежали матросы и солдаты, окликая друг друга. Анжелика вцепилась в Савари. Это зрелище напомнило ей начало боя между королевской галерой и ксебекой Рескатора.

— Савари, вы думаете, мы можем снова встретиться с этим пиратом?

— Мадам, вы говорите так, будто я военный стратег и притом обладаю сверхъестественной способностью одновременно находиться на галере Мальтийского ордена и на ксебеке. Турецкая ракета не обязательно означает присутствие Рескатора. Она также может означать алжирского дозорного, или тунисского, или марокканского.

— Но она вроде бы взлетела с нашего корабля.

— Значит, на борту есть предатель!

Не будя остальных пассажиров, они пошли по палубе. Галера, видимо, шла зигзагами, явно пытаясь сбить врага со следа. Анжелика услышала голос де Роже, возвращавшегося с носа вместе с германским рыцарем:

— Брат мой, пришло время надевать доспехи.

— Нет еще, брат мой.

— Вы искали изменника, который пустил эту ракету с палубы? — спросила она.

— Да, но безуспешно. Он получит свое позже. Смотрите!

Далеко впереди по курсу она могла различить цепочку огней. Она не знала, берег ли это материка или

просто остров. Огни мелькали и двигались, выстраиваясь то в прямую линию, то в дугу.

— Засада! Тревога! — вскричал барон фон Нессенод.

Все бросились на свои посты и начали поднимать шестифутовый палисад, используемый при битве с кораблем более высоким, чем собственная галера.

Анжелика насчитала тридцать огней, двигавшихся над водой. «Берберы», — сказала она тихо.

Проходивший мимо де Роже услышал ее.

— Вы правы, но не тревожьтесь. Это лишь маленькие суденышки, которые наверняка не посмеют напасть на нас, если только к ним не придет подкрепление. Однако это может показаться ловушкой. Поджидали ли они нас? Судя по ракете, поджидали. Во всяком случае, мы не собираемся тратить боеприпасы в стычке, когда легко можем просто уйти от них. Вы только что слышали, как капитан приказал не надевать доспехов. Мы не надеваем их до тех пор, пока не вступим в бой, чтобы наши люди не уставали от ожидания. Барон фон Нессенод ведет себя в битве как лев, но он не сочтет нужным рисковать своими людьми и своим кораблем, если ему противостоит меньше трех галер.

Несмотря на заверение рыцаря, что эти лодки не представляют опасности, Анжелика не могла не заметить, что они быстро приближались к тяжело нагруженной галере. А та, поставив все паруса, которым помогали три ряда весел, повернула и теперь направлялась к еще свободному выходу из грозного круга.

Вскоре огни флотилии исчезли вдали. Чуть позже перед самым носом галеры показалась темная громада гористого острова. Оба рыцаря рассматривали карты при свете фонаря.

— Это остров Кам, — сказал немецкий рыцарь. — Проход в бухту очень узок, но с божьей помощью мы

войдем в нее. Это даст нам возможность пополнить запасы воды и в то же время спасет от тунисских галер, которые не замедлят присоединиться к флотилии, только что попавшейся нам. На острове живет лишь несколько рыбаков, и они не помешают нам сойти на берег. Здесь нет ни форта, ни пушек.

Заметив, что Анжелика стоит в нескольких шагах от них, фон Нессенот раздраженно сказал:

— Не думайте, мадам, что рыцари Мальтийского ордена — трусы, но я намерен доставить вас в Бон в целости и сохранности, и не только из-за того, что я сам хочу этого, но также и потому, что сам великий магистр вручил вас моему попечению. Мы займемся нашими врагами на обратном пути.

Она взволнованно поблагодарила его.

Когда небо посветлело, она разглядела бухту и маленький пляж, украшенный пальмами и оливковыми деревьями. Она оставалась на палубе, твердя про себя, что до самого прибытия в Бон не осмелится заснуть, хотя и знала, что это бессмысленно.

Галера из осторожности дожидалась рассвета у входа в бухту. Утренний туман поднимался, и барон фон Нессенот рассматривал окрестности в подзорную трубу. Неожиданно он повернулся к Анри де Роже, и оба сразу удалились в табернакль. Когда они вернулись, на обоих были надеты красные панцири.

— Что такое? — воскликнула Анжелика.

Светлые глаза немца блестели, как литая сталь. Он вытащил шпагу, и древний военный клич Ордена сорвался с его губ.

— Сарацины! К оружию!

В тот же миг град пуль и стрел обрушился на палубу с утесов, откалывая щепки от бушприта.

Уже совсем рассвело, и им было видно шесть батарей, пушки которых, направленные на галеру, поблескивали в зарослях. Стараясь перекрыть рев

пушек, рыцари отдавали приказы развернуться и попытаться выйти из бухты в открытое море. Пока с величайшим трудом выполнялся этот маневр, солдаты принесли на палубу пороховницы и установили их на места. Другие, вооруженные мушкетами, отвечали, как могли, на выстрелы, но их пули не долетали до цели. Палуба уже была покрыта ранеными и убитыми. Из трюма доносились вопли рабов — пули опустошали ряды гребцов.

Наконец мортира попала в одну из стрелявших в галеру батарей. Негр покачнулся и упал с вершины утеса в воду. Канонир сумел поразить картечью еще двух человек из прислуги другой береговой батареи.

— Еще четверо! — кричал де Роже. — Обезоружим их! Когда они расстреляют боеприпасы, мы сумеем одолеть их!

Но вершины утесов уже сверкали белизной турбанов, и по всей бухте отдавались ужасающие крики: «Сдавайтесь, собаки!». К тому же выход из бухты был теперь блокирован лодками, которые заманили галеру в эту засаду.

При первом выстреле Савари увлек Анжелику в каюту, но она осталась стоять в дверях, чтобы наблюдать за неравным боем. Мусульмане превосходили христиан по численности в пять или шесть раз, а артиллерия галеры была рассчитана на стрельбу по целям, находящимся на уровне моря, а не высоко наверху. Количество пиратов все увеличивалось и в предвкушении легкой победы многие бросались в воду и плыли к галере. От берега отвалило несколько яликов, с которых, когда они подошли к кораблю, в воду попрыгало множество людей с зажженными факелами.

Лучшие стрелки перенесли огонь на них и многих перестреляли. Вода окрасилась кровью убитых. Но на их месте появлялись новые, и вскоре, несмотря на мушкетные пули и картечь, борта галеры покрыла

масса карабкающихся наверх людей, размахивающих факелами, кинжалами, саблями и даже огнестрельным оружием.

Мальтийская галера напоминала огромную раненую чайку, покрытую полчищами муравьев. Мавры лезли на нее с криками: «Ва алла! Алла!».

— Да здравствует истинная вера! — отвечал барон фон Нессенод, протыкая шпагой полуголого араба, первым ступившего на палубу. Но за ним появлялись все новые и новые. Двум рыцарям и их сражающимся братьям пришлось отступить, хотя они бились уже почти у самого основания грот-мачты. Повсюду громоздились тела. Никто не думал о добыче, каждый старался лишь убить как можно больше врагов.

Анжелика с ужасом наблюдала, как один из торговцев кораллами сцепился с двумя маврами, и все трое покатались по палубе, избивая и кусая друг друга, как бешеные собаки — ни у одного из троих не было никакого оружия.

Систематическая оборона имела место лишь у основания грот-мачты, где, как львы, сражались оба рыцаря. Перед ними полукругом громоздилась гора тел, через которую приходилось перебираться новым атакующим. Но вот упал фон Нессенод, пораженный метким выстрелом мусульманина, целившегося в него с носа. Роже бросил взгляд на своего капитана, и в этот момент, когда внимание его отвлеклось, ему отрубили руку, державшую шпагу.

Торговец кораллами, одолевший двух своих противников, скатился по трапу в каюту и втолкнул туда Анжелику. Савари, второй торговец кораллами, банкир и молодой испанский студент укрылись вместе с ними.

— Все кончено, — сказал он. Рыцари повержены. Нам не избежать плена. Нужно выбросить за борт наши бумаги и переодеться, чтобы победители не смогли

узнать, кто мы такие. Особенно это касается вас, — сказал он молодому испанцу. — Молите пресвятую деву, чтобы они не узнали, что вы — сын одного из офицеров бонского гарнизона. Иначе вас будут держать в качестве заложника, и как только перед испанскими укреплениями убьют первого же мавра, вашему отцу пошлют вашу голову.

Все мужчины, не смущаясь присутствием Анжелики, сняли свою одежду, скатали ее вместе с бумагами и выбросили в море через иллюминатор. Потом они облачились в бесформенные тряпки, оказавшиеся в сундуке.

— Здесь нет ни одного платья, — с ужасом сказал кто-то из купцов. — Мадам, по вашему платью сразу видно, что вы — дама. Одному богу известно, какой выкуп они потребуют за вас.

— Мне ничего не надо, — сказал Савари. — Для начала меня всегда швыряют за борт, как вещь совершенно никчемную.

На верху трапа показался гигант-негр, на угольно-черном лице которого белели глаза цвета слоновой кости. Он обвел взглядом обитателей каюты и поднял ятаган.

Шум битвы сменился тишиной, нарушаемой только стонами раненых. Пленников вытолкали на палубу.

В бухту входили четыре низкие галеры. На корме первой из них стоял адмирал этого маленького флота. Он взошел на борт мальтийского корабля в сопровождении своих офицеров, среди которых был клерк, на котором лежала обязанность оценивать стоимость добычи. Когда он увидел, как сильно повреждена галера, лицо его вытянулось. Он отпустил несколько горестных замечаний по этому поводу, после чего дал указания о систематической переписи пленников и их имущества.

Рабы алжирского происхождения были освобождены. Остальных перевели на алжирские галеры. Вся мальтийская команда была закована в цепи. Мимо Анжелики провели окровавленного Анри де Роже со скованными руками. За ним три великана несли барона фон Нессенода, также закованного в цепи, несмотря на ужасные раны, из которых текла кровь.

Пленники предстали перед адмиралом, которого звали Али Хаджи. Не обращая внимания на маскировку, он внимательно разглядывал руки пленников, чтобы проверить, насколько они соответствуют внешнему облику. Купцам пришлось признать свои истинные занятия. Однако Савари вызвал лишь смех. Его отвели в сторону, оставив, как было сказано, на угощение самым голодным из алжирских собак.

Внимание грабителей сразу же было приковано к Анжелике. Темные глаза алжирских офицеров рассматривали ее с любопытством, однако без уважения и даже без восхищения. Они обменялись несколькими словами с Али Хаджи, который движением руки подозвал ее к себе.

Берберский плен был настолько обычным делом для каждого, кто рисковал пуститься в путешествие, что Анжелика почти что ожидала случившегося. Она уже приняла решение, как себя вести. Она не станет хитрить, а сделает ставку на свое состояние и положение женщины, разыскивающей мужа. Алжирцы не были безумными пиратами, нападавшими и грабившими ради удовольствия. Их интересы были весьма узки. Добыча делилась до последнего клочка парусины, все тщательно учитывалось и обращалось в деньги. Что же касается женщин, тем более европейек, добычи редкой и весьма ценной, то скупость обычно торжествовала над похотью. Анжелика уже убедилась в этом на примере маркиза д'Эскранвиля. Она спокойно встретила взгляды темнокожих мужчин.

Она назвалась им именем, которое не употребляла уже многие, многие годы. Она жена Жоффрея де Пейрака, который поджидает ее в Боне и наверняка заплатит за нее выкуп. Он прислал к ней одного из их единоверцев, Мохаммеда Раки, который, наверное, сейчас находится среди пленников и может свидетельствовать за нее.

Толмач перевел, и Али Ходжи улыбкой выразил удовлетворение. Он потребовал указать ему на мусульманина, о котором идет речь. Анжелика спасалась, что Мохаммед Раки в схватке мог быть убит или ранен, но теперь она увидела его и узнала. В результате было приказано отделить его от других.

Флот вышел из бухты и направился в открытое море. Маленькие суденышки были настолько перегружены, что малейшее движение приводило к нарушению равновесия всего корабля и снижению скорости. Только негры и мавры бегали взад и вперед по своим мостикам между скамейками гребцов, осыпая христиан ударами плетей.

Али Хаджи несколько раз бросал взгляд на Анжелику. Она догадывалась, что он говорит о ней со своим писцом, но не могла понять, о чем. К ней ухитрился подобраться Савари.

— Не знаю, подтвердит ли Мохаммед Раки мои слова. И что подумает обо всем этом мой муж? Как вы думаете, он в самом деле заплатит выкуп? Придет ли он ко мне на помощь? Я шла к нему, но теперь я понимаю, что знаю о нем не все. Хотя раз он столько прожил среди берберов, он, быть может, сумеет уладить все это дело лучше кого-нибудь другого. Правильно ли я сделала, что представилась таким образом?

— Правильно. Положение и без того сложное — незачем запутывать его еще больше. По крайней мере вы не рискуете подвергнуться насилию со стороны слугителей ислама. Коран запрещает мусульманам

брать в жены женщину, муж которой еще жив. Они очень сурово наказывают за адюльтер. С другой стороны, я слышал, как Али Хаджи сказал, когда вас подвели к нему: «Это она. Да, это она. Мы выполнили свою миссию».

— Что это означает, Савари?

Старик ответил лишь недоуменным жестом.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ГЛАВНЫЙ ЕВНУХ**

Глава 16

Единственным звуком, доносившимся из-за борта галеры, был мягкий плеск весел, рассекавших волны. Анжелика подняла поникшую голову и заметила, что глаза барона фон Нессенода устремлены на землю.

— Алжир, — произнес он.

И в тот же момент до них донесся гул города, звук тысячи голосов. Теперь им был виден этот город, лежащий между двумя волноломами, такой ослепительно белый, что он казался безжизненным.

Когда корабль вошел в гавань, золотой вымпел Али Хаджи на верхушке мачты был лишь одним из сотен флагов, развевающихся под легким бризом; среди них преобладал красный стяг с белой эмблемой и зеленое знамя с полумесяцем. На передней галере выстрелили из пушки. И в ответ раздался залп с берега, после которого слышались пронзительные радостные крики.

Два рыцаря Мальтийского ордена, все еще в своих красных панцирях, находились в первых рядах пленников, которых высаживали на причал. Затем на берег сошли матросы и солдаты, а в последнюю очередь — пассажиры. Однако Анжелику вели отдельно от остальных под охраной вооруженных янычар.

Остальные, скованные попарно цепями и подгоняемые берберами-победителями, продвигались через толпу на набережной к дворцу паши, которому принадлежало право первого выбора.

Жители — белые призраки с лицами грязно-желтого цвета — толпились вокруг них, издавая пронзительные восклицания и не сводя с невольников враждебных глаз. Среди них виднелись бледные лица рабов-христиан, бородатых и лохматых, обращавшихся к

новым пленникам на языках всех христианских стран в надежде найти среди них одного-двух соотечественников, от которых можно что-нибудь узнать о своих семьях.

— Я Жан Парадже из Колуара в Пиренеях... Не слышали? Я Робер Туше из Сетты...

Турецкие янычары хлестали их плетьюми из бычьих жил, норовя ударить каждого, до кого могли достать.

На невольничьем рынке Анжелику сразу же провели по лестнице в маленькую изолированную комнату, белую, как мел; она присела в углу, прислушиваясь к шуму, доносившемуся извне.

Поднялся занавес, и вошла старая мусульманка, коричневая и сморщенная, как сушеная груша.

— Меня зовут Фатима, — приветливо сказала она. — Но пленницы называют меня Мирела-провансалька.

Она принесла два кекса и воду, пахнущую уксусом и сахаром, а также кружевную косынку, чтобы спрятать лицо от солнца. Однако последняя предосторожность запоздала: лицо Анжелики уже покраснело под палящим солнцем, лучи которого проникали под золотую дымку, висящую над ослепительно белым городом. Ей хотелось принять ванну. Платье ее покрылось пятнами от соленой морской воды и смолы, выступавшей из досок палубы.

— Я отведу тебя в ванну после того, как будут проданы остальные рабы, — сказала старуха. — Но придется подождать, потому что торги нельзя проводить до полуденной молитвы, — она говорила на сабаре, смеси испанского, итальянского, французского, турецкого и арабского языков, понятном всем рабам. Но постепенно она перешла на родной французский и рассказала Анжелике о своих родных местах, находящихся где-то вблизи Экс-о-Прованса. В шестнадцать лет она служила горничной у марсельской дамы и, сопровождая ее в поездке к мужу в Неаполь,

попала к берберам. Ее, ничтожную служанку, продали за несколько цехинов бедному мусульманину, в то время как даму ждал роскошный гарем.

Фатима-Мирела, теперь вдовствующая старушка, зарабатывала несколько пиастров, присматривая за новыми рабынями. Купцы, стремящиеся выставить живой товар в как можно лучшем виде, очень часто прибегали к ее услугам. Она купала, причесывала несчастных женщин, заботилась о них, еле живых после своего неудачного путешествия, с ужасом ждавших новых испытаний.

— Как я рада, — воскликнула она, — что мне приходится ухаживать за тобой. Ты — француженка, которую Рескатор купил за тридцать пять тысяч пиастров и которая потом сбежала от него. Меццо-Морте поклялся, что захватит тебя, опередив соперников.

Анжелика в ужасе взглянула на нее:

— Не может быть! — пробормотала она. — Меццо-Морте не мог знать, где я.

— О, он знает все. У него повсюду есть шпионы. Осман Фараджи, главный евнух султана Марокко, и Меццо-Морте отправились разыскивать тебя.

— Почему?

— Потому что о тебе говорят как о самой прекрасной белой рабыне на всем Средиземном море.

— О, как бы мне хотелось быть безобразной! — воскликнула Анжелика, сжимая руки, — уродливой, ужасной, отвратительной...

— Вроде меня, — вставила провансалька. — Когда я попала в плен, мне было всего восемнадцать лет, и у меня были великолепные большие груди. Но я слегка хромала. Человек, который купил меня и стал моим мужем, был отличным гончаром и всю свою жизнь оставался таким бедняком, что и думать не мог о наложнице. Мне приходилось работать как вьючной

скотине, но я была довольна такой жизнью. Христианки вроде нас не любят, когда их перепродают то одному хозяину, то другому, и им приходится все время жить с разными мужчинами.

Анжелика сжала ладонями разболевшуюся голову.

— Не понимаю, каким образом они расставили эту сеть, в которую я попала?

— Я слышала, что Меццо-Морте послал к тебе на Мальту своего любимого советника, Амара Аббаса, чтобы он побудил тебя отправиться в плавание, которое заведет в ловушку.

Анжелика покачала головой, не решаясь сформулировать свои мысли:

— Нет, я ни с кем не встречалась. Только с Мохаммедом Раки, бывшим слугой моего мужа.

— Это был Амар Аббас.

— Нет! Не может быть!

— Это был бербер с короткой выцветшей бородкой? Анжелика не могла произнести ни слова.

— Погоди-ка, — сказала старуха. — У меня есть идея. Только что я видела, как Амар Аббас разговаривал с Сади Хасаном, здешним управляющим. Пойду посмотрю — если он еще здесь, я покажу его тебе.

Вскоре она возвратилась с длинным покрывалом:

— Завернись в него до самых глаз, — приказала она.

Она провела Анжелику вниз, в коридор, который вел через весь этаж на галерею, откуда им был виден квадратный внутренний двор здания.

Торговля рабами уже началась. Новые рабы были обнажены — белые волосатые тела европейцев контрастировали с темными, с гладкой кожей телами восточных пленников. Справа, на груди роскошных подушек, восседали военные чины и старые корсары, разбогатевшие на грабежах и теперь наслаждавшиеся гаремами, которые приобрели за сокровища, поместили в заботливо ухоженные сады оливковых и апельсиновых

деревьев и олеандров и постоянно пополняли новыми приобретениями. Их окружали негритята, длинными опахалами разгонявшие знойный воздух.

Напротив них находился один из любимцев паши, его поверенный в делах.

— Смотри, — сказала Мирела, — тот, рядом с ним, который что-то говорит ему.

Анжелика перегнулась через перила и узнала Мохаммеда Раки.

— Он самый, — сказала она.

— Ну так это и есть Амар Аббас, советник Меццо-Морте.

— Нет! — закричала Анжелика в отчаянии. — Не может быть! Он показал мне письмо и топаз!

Остаток дня она провела в полной прострации, пытаюсь понять, что же все-таки произошло с нею. Савари, значит, не ошибался, подозревая незнакомца-бербера. Но где теперь Савари? Ей не удалось увидеть его в жалкой толпе рабов, выставленных для продажи. Теперь, подумав об этом, она сообразила, что не видела также и обоих рыцарей.

Мало-помалу шум стихал. Покупатели расходились по домам со своими новыми рабами. Тьма спускалась на ослепительный Алжир. В глубокой темноте исламской ночи раздавался лишь один звук, глубокий и вибрирующий, достигавший даже невольничьего рынка.

Фатима-Мирела растянулась на соломенном мате возле дивана, на котором пыталась поспать Анжелика. Она подняла морщинистое лицо и сказала:

— Это тюрьма для рабов.

Чтобы убаюкать Анжелику, она рассказывала ей длинные истории об этом необычном месте, где в фонтанах текло вино и спиртные напитки. Здесь встречались рабы, чтобы обменять украденное на кусок пищи, и сюда приходили за исцелением больные и обиженные. И здесь, на рассвете, когда начинали

чадить масляные светильники, можно было услышать самые лучшие истории на свете. Датчане и шведы рассказывали о полном опасностей китовом промысле у берегов Гренландии, где ночь тянется шесть месяцев; голландцы описывали богатства восточной Индии и чудеса Китая и Японии, испанцы мечтательно говорили о прелестях Мексики и сокровищах Перу; французы вспоминали о чудесах Ньюфаундленда, Канады и Вирджинии. Ведь все здешние рабы были мореплавателями.

На следующее утро она привела Анжелику к Али Хаджи, сидевшему на берегу в окружении мальчиков, одетых в желтые шелковые шаровары, с кинжалами за поясом и тюрбанами на голове. Большинство это были мавры или негры, но некоторые из них просто сильно загорели, а у двоих или троих были голубые глаза северян. Они, казалось, относились к Анжелике презрительно и в то же время с высокомерием и ненавистью. Она чувствовала себя словно в кругу львят или свирепых тигрят, в то время как корсар-араб, напротив, выглядел почти добрым.

У трапа, поднимавшегося на палубу галеры, плясала шлюпка. Шесть светловолосых рабов — возможно, русские — сидели на веслах, а на носу, скрестив на груди мускулистые руки, стоял турок с длинными усами. Один из мальчиков прыгнул на корму и взялся за румпель.

Под враждебными взглядами мальчиков, рассеявшихся, как коршуны, на планшире, Анжелика спустилась в шлюпку. Она не знала, куда ее везут, потому что шлюпка обогнула волнолом и направилась в море к гористому мысу, с которого доносились выстрелы из мушкетов и ответные пистолетные выстрелы.

— Куда мы плывем? — спросила она.

Никто не ответил ей. Один из мальчиков сплюнул в ее сторону, но промахнулся и лишь дерзко ухмыльнулся турку, пригрозившему ему наказанием. Казалось, эти мальчики не боялись никого.

В воду вокруг них угодило несколько пуль. Анжелика беспокойно обвела взглядом пассажиров. Али Хаджи не шелохнулся, однако он заметил написанное на ее лице любопытство, и его рот растянулся в приветливой улыбке, а жестом он дал понять, что в действительности она присутствует на грандиозном представлении.

У оконечности мыса показались две группы — двухмачтовая фелука с командой из бородатых христиан, вооруженных шпагами и мушкетами, и масса молодых пловцов в желтых тюрбанах, которые нырнули с какого-то отдаленного судна и плыли к фелуке, стремясь напасть на нее. Они ныряли под судно, выныривая с другого борта в самых неожиданных местах, карабкались, как обезьяны, на борта, перерезали канаты, голыми руками боролись со сражавшимися плечом к плечу рабами, увертывались от ударов шпагой.

На носу человек в короткой одежде и желтом тюрбане внимательно следил за этим учебным боем, которым он, видимо, руководил. Время от времени он поднимал рупор и на языке рабов разражался проклятиями в адрес тех мальчиков, которые были слишком неуклюжи или, получив рану, не спешили вновь броситься в гущу свалки.

Львята в шлюпке пришли в восторг от этого зрелища и так рвались принять участие в игре, что попрыгали в воду и, как стайка лягушек, быстро поплыли к кораблю. Даже гребцы стали медленнее работать веслами, но несколько ударов плетью восстановили порядок. Шлюпка двигалась вперед и вскоре оказалась у носа фелуки.

— Я и есть Меццо-Морте, — сказал человек на носу по-французски с легким итальянским акцентом.

Это был плотный мужчина, в его тюрбане сверкали алмазы, а пальцы не оставляли сомнения в его низком происхождении — и в своем костюме из арабских сказок он оставался бедным калабрийским рыбаком. Это был его превосходительство адмирал Алжира, командир одного из самых грозных пиратских флотов на Средиземном море. Он мог приказывать паше, и весь город трепетал перед ним.

Анжелика приняла любезный вид, что, казалось, чрезвычайно обрадовало адмирала. Он с нескрываемым удовлетворением рассматривал ее, затем повернулся к Али Хаджи и обратился к нему с длинной речью. Анжелика могла догадаться по его жестам и по нескольким арабским словам, которые она сумела понять, что он поздравляет Али Хаджи со столь удачным завершением предприятия. Тем не менее она с болью заметила, что во взглядах, которые он бросал в ее сторону, читалась скорее угроза, чем обычное пристальное внимание работорговца, оценивавшего новую невольницу.

— Адмирал, — сказала она, используя титул, который признавали за ним даже христиане, — не будете ли вы добры сказать, какая судьба ожидает меня? Не забывайте, пожалуйста, что я не пыталась обмануть вас, укрывшись под чужим именем, не скрываю ни того, что во Франции у меня огромное состояние, ни того, что я предприняла это путешествие, чтобы разыскать своего мужа, который живет в Боне и может гарантировать выкуп.

Меццо-Морте утвердительно кивнул головой. В углах его глаз появлялось все больше и больше морщин, и она с удивлением заметила, что он давится, будто сдерживая беззвучный смех.

— Отлично, мадам, — сказал он, переведя дыхание. — Я с облегчением узнал, что за вашим выкупом нам не придется идти дальше Бона. Но уверены ли вы в том, что говорите?

Анжелика уверяла, что говорит правду, что ложь ничего не сможет дать ей. Если он сомневается в ее словах, ему нужно только спросить у Мохаммеда Раки, который приплыл с Мальты на одном с ней корабле. Он пришел к ней с вестями от ее мужа из Бона.

— Знаю, знаю, — пробормотал Меццо-Морте; насмешливый блеск его глаз стал почти жестоким.

— Вы знаете? О, боже милостивый! — воскликнула Анжелика, которую вдруг осенило прозрение. — Вы знаете моего мужа? Вы ведь знаете его, не так ли?

Вероотступник покачал головой так, будто хотел сказать: «Может, знаю, а может, и нет». Потом он вновь расхохотался. Два его пажа, одетые в фисташково-зеленые и ярко-розовые ливреи, расхохотались вслед за своим хозяином. Он бросил им приказание, и они бегом удалились — затем только, чтобы сразу же вернуться с коробкой пастилы. Меццо-Морте набил ею рот, затем обернулся, чтобы взглянуть на военную игру, еще продолжавшуюся под ними на главной палубе. Его страсть к сладостям не уступала слабости его главного врага, герцога де Вивонна, его превосходительства адмирала французского флота.

— Адмирал, — с надеждой взмолилась Анжелика, — умоляю вас, скажите мне правду. Вы знаете моего мужа?

Меццо-Морте вонзил в нее взгляд своих черных глаз.

— Нет, — жестоко сказал он. — Более того, перестаньте говорить со мной таким тоном. Вы пленница, и не забывайте об этом. На вашей мальтийской галере мы нашли злейшего врага ислама, вашего капитана барона фон Нессенода, который

потопил тысячу пятьдесят моих барок, тридцать одну галеру, одиннадцать торговых судов, да еще освободил пятнадцать тысяч пленных. Это для меня счастливый день! Думаю, что мы одним камнем подбили двух птиц, как говорят французы.

Анжелика энергично возразила, что на Мальте она оказалась только потому, что одна из галер Ордена подобрала ее, когда по пути с Крита ей грозило кораблекрушение.

— Так вы плыли с Крита? Что вы там делали?

— Практически то же самое, что делаю здесь, — отозвалась она с некоторой горечью, — я была в плену у христианского пирата, была продана как рабыня. Но мне удалось бежать, — она с вызовом взглянула на него.

— Так вы та самая французская рабыня, которую Рескатор купил за астрономическую цену и которая сбежала от него в ту же самую ночь?

— Да, это в самом деле я и есть.

Меццо-Морте рассмеялся, хлопая себя по бедрам и притоптывая. Два его пажа подражали ему. Затем, успокоившись, он спросил, как ей удалось бежать от средиземноморского колдуна.

— Я устроила пожар в гавани, — ответила Анжелика.

— Так это тот самый пожар, о котором столько говорили? — Его глаза блестели от радости. Он еще раз спросил, правда ли, что Рескатор победил на торгах константинопольского султана и Мальтийский орден, которые подняли ее цену до двадцати пяти тысяч пиастров.

— Но почему вы не подождали немного, чтобы вкусить все наслаждения от этого проклятого пирата? Разве он не обещал осыпать вас драгоценностями?

— Меня не интересуют такие вещи, — отвечала Анжелика. — Я рискнула отправиться на

Средиземноморье не для того, чтобы стать одалиской христианского пирата — или мусульманского, — а чтобы разыскать своего мужа, с которым была разлучена десять лет назад и которого я считала умершим.

Меццо-Морте опять разразился смехом, и Анжеликой начала овладевать паника. Не сумасшедший ли он? Смех адмирала теперь стал истерическим, и хотя он время от времени и стихал, адмирал вновь разражался хохотом, развеселившись от новых подробностей ее приключений.

— Это она самая, — проговорил он сквозь смех. — Ты слышишь, Али Хаджи, это она самая!

Араб тоже рассмеялся, но более осторожно.

Анжелика терпеливо принялась повторять то, что уже говорила им, надеясь таким образом вернуть им способность соображать. У нее есть деньги, и она могла бы послать выкуп из Франции. Меццо-Морте возместил бы расходы на экспедицию к острову Кам.

Итальянец оборвал смех.

— Так вы понимаете, что это была засада? — резко спросил он.

Она кивнула. Меццо-Морте поднял палец и заявил, что за всю свою долгую жизнь моряка и пирата он еще не встречал женщин, которые, как она, умели бы видеть вещи в их истинном свете, несмотря на плен и переживания.

— Это та самая, Али Хаджи. Та самая француженка, которая свела с ума д'Эскранвиля и которую Рескатор купил за самую высокую цену, когда-либо уплаченную за рабыню, — и тут же потерял ее из-за пожара, который она устроила в гавани. Ха-ха-ха-ха!..

Он следил за Анжеликой, как ястреб. Меццо-Морте был грубой натурой, но он умел сочувствовать другим и благодаря этому сразу приобретал власть над людьми. От него не ускользнул жалкий вид пленницы — обожженное солнцем лицо, изжеванное платье,

спутанные волосы. Его черные глаза заблестели, как агаты, и сверкающие зубы обнажились в кривой усмешке:

— Теперь мне понятно, — мягко сказал он. — Да, конечно, это та самая, Али Хаджи, — та самая женщина, описанная в письме, которую он купил в Кандии. Какой подарок судьбы! Теперь этот Рескатор у меня в руках! Теперь он приползет ко мне. Я нашел брешь в его броне, ту самую, которая есть у всех дураков — женщина! Так он думает, что может властвовать над нами, вмешиваться в нашу торговлю как хозяин! Если бы не он, я сейчас был бы адмиралом султана, но я знаю, какую медвежью услугу он оказал мне при дворе султана. Пусть себе продолжает скрываться по всему морю от Марокко до Константинополя, пусть золото течет в его руки, пусть дружит со своими союзниками, но я, и никто другой, усмирю его в конце концов. Ему придется убраться со Средиземного моря. Он должен будет уехать и больше не возвращаться! — он возбужденно поднял руки. — Теперь я буду хозяином. Я одолею Рескатора, своего смертельного врага!

— Мне кажется, у вас много врагов, — сказала Анжелика с некоторым сарказмом. От ее тона тиран перестал смеяться.

— Да, — сказал он холодно, — у меня их много, и скоро вы увидите, как я с ними поступаю. Я начинаю понимать, каким образом д'Эскранвиль чуть не свихнулся из-за вас, хотя он был не больно силен на голову. Садитесь.

Она не села, а упала на указанную им бархатную кушетку. Голова у нее кружилась. Адмирал Алжира сел напротив нее, скрестив ноги, и протянул ей свою коробку с пастилой. Анжелика чувствовала себя настолько уставшей и обессиленной, что нетерпеливо потянулась за угощением, но не успела она достать до коробки, как тут же отдернула руку, взвизгнув от боли.

На руке тянулись четыре длинные глубокие царапины, оставленные алыми ногтями одного из любимчиков адмирала.

Эта сцена, казалось, вернула Меццо-Морте хорошее расположение духа.

— О-го-го! — произнес он со смехом. — Вы заставляете моих ягнят ревновать. Они не любят видеть меня так близко от женщины, предлагающего ей свое расположение, которое, как они считают, всецело должно принадлежать им. Ну, это на меня не очень похоже. Никаких женщин! — Вот как делаются великие вожаки — и великие евнухи. Женщины означают расхлябанность, слабость, скороспелые идеи, плохую подготовку. Они — источник всех глупостей, которые делают мужчины. Без них мужчина может быть колоссом. Однако способ, которым евнухи избегают искушения, кажется мне чересчур радикальным. Я всего-навсего чуточку изменил свои вкусы, — он снова рассмеялся и погладил курчавую голову своего свирепого маленького фаворита, негритенка со щедро раскрашенным лицом. Другой любимчик был белым и черноглазым — без сомнения, испанцем. Эти дети, захваченные на берегах Средиземного моря, были обречены забыть свою религию, по доброй воле или по принуждению. Действуя то лаской, то угрозами, хозяин неумолимо заставлял их отречься от своей веры, подвергнуться обрезанию и произносить священное откровение: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его». Новообращенные затем продолжали служить игрушками у султанов и пашей.

— Эти ребята — фанатики, — объяснил Меццо-Морте, — и преданы мне душой и телом. Одно мое слово — и они набросятся на вас, как волки, и растерзают на мелкие кусочки. Взгляните, как они смотрят на вас. Когда они оказываются на борту христианского

корабля, они буквально купаются в крови христиан. Видите ли, им запрещено пить вино...

Анжелика была слишком измождена, чтобы изображать безразличие. Меццо-Морте обиженно наблюдал за ней, потому что она совсем недавно сильно задела его, а он был не таким человеком, который легко прощает оскорбления.

— Вы горды, — произнес он, — а гордость в женщинах я ненавижу столь же сильно, как и христиан. Они не имеют права быть гордыми, — и он снова принялся дико хохотать, как будто не в силах остановиться.

— Над чем вы смеетесь? — спросила Анжелика.

— Из-за того, что вы столь горды, столь высокомерны. И потому, что я знаю, что вас ждет! Поэтому я и смеюсь. Теперь поняли?

— Должна признаться, что нет.

— Неважно. Скоро поймете.

Этой ночью Анжелика спала на борту одной из галер Меццо-Морте, стоявшей на якоре в гавани. С ней была Фатима-Мирела.

Анжелика отдала ей один из собственных браслетов и попросила остаться с ней на ночь, потому что ей не давала покоя ревность мальчиков в желтых тюрбанах, охранявших судно. Старуха легла на циновку у двери, а Анжелика вскоре заснула мертвым сном — настолько она устала.

На следующий день маленькая процессия двигалась по извилистой дороге от гавани к одним из ворот города. С одной стороны улицы тянулись валы, с другой ее ограничивали навесы, разделенные узкими переулками, в которых можно было видеть лучи опускающегося солнца. Анжелика, шедшая за Меццо-Морте и его неизменной охраной, то и дело спотыкалась об острые камни. Они остановились у ворот Баб-Азун,

где офицеры стражи низко склонились перед Меццо-Морте, который часто инспектировал гарнизон. Однако цель его теперешнего визита была иной. Казалось, он чего-то ждет.

Вскоре после их прибытия с близлежащей улицы показался негр верхом на лошади в сопровождении черных телохранителей. Он спешился и поклонился Меццо-Морте, который вернул ему еще более низкий поклон.

Итальянец, видимо, с почтением относился к чернокожему принцу, занимавшему более высокое положение. Они обменялись несколькими приветствиями и изъявлениями дружбы на арабском языке, затем повернулись к пленнице. Протянув перед собой руки, негр снова поклонился ей, а довольные глаза Меццо-Морте насмешливо блеснули.

— Я забыл, — воскликнул он, — правила обхождения при дворе короля Франции. Я еще не представил вам, мадам, моего друга Османа Фараджи.

Анжелика думала, что и сама должна была бы понять, что это евнух, потому что заметила мягкие линии его фигуры и высокий голос. Все же он был далеко не таким жирным, как многие другие евнухи, например, как шестеро его черных телохранителей, чьи щеки и двойные подбородки делали их похожими на увядших старух.

Значит, это был Осман Фараджи, главный евнух султана Марокко!

Она слышала о нем, но не могла вспомнить, где и от кого, а сейчас она слишком устала, чтобы задавать вопросы.

— Мы ждем еще одного человека, — сказал ей Меццо-Морте. Он ликовал, как режиссер спектакля, в котором каждое действующее лицо вовремя появлялось и уходило со сцены. — А вот и он!

Это был Мохаммед Раки, которого Анжелика не видела со времени боя у острова Кам. Араб даже не взглянул на нее, а простерся ниц перед адмиралом Алжира.

— Теперь можно двигаться, — сказал Меццо-Морте.

Они оставили город и направились на запад, и жар раскаленного солнца бил им прямо в лицо. Холмы перед ними были красными в свете заката. Тропа привела их к остроконечному утесу, который, как казалось в неверном свете, обрывался прямо в преисподнюю. Воздух около утеса был нездоровым и казался еще более нездоровым от криков чаек, ворон и хищных птиц, кружившихся около утеса и отбрасывавших в вечерних сумерках зловещие тени.

— Вон! — Меццо-Морте указывал вперед, на небольшую кучу булыжников, лежавшую на косогоре, но Анжелика не могла понять, на что он указывает. — Вон там! — повторил он. Наконец она разглядела над грудой железных обломков белую человеческую руку. — Здесь лежат рыцари, которые командовали вашей галерой. Местные жители привели их сюда и в час вечерней молитвы забили камнями до смерти.

Анжелика перекрестилась.

— Перестаньте! — закричал пират-ренегат. — Вы принесете несчастье городу!

Он вновь двинулся вперед, и вскоре они подошли к высокой стене цитадели. Стена сверху донизу была усеяна железными прутьями, изогнутыми наподобие рыболовных крючков, чтобы жертвы, сбрасываемые со стены, цеплялись за них и висели, пожираемые заживо хищными птицами. Даже теперь эти отвратительные создания раздирали тела двух несчастных.

Анжелика уже готова была отвернуться, но Меццо-Морте приказал ей смотреть как следует.

— Зачем? — спросила она. — Или такая же судьба ожидает и меня?

— Нет, — ответил он со смехом. — Было бы жалко. Я не знаток, но такая женщина, как вы, должна служить более высокой цели, чем украшать стену Алжира и удовлетворять аппетит стервятников и бакланов. Но присмотритесь как следует. Не узнаете ли вы одного из них?

Была ужасная минута, когда Анжелика подумала, что это, наверное, Савари. Преодолев отвращение, она взглянула на стену и с некоторым облегчением увидела, что тела принадлежали маврам.

— Прошу прощения, — сказала она с иронией, — но я не разделяю вашего удовольствия при виде этих трупов. Они никого мне не напоминают.

— Тогда я назову вам их имена. Левый — это Али Мектуб, арабский ювелир из Кандии, которому вы дали письмо для своего мужа. А, я вижу, «мои» трупы начинают привлекать ваше внимание. Не хотите ли знать имя второго? — Она пристально посмотрела на него. Он играл с ней, как кошка с мышью, причмокивая губами. — Ну так это Мохаммед Раки, его племянник.

Анжелика вскрикнула и повернулась к человеку, который явился к ней в гостиницу на Мальте и который в этот момент представлялся ей вполне живым.

— Я знаю, что вы думаете, — сказал Меццо-Морте. — Все очень просто. Это — шпион, которого я послал к вам. Фальшивый Мохаммед Раки. Настоящий — висит там, на стене.

— Почему? — только и смогла выговорить Анжелика.

— Как любопытны женщины, всегда задают вопросы! Но я буду примерным мальчиком и расскажу вам. Не будем терять время на историю о том, как это письмо попало в мои руки. Я прочел его, узнал, что знатная французская дама разыскивает своего мужа, который пропал несколько лет назад, и что она готова на все и поедет куда угодно, лишь бы найти его. Мне пришла в голову одна мысль. Я спросил Али Мектуба:

красива ли женщина? Богата? Да. И я решил. Я захвачу ее. Нужно было только расставить сеть, используя мужа в качестве приманки. Я допросил племянника Мохаммеда Раки. Он знал этого человека и долгое время работал у него в Тетуане, где его купил старый алхимик, чьим помощником, а потом и наследником он стал. Этого человека нетрудно было узнать: лицо со шрамами, высокий, худой, хромой. И уж полной удачей было то, что он дал Мохаммеду Раки камень, который его жена не могла не узнать. Мой шпион внимательно все выслушал и взял камень. Оставалось только найти женщину, которая тем временем могла быть продана в Кандии. Но вскоре я узнал про нее. Спасшись от Рескатора, который заплатил за нее 35 тысяч пиастров, она оказалась на Мальте.

— Кажется, я сама говорила вам об этом.

— Нет, я уже все знал, но мне было весело услышать это еще раз. Ну, а дальше все было чрезвычайно просто. Я послал к вам на Мальту своего шпиона под именем Мохаммеда Раки, а мы устроили западню на острове Кам, и вы в нее попались благодаря сообщникам, которых мой шпион протащил на ваш корабль. Как только почтовый голубь принес мне известие о том, что западня захлопнулась, я предал Али Мектуба и его племянника смерти.

— Почему? — едва слышно спросила Анжелика.

— Мертвые не болтают, — ответил Меццо-Морте с циничной самодовольной усмешкой.

Анжелику передернуло. Она так сильно ненавидела и презирала его, что перестала бояться.

— Вы подлец, — сказала она. — Больше того, вы лгун. В вашей истории не сходятся концы с концами. Вы стараетесь заставить меня поверить, что для захвата женщины, которой вы не видали и размера выкупа за которую вы не могли оценить, вы отправили флот из шести галер и тридцати фелук и лодок. А в бою у

острова Кам потеряли как минимум две команды. Не считая боеприпасов, вы потратили более ста тысяч пиастров ради одной пленницы! Легко поверю, что вы настолько жадны, но не в то, что вы настолько глупы.

Меццо-Морте внимательно выслушал ее, полуприкрыв глаза.

— Откуда вы знаете эти цифры?

— Я умею считать.

— Из вас получился бы хороший судовладелец.

— Я и есть судовладелец. У меня есть судно, которое торгует с Вест-Индией. О, умоляю вас, послушайте. Я очень богата и могу — в самом деле могу, не без затруднений, но могу — заплатить вам баснословный выкуп. Чего еще вы желали, когда брали меня в плен? Возможно, это было ошибкой с вашей стороны, и вы, быть может, уже жалеете об этом.

— Нет, — ответил Меццо-Морте, плавно покачивая головой. — Это не было ошибкой, и я не сожалею об этом. Наоборот, я поздравляю себя.

— Говорю вам — не верю! — в ярости закричала Анжелика. — Пускай вы убили двух рыцарей Мальтийского ордена, своих злейших врагов, но это не оправдывает ваших планов относительно меня, вы даже не были уверены, что я отправлюсь в плавание на мальтийской галере. И почему вы были уверены, что уловка с мужем завлечет меня в ловушку? Вы полагались только на мою глупость, что я поверю вашему шпиону и его неубедительным доказательствам. Я могла бы заподозрить неладное и потребовать подтверждения — письма, написанного рукой моего мужа.

— Я думал об этом, но это было невозможно.

— Почему?

— Потому что он мертв, — ответил Меццо-Морте. — Да, ваш муж — или ваш предполагаемый муж — умер от чумы три года назад. В Тетуане умерло более десяти

тысяч человек. Хозяин Мохаммеда Раки, ученый старый христианин по имени Пейрак, окончил там свой жизненный путь.

— Не верю! — сказала она. — Не верю! Не верю! — она кричала прямо ему в лицо, чтобы воздвигнуть барьер между своими надеждами и отчаянием, которое вызывали его слова. «Если я сейчас заплачу, все потеряно», — подумала она.

Юные телохранители адмирала, никогда раньше не видевшие, чтобы кто-нибудь так разговаривал с их хозяином, забеспокоились и положили руки на рукоятки кинжалов.

— Вы не сказали мне всего.

— Может, и не сказал. Но я не собираюсь говорить больше.

— Отпустите меня! Я заплачу выкуп.

— Нет. За все золото мира, вы слышите, за все золото мира я не сделаю этого. Я вижу только одно богатство — власть. И вы для меня — средство ее достигнуть. Поэтому расходы, которые я понес, чтобы захватить вас, ничего для меня не значат. Вам это необязательно понимать.

Анжелика подняла глаза на стену, почти неразличимую в темноте. Мохаммед Раки, насаженный там на крюк, был единственным известным ей человеком, который знал Жоффрея де Пейрака в его второй жизни, и теперь он никогда больше не заговорит!

«Если бы я поехала в Тетуан, — подумала она, — я могла бы найти еще кого-нибудь, кто его знал. Но для этого мне нужна свобода».

— Вот какова ваша судьба, — продолжал Меццо-Морте. — Теперь, когда я вижу, что ваша красота именно такова, как мне описывали, я собираюсь включить вас в число подарков, которые я посылаю с его превосходительством Османом Фараджи моему

самому дорогому другу султану Мулаи Исмаилу. Теперь я передаю вас его превосходительству. Он научит вас быть не столь гордой. Вот для чего нужны евнухи. К сожалению, в Европе не держат евнухов.

Анжелика едва слышала его. Она поняла смысл его слов, только увидев, как он удаляется вместе со своими телохранителями, и почувствовала руку главного евнуха на своем плече.

— Будьте добры следовать за мной, мадам.

Без звука, без жеста, просто спокойно и покорно следовать за ним. Негры направились к воротам Вабэль-Вед.

Ночь была совершенно спокойной. Лунный свет отбрасывал кружевную тень кованой железной решетки в окне на пол ее комнаты. Воздух пах мятой и чаем. Анжелика очнулась от прострации и села. Тишину вдруг пререзал удаленный вопль, как будто крик животного, попавшего в ловушку.

Ловушка захлопнулась за ней. Как и во многих других случаях, когда импульсивность заводила ее в безнадежные положения, Анжелика сердилась сама на себя. Как раскаленное железо, ее мозг пронзала мысль о том, что сказала бы мадам де Монтеспан, знай она о судьбе, постигшей ее соперницу: «Мадам дю Плесси-Белльер... вы слышали? Ха-ха-ха! Попала к берберам! Ха-ха-ха! Говорят, адмирал Алжира послал ее в подарок султану Марокко. Ха-ха-ха! Разве это не смешно? Бедняжка...» — в ее ушах звучал насмешливый голос прекрасной Атенаис. Анжелика вскочила и огляделась в поисках чего-нибудь, что можно было бы разбить о стену. В комнате ничего не было — бедная монашеская келья, лишенная всяких удобств, даже дивана с подушками, и содержащая лишь подстилку из соломы, на которую ее бросили. Здесь не было даже окна — только это отверстие, забранное кованой железной

решеткой. Анжелика ухватилась за нее и принялась трясти.

К ее удивлению, она поддалась с первого же прикосновения. Сначала с опаской, а затем быстрее Анжелика пролезла через окно в коридор, открывшийся перед нею.

Темная фигура евнуха выступила из тени и последовала за ней. Поднявшись по лестнице, она столкнулась с другим евнухом с пикой, который преградил ей путь.

С неожиданной силой Анжелика оттолкнула его, но он схватил ее за талию. Она ударила его по обвисшим щекам, обхватила за шею и швырнула на пол. Оба евнуха, визжа, как обезьянки, бросились за ней вниз по лестнице, где ее поджидали три других негра, с которыми она уже не смогла справиться. Их визгливые голоса зазвучали еще выше, когда она, как тигрица, бросилась на них. Однако они быстро одолели ее. Одна из этих бесформенных глыб жира крутила хлыстом, длинный ремень которого был завязан узлами, яростно визжа, что она получит жестокий урок хорошего поведения.

Осман Фараджи, которого позвали, чтобы он прекратил скандал, жестом приказал ему опустить хлыст, но евнух продолжал кричать, что настало время примерно наказать эту строптивую рабыню. Не обращая на него внимания, Осман Фараджи перевел взгляд на Анжелику и мягко сказал по-французски:

— Не хотите ли чаю? или лимонаду? Не хотите ли, чтобы вам принесли шашлыков? или голубинового паштета с корицей? или миндальных пирожных? Должно быть, вы хотите и пить, и есть.

— Я хочу свободы, — заявила Анжелика. — Я хочу видеть небо. Я хочу выйти из этой тюрьмы.

— Если это все, — мягко ответил главный евнух, — то, пожалуйста, следуйте за мной.

Стражники были безмерно счастливы видеть, как ее уводят от них. Она начала наводить на них ужас.

Они снова поднялись по узкой лестнице, потом еще по одной, и еще, и еще — пока наконец она не оказалась на поднимающейся уступами плоской крыше под простирающимся во всю свою ширину звездным небом. Серебряный свет пронзал холодный туман, поднимавшийся с моря, и превращал его в голубоватое покрывало, скрывавшее от взгляда все предметы, даже купол ближайшей мечети. В лунном свете минареты выглядели почти прозрачными, и от этого у нее слегка кружилась голова — в изменчивом свете ей казалось, будто они покачиваются.

Осман Фараджи внимательно наблюдал за Анжеликой. Как будто это внезапно пришло ему в голову, он предложил:

— Не хотите ли турецкого кофе?

Ноздри Анжелики вздрогнули. Она сразу поняла, что именно этого ей и не хватало с тех пор, как она оказалась в Алжире.

Не ожидая ее согласия, Осман Фараджи хлопнул в ладоши и что-то коротко приказал. Через несколько мгновений раскатали ковер, вокруг него разложили подушки. Внесли низкий столик, и аромат кофе сразу же смешался с запахом жасмина, доносящимся из теплого мрака.

Осман Фараджи отпустил рабов. Сидя со скрещенными ногами против Анжелики, он сам взялся прислуживать ей, предлагая обычный красный перец, а также абрикосовый ликер. Но она предпочла пить его только с небольшим количеством сахара. Она прикрыла глаза и погрузилась в глубокую ностальгию.

«Запах кофе напоминает мне Кандию... и зал для аукционов, где его аромат смешивался с табачным дымом... Хотела бы я вновь оказаться в Кандии, чтобы снова повторилась та минута, когда чья-то рука

подняла мою голову... И я вознеслась на крыльях блаженства... И кофе пах так сладко. Тогда, в Кандии, я была счастлива!»

Она сделала несколько глотков и расплакалась, горло ей сжали рыдания, которые она пыталась подавить. Вот уж чего она действительно меньше всего хотела — это проявлять слабость перед главным евнухом, не говоря уж об ее абсурдном признании. В Кандии она была не более чем ничтожной затравленной рабыней, выставленной на аукцион. Но в Кандии у нее еще были надежды на достижение цели. И там с ней был старый друг — трудолюбивый смешной Савари, который ободрял ее, заботился о ней, направлял ее, передавал ее письма через решетки подземной тюрьмы, подавал ей знаки из-под нищенских лохмотьев, в которые переоделся для маскировки. Где-то он теперь, бедняга Савари? Быть может, ему вырвали глаза и заставили вертеть жернов вместо осла? Или, может быть, его швырнули в море или бросили собакам? Они вполне способны на такое.

— Не понимаю, — сказал Осман Фараджи, — с чего бы вам плакать. Вы только сами сбиваете себя с толку.

— Неужели, — отвечала Анжелика, всхлипывая, — вы в самом деле не можете понять, как может рыдать женщина, оказавшаяся вдали от своего народа, да еще в тюрьме! И я не одна в таком положении. Послушайте только, как стенает любая другая женщина.

— Но вы — другое дело, — он поднял руку и помахал длинными пальцами, украшенными перстнями и ярко-алыми ногтями. — Женщина, которая свела с ума д'Эскранвиля, Грозу Средиземноморья... которая заставила дона Хосе де Альмандо, самого осторожного торговца, которого я знаю, поднять цену до двадцати пяти тысяч пиастров... которая удрала от не знающего поражений Рескатора... которая осмеливалась выкрикивать оскорбления прямо в лицо Меццо-Морте...

Это уже рекорд. Такая женщина, мадам, не плачет и не впадает в прострацию.

Анжелика немного посопела, нашла носовой платок и допила остывший к этому времени кофе. В конце концов восхищенная речь Османа Фараджи произвела впечатление, и ее настроение поднялось.

— Не хотите ли фисташковых орешков? Они привезены из Константинополя. Хороши?

Анжелика разгрызла один орешек и заявила, что пробовала лучше.

— Где? — спросил Осман Фараджи с интересом. — Не помните ли вы имя и адрес человека, у которого вы их покупали? — Он добавил, что на его ответственность возложено удовлетворение вкусов сотен женщин Мулаи Исмаила. Благодаря его усилиям гаремы Мулаи Исмаила были обставлены самыми роскошными вещами в Берберии. Когда она попадет в Мекнес, она сможет увидеть все сама.

Анжелика встала, сжав кулаки:

— Я никогда не окажусь в Мекнесе. Я хочу получить свободу.

— И что вы будете с ней делать?

Этот вопрос был задан так легко, что охладил Анжелику. Она могла бы воскликнуть, что хочет вернуться к своему народу и вновь увидеть родную землю, но вдруг поняла, что не знает, чего она теперь хочет, и самое ее существование показалось ей никчемным. У нее не оставалось привязанностей, кроме двух ее сыновей, но и тех она покинула ради своих безумных планов.

— Здесь или там, — говорил главный евнух, — куда бы ни послал нас Аллах, давайте вкушать радости жизни. Женщины отлично умеют приспособливаться. Вам страшно потому, что у нас черная или коричневая кожа, наш язык непонятен вам, но что в нашей жизни такого, что могло бы испугать вас? Вы боитесь, мадам,

потому что вы не знаете, что такое Ислам. Как и все другие христиане, вы считаете нас дикарями. Вы увидите наши великие города на северном побережье Марокко, Фес, название которого означает «золото», и Мекнес, султанскую крепость, которая выглядит так, будто вырублена из слоновой кости. Наши города красивее и богаче, чем ваши.

— Не может быть. Вы не знаете, что говорите. Нельзя сравнивать Париж с этим набором белых кубических зданий, — она повернулась в сторону Алжира, лежащего во сне далеко под ними, и замолкла. Это был непостижимый мир, существующий вне времени и пространства, а лишь во сне, — город, построенный с помощью волшебства из полупрозрачного фарфора и лежащий в лунном свете у аметистового моря. Подлинный сон, скрывающий за показной мишурой пиратского правления неторопливую, созерцательную душу Ислама.

— Не нужно пугаться, — сказал Осман Фараджи. — Будьте послушной, и никто не причинит вам вреда. Я дам вам время привыкнуть к нашей исламской жизни.

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к тому, как дешево у вас ценится человеческая жизнь.

— Заслуживает ли человеческая жизнь такого внимания? Правда, христиане на удивление боятся смерти и мучений, и поэтому мне кажется, что ваша религия мало что делает, чтобы приготовить вас к встрече с Господом.

— Меццо-Морте говорил мне нечто подобное.

— Он всего лишь вероотступник, мусульманин по профессии, — сказал главный евнух, не скрывая презрения. — Но мне хочется верить, что его привлекло к нам нечто большее, чем страсть к деньгам и жажда власти. Быть может, это та свобода веры, которая придает вкус и жизни, и смерти, а не страх перед тем или другим, как у вас, христиан.

— Очень жаль, что вы никогда не сможете стать священником, Осман-бей. Вы произнесли хорошую проповедь. Надеетесь обратить меня?

— У вас не будет выбора. Вы станете мусульманкой просто потому, что будете одной из жен нашего великого повелителя Мулаи Исмаила.

Анжелика прикусила губу, чтобы удержаться от дерзкого ответа, но про себя подумала: «Не очень-то рассчитывай на это!».

Этот марокканский дьявол во плоти, которого ей сулили, был, по счастью, еще далеко. Так или иначе, она должна найти какие-нибудь пути к освобождению. И найдет их! Осман Фараджи правильно сделал, что пригласил ее выпить с ним кофе.

И вскоре после этого она нашла мэтра Савари — верный знак, что небеса не оставили ее.

Заведение, в котором марокканцы останавливались в Алжире, было больше гостиницы в Кандии, но точно так же совмещало в себе гостиницу и склад товаров. Оба были построены по одному образцу: большой прямоугольник, обрамляющий окруженный колоннадой внутренний дворик с садом из олеандровых, лимонных и апельсиновых деревьев и тремя фонтанами. Здесь был лишь один вход, постоянно охранявшийся вооруженными солдатами. Ни одно окно не выходило на улицу, все наружные стены были сплошными. Плоские крыши представляли собою нечто вроде плаца для часовых, постоянно дежуривших наверху. Часть первого этажа была отведена под стойла, и Анжелика однажды забрела туда, чтобы посмотреть на верблюда и других диковинных вьючных животных.

Неожиданно охапка соломы отлетела в сторону, и перед ней предстала сутулая фигура старого аптекаря, одежда которого стала еще более изодранной, чем прежде.

— Савари! О, дорогой мой Савари! — прошептала она, пытаясь обуздать охватившую ее радость. — Что вы здесь делаете?

— Когда я выяснил, что вы в руках главного евнуха, я не знал покоя, пока не оказался к вам как можно ближе. Мне повезло — меня купил турецкий носильщик, который получил привилегию заботиться об этих конюшнях и являлся такой важной персоной, что должен был иметь раба, чтобы тот убирал за него. Так я и оказался здесь.

— Что с нами будет, Савари? Меня собираются отправить в Марокко, в гарем Мулаи Исмаила.

— Не беспокойтесь. Марокко — очень интересная страна, и я уже давно хотел вернуться туда. У меня там много старых друзей.

— Еще один сын? — спросила Анжелика со слабой улыбкой.

— Нет. Двое! Должен признаться, что в Алжире у меня нет отпрысков, а это делает наши шансы на освобождение весьма сомнительными. С вами хорошо обращаются?

— Осман Фараджи очень внимателен ко мне. Я достаточно свободна. Я могу ходить по этому заведению и даже выходить из женской половины. Это в самом деле еще не гарем, Савари. Но море так близко — разве это не удобный случай для бегства?

Савари только вздохнул, взял свою метлу и опять принялся подметать. В конце концов он спросил ее, что случилось с Мохаммедом Раки. Анжелика ответила, добавив, что теперь все ее надежды разбились. Она хочет только одного — бежать и вернуться во Францию.

— Все хотят бежать, — согласился Савари, — но лишь затем, чтобы потом пожалеть об этом. В том-то и волшебство Ислама. Вы и сами это увидите.

В тот же вечер Осман Фараджи осведомился у нее, кем ей приходится старик-христианин — тот раб,

который чистит конюшни: отцом или, может быть, дядей или еще каким родственником. Анжелика вспыхнула, обнаружив, что за ней так внимательно следят, даже когда она считала себя свободной от наблюдения. Она ответила, что старик был ее спутником в путешествии, что он очень нравится ей, что он очень ученый человек, но мусульмане приставили его чистить конюшни, желая унижить его, потому что он христианин. Должно быть, таким образом они демонстрируют свою власть — ставят хозяина в положение слуги.

— Вы ошибаетесь, — ответил он, — как и все остальные христиане. Коран гласит: «В судный день чернила ученого перевесят порох солдата». Этот почтенный старик врач?

После утвердительного ответа лицо главного евнуха просветлело. Исландский раб болен, как и карликовый слон, которого он ведет к султану, а это один из самых дорогих подарков. Жаль, если они будут плохо себя чувствовать еще до отплытия из Алжира.

Савари повезло, и он сумел унять лихорадку у обоих больных с помощью лекарства собственного изготовления. Анжелика удивлялась, каким образом ему удалось пронести в своих карманах через все несчастья так много порошков, пилюль и одному ему известных трав. Главный евнух дал ему приличную одежду и включил в число своих подчиненных.

— Видите, — говорил Савари, — всегда начинают с того, что хотят выбросить меня в море или отдать на съедение собакам, а потом не могут без меня обходиться.

Анжелика уже не была одинокой.

Глава 17

Общество главного евнуха и беседы с ним по-прежнему интересовали Анжелику. Он, казалось, проявлял особый интерес к рабыне-француженке, и она, как ни старалась удержаться, не могла не льстить себя надеждой. Она не знала, до какой степени этот холодный рассудочный негр может стать ее другом и союзником. Пока что она полностью зависела от него.

Он показал себя очень приятным учителем, терпеливым и умелым, и Анжелика вскоре обнаружила, что получает удовольствие от его уроков. Они были для нее чем-то вроде развлечения, а она понимала, что знание арабского языка не может принести ей ничего, кроме пользы, и может содействовать достижению цели и даже — в один прекрасный день — побегу.

Но как? И когда? И куда? Этого она не знала. Она цеплялась за мысль, что раз у нее остались ее способности и сама жизнь, она в конце концов сумеет сбежать. Но ради чего бежать и какая судьба ждет ее после побега — эти вопросы были слишком глубоки, чтобы она в них вдавалась. А пока длилось ожидание — ей приходилось переносить свой удел привилегированной пленницы.

Среди многих вещей, к которым ей нужно было привыкнуть, было то, что ее понятия о времени были совершенно бесполезными на Востоке. Так, когда главный евнух снова и снова повторял ей, что они «немедленно собираются отправляться» в Марокко, Анжелика понимала его буквально. Каждый день она ожидала, что ее усадят на караванного верблюда. Но проходили день за днем, и Осман Фараджи все так же ругал ленивых и вороватых алжирцев, но ничем не проявлял намерений оставить город, в котором, по его

словам, воров было больше, чем евреев или христиан. Каждый раз, когда их отправление уже казалось неизбежным, какие-то таинственные причины — если, конечно, они вообще существовали, — заставляли отменять приказ об отправлении, и Осман Фараджи оставался ждать какого-то нового знака или знамения.

Одной из причин задержки было здоровье карликового слона, который, по мнению Османа Фараджи, должен был восхитить Мулаи Исмаила, питавшего страсть к редким животным. Каждый день советовались с Савари, игравшим новую для него роль ветеринара. И к тому же шла непрерывная торговля по поводу покупки других подарков для султана.

Анжелика прислушивалась ко всем этим препирательствам из-за мелочей, которые, по ее мнению, недалеко ушли от женской болтовни. Иногда ее удивляло, как она могла вначале принимать этого негра всерьез. Ей казалось, что он хитер, как всякий уличный торговец, и болтлив и капризен, как женщина. У нее создавалось впечатление, что он непрерывно хитрит и изворачивается, как бы движется ощупью.

— Не заблуждайтесь, — сказал ей Савари, с которым она поделилась своими впечатлениями. — Этот Осман Фараджи — один из тех, кто сделал Мулаи Исмаила султаном Марокко. А сейчас он занят тем, что старается сделать его главой всего Исламского мира, а может быть, и Европы. Относитесь к нему с почтением, мадам, и молитесь небо, чтобы оно помогло нам спастись из лап султана.

Анжелика вздрогнула. Савари говорил так же, как безумный д'Эскранвиль. Возможно, у него началось размягчение мозгов, что позволительно после стольких перенесенных испытаний. В самом деле, разве не странно, что изобретательный старый аптекарь, обычно затевавший какие-то тайные дела, вручает себя на

милость господ. Но, может быть, их нынешнее положение представляется ему чрезмерно серьезным.

Савари как «муканга», то есть ветеринар, мог свободно бродить по городу. Шныряя по лавкам и базарам в поисках трав и снадобий, необходимых для приготовления лекарств, он собирал обильный урожай новостей от недавно попавших в неволю рабов. В Алжире, где постоянно находились люди со всех уголков Европы, можно было собрать больше информации, чем получали короли Франции, Англии и Испании. Но эти бесчисленные невольники никогда не видали хромого человека со шрамом на лице, носящего имя Жоффрей де Пейрак.

Он сумел определенно установить, что он появлялся на Средиземноморье, но уже много лет как исчез, казалось, всякий след. Можно ли принять на веру слова Меццо-Морте, что граф умер от чумы? Мысль об этой возможности приносила ей некоторое успокоение, потому что неопределенность — худшая из пыток. «Я слишком полагаюсь на свои надежды...»

Иногда ей казалось, что она лучше понимает Савари. Долгие годы единственной целью его жизни была погоня за «ископаемым мумие». Совершенный им подвиг — пожар в Кандии — был для него всего только опытом. Как и ее, его вела вперед слепая судьба. Не является ли в конце концов жизнь не чем иным, как бесплодными поисками чего-то, что никогда не будет найдено? Нет. Она не хочет размягчаться в золотой клетке, куда ее теперь посадили. Она хочет освободиться. Именно это и есть ее цель. Тогда она сможет найти новые следы своего мужа или, если придется, убедиться, что он умер. А тем временем она не может позволить себе быть игрушкой в руках случая. Но сначала ей нужно овладеть арабским языком — это самый верный путь к освобождению.

И она с новым усердием набросилась на пергаменты, полученные от Османа Фараджи, стараясь усвоить странные знаки, изображавшие звуки восточного языка. Однако каждый раз, когда она чувствовала на себе взгляд главного евнуха, ее рука начинала дрожать. Она частенько забывала, что он всегда с ней, похожий на священника, таинственный, сидит, скрестив под складками длинной белой шерстяной одежды свои длинные ноги.

— Сила воли — таинственное и опасное оружие, — заметил он.

Анжелика взглянула на него с внезапно вспыхнувшей злобой. Каждый раз, произнося такие замечания, он, казалось, читал ее мысли.

— Вы считаете, что лучше плыть по воле жизни и событий, как раненая собака, плывущая по течению?

— Наша судьба не в наших руках. Что написано, то написано.

— Вы имеете в виду, что никто не может изменить свою судьбу?

— Нет, может, — спокойно произнес он. — Каждое человеческое существо обладает неограниченными возможностями для противодействия судьбе. Поэтому я и говорю, что сила воли — таинственное и опасное оружие. Это — сила воли. Она опасна тем, что человек часто слишком дорого платит за достигнутые результаты. Поэтому христиане, которые используют свою волю для авантур и для достижения дурных целей, всегда сражаются со своей судьбой и навлекают на свои головы несчастья, на которые непрерывно жалуются.

Анжелика покачала головой:

— Не могу понять вас, Осман-бей. Мы принадлежим к разным мирам.

— Нельзя постичь мудрость за один день, особенно если вырос среди глупости и не приучен к логике. Но ты

прекрасна и добра, и тебя я хочу защитить от несчастий, которые не замедлят обрушиться, если ты будешь упорствовать и поворачивать судьбу, как ты понимаешь ее, не остерегаясь всего, что приготовил тебе Аллах.

Анжелика хотела отвернуться от него и гордо ответить, что невозможно сравнивать образование, основанное на Коране, с богатым наследием греческой и римской классики. Но она чувствовала себя неуверенно, как будто оказалась во власти ясного, спокойного духа, который обладал даром освещать лучами яркого света темные закоулки ее судьбы и который вел ее, не давая ей оставаться самой собой.

— Осман-бей, вы пророк?

Улыбка, скользнувшая по губам главного евнуха, не была лишена любезности:

— Нет, я всего лишь человеческое существо, освобожденное от страстей и желаний, которые так часто мешают людям видеть. Но я хочу, чтобы ты, Фируоси, запомнила прежде всего одно: Аллах всегда откликается на молитвы, если они настойчивы и праведны.

Наконец длинный караван отправился в путь, извиваясь, как гигантский червяк, и двигаясь под ярко-голубым куполом неба через пустыню к горам Орес. Он состоял из двухсот верблюдов, стольких же лошадей и трехсот ослов, не считая карликового слона и жирафа. Его возглавляло множество вооруженных всадников, большей частью чернокожих; другая группа составляла арьергард, а с обеих сторон каравана тут и там мелькали небольшие группы охраны. Это был, по словам начальника каравана, главного евнуха Османа Фараджи, самый большой и самый внушительный караван за последние пятьдесят лет.

Авангард верхом на верблюдах и конях выдвигался впереди колонны всякий раз, когда она проходила вблизи холма или лощины, чтобы проверить, не скрывается ли в складках местности опасная засада. Охрана обшаривала каждую скалу в поисках разбойников и делала знаки ружьями, не обнаружив опасности. Другим средством связи были зеркала, зайчики от которых можно было видеть из основной части каравана.

Анжелика ехала в паланкине, закрепленном между горбами верблюда. Это была огромная честь, потому что многие женщины, включая даже тех, которые были предназначены для гарема, шли пешком или ехали на ослах.

Они двигались через горы, иногда совершенно бесплодные, иногда заросшие кедрами и акацией. Носильщиками были главным образом арабы, в то время как все негры, даже десятилетние дети, ехали на лошадях и были вооружены.

Осман Фараджи был бесспорным главой этого пестрого сборища. Он медленно продвигался на белоснежном коне в облаках золотистой пыли, часто возвращаясь, чтобы осмотреть караван, поддерживать связь со своими помощниками, придержать бьющую через край энергию молодых солдат и доставить обычные освежающие напитки наиболее интересным из невольниц. Он сам вел переговоры с главарями разбойников всякий раз, когда завязавшаяся стычка угрожала принять серьезный характер. Этих разбойников было так много, что перебить их всех было бы невозможно — на это потребовалось бы слишком много боеприпасов; зачастую было лучше откупиться от них деньгами или пшеницей. Это были большей частью берберы или кабилы, горные племена или земледельцы, которых бедность вынуждала нападать на караваны, чтобы обеспечить свое существование. Однако их луки

и стрелы не шли в сравнение с мушкетами солдат правителя Марокко.

Осман Фараджи спешил достичь границ своего избранного королевства. Внушительный вид каравана и стоимость товаров привлекали к нему разбойников, как мед привлекает мух. Савари представил Анжелике список товаров, которые адмирал Алжира посылал своему самому могущественному повелителю, Мулаи Исмаилу: золотой трон, украшенный драгоценными камнями, добытый Меццо-Морте на венецианской галере, которая, в свою очередь, захватила его на пиратском корабле, идущем из Бейрута, где он был украден у шаха Персии во время его поездки по ишмаитским племенам; одно только золото этого трона стоило восемьсот тысяч пиастров. Среди подарков было также два экземпляра Корана, украшенных камнями; богато расшитый занавес с ворот Каабы; три кинжала, осыпанных драгоценными камнями; туалетный прибор, состоящий из семидесяти пяти предметов; тысяча ярдов муслина для тюрбанов; две штуки шелка из Персии и пятьсот штук венецианского шелка. Кроме того, сто мальчиков, двадцать черных евнухов из Сомали, Ливии и Судана; десять черных эфиопов и десять белых; пятьдесят арабских коней; карликовый слон в сбруе из золота и жемчуга и жираф в алой попоне; наконец, двенадцать женщин — прекраснейших представительниц всех рас.

Анжелика оценивала стоимость всех этих сокровищ не меньше чем в два миллиона ливров. Это помогло ей осознать могущество итальянца-рenegата, с которым она разговаривала так дерзко. Да, Меццо-Морте, несомненно, был могущественным человеком! Но она не дрогнула перед ним. Не дрогнет и перед Мулаи Исмаилом, какой бы ужас он не внушал. Это решение вывело Анжелику из оцепенения, охватившего ее после долгих дней тошнотворной тряски на верблюде.

Вечером ставили палатки, и дым бивуачных костров поднимался в холодную чистоту оранжево-желтого неба. Чтобы развлекать женщин, предназначенных для гарема, Осман Фараджи посылал к ним акробатов, заклинателей змей, дервиша и танцора. Слепой певец играл на крошечной гитаре и пел бесконечные баллады, прославлявшие Мулаи Исмаила.

Однажды вечером, когда слепой пел, перед Анжеликой выросла высокая фигура Османа Фараджи.

— Достаточно ли вы знаете по-арабски, — дружелюбно спросил он, — чтобы понимать слова?

— Достаточно, чтобы мне снились кошмарные сны. Ваш Мулаи Исмаил представляется мне просто кровожадным дикарем.

Осман Фараджи ответил не сразу. Он прихлебывал дымящийся кофе, только что поданный ему рабом.

— Какая держава, — произнес он наконец, — не была построена на убийствах, войнах, крови? Мулаи Исмаил только что завершил борьбу со своим братом. Со стороны отца он потомок Мохаммеда. Его мать — негритянка из Судана.

— Осман Фараджи, вы всерьез собираетесь предложить меня вашему властителю в качестве одной из бесчисленных наложниц?

— Вовсе нет. В качестве третьей жены, носящей титул фаворитки.

Анжелика решила пойти на хитрость, на которую добровольно не решится ни одна женщина в мире. Она решила прибавить себе пять — нет, семь — и в конце концов — десять лет. Она призналась евноху, что ей уже за сорок. Как может он думать о том, чтобы дать столь требовательному повелителю для удовлетворения его желаний женщину уже на склоне лет, когда он сам говорил ей, что наложниц, весна которых уже миновала, высылают в отдаленный квартал, чтобы гарем мог постоянно пополняться.

Осман Фараджи слушал ее с улыбкой на губах:

— Вы стары? — произнес он.

— Совсем старуха, — твердо ответила Анжелика, как будто с трудом произнося эти слова.

— Это не смутит моего хозяина. Он очень ценит ум, мудрость и опыт женщин постарше, особенно тех, у которых за девичьей соблазнительностью тела скрывается хоть сколько-нибудь зрелый ум, — он чуть насмешливо посмотрел ей прямо в глаза. — Тело молодой женщины, взгляды опытной женщины, сила и слабость и искушенность в науке любви — а может, и немного порочности — женщины в самом расцвете красоты, — все это у вас есть. Такие привлекательные контрасты не ускользнут от внимания моего хозяина. Он сам увидит все это с первого же взгляда, потому что, несмотря на молодость, чрезвычайно сластолюбив и очень проницателен. Он может укрощать страсть, кипящую в его негритянской крови, чтобы насладиться всем разнообразием наслаждений, которые, как он увидит, вы обещаете ему. Он может терпеливо ожидать, когда настанет время удовлетворить свой аппетит, потому что умеет физически и сознательно побеждать и искушение, и усталость. Не упуская прелестей своих наложниц — о, он прекрасно умеет время от времени не замечать их! — он вполне способен привязаться к одной женщине, если действительно увидит в ней отражение силы своего ума. Знаете, сколько лет первой жене, его фаворитке, с которой он постоянно советуется? Ей не меньше сорока — это истинная правда. Она ужасно толстая и на голову выше его, а черна как туз пик. Когда вы увидите ее, вы удивитесь, какую власть она имеет над ним.

Его второй жене, наоборот, никак не больше двадцати. Она англичанка, захвачена пиратами во время путешествия со своей матерью в Танжер, где служит офицером в гарнизоне ее отец. Она розово-

белая и очень изящна. Душа Мулаи Исмаила восхищается ею, но...

— Но что?

— Но Лейла Айше, первая жена, держит его под каблуком, хотя ничего не делает, не спросив прежде у него — и никогда его не слушается. Я безуспешно пытался освободить его из-под ее влияния. Малютку Дейзи, которую мы теперь, когда она приняла ислам, зовем Валиной, никак не назовешь безвкусной, но Лейла Айше, султанша, проходу ей не дает.

— А разве вы не верный слуга также и вашей султанши Лейлы Айше? — спросила Анжелика.

Главный евнух несколько раз низко поклонился, прикасаясь ладонью к плечу и подбородку в знак того, что он всецело предан султанше всех султанш.

— А что же третья жена?

Осман Фараджи закатил глаза, как делал всегда, услышав трудный вопрос:

— У третьей жены будет твердый, честлюбивый ум Лейлы Айше и белое, золотистое тело англичанки. Мой хозяин так будет смаковать каждую ее черту, что в скором времени перестанет смотреть на всех других женщин.

— А она будет, не задаваясь вопросами, следовать всем советам главного евнуха, не так ли?

— В таком случае она будет преуспевать, как и мой хозяин, да и все королевство Марокко тоже.

— И поэтому вы были так добры ко мне в Алжире?

— Конечно.

— Почему вы не выпороли меня, как всякий поступил бы на вашем месте?

— Вы никогда бы не простили меня. Ни слово, ни обещание, ни милость уже никогда бы не преодолели вашего негодования. Разве не так, Бирюза?

Анжелика кивнула. Каждый раз, когда она беседовала таким образом с Османом Фараджи, о чем

бы они ни говорили, ее всегда охватывало теплое чувство, потому что он владел искусством сразу представлять что бы то ни было в истинном свете. И все же, ощущая, что поддается чему-то вроде искушения примириться с положением рабыни и покориться, потому что в каком-то отношении так удобнее, — она яростно ответила:

— Не рассчитывайте на меня, Осман Фараджи! Мне не суждено стать одалиской полудикого султана.

Главный евнух не пошевелился:

— Что вы знаете об этом? Так ли уж стоит сожалеть о той жизни, что осталась у вас позади?

«Где бы ты тогда хотела жить? Для какого мира ты создана, сестра?» — спросил ее брат Раймон, заглядывая своими иезуитскими глазами прямо ей в душу.

— В гареме великого султана Мулаи Исмаила у вас будет все, чего только может пожелать женщина: власть, удовольствия, богатство...

— Сам король Франции склонял к моим глазам всю свою власть и все свое богатство, и я отказала ему.

Теперь он действительно искренне удивился:

— Разве это возможно? — спросил он. Вы отказали своему сюзерену, когда он умолял вас? Не потому ли, что вы хранили верность своему мужу?

— Нет, у меня не было мужа много долгих лет.

— Не похоже, чтобы вы были равнодушны к радостям любви. Вы свободны духом и женственны, так что вам не стоит труда завоевать успех у мужчин. Ваша настойчивость, дерзость взглядов и смех выдают в вас истинную придворную даму. Я уверен, что не ошибаюсь.

— Возможно, — сказала Анжелика, наслаждаясь его неприкрытой заинтересованностью. — Я обманула всех своих любовников и стала вдовой, а теперь я хочу жить спокойно и не подвергать себя мучениям, с которыми неразрывно связана всякая любовь. Правда, моя

холодность была причиной отчаяния короля Людовика XIV, но что я могла сделать? Через короткое время я обманула бы и его тоже, и он бы заставил меня дорого заплатить за это. Монархи не любят, когда их отвергают. Ваш Мулаи Исмаил вряд ли будет благодарен вам за то, что вы уложили в его постель такую равнодушную любовницу.

Осман Фараджи в замешательстве потер свои великолепные руки. Ему было трудно скрыть глубокое впечатление, которое произвели на него ее слова. Это было слабым местом в его хорошо разработанных планах! Что ему делать с рабыней, красота которой сулит удовлетворение малейших прихотей искусственного в любви Мулаи Исмаила, но которая останется бесчувственной в его объятиях? Какая досада! Османа Фараджи бросало в холодный пот при одной мысли о последствиях. Ему слышался рев Мулаи Исмаила. Он обнаружил свой страх, воскликнув вслух по-арабски:

— Что же мне с вами делать?

Анжелика поняла его слова и воспользовалась возможностью выиграть время:

— Вам незачем показывать меня Мулаи Исмаилу. В его гареме, говорите вы, почти восемьсот женщин — я забьюсь куда-нибудь в уголок и затеряюсь среди рабынь. Я постараюсь даже не встретиться лицом к лицу с вашим султаном. Я всегда буду носить покрывало, а вы сможете сказать, что я обезображена какой-то кожной болезнью.

Осман Фараджи нетерпеливым жестом прервал ее фантазии. Он сказал, что подумает об этом. Анжелика глядела ему вслед без малейшего удовлетворения. И все же в глубине ее сердца шевелилось сожаление, что она так огорчила его.

Когда они пересекли границу и вступили в пределы Марокко, это сразу же почувствовалось. Разбойники

исчезли, а вместо них поднимались укрепления из огромных камней, которые были воздвигнуты во всех уголках державы Мулаи Исмаила по его приказу. Из каждой крепости, едва завидев караван, выступал гарнизон, состоявший из негров в красных тюрбанах. Путники разбивали свои шатры у арабских поселений, старшины которых отправляли им цыплят, молоко и ягнят. После ухода каравана эти старшины жгли белый тростник, чтобы очистить воздух, оскверненный рабами-христианами. Это была темная, крайне религиозная страна.

Они узнали, что Мулаи Исмаил вел войну с одним из своих племянников, Абд-эль-Малеком, который поднял некоторые племена и засел в Фесе. Но Великий султан уже одержал победу. Гонец принес Осману Фараджи приветствие от повелителя, который радовался возвращению своего лучшего друга и первого советника. Фес был уже в его руках.

Приближаясь к Фесу, они видели следы недавней борьбы. Трупы людей и коней валялись на розовом песке там, где их настигла смерть. Над городом реяли стервятники. На украшенных золотом городских стенах еще истекали кровью насаженные на пики три тысячи отрубленных голов, а на установленных в три ряда двадцати деревянных крестах еще висели искалеченные тела врагов Исмаила. Вонь от трупов была такой, что Осман Фараджи предпочел разбить лагерь в предместьях, не входя в город.

Назавтра прибыли гонцы с известиями, что преступный племянник Абд-эль-Малек схвачен живым и янычары везут его назад. Мулаи Исмаил собственной персоной везет его, закованного в цепи, под конвоем двух тысяч пеших солдат и в сопровождении сорока рабов-христиан, несущих громадный котел, тысячу фунтов смолы и столько же сала и масла. За ними

следовал воз с дровами и шестеро дровосеков с топорами в руках.

Вблизи Мекнеса караван разделился — часть его направилась в город, другие же стали лагерем. Осман Фараджи взял с собой отряд конников, молодых верховых воинов Меццо-Морте, и трех самых красивых женщин, которых он посадил на белого, серого и чалого верблюдов. За ними двигались носильщики и рабы с некоторыми из наиболее роскошных подарков, посылаемых адмиралом Алжира.

Главный евнух подошел к Анжелике, сидевшей поодаль верхом на своем верблюде.

— Завернитесь как следует в свое шерстяное покрывало, если вы не хотите сегодня же познакомиться с Мулаи Исма илом, — сухо посоветовал он ей.

Анжелике не нужно было повторять этого дважды. Она надеялась, что главный евнух оставит ее в лагере, но он настаивал, чтобы она следовала за ним. Тем не менее ее охраняли три евнуха, которым их начальник запретил разговаривать. Им было приказано не допускать к ней любопытных. Она должна была видеть, оставаясь невидимой.

Как только они поднялись на маленькое каменистое плато, Анжелика увидела конницу Мулаи Исмаила во всей ее красе. Прекрасные кони, будто невесомые, летели в нестерпимом свете, а всадники, казалось, были детьми того самого ветра, который играл их бурнусами.

Резким контрастом этому красочному зрелищу представлялся ей вид толпы христиан-рабов, покрытых потом и пылью, со спутанными волосами и бородами; оборванная одежда их не доставала до колен, открывая взорам ноги, исполосованные кнутом. Они несли громадный медный котел, который выглядел так, будто его вытащили из дьявольской кухни. Он предназначался

сборщикам каучука в Америке, но у Мадеры был захвачен пиратами Сале, которые подарили его своему господину. Невольники тащили его четыре лиги от Мекнеса и теперь больше всего на свете хотели бы узнать, далеко ли им осталось его нести. Они подошли к перекрестку дорог, рядом с которым возвышались над колодцем несколько пальм. Повозка с дровами и дровосеками была уже там. Рядом на окрашенном в малиновый цвет помосте сидел, скрестив ноги, одетый в желтое человек, которого обмахивали опахалами два негритенка. Осман Фараджи спешился и направился к ним, сгибаясь в многочисленных поклонах, пока наконец не распростерся на земле, купая голову в пыли. Человек в желтом — без сомнения, какая-то важная персона — в ответ прикоснулся ладонью к своему лбу, затем к плечу, потом положил руку на голову Османа Фараджи. Затем он встал; Осман Фараджи также поднялся с земли.

Рядом с Османом Фараджи любой человек казался низкорослым. Человек в желтом был выше среднего роста, но едва доставал ему до плеча. Одет он был очень просто — в просторную рубаху, подвернутые рукава которой обнажали его руки, и более темного, чем рубаха, но тоже желтого цвета бурнус с капюшоном, оканчивавшимся черной кисточкой. Голова его была увенчана огромным тюрбаном из кремового муслина. Когда он приблизился, Анжелика разглядела, что это был молодой человек с негроидными чертами лица. На скулах, на лбу и на переносице его черная кожа блестела, как полированное дерево. Хорошо вылепленный подбородок был украшен небольшой бородкой. При виде семерых людей из каравана Османа Фараджи, которые вели под уздцы великолепных коней, посланных Меццо-Морте в дар султану Марокко, он весело рассмеялся. Негры распростерлись перед ним ниц.

Анжелика наклонилась к одному из евнухов, заплывшему жиром человеку по имени Рафаи, и прошептала ему по-арабски:

— Кто это?

Негр широко раскрыл глаза от удивления:

— Так это же... Мулаи Исмаил, наш повелитель, — и добавил: — Он смеется, но надо быть поосторожнее, потому что на нем желтая одежда — цвета гнева.

Тут невольники, изнывавшие под тяжестью ноши, разразились стенаниями:

— Что нам делать с этим котлом, о владыка? Что нам делать с котлом?

Мулаи Исмаил велел им поставить его на только что зажженный огромный костер. В него налили масла и положили сала, чтобы быстрее растопилась смола. Следующие несколько часов были посвящены демонстрации и поднесению подарков из Алжира.

Смола в котле начала дымиться, когда оглушительный грохот барабанов, выстрелы из мушкетов и пронзительные крики возвестили о прибытии побежденного мятежника.

Племянник султана, Абд-эль-Малек, был одного возраста со своим дядей, против которого он боролся, то есть человеком весьма молодым. Он ехал на муле со связанными за спиной руками. За ним ехал, тоже на муле и тоже связанный, его помощник Мохаммед-эль-Хамен, а также его военачальники, которых подталкивали настигшие их янычары. Женщины раздирали лица ногтями и стенали.

Мулаи Исмаил знаком приказал подвести своего черного коня и вскочил в седло. Он неожиданно преобразился, показался намного выше ростом, зажегся, как колыхавшийся на нем бурнус цвета солнца. Он заставил коня сделать несколько кульбитов. На синем фоне неба его лицо блестело, как отлитое из бронзы, а тени на лице отливали стальным блеском.

Проницательный взгляд из-под арок угольно-черных бровей вселял ужас. Он взмахнул копьем и пустил коня галопом, остановив его перед закованными в цепи врагами.

Абд-эль-Малек слез со своего мула и распростерся на земле. Султан приставил копье к его спине. Несчастный принц то и дело бросал взгляды на котел, смола в котором уже кипела, и на дровосеков, и его охватил страх. Смерти как таковой он не боялся, но Мулаи Исмаил прославился пытками, которым подвергал своих врагов.

Абд-эль-Малек и Мулаи Исмаил воспитывались вместе, в одном гареме, и были потомками принца, который вел свою линию от самого Магомета. Это был выводок жестоких волчат, не подчинявшихся никакой дисциплине; их самой невинной забавой было подглядывание за рабынями-христианками, справлявшими естественную нужду. В один и тот же день они впервые сели на коня, в один и тот же день пронзили копьем своего первого льва и вместе принимали участие в налетах на Тафилалет. Они любили друг друга как братья до тех пор, пока южные племена и жители Атласских гор не обратили внимания Абд-эль-Малека на то, что его права на трон Марокко ничем не уступают правам сына суданской наложницы. Абд-эль-Малек, чистокровный мавр, кабил по происхождению, откликнулся на призыв своего народа. Вначале его шансы были лучше, чем у дяди, однако упорство, стратегия и властолюбие Мулаи Исмаила обеспечили ему в конце концов победу.

— Ради Аллаха, — воскликнул Абд-эль-Малек, — не забывай, что я твой родственник!

— Ты без труда забыл это, собака!

— Вспомни, мы жили, как братья, Мулаи Исмаил!

— Я собственными руками убил двоих своих братьев и обрек на смерть еще десятерых. Что для меня какой-

то племянник!

— Ради Аллаха, прости меня!

Султан не отвечал. Он знаком приказал схватить принца и посадил его на повозку. Два воина нагнулись над ним, подняли один за правый, другой — за левый локоть, чтобы положить его руки на колоду.

Султан подозвал одного из дровосеков и приказал ему выполнить роль палача. Мавр колебался — он был одним из тех, кто тайно желал победы Абд-эль-Малека. Со смертью молодого принца рушились все надежды возглавляемых им племен на основание новой династии. Смиренный дровосек скрывал свои чувства, но он знал, что Мулаи Исмаил умеет читать тайные мысли. Он полез на повозку, потом остановился, отступил на шаг и сказал, что не может отрубить руку человеку столь благородного происхождения — самому племяннику его повелителя. Пусть лучше ему отрубят голову.

— Да будет так! — воскликнул Мулаи Исмаил и, вытащив ятаган, одним ударом обезглавил дровосека, обнаружив свой немалый опыт в такого рода делах.

Человек повалился, голова покатила по земле, и песок впитывал кровь из обезглавленного тела.

Другой дровосек, запуганный судьбой своего предшественника, влез на повозку. Тем временем султан приказал подогнать поближе детей, жен и родственников Абд-эль-Малека.

— Подойдите, — сказал он им, — и смотрите, как отрубят руку твари, которая осмелилась поднять оружие на своего султана, и как отрубят ногу тому, кто осмелился выйти в поход против него!

В душном воздухе раздались такие вопли отчаяния и горя, что они заглушили крик принца, которому дровосек отрубил руку. Потом он отрубил одну ногу.

Султан подошел поближе и спросил:

— Теперь ты признаешь меня своим султаном? Раньше ты не признавал этого.

Абд-эль-Малек не отвечал, наблюдая, как вытекает кровь из его жил. Мулаи Исмаил вернулся на прежнее место и поднял к небу внушающее страх лицо, искаженные черты которого заставили в ужасе застыть всех, кто видел его. Неожиданно он поднял пику и одним ударом пронзил сердце дровосека.

При этом зрелище прежний соперник, истекавший кровью, закричал:

— Смотрите на этого храбреца! Он убивает и тех, кто повинуются ему, и тех, кто не повинуются! Но все напрасно. Один Аллах справедлив. Один Аллах велик!

Мулаи Исмаил попытался заглушить слова своей жертвы. Он кричал, что доставил сюда котел, так что мятежник мог отведать настоящей пытки, но он велик и милосерден, и смола, предназначенная для казни, будет использована для спасения ему жизни. Он действовал так, как подобало оскорбленному повелителю, но пусть Аллах решит, будет ли Абд-эль-Малек жить или умрет. Никто не скажет, что он убил своего брата, потому что слишком многое связывает их друг с другом, и сейчас он переживает самое большое горе в своей жизни. Топор дровосека будто отрубил его руку и его ногу. И все же Абд-эль-Малек не больше чем мятежник, который, достанься ему победа, наверняка бы отрубил ему руку. И все же он покажет свое милосердие.

Он приказал обмакнуть кровоточащие обрубки в кипящую смолу, чтобы остановить кровотечение. Потом он отпустил присутствующих и приказал четверым офицерам под страхом смерти доставить своего племянника в Мекнес живым.

Офицеры знали, какую судьбу он готовил помощнику Абд-эль-Малека Мохаммеду-эль-Хамену. Мулаи Исмаил отдал его своим молодчикам, неграм лет

четырнадцать или пятнадцать, которые утащили шейха за пределы городских стен. Никто не знает, что они сделали с ним, но когда под вечер они приволокли его обратно, он был мертв, и никто не мог узнать его.

Мулаи Исмаил со своей свитой и живописный караван Османа Фараджи добрались до Мекнеса в час заката — час, когда на золотые шары, венчающие минареты, поднимались знаменосцы, и заунывные, но властные голоса муэдзинов неслись над розовым городом и возносились над его каменными волнами к багряному небу.

Черные челюсти тяжелых ворот захлопнулись, поглотив свою порцию толпящихся существ — пеших и конных, рабов и принцев, верблюдов и ослов, и равнина опустела на ночь. В своих укреплениях город поглощал все человеческие голоса — гневные и страстные, крики и плач.

Проезжая через ворота, Анжелика отвела глаза от голого раба гигантского роста, прибитого за руки к арке; голова его свешивалась на грудь, как у распятого Христа.

Глава 18

Анжелика зажимала уши ладонями, чтобы не слышать воплей женщин из семьи Абд-эль-Малека, вибрирующим крещендо перекатывавшихся по дворцу. Это продолжалось уже не один час, и теперь у нее так невыносимо болели виски, что она не могла унять дрожь.

Фатима, которая, будучи свободной женщиной, решила последовать за Анжеликой в Марокко, чтобы умереть рядом с соотечественницей, напрасно пыталась заставить ее пригубить хоть какой-нибудь напиток, холодный или горячий, или съесть немного фруктового пирога. Но самый вид этих клейких, тошнотворных лакомств, которые должны были восстановить ее силы после путешествия, слишком живо напоминал ей весь ужас ее теперешнего положения — она была заперта в гареме самого жестокого властителя, которого когда-либо знал мир.

— Я боюсь. Я хочу выбраться отсюда, — беспрестанно повторяла она прерывающимся детским голосом.

Старая провансалька не могла взять в толк, почему Анжелику вдруг одолел такой неожиданный приступ отчаяния теперь, когда они наконец достигли цели своего трудного путешествия, во время которого она была образцом мужества и выносливости. Для Фатимы-Мирелы ничего не могло быть лучше этого огромного огороженного пространства, где под железной рукой главного евнуха царили покой и тишина. Несмотря на вызванное недавними событиями смятение, следы которого еще были заметны в городе, и на опасения, которые каждый испытывал из-за того, что против Мулаи Исмаила выступил его собственный племянник, и

несмотря на то, что главный евнух был сразу же вызван на совещание к султану, все вновь прибывшие женщины, пополнившие гарем, а заодно и все члены каравана были встречены с щедрым радушием.

Этот временный сераль главного евнуха был прекрасно обставлен. Фатима наслаждалась в нем после тяжелых лет, проведенных ею в Алжире, этой вонючей крепости — бедная одинокая старуха, у которой не было никакой еды, кроме горсти фиг и глотка воды, чтобы запить их. Здесь же было немало старых женщин, умудренных опытом и отчаянных сплетниц — рабынь, возвысившихся до положения служанок или домоправительниц. Среди них были также прежние наложницы султана и его предшественника, которые, в отличие от фавориток, не удостоились привилегии удалиться в какой-нибудь дальний гарем. Эти не утратили своей страсти к интригам и вымещали злобу на служанках.

Последние целиком отвечали за теперешних наложниц или фавориток — за их одежду, украшения, внешний вид. Они постоянно были заняты тем, что красили им лицо, выщипывали седые волосы, делали прически, давали им советы, исполняли их прихоти, ненароком сообщали драгоценные рецепты, помогающие удержать любовь и расположение их господина и повелителя. Фатима чувствовала себя дома. Она уже слышала о приближенной султанши Лейлы Айше, которая пользовалась доверием своей госпожи и была родом из Марселя, как и Фатима. Кроме того, здешние евнухи были повежливее, чем в рядовом гареме. Осман Фараджи не был склонен недооценивать влияния старых рабынь на новых и наилучшим образом умел использовать их в качестве тюремщиц.

Чем дальше, тем больше нравился Фатиме этот сераль. Она уже готова была прийти к выводу, что даже гарем великого константинопольского султана уступает

этому в богатстве и убранстве. Картину портило только поведение Анжелики. Она, казалось, готова была рыдать и выть, царапать себе ногтями лицо, как родственницы Абд-эль-Малека в соседней комнате или как черкесская девушка, которой предстояло этой ночью разделить ложе с султаном, евнухи пронесли ее, визжащую от ужаса, по продуваемым сквозняками коридорам и внутренним дворикам. Когда вместе собрано больше тысячи женщин и когда они начинают терять самообладание, может случиться все, что угодно. В Алжире Фатима видела пленниц, выбрасывавшихся с балконов и разбивавших себе головы о плиты мостовой. Иногда эти скиталицы умирали от тоски по дому. И Анжелика не была ни от чего застрахована.

Фатима не знала, что делать. Ей хотелось разделить с кем-нибудь ответственность. Она спросила совета у помощника главного евнуха, правой руки Османа Фараджи — Рафаи. Он посоветовал дать Анжелике успокаивающее питье, которое уже было приготовлено для черкешенки.

Измученная, с раскалывающейся головой, Анжелика следила за ними, словно это были видения из кошмарного сна. Она терпеть не могла взгляда старых рабынь, бегающих глаз невинных негрятят, а больше всего — хитрого Рафаи, лицемерно разыгрывавшего перед ней роль заботливой няньки. Он был из тех, кто всегда приказывал пороть упрямых женщин, и никогда не расставался со своим арапником. О, как она ненавидела их всех! От острого запаха кедрового дерева голова болела еще сильнее. Пронзительные вопли, долетавшие издалека, вдруг показались ей менее страшными, чем беспрестанный женский смех, который доносился до занавешенного алькова вместе с запахами мяты и зеленого чая.

Она забылась в чутком сне, но проснулась ночью и увидела еще одно черное лицо, склонившееся над ней. Сначала она приняла его за евнуха, но по вуали и по голубой эмблеме Фатимы, дочери Магомета, на лбу поняла, что это была гигантского роста женщина с огромными грудями.

Негритянка наклонила к Анжелике лицо с толстыми губами, на котором было написано острое любопытство. Лампа, которую она держала в руке, бросала желтый свет на лицо негритянки и создавала золотой ореол вокруг бледно-розового, как предрассветное небо, лица ее спутницы с медово-желтыми волосами, выбившимися из-под легкого покрывала. Две женщины, одна черная, другая белая, перешептывались по-арабски:

— Она прекрасна, — сказал бело-розовый ангел.

— Слишком прекрасна, — откликнулся черный демон.

— Ты думаешь, он ею увлечется?

— У нее все для этого есть. Проклятый Осман-бей, этот хитрый тигр!

— Что ты собираешься делать, Лейла?

— Ждать. Может быть, она не понравится султану.

Вряд ли у нее хватит ума пленить его.

— А если хватит?

— Я сделаю ее своей марионеткой.

— А вдруг она останется под влиянием Османа Фараджи?

— На то и существуют пары селитры и кислоты, чтобы портить слишком красивые лица, и шелковые шнурки, чтобы душить слишком соблазнительные голоса.

Анжелика пронзительно, как мусульманка в религиозном экстазе, завизжала. Ангел и демон исчезли во мраке.

Анжелика вскочила, пылая огнем, который придал ей сил, как это бывает у сумасшедших. Она все визжала

и визжала.

Фатима была рядом. Она, другие женщины и негритята бежали к ней со всех сторон, стараясь зажечь лампы, чтобы увидеть, в чем дело.

Появился Осман Фараджи, его громадная тень растянулась на полу из плиток. Казалось, один его вид успокоил Анжелику, он был таким высоким и спокойным, таким необычайно умным. Ее уже не окружали демоны. Она опустилась на колени и спрятала лицо в складках его одежды, всхлипывая и твердя: «Я боюсь, я так боюсь!»

Главный евнух наклонился и положил ладонь на ее волосы:

— Чего ты боишься, Бирюза? Тебе нечего бояться гнева Меццо-Морте.

— Я боюсь этого кровожадного Мулаи Исмаила. Я боюсь его жен, которые приходили сюда и хотели придушить меня...

— Ты горишь в лихорадке, Бирюза. Когда ты поправишься, ты перестанешь бояться, — он велел уложить ее в постель, как следует укрыть и дать отвар, чтобы снизить температуру.

Анжелика, еще не вполне успокоившись, снова улеглась на подушки. Усталость от путешествия, жар солнца, увиденные ею ужасы вызвали новый приступ средиземноморской лихорадки, которую она подхватила на корабле д'Эскранвиля.

Главный евнух опустился на колени у ее ложа. Она застонала:

— Осман-бей, зачем вы подвергаете меня таким мучениям?

Он не спрашивал, что именно она имеет в виду. Он хорошо знал, что Анжелику взволновала сцена карающего правосудия Мулаи Исмаила — он заметил, что христиан западного происхождения намного сильнее тревожит вид крови, чем мавров или христиан

родом с Востока. Он еще не решил окончательно, лицемерие ли это или естественные переживания. В сердце каждой женщины дремлет пантера, облизывающаяся при виде чужих страданий. Его подопечные, будь это молчаливые русские или хихикающие негрятя, любым развлечением, которые он мог предложить им, — танцам или пиршествам — предпочитали смотреть, как мучают христиан. Даже англичанка Дейзи-Валина, уже десять лет как принявшая ислам, любящая жена султана, все еще натягивала покрывало на глаза или же смотрела сквозь пальцы на некоторые особенно кровавые зрелища.

Ему нужно сохранять терпение. Он-то был достаточно мудр, чтобы быстро успокоить ее.

— Я думаю, — прошептал он, — что тебе необходимо увидеть все могущество и славу хозяина, которого я выбрал тебе... которого ты должна поработить.

Анжелика истерически засмеялась, но это причинило ей такую боль, что она сжала ладонями раскалывающуюся голову и умолкла.

Поработить Мулаи Исмаила! Он в своем желтом бурнусе еще стоял перед ее глазами — вне себя от ярости и гнева, обернувшийся и сносящий голову дровосеку.

— Не знаю, понимаете ли вы значение слова «поработить». Мулаи Исмаил, кажется, не принадлежит к тому сорту людей, которых женщина может обвести вокруг пальчика.

— Мулаи Исмаил — властитель удивительной силы. Он обладает пронизательностью и здравомыслием. Он действует быстро и справедливо. Но это ненасытный бык. Ему нужны женщины, и он всегда рискует попасть под влияние властной головки. Ему нужно, чтобы рядом с ним была женщина, которая исполняла бы его капризы... скрашивала его одиночество... лелеяла его мечты о новых завоеваниях. Тогда он может добиваться

титула Эмира-эль-Муминина, главы веры, — главный евнух говорил медленно, как бы не очень уверенно. Он все еще сомневался в этой женщине, которую он искал столько времени и наконец нашел, которая может помочь ему воистину удовлетворить честолюбие Мулаи Исмаила. Сейчас он видел ее разбитой, и все же она выскользнула из его пальцев и не давалась в руки, хотя даже и теперь продолжала цепляться за его одежду.

Женщины удивительные и трудные создания. В самой крайней усталости у них кроется непримиримость, — и Осман Фараджи, главный евнух сераля его величества султана Марокко, еще раз возблагодарил всевышнего, что судьба и искусная рука суданского знахаря еще в юности избавили его от рабства у женщин, которое может превратить мягкосердечного мужчину в бездумную игрушку в руках капризной куклы.

— Разве он не кажется тебе молодым и красивым? — мягко спросил он.

— Осмелюсь сказать — отягощенным скорее преступлениями, чем годами. Кто сочтет число убийств, которые он совершил собственными руками?

— Но это ведь из-за покушений на его жизнь, которых он сумел избежать. Кроме того, вспомни-ка: все великие державы построены на убийстве. Таков закон нашего мира. Ин ша Аллах! Я бы хотел, Бирюза, — слушай меня внимательно, ибо таково мое желание, — я хотел бы подложить Мулаи Исмаилу тот тончайший яд, которым владеешь ты одна, который делает сердца мужчин слабыми и заставляет их жаждать тебя, как это случилось с этим драконом д'Эскранвилем, не говоря уже о твоём собственном властителе, короле Франции, которого ты так жестоко ранила. Ты отлично знаешь, что король Франции никогда тебя не забудет. Он упустил тебя и теперь никогда не совершит ничего

доброе или великого. Испробуй свою силу на Мулаи Исмаиле. Вонзи ему в сердце отравленную стрелу своей красоты. Но, — добавил он, понизив голос, — я никогда не дам тебе ускользнуть от меня.

Анжелика, закрыв глаза, слушала его ясный, молодой голос, как слушала бы близкого друга. Открыв глаза, она с удивлением увидела черное лицо с тем спокойным выражением, которое так свойственно мирной мудрости великих африканских народов.

— Слушай меня, Бирюза. Успокой и ты меня. Я дам время, чтобы твоя лихорадка прошла и чтобы твое тело горело от желания. Я буду терпеливо ждать, когда придет время показать тебя моему повелителю. Он не будет знать о твоем существовании до того дня, когда ты позволишь мне сказать ему о тебе.

Анжелика неожиданно почувствовала, что головная боль ослабела. Она выиграла первую схватку. В этой пестрой толпе одалисок она будет спрятана лучше, чем иголка в стоге сена, а тем временем сможет найти подходящий случай и бежать.

— Вы не обманете меня, правда ведь? — спросила она. — Вы не оброните ненароком какое-нибудь замечание, из которого Мулаи Исмаил узнает обо мне?

— Я прикажу. Мои распоряжения в гареме — превыше всего, выше даже приказов султана. Все склоняются перед ними, в том числе и султанша Лейла Айше. Она придержит свой язычок, если будет знать, что так ей будет лучше, потому что она быстро оценит твою силу.

— Она уже хотела изуродовать меня кислотой и придушить, — прошептала Анжелика. — С этого все и началось.

Осман Фараджи отмел такие банальные угрозы движением руки:

— Все женщины, которые пользуются расположением одного и того же мужчины, ненавидят

друг друга и борются между собой. Разве христиане чем-нибудь отличаются в этом отношении? Разве у тебя не было соперниц при Французском дворе?

Анжелика проглотила комок:

— Были, конечно, — ответила она, вдруг живо представив себе Монтеспан.

Где бы она ни находилась, ее жизнь была непрерывной борьбой, мечты разбивались одна за другой, иллюзии развеивались. Она до смерти устала от всего этого.

Осман Фараджи заметил бледность на ее лице, напряженном от лихорадки. Не будучи склонным принимать эту маску крайней усталости за ее уступку, он видел только то, что зачастую скрывалось за обычной для Анжелики оживленностью и за округлыми розовыми щечками: резко очерченные скулы, выдававшие неудержимую силу воли, которая была основой ее неукротимого характера. Он видел ее как бы через много лет, в старости. Лицо ее никогда не должно округлиться, располнеть и стать рыхлым; скорее оно станет еще более аскетическим, а кожа туго натянется на исключительно властной формы черепа. Она будет стареть как слоновая кость, становясь с годами все более и более красивой, как посвященные женщины строгих убеждений, которые на склоне лет будто вновь обретают молодость. Она, должно быть, останется красавицей еще много лет, даже если на лице появятся морщины, а волосы поседеют. Глаза ее потеряют свое сияние, только когда их закроет смерть. На закате лет они, может быть, выцветут, но их морская глубина по-прежнему будет сиять, как глубокий чистый родник, и навсегда сохранят свою привлекательную силу.

Именно эта женщина была нужна ему, чтобы приблизиться к Мулаи Исмаилу, потому что если бы она пожелала, он всегда бы позвал ее обратно к себе. Осман Фараджи знал, какие сомнения обступают

тирана. Приступы бешенства, во время которых он сносил головы одним взмахом своей сабли, были не более чем вспышками нетерпения при виде глупости окружавших его людей, разрядкой от мыслей о необъятности дел, предстоящих ему, и от сознания собственной слабости и расставленных повсюду для него ловушек. В такие моменты его охватывала жестокость, потребность продемонстрировать свою власть себе самому и окружающим.

Если бы он нашел в пылкой и любящей женщине освобождение от всего этого, он никогда бы не устал от нее. Она была бы трамплином, той точкой опоры, откуда он отправился бы на завоевание мира под зеленым знаменем пророка.

Он прошептал по-арабски:

— Ты, ты можешь все...

Уже в полусне Анжелика услышала его. В прошлом сколько раз ей приходилось вот так же подбадривать других, внушая им, что они непобедимы. А теперь она чувствовала себя такой слабой и беспомощной. «Вы можете все», — сказал ей когда-то старый Савари, когда хотел, чтобы она чего-то добилась для него у Людовика XIV. И она сделала это, но как давно это было! Утратила ли она эту способность? Мадам де Монтеспан хотела отравить ее, совсем как Лейла Айше и англичанка...

— Хотели бы вы, чтобы я прислал вам того старого раба, который так сведущ в медицине, — того самого, с которым вы так любили беседовать? — спросил у нее Осман Фараджи.

— О да! О, как бы я хотела снова увидеть моего старого Савари! А вы смогли бы провести его в гарем?

— По моему разрешению он сможет пройти. Его годы, его ученость и его искусство будут достаточным оправданием. Никто не будет шокирован, увидев его здесь, потому что он выглядит и ведет себя как

священнослужитель. Если бы он не был христианином, я мог бы принять его за одного из тех людей, перед которыми мы преклоняемся, потому что они принадлежат Аллаху. Во время путешествия он, кажется, был совершенно погружен в свои исследования в области магии и изучение странных паров, выходящих из котла, где он варил свои зелья, и я видел, как двое негров пришли в транс, надышавшись их. Открывал ли он вам когда-нибудь секреты своей магии?

Анжелика покачала головой.

— Я всего лишь женщина, — сказала она, зная, что этот смиренный ответ заставит Османа Фараджи еще больше уважать Савари.

Анжелика с трудом узнала Савари. Он покрасил бороду в красновато-рыжий цвет, что делало его похожим на марокканского отшельника, и это сходство усиливалось чем-то вроде бурнуса из верблюжьей шерсти красновато-коричневого цвета, который был ему слишком велик. Он выглядел вполне здоровым, хотя был очень тощ, а кожа его стала коричневой, как у груши. В конце концов она узнала его по большим очкам, за которыми весело плясали глаза.

— Все идет прекрасно, — прошептал он, усаживаясь возле нее со скрещенными ногами. — Я не мог и вообразить, что наши дела могут приобрести такой благоприятный поворот. Аллах — то есть бог — ведет нас за руку.

— Вы нашли сообщников и придумали способ бежать?

— Бежать? О да, в свое время, не беспокойтесь. А пока взгляните, — из складок своего балахона он вытащил матерчатый мешочек и, улыбаясь от уха до уха, принялся вытаскивать из него какие-то пыльные черные куски.

Глаза Анжелики еще слезились от лихорадки; она апатично сказала, что не видит, чего это он показывает ей.

— Ну, если вы не можете разглядеть, так можете понюхать, — заявил Савари, подсовывая загадочное вещество ей под нос.

Запах заставил Анжелику подскочить, и, вопреки своему желанию, она не смогла сдержать улыбки:

— О, Савари! Мумие!

— Вот именно, — весело сказал Савари. — Ископаемое мумие, точно такое же, как жидкие выделения из священных скал в Персии, только это — в твердом виде.

— Но... как это может быть?

— Я все расскажу вам, — ответил старый аптекарь и, украдкой оглядывая комнату, по-арабски рассказал Анжелике о своем открытии. Он сделал его во время длинного перехода с караваном, в солончаках на границе между Алжиром и Марокко.

— Помните эти длинные бесплодные участки, отражавшие солнечный свет? Казалось, на них нет ничего ценного, и все же — угадайте, что случилось.

— Мираж, наверное, — ответила Анжелика, тронутая его доверчивостью.

— Вот именно, — возбужденно подхватил Савари. — Если бы я был фанатиком, я бы назвал это «миражом верблюда». Слушайте же... — и он рассказал, как заметил верблюда, похожего на старую покрытую мхом скалу; в некоторых местах его шерсть совсем вылезла от парши. Однажды вечером на стоянке этот верблюд стал рыться носом в грязи. Он что-то искал и время от времени останавливался, чтобы принюхаться к дюнам. Савари, не спавший этой ночью, встал и последовал за животным, чтобы вернуть его проводнику, надеясь получить от того лишнюю порцию еды. Или, скорее, его вел Аллах — то есть бог. Часовые, которые часто

принимали его за араба или еврея, едва обратили на него внимание — большая часть их, во всяком случае, спала, потому что здесь уже не боялись разбойников и еще меньше опасались побега христианских рабов в такой местности, где можно до конца своих дней скитаться в поисках крошки еды или глотка питьевой воды.

Верблюд долго переходил с дюны на дюну; Савари чуть не засыпало зыбучими песками. Когда грунт стал прочнее, верблюд принялся разгребать песок на гребне дюны, вытаскивать зубами куски этой твердой поверхности и копать яму.

— Меня удивило, что верблюд роет яму ногой, хотя он терпеть не может ступать по гравию, — произнес Савари, подозрительно глядя на Анжелику.

— Но если...

— Вы думаете, я тогда спал?

— Что вы!

— Ну так вот, после этой сухой коричневой земли эта тварь вытаскивала то, что вы так правильно определили. Потом он зубами разложил вытащенные куски по краям своей ямы, вроде подстилки, и стал кататься по ним.

— И его парша чудесным образом исчезла.

— Исчезла-то исчезла, но вам следовало бы знать, что никакого чуда здесь не было, — поправил Савари. — Вы уже видели, как и я, чудодейственный эффект этого вещества при кожных заболеваниях. Все дело в том, что, когда я подобрал несколько таких кусков, я не заметил сходства между ними и чудодейственной персидской жидкостью. Я лишь собирался натирать ими свои собственные болячки. Вот что я наблюдал, и вот в чем состоит замечательное научное открытие!

— Еще одно? Какое же на этот раз?

— Так ведь эта соль свидетельствует о наличии ископаемого мумие. В Персии в точности то же самое.

Так что теперь мне не нужно ехать в Персию. Стоит мне вернуться в южный Алжир — и я, быть может, смогу найти громадные залежи этого бесценного вещества, которые имеют, по меньшей мере, то достоинство, что не являются тщательно охраняемой собственностью шаха, как в Персии. Я легко смогу попасть туда.

Анжелика вздохнула.

— Может, залежи охраняются не так, как в Персии, но вы-то сам, мой милый Савари, находитесь в центре Марокко. Не меняет ли это ваших планов? — тут ей стало стыдно за такое недоверие к старому другу, и она тепло поздравила Савари. Тот только этого и ждал. Теперь он захотел, чтобы им принесли жаровню и медное или глиняное блюдо.

— Зачем, о боже?

— Чтобы перегнать немного этого вещества для вас. Я как-то пробовал перегонять его в закрытом сосуде, и он взорвался с пушечным грохотом.

Анжелика уговорила его не повторять этот эксперимент среди гарема. Головная боль прошла от отвара, который ее заставил выпить главный евнух, и она обильно потела.

— Лихорадка выходит из вас, — сказал Савари, глядя на нее поверх очков.

Сознание Анжелики прояснилось.

— Вы полагаете, что ваше мумие опять сможет способствовать нашему побегу?

— Почему вы всегда настраиваетесь на побег? — спросил Савари, заботливо укладывая комки промасленного песка в мешочек.

— Сейчас это настроение сильнее, чем когда-либо, — с нажимом заявила Анжелика, садясь от возбуждения, но силы изменили ей, и она опять упала на подушки, с отчаянием думая, не пытается ли ее единственный друг бросить ее. Она не видела иной возможности, кроме побега.

— Я думаю так же, — отозвался Савари. — Не могу выразить, как мне не терпится вернуться в Париж, чтобы посвятить себя исследованию открытого мной месторождения. Больше я нигде не найду того, что мне нужно для перегонки и экспериментов с этим легковоспламеняющимся веществом, которое — нутром чую — сильно продвинет цивилизацию, — он не смог удержаться, еще раз вытащил маленький кусочек и рассмотрел его через лупу в оправе из черепахового панциря и черного дерева. Одной из особенностей Савари было присущее фокусникам умение приспособивать для сиюминутных нужд всевозможные предметы. Анжелика спросила, как он раздобыл это увеличительное стекло.

— Мне его подарил зять.

— Я раньше не замечала его.

— Оно у меня всего несколько часов. Когда этот милый зять увидел мой завистливый взгляд, он дал мне его в знак дружбы.

— А кто он — этот ваш зять?

— Еврей, живущий здесь, в Мекнесе, — ответил тот. — Ювелир, как и его отец. Раньше у меня не было случая рассказать вам обо всем этом, но с тех пор, как мы прибыли в этот прекрасный город Мекнес, я не терял времени даром. Он сильно изменился со времени Мулаи Арчи. Мулаи Исмаил повсюду ведет строительство. Здесь не меньше строительных лесов, чем в Версале.

— Говорите же про своего зятя.

— Сейчас. Я говорил вам, что когда-то, когда был здесь рабом, я завел в Марокко двух хороших друзей.

— И двух сыновей.

— Верно, но память изменила мне. Оказалось, что от Ребекки Каян у меня не сын, а дочь. Эту дочь я теперь разыскал, совершенно взрослую и замужем за

Самюэлем Манмораном, который был так добр, что подарил мне увеличительное стекло.

— В знак дружбы! О, Савари, — произнесла Анжелика, не в силах удержаться от смеха, — вы настолько француз, что мое сердце радуется от ваших слов. Когда я слышу, как вы произносите «Париж» или «Версаль», мне кажется, будто я переносюсь из этой атмосферы, пропитанной ароматами кедра, сандалового дерева и мяты, и вновь превращаюсь в маркизу дю Плесси-Белльер.

— Так вы действительно этого хотите? Вы действительно хотите бежать?

— Разве я не твержу об этом все время? — воскликнула Анжелика с некоторым раздражением. — Или мне нужно повторить это сто раз, чтобы вы мне поверили?

— Вы должны знать, чем рискуете. Вас пятьдесят раз могут убить, прежде чем вы выйдете за пределы сераля, еще двадцать — прежде чем вы перешагнете порог дворца Мулаи Исмаила, десять — прежде чем вы выберетесь из Мекнеса, пятнадцать — прежде чем вы попадете в Сеуту или в Агади и три — прежде чем вы укроетесь в каком-нибудь из этих христианских укреплений.

— Значит, вы даете мне два шанса на успех из сотни?

— Вот именно.

— И все равно я убегу, мэтр Савари!

Старый аптекарь озабоченно покачал головой.

— Иногда я думаю, не слишком ли вы упрямы. Нельзя до такой степени испытывать судьбу.

— Сейчас вы говорите, как Осман Фараджи, — заявила Анжелика.

— Иногда я думаю, что если бы этот роскошный сераль устроил вас... Если бы личность Мулаи Исмаила не была вам так неприятна... было бы проще... О, не

обращайте внимания на мои слова, — оборвал он себя, увидев, как глаза Анжелики наполняются слезами. — Считайте, что я ничего не говорил. Успокойтесь немного, — он мягко похлопал ее по руке. Ни за что на свете он не заставит мадам плакать из-за своей неосмотрительности, потому что разве она не обращалась с ним по-дружески, как с человеком своего круга, разве не прислушивалась благосклонно к его объяснениям, осыпала милостями?

Он недоумевал, почему эта женщина, для которой нет ничего невозможного, не стала любовницей Людовика XIV? Конечно, была еще легенда о ее муже, которую Меццо-Морте использовал как приманку для своей западни. Он умнее, чем она думает.

— Мы бежим, — сказал он снисходительно. — Мы бежим. Это решено, — он принялся доказывать ей, что шансы на побег из Мекнеса еще лучше, чем если бы им пришлось совершать побег из Алжира. Случались здесь, конечно, и удачные побеги. Поскольку всеми рабами ведает султан, они смогли организовать и создать нечто вроде гильдии. Они выбрали вожака, нормандца из Сен-Валери-Ан-Ко по имени Колен Патюрель, двенадцать лет находившегося в рабстве и успевшего приобрести значительное влияние на своих товарищей по несчастью. Впервые в истории рабовладения христиане различных вероисповеданий перестали бороться друг с другом, потому что он учредил нечто вроде парламента, в котором русский и критянин представляли православных; англичанин и голландец — протестантов, испанец и итальянец — католиков. Сам он, француз, справедливо улаживал их ссоры и мирил соперников.

У него хватило дерзости предстать перед Мулаи Исмаилом, когда несколько человек, рискуя жизнью, осмелились обратиться непосредственно к султану, и с помощью какого-то неведомого дара убеждения он

сумел заставить этого тирана выслушать себя. В результате он заметно улучшил жалкое положение рабов. Был учрежден общий фонд, составленный из взносов всех рабов и служивший для оплаты сообщников. Венецианец Пиччинино, бывший банковский служащий, стал казначеем этого фонда. Некоторые мавры, всегда охочие до денег, соглашались быть проводниками для беглецов. Благодаря им за последний месяц уже совершено шесть успешных побегов. Колен Патюрель, король рабов, был признан виновным в этом и присужден к распятию — его должны были прибить за руки к городским воротам и оставить, пока он не умрет. После этого приговора, лишившего рабов вожака, среди них тлело недовольство. Черные стражники дубинками и пинками загоняли рабов обратно в тюрьму, когда перед ними неожиданно появился Колен Патюрель и велел им успокоиться.

Его ладони были разодраны в клочья — после двенадцати часов мучений он сорвался и упал на землю; вместо того, чтобы бежать, он добровольно вернулся в город и попросил аудиенции у султана.

Мулаи Исмаил был готов поверить, что Колен Патюрель находится под покровительством Аллаха. Он начал опасаться этого нормандского героя, проникся к нему уважением и снизошел до беседы с ним.

— Все это свидетельствует, мадам, что намного лучше быть рабом в Марокко, чем в грязных притонах Алжира. Здесь жизнь бьет ключом, если вы понимаете, что я имею в виду.

— И смерть тоже.

— Султан Марокко собрал армию рабов для строительства своих дворцов, но вскоре это сыграет против него. Говорят, что нормандец потребовал возвращения отцов-тринитарианцев для спасения душ узников, как в других берберских государствах. Я

сейчас подумал вот о чем. Если когда-нибудь в Мекнесе окажется одна из их миссий, вы сможете с кем-нибудь из святых отцов переправить письмо королю Франции, сообщив ему о своем бедственном положении.

Анжелика вспыхнула, она почувствовала, что лихорадка возвращается к ней снова, в висках застучала кровь.

— Вы полагаете, что король Франции пошлет войска, чтобы прийти ко мне на помощь?

— Вполне вероятно, что Мулаи Исмаил не пренебрежет требованием короля. Он делает вид, будто восхищается этим монархом. Он хотел бы подражать ему во всем, особенно в строительстве.

— Я не очень-то уверена, что его величество так уж стремится вызволить меня из этого положения.

— Кто знает?

Анжелика понимала, что устами старика говорит мудрость, но она предпочла бы тысячу раз умереть, чем подвергнуться унижению и принять помощь короля. У нее кружилась голова. Голос Савари удалялся все дальше и дальше и растворялся в дремоте. Над Мекнесом вставал новый день.

Глава 19

— Идем на представление! Идем на представление!
— пронзительно кричали обитательницы гарема, громко звеня браслетами.

— Ну, ну, женщины, чуть потише, — урезонивал их Осман Фараджи. Он прохаживался вдоль рядов закрытых покрывалами фигур, тщательно проверяя наряды и украшения каждой и убеждаясь в том, что лицо как следует закрыто и из-под покрывала видны только глаза — у одних темные, у других светлые, но у всех — горящие от нетерпения.

Готовые идти на представление женщины выглядели совершенно одинаково — грушевидные тюки ткани, балансирующие на ярко-алых или желтых туфлях с загнутыми носами. На представление шли только сто первых фавориток, и Мулаи Исмаил должен был сделать выбор среди них, уронив платок перед той, кого он выбирает для своих удовольствий на этот день — вернее, на эту ночь. Ему говорили, что такой порядок завел в своем серале великий султан константинопольский.

Если какой-нибудь из женщин пренебрегали слишком много раз, Осман Фараджи исключал ее из этой группы и посылал куда-нибудь на другую работу, так что исключение из группы «представляемых» было самым худшим из всех унижений. С тех пор навсегда уходила надежда на успех в султанате. Это было началом опалы, старости, безжалостной ссылки куда-нибудь далеко от этой роскошной обители. Главный евнух был непревзойденным мастером таких возвышений и понижений, и он знал, как действует на упрямых рабынь угроза ссылки. Женщину, не допуская к представлению, лишали также и

других удовольствий — прогулок, зрелищ, маленьких экскурсий, в которых Осман Фараджи не отказывал наиболее интересным из обитательниц гарема.

И в этот день остающиеся разразились рыданиями и воплями, заслышав выстрелы и крики толпы, возвещавшие о начале торжества.

Успокаивать их пришел сам Осман Фараджи. Султан устал от этих стонов в своем серале. Или они хотят навлечь на себя судьбу жен и дочерей Абд-эль-Малека? Когда он умер от гангрены через неделю после экзекуции, женщины снова принялись его оплакивать, и султану пришлось пригрозить немедленной смертью, если они не прекратят причитаний. В течение нескольких дней, пока он оставался во дворце, женщины сдерживали свои стенания, но стоило ему покинуть дворец, как вопли возобновились. Тогда султан удавил четырех женщин на глазах остальных.

После этого напоминания оставшиеся в серале женщины примолкли и принялись искать какую-нибудь щелку, через которую можно было бы краешком глаза взглянуть на зрелище, происходящее на террасе.

Возвратившись, главный евнух прошел в комнату Анжелики, где служанка закутывала ее в покрывало. Она и не думала плакать и рыдать из-за того, что ее оставили здесь, но начальник гарема продолжал свою опасную игру — каждый раз предоставляя будущей фаворитке возможность видеть своего будущего хозяина, оставаясь невидимой для него.

Поэтому Анжелике всегда приходилось, затерявшись в толпе женщин, сопровождать султана во время прогулок и при его появлении на публике. На случай, если султан станет слишком пристально присматриваться к толпе белых и зеленых коконов, сопровождавших его, трем зорким евнухам было приказано спрятать Анжелику или дать ей возможность скрыться. Осман Фараджи знакомил ее таким образом с

характером и поведением Мулаи Исмаила, чтобы помочь ей преодолеть свою антипатию и прийти в форму. Ее еще могли шокировать вспышки бешенства, но со временем она привыкла к ним. Он хотел, чтобы она без всяких оговорок приняла своего хозяина и взяла на себя роль, которую он предназначил для нее.

Итак, Анжелика присоединилась к группе женщин, направлявшихся в сады. Англичанка была там — она не носила покрывала и держала за руки двух девочек, мулаток с желтыми волосами и янтарного цвета кожей — близнецов, которых она родила султану. Их рождение стоило ей титула первой жены, потому что Лейла Айше родила султану сына.

В знак своего положения Лейла Айше замыкала процессию. Она также была без покрывала и присоединилась к остальным, спустившись по собственной лестнице из собственных покоев. У нее была собственная охрана из евнухов, а служанки несли перед ней меч, олицетворяющий ее власть. Ее внушительного роста фигура была задрапирована в красную полосатую матерiu.

Открытые лица двух фавориток совершенно ясно показывали, что они не чувствовали себя обязанными подчиняться распоряжениям Османа Фараджи. Лейла Айше уже давно интриговала, стремясь возвысить верного ей начальника телохранителей Раминана на пост главного евнуха сераля. Это был угольно-черный евнух с голубой татуировкой на лбу, указывавшей, что они с Османом Фараджи, который был харраром, происходят из разных племен. Здесь, в гареме, родовая вражда в миниатюре отражала существовавшую повсюду в Африке вражду между племенами.

Маленький принц Зидан шел за своей матерью. От своих негритянских предков с обеих сторон мальчик унаследовал шоколадный цвет лица. На нем был белый тюрбан и фисташковый с малиновой отделкой бурнус.

Анжелику он очень забавлял; она прозвала его принцем Бонбоном, хотя в его характере не было ничего особенно сладкого. С высоты роста шестилетнего ребенка он смотрел на настоящий стальной меч, только что полученный в подарок от отца. Наконец-то он покончил с деревянными саблями и может отрубить головы Матье и Жану Бадигу — двум французским рабам, его товарищам по играм. Он собирался заняться этим сегодня же после праздника.

Едва миновав последние ворота, ведущие в сады, где они могли встретиться с мужчинами-рабами, строившими Мулаи Исмаилу мечеть, бани и амфитеатр и копавшими пруд, обе фаворитки прикрыли лица покрывалами. Но сегодня в мастерских никого не было. Лестницы и каменные плиты лежали под серебристыми оливковыми деревьями рядом с незаконченными строениями.

Из-за наружной стены дворца, где жили рабы в хижинах из необожженного кирпича и тростника, — каждый в своей, но каждая национальность отдельно и со своим вожаком и советом — донесся далекий грохот.

Группа женщин под охраной гвардейцев султана присоединилась к процессии. Мулаи Исмаил шел под зонтиком, который несли два негритенка. Его окружали старейшины основных племен, а также любимые советники: Самюэль Бедоран, еврей; Хуан ди Альфери, ренегат-испанец, известный после обращения под именем Сиди Мушади; наконец, еще один ренегат-француз, которого прежде звали Жозеф Жиллард, а теперь — Сиди Родани и который отвечал за военное снаряжение.

Султан церемонно приветствовал Османа Фараджи, когда тот занял свое место среди приближенных.

Крики арабской толпы тонули в звуках флейт и грохоте тамбуринов. И все же, когда процессия достигла главной площади Мекнеса, крики стали еще

громче. По мере того, как перед ней расступалась толпа в белых бурнусах, впереди открывалась взору унылая группа белых рабов в лохмотьях. Отчаянно вопя, они, как грешники в аду, простирали руки к Мулаи Исмаилу, но их удерживали стражники с кнутами и дубинками в руках. Крики на всех языках Европы сливались в сплошной шум, но одно имя можно было различить: «Нормандец! Нормандец! Милости Колену-нормандцу!».

Мулаи Исмаил остановил процессию. На его губах играла едва заметная улыбка, как будто он принимал эти мольбы за овацию. Затем он вместе со своей свитой поднялся на небольшое возвышение. Его женщины разместились на стульях, откуда все было хорошо видно. И тут-то Анжелика увидела, что именно отделяет султана и его свиту от толпы рабов.

В центре площади находилась широкая прямоугольная яма футов двадцати глубиной. Земля по краям ямы была посыпана белым песком. Камни и кое-какие растения пустыни придавали ей вид небольшого садика. Из ямы в нестерпимо жаркий воздух поднимался аммиачный запах диких зверей. Это было логово львов!

Потом Анжелика заметила части скелетов в углах и две деревянные решетки на дне ямы, закрывавшие выходы из тоннелей, ведущих в клетки львов.

Мулаи Исмаил поднял руку. Одна из решеток каким-то образом приподнялась — Анжелика не видела, каким именно.

Рабы подались вперед с такой силой, что передние чуть не свалились в яму, и приникли к ее краю, стоя на четвереньках и не отводя глаз от открывающейся перед ними мрачной бездны.

Медленно появилась фигура раба, скованного цепями по рукам и ногам. Решетка опустилась за ним. Раб зажмурился на ослепительном солнце. С возвышения он казался человеком необыкновенного

роста и силы. Рубашка и короткие штаны не закрывали могучих мускулистых ног и широкой волосатой груди, на которой сверкал крестик. Между светлыми спутанными волосами и бородой щурились небесно-голубые глаза. С меньшего расстояния в его косматой, как у викинга, шевелюре и бороде можно было бы разглядеть несколько белых прядей — ему было не меньше сорока лет, и двенадцать из них он провел в рабстве.

По толпе прошел ропот, постепенно превратившийся в громкий крик: «Колен! Колен Патюрель! Колен-нормандец!».

Тощий рыжеволосый мальчик перегнулся к нему и кричал по-французски: «Колен, дружище, борись! Убивай, рази, все, что угодно, только не умирай! Не умирай!».

Раб поднял руки, успокаивая толпу. Анжелике были видны кровавые дыры в центре его ладоней, и она узнала в нем человека, которого видела распятым над воротами, когда въезжала в город. В несколько шагов он достиг середины ямы и поднял голову к Мулаи Исмаилу:

— Приветствую тебя, о повелитель, — сказал он твердым голосом по-арабски. — Как поживаешь?

— Лучше, чем ты, собака, — отвечал султан. — Понял ли ты наконец, что пришел день твоей расплаты за все оскорбления, которые я терпел от тебя? Еще позавчера ты посмел разгневать меня требованием, дабы я призвал священников в свое королевство, чтобы продавать им моих собственных рабов. Мы не в Алжире и не в Тунисе, и я не намерен подражать тем жадным торговцам, которые думают только о собственной выгоде и забывают, что все они принадлежат Аллаху. У меня в самом деле лопнуло терпение, но не так, как ты надеялся. Думал ли ты вчера, когда я обнимал тебя и

давал обещания, что сегодня окажешься в яме со львами? Ха-ха-ха!

— Нет, повелитель.

— И ты радовался и говорил своим последователям, что получил от меня все, чего хотел. Колен Патюрель, сейчас ты умрешь!

— Да, господин.

Мулаи Исмаил, нахмурившись, сел. Рабы опять начали причитать и молить, пока стражники не направили на толпу мушкеты. Султан также повернул в их сторону потемневшее лицо.

— Я не радуюсь, предавая тебя смерти, Колен Патюрель. Я уже несколько раз заставлял себя поступать так, и каждый раз с радостью видел тебя живым и невредимым после казни, которая должна была покончить с тобой. Но на этот раз не заблуждайся, я не оставил демонам никакой возможности спасти тебя. Я не сойду с этого места, пока звери не разгрызут последнюю твою кость. И все же я без радости буду наблюдать за твоей смертью, особенно потому, что ты умираешь во тьме своей ложной веры и потому будешь проклят навеки. И все же я простил бы тебя. Все, что от тебя нужно, — это перейти в мусульманство.

— Об этом нечего и говорить, повелитель.

— Почему тому, кто знает по-арабски, трудно произнести эти простые слова: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомед — пророк его»? — взревел Мулаи Исмаил.

— Если бы я произнес это, я стал бы мусульманином. И тогда ты пришел бы в замешательство, повелитель. Почему ты не рад видеть мою смерть, почему ты хочешь, чтобы я спас свою жизнь? Просто потому, что я вожак твоих рабов здесь, в Мекнесе, потому что благодаря мне они усерднее и послушнее работают на твоих стройках и потому что я нужен тебе, пока твои дворцы и мечети не будут построены. Но если я перейду в мусульманство, я стану вероотступником —

какое влияние я буду тогда иметь на всех этих христиан? Я смогу носить тюрбан и ходить в мечеть, но мастерка мне уже в руках не держать. Как ренегат я буду потерян для тебя из-за твоего прощения; как христианин я потерян для тебя из-за твоих львов.

— Собака, твой коварный язык достаточно обманывал меня. Умри же!

Безмолвная тишина охватила толпу: пока раб говорил, решетка за его спиной медленно поднялась. Могучий нубийский лев медленно вышел из темного прохода. Он потряс своей массивной головой с темной гривой и медленно, крадучись по-кошачьи, двинулся вперед. За ним показалась львица, за ней — лев с Атласских гор, с песочно-желтой шерстью и рыжей гривой. Она медленно подошли к рабу, который не отступил ни на шаг. Нубийский лев начал помахивать хвостом, но казалось, что его раздражает не замерший перед ним человек, а нетерпеливые лица, наклонившиеся над краем ямы. Ворча, он обвел не знающими страха глазами толпу и, рыча, несколько раз потянулся.

Анжелика уткнулась лицом в покрывало. Потом она услышала ропот в толпе и снова взглянула вниз. Не обращая никакого внимания на жаркое нетерпение толпы, в центре внимания которой он оказался, лев собирался улечься в тени камня, куда и направился мимо человека, не проявляя к нему никакого интереса и лишь потершись об его ноги, как большая черная кошка.

Арабы пронзительно закричали и стали бросать в яму камни и комья земли, чтобы растормошить львов. Но звери лишь дружно рычали и, сделав несколько кругов вокруг ямы, растянулись перед опущенными решетками, как будто думали единственно о том, как бы продолжить свой дневной сон.

Глаза Мулаи Исмаила вылезли из орбит. «Это чародей», — без конца повторял он. Потом встал и подошел к краю ямы:

— Колен Патюрель, львы и не подумали наброситься на тебя. Какую власть ты имеешь над ними? Ответь, и я дарую тебе жизнь.

— Сначала обещай мне жизнь, а потом я скажу тебе.

— Да будет так! Да будет так! — в нетерпении воскликнул султан. Он сделал знак надсмотрщикам, чтобы те подняли решетки. Львы зевнули и скрылись в темных проходах. Решетки за ними опустились на место.

Громкий крик вылетел из глоток рабов. Христиане обнимались и плакали. Их вожак спасен!

— Говори, говори же! — нетерпеливо кричал Мулаи Исмаил.

— Еще одна милость, о повелитель. Позволь святым отцам приехать в Мекнес, чтобы попытаться выкупить рабов.

— Принесите мне мушкет! Я убью его своими руками!

— И я унесу свою тайну с собой.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Пусть твои священники приедут, подождем и посмотрим, какие подарки они привезут мне, тогда и увидим, что я смогу дать им взамен. Вылезай, Колен Патюрель!

Несмотря на тяжелые цепи, могучий раб вскарабкался по камням, тут и там торчавшим из стены. Когда он вступил на площадь около арабов, ни один из них не посмел дотронуться до него, хотя они чувствовали себя пристыженными и разочарованными. Он распростерся ниц перед тронем Мулаи Исмаилом, припав лбом к земле.

С недоуменным выражением лица и с подобием улыбки на толстых губах тиран прикоснулся изогнутым носком своей туфли к могучей шее раба.

— Встань, проклятый пес!

Нормандец выпрямился во весь свой рост.

Анжелика не могла оторвать взгляда от этих двух мужчин, стоявших друг против друга. Она находилась так близко от них, что не смела дышать. Страсть, кипящая в них, казалось, захватывала, затягивала ее. Осман Фараджи правильно делал, заставляя Анжелику присутствовать при выходах Мулаи Исмаила. Она не могла оставаться равнодушной к силе мужского характера, которая струилась от него, как тепло от нагретой печи. Издали она могла бы счесть его опасной марионеткой, одержимой садистскими склонностями. Но он был не таков. Он был еще хуже. Если его красивое блестящее, как бронза, лицо наводило ужас на вождей, обремененных годами и привычных к войне, то причиной этому была его какая-то почти сверхъестественная сила, умение добиваться от них верности и заставлять их идти ради себя на все.

Она вспомнила, что испытывала те же чувства, стоя перед Людовиком XIV. При виде слабости у Мулаи Исмаила краснело в глазах, он выходил из себя, как будто слабость наносила удар по его жизненной силе, кипевшей в нем, как лава в вулкане. Он нуждался в противнике под стать себе самому — сильном, как этот раб с обнаженными руками. Один обладал неограниченной властью, другой был закован в цепи, но оба они — султан и раб, мусульманин и христианин — и тот и другой знали лишь одного врага — Азраэля, ангела смерти.

Но черный ангел смерти в ужасе отступал перед такими людьми и отправлялся косить менее сильные души. Азраэлю еще придется подождать, пока он сможет потребовать их жизнь. Жизнь Мулаи Исмаила, несмотря на кольчугу, которую он носил под бурнусом, и жизнь Колена Патюреля — несмотря на его выходки. И все же ангелу придется выдержать яростную схватку

с каждым из них, и пройдет еще много длинных дней, прежде чем Азраэль сможет одержать над ними победу — стоило лишь посмотреть на них, глядящих друг на друга, чтобы понять это.

— Говори! — приказал Мулаи Исмаил. — Каким колдовством ты остановил челюсти львов?

— Дело не в колдовстве, о повелитель. Когда ты приговорил меня к этой казни, ты забыл, что я долгое время работал в клетках у львов и часто помогал надсмотрщикам. Львы хорошо знают меня, и я часто без опаски заходил в их клетки. Только вчера я предложил заменить человека, который их кормит, и дал им двойные порции. Я сказал — двойные? Тройные! Три зверя, которых ты выбрал за их свирепость, пришли в яму, набитые едой, как пушки пыжами. Нужно ли говорить, что они ничуть не были голодны. Один вид пищи, живой или мертвой, мог вызвать у них рвоту, потому что я примешал в их еду одурманивающую траву.

Мулаи Исмаил почернел от гнева:

— Наглый пес! Ты смеешь говорить при моих подданных, что оставил меня в дураках? Я собственноручно снесу тебе голову с плеч, — он встал и вытащил саблю, однако вожак рабов возразил:

— Я рассказал тебе свою тайну. Я сдержал обещание. Тебя считают правителем, который держит свое слово. Ты должен сохранить мне жизнь, и ты обещал, что святые отцы смогут выкупить нас.

— Не гневи меня своими словами, — взревел тиран, размахивая саблей. Потом, ворча, он вложил ее в ножны.

На некоторое время внимание присутствующих было отвлечено цепочкой слуг, принесших султану обед в огромном медном котле. Мулаи Исмаил распорядился, чтобы обед ему подали сюда, потому что думал, что аппетит львов возбudit его собственный.

Слуги чуть не упали, увидев, что мясо, предназначенное для львов, стоит как ни в чем не бывало перед их господином.

Султан сел на груды подушек и знаком пригласил приближенных подойти поближе к котлу и разделить с ним трапезу.

Потом он опять спросил:

— Как ты догадался, что я собираюсь бросить тебя на съедение львам? Я не говорил об этом ни одной душе до сегодняшнего утра. Наоборот, по дворцу ходил слух, что я выслушал тебя благосклонно.

Голубые глаза раба сузились:

— Я знаю тебя, повелитель. Я знаю тебя...

— Ты хочешь сказать, что мои намерения так ясно написаны на моем лице, что я не могу обмануть тех, кто имеет ко мне доступ?

— Ты хитер как лиса, но я — нормандец.

Султан рассмеялся, обнажив ряд ослепительно белых зубов. И от этого смеха почувствовали облегчение те из рабов, которые слышали «секрет» Колена Патюреля.

— Люблю нормандцев, — с теплотой в голосе сказал Мулаи Исмаил. — Я прикажу пиратам покрейсировать между Гавром и Арфлером и привезти мне сюда побольше нормандцев. Только одно не нравится мне в тебе, Колен Патюрель. Ты слишком велик. Ты выше меня, а этого я не выношу.

— Ну, это можно исправить разными способами, повелитель. Ты можешь отрубить мне голову или можешь пригласить меня сесть рядом с собой. Тогда ты со своим тюрбаном станешь выше меня.

— Да будет так, — заявил султан после секундного колебания, во время которого он явно боролся с собой, заставляя себя не обижаться. — Садись.

Раб подогнул свои длинные ноги и сел на роскошные подушки подле султана. Мулаи Исмаил

предложил ему цыпленка.

Вожди и другие придворные обиженно зароптали, даже Лейла Айше и Дейзи-Валина. Мулаи Исмаил взглянул на них.

— В чем дело? Вам не прислуживают?

Один из визирей, Сиди Ахмет, ренегат-испанец, ответил со смехом:

— Мы жалеем не о пище, о, повелитель; нам больно видеть раба рядом с тобой.

Глаза султана метнули огонь:

— А как вы думаете, почему я должен обращаться с вонючим рабом как с равным? — спросил он. — Так я вам отвечу. Потому что ни один из моих советников не желает портить свою репутацию, разговаривая с рабами. Если рабы хотят попросить что-нибудь у меня, они должны говорить об этом мне самому, и поэтому я вынужден наказывать их за дерзость. Поэтому каждый раз из-за вашей нерадивости я теряю раба. Разве не ваше дело — стоять между мной и ними, особенно не твое ли, Сиди Ахмет Мушади, и не твое ли, Родани, которые когда-то были христианами? Почему вы сами не взяли на себя просьбу о том, чтобы я допустил сюда священников? Или вам не жаль своих бывших единоверцев? — говоря, Мулаи Исмаил постепенно распался. Испанца это ничуть не беспокоило, потому что его положение было прочным — он командовал войсками султана в походе против мятежных племен. Он ответил на упреки султана, бросив презрительный взгляд на рабов-христиан.

— Я отрекся от их господа и владыки. Почему же я должен беспокоиться о его слугах?

— Можно ли мне есть, о повелитель? — кротко спросил Колен Патюрель, все еще сжимавший в пальцах цыпленка. В эту минуту он страдал не меньше, чем от пыток, придуманных Мулаи Исмаилом, потому что уже

много лет не наедался досыта и отвык от деликатной пищи.

Этот вопрос вызвал у султана новый взрыв гнева — он заметил, что вожди приступили к еде, не дожидаясь его, и принялся поносить их:

— Ешь! — рявкнул он нормандцу. — А вы все, обжоры, перестаньте набивать брюхо, будто вы рабы, сидевшие на хлебе и воде, а не богачи, разжиревшие на моих деньгах! — Он приказал слугам убрать еду, поданную вождям, и отдать ее невольникам. Вожди пытались возражать, говоря, что христиане недостойны есть из одного блюда с султаном, но Мулаи Исмаил заставил их отдать блюда как есть — с грудями цыплят и плова.

Рабы набросились на султанское угощение, как свора голодных собак, и яростно дрались из-за последних крошек.

По-прежнему скрываясь в толпе, Анжелика с жалостью наблюдала за этими несчастными, размышляя о том, какими униженными они стали в этом тяжелом и безнадежном рабстве. Наверняка среди них были люди благородного происхождения, служители церкви, знать, но нищета вырядила их всех в одинаковые лохмотья. Она обратила внимание на их худобу и подумала о Савари, пальцы которого сморщились и стали чуть толще спички. Бедный старик, конечно, умирал от истощения, а ей и в голову не пришло предложить ему хотя бы вафлю.

Со своего места она могла расслышать разговор между султаном и нормандцем и следила за ходом их спора. Она заметила, что страстная, не знающая устали натура Мулаи Исмаила влечет ее и в то же время заставляет противиться этому влечению. Управлять таким человеком — все равно что укрощать дикого зверя, который всегда остается диким и кровожадным.

Миниатюрная черкешенка с зеленого Нила прижалась к ее плечу, не сводя глаз с султана. Она нерешительно призналась, что султан кажется ей привлекательным — по-арабски она говорила ничуть не лучше самой Анжелики.

— Не так уж он ужасен, знаешь... Он старался рассмешить меня, чтобы я забыла о своих слезах... он дал мне браслет. Его рука, прикасавшаяся ко мне, была нежной... грудь у него как серебристый щит... я пришла к нему девушкой, а теперь я женщина... и каждую ночь я познаю новую радость.

— Мулаи Исмаилу нравятся черкешенки, — сказал Осман Фараджи. — Они забавляют и радуют его, как котята, все к лучшему. Он дает мне время, чтобы подготовить его к тигрице.

Анжелика весьма непочтительно пожала плечами. Она не говорила ничего, но с каждым днем ей все труднее было продолжать это пассивное сопротивление, объедаясь конфетами и орехами, пользуясь прекрасным обращением и непрерывно слушая щекочущие нервы перешептывания женщин, делящихся друг с другом своим опытом в науке любви. В обстановке гарема было что-то такое, что обостряло все чувства. Все здесь вращалось вокруг Мулаи Исмаила — всемогущего и невидимого. Его дух проникал повсюду, пока не превращался в навязчивую идею. Анжелике случалось вскакивать ночью — она совершенно определенно видела его в тени.

Когда у нее не было возможности видеть его во плоти, она предпочитала воссоздавать его образ в воображении. Теперь он предстал перед ней, как и все люди, а не как абстракция, фигура чуть ли не мифическая. Никогда не бывало, чтобы она не могла понять настоящего мужчину. Она продолжала наблюдать за ним, как и другие, — и в конце концов решила, что он ей нравится.

— Когда же ты позволишь приехать нашим святым отцам? — спрашивал Колен Патюрель, набивая рот едой.

— Они могут приехать, когда захотят. Дай им знать, что я приму их милостиво.

Нормандец предложил написать от имени султана два письма: одно Али, сыну Абаллаха, начальнику гарнизона испанского города Сеута, чтобы он мог начать переговоры; другое — самим тринитарианцам, которое доставят им французские купцы, находящиеся в Кадисе.

Мулаи Исмаил тут же послал за пером, а Колен Патюрель позвал писца — того самого мальчика, который подбадривал его криками: «Не умирай! Убивай!». Этот мальчик, по прозвищу Жан-Жак, был одним из очень немногих парижан среди рабов.

Колен Патюрель продиктовал ему письмо, адресованное преподобным отцам-тринитарианцам, в котором умолял их отправить в Мекнес делегацию, чтобы выкупить рабов, до сих пор всеми покинутых. Он советовал задобрить султана щедрыми подарками, а особенно часами с золотыми циферблатами, символизирующими солнце.

Глаза султана блеснули. Он вдруг стал нетерпеливо подгонять посланцев.

Пиччинино-венецианец, казначей рабов, уплатил за это письмо писцу Али четыре дуката из общей кассы. Письмо он посыпал песком, запечатал и положил в мешочек, который гонец должен был держать прямо на теле, под мышкой.

— Так вы зовете их тринитарианцами? — лицо Мулаи Исмаила потемнело.

— Да, о господин. Они думают только о религии и скитаются по всей стране, собирая лепту с благочестивого народа на выкуп за неимущих рабов.

Однако султана интересовало совсем не это.

— Троица? — произнес он. — Это не та догма, которую вы признаете, будто Бог делится на три лица? Нет Бога, кроме единого Бога. Я не могу допустить в свои владения неверных, которые придерживаются такой святотатственной ереси.

— Тогда мы можем направить письмо отцам-искупителям, — просто ответил нормандец, исправляя адрес.

Наконец гонец скрылся вдали в клубах красной пыли, и Мулаи Исмаил продолжил свое расследование.

— Вы, христиане, утверждаете, что существуют отец, сын и дух святой. Вы оскорбляете саму природу Бога. Я верю, что Иисус был воплотившимся словом божьим, я верю, что он был одним из величайших пророков, ибо в Коране сказано: «Всякий человек, рожденный женщиной, — сын сатаны, кроме Иисуса и его матери». Но я не верю, что он Бог в человеческом обличье, поскольку если бы я верил в это... я должен был бы сжечь всех евреев в своем королевстве, — он указал пальцем на Самюэля Бедорана.

Советник-еврей съежился. Мулаи Исмаил находился во власти религиозных предрассудков, мешавших ему рассуждать здраво. Побудительной причиной большей части его действий было убеждение, что его Бог был унижен и оскорблен еретиками и неверными и что он, как глава веры, должен отомстить за Бога.

Султан глубоко вздохнул.

— Хотел бы я обсудить с тобой писание, Колен Патюрель. Как может здравомыслящий человек находить успокоение в вере, которая считает вечное проклятие искуплением за грех?

— Я не теолог, — ответил Колен Патюрель, отрывая крылышки цыпленка. — Но что ты зовешь добром и злом, о господин? Для меня убийца себе подобного — преступник.

— Дурачье! Как можно быть таким глупым, чтобы путать мирские вещи с вечной истиной! Зло... единственный непростительный грех — это отрицать спасение, потому что это значит — отрицать правду. И это преступление вы, христиане, совершаете каждый день своей жизни. Вы обрекаете себя, как и евреи, которые первыми услышали слово Божье. И евреи, и христиане исказили наши священные тексты — книги Моисея, псалмы Давида, евангелия — и находят в них то, чего в них никогда не было. Как можно жить в таком заблуждении? В таком грехе? Отвечай, сукин сын!

— Я не могу ответить тебе. Я всего лишь бедный нормандский моряк, родом из Сен-Валери-Ан-Ко. Но я бы посоветовал тебе поговорить с Рено де Мармонденом, рыцарем Мальтийского ордена, который очень сведущ в теологии.

— Где этот ваш рыцарь? Сюда его!

— Его нет в Мекнесе. Сегодня рано утром он отправился в пустыню с отрядом, который должен добывать гравий для раствора.

Эти слова неожиданно отвлекли Мулаи Исмаила от метафизических дискуссий. Он вдруг сообразил, что его рабы уже три часа как отдыхают.

— Что делают все эти псы, подбирающие объедки с моего стола? — взревел он. — Я созвал их, чтобы они увидели твою смерть, а не слушали оскорбления, которыми ты осыпаешь меня. Убирайся с моих глаз, свинья! Сегодня я помиловал тебя, но завтра... завтра берегись! — И он приказал дать всем рабам-французам по сотне плетей за утро, потерянное ради казни Колена Патюреля.

Глава 20

Сады Мекнеса были просто чудом. Анжелика часто отправлялась туда, иногда с кем-нибудь из женщин, иногда одна, в двухколесной повозке, запряженной мулами. Занавески скрывали ее от посторонних взоров, но не мешали наслаждаться красотой цветов и деревьев и нежиться под теплым солнцем. Однако она опасалась, что во время одной из таких прогулок главный евнух может подстроить ей встречу с хозяином где-нибудь на садовой дорожке.

Дело в том, что Мулаи Исмаил любил прогуливаться в своих садах, чем напоминал своего царственного друга Людовика XIV. Он тоже любил наблюдать за ходом работ. Здесь его всегда можно было застать в хорошем расположении духа, особенно если в это время он качал одного из своих младших детей или гладил одну из своих кошек, прогуливаясь по тенистым аллеям в сопровождении нескольких приближенных. Все знали, что это удачное время, чтобы попросить его об особенной милости, потому что Мулаи Исмаил никогда не давал в такие минуты волю гневу, чтобы не напугать маленького коричневого принца, которого он держал на груди, или лоснящуюся кошку, которую он ласкал. Его любовь и нежность к детям и животным удивляла всех, кто знал его, не меньше, чем его жестокость к себе подобным.

Сады и дворцы были полны редких животных. Повсюду под деревьями, среди цветов, во внутренних двориках бродили всевозможные кошки, и нужна была целая армия слуг, чтобы следить за их серой, белой, черной или пятнистой шерсткой. Гуляющие чувствовали на себе взгляд отсвечивающих зеленым голубоватых зрачков, принадлежащих почти невидимым, будто

нечисть из сказки, тварям, шнырявшим по саду и придававшим ему таинственность.

Здесь кошки не были обучены стеречь рабов или охранять сокровищницы, как на Востоке. Их любили самих по себе, и это сделало их ручными и ласковыми. О всех животных, принадлежавших Мулаи Исмаилу, хорошо заботились. Его кони, которые занимали в его душе второе место после кошек, жили в роскошных мраморных конюшнях с фонтанами и кормушками, выложенными зеленой и голубой мозаикой.

На краю одного из прудов прихорашивались, чистили перья или гордо вытягивали шеи фламинго, ибисы и пеликаны, не проявлявшие ни малейшей робости. Местами растительность была такой густой, а ряды оливковых деревьев и эвкалиптов расположены так продуманно, что парк напоминал дикий лес, заставляя обитателей забывать, что на самом деле они находятся в тюрьме, окруженной зубчатыми стенами.

Обычно при таких прогулках женщин сопровождали евнухи, потому что, несмотря на высокие стены, сюда проникало много людей, причастных к непрерывным строительным работам. Только в маленьких внутренних двориках с крошечными фонтанами и кустами олеандра женщины могли бывать по-настоящему свободно.

Однажды утром Анжелика собралась к карликовому слону, надеясь повстречать Савари, состоявшего при этом ценном животном главным ветеринаром. К ней присоединилась черкешенка и еще две наложницы Мулаи Исмаила — крупная, веселая эфиопка по имени Муйра и нигерийка с бесстрастным лицом цвета лимонного дерева.

Они направились к зверинцу под охраной трех евнухов, один из которых, по имени Раминан, был начальником стражи при султанше и нес на руках принца Зидана. Принц прослышал о слоне и ревел до

тех пор, пока кто-то не согласился показать ему этого слона.

Ожидания Анжелики оправдались. Савари ставил клизму своему пациенту с помощью огромного свинцового шприца; ему помогали еще два раба. Слон съел слишком много плодов гуавы. Принц тут же пожелал угостить его еще одним. Ветеринар уступил ему, опасаясь навлечь на себя гнев повелителя. Одним плодом больше или меньше — какая разница, хуже слону не станет.

Анжелика воспользовалась всей этой суматохой, чтобы сунуть Савари два хлебца, которые сумела спрятать под своими накидками. Толстяк Рафаи увидел это, но ничего не сказал, потому что ему было строго-настрого приказано не придирааться к ней и не приставать с дисциплиной.

— Вы сумели составить какой-нибудь план побега?
— прошептала она.

Аптекарь осторожно огляделся вокруг и ответил сквозь зубы:

— Мой зять Самюэль Манморан, отличный парень, готов передать мне немалую сумму, чтобы было чем заплатить стражникам. Колен Патюрель знает кое-кого, кто всегда помогает беглецам.

— А они заслуживают доверия?

— Он клянется, что да.

— Тогда почему он сам не бежит?

— Его всегда держат в цепях. Ему не легче бежать, чем вам. Он говорит, что на его памяти ни одна женщина не пыталась бежать. Мой совет — дожидаться отцов-тринитарианцев и тогда попросить помощи у короля Франции.

Анжелика уже собралась ответить ему как следует, но ворчание Рафаи дало ей понять, что их секретный разговор, из которого тот не понимал ни слова, достаточно затянулся.

Стражники в это время говорили женщинам, что пора уходить, однако убедить принца Бонбона им было существенно труднее. Раминан поднял его на руки. Он перестал капризничать, только когда они свернули за угол и встретили старого седого раба по имени Жан-Батист Колен, фламандца, подбирившего упавшие листья. Малыш завизжал, что хочет отрубить ему голову, потому что он сед и уже ни на что больше не годен. Ничто не могло отвлечь его от этого желания, так что евнухи сказали старику, чтобы тот упал, как только почувствует удар. Принц поднял свой крошечный кинжал и изо всех сил ударил раба. Старик рухнул на землю и притворился мертвым. Тем не менее он был ранен в руку. Кровь, обильно хлынувшая из раны, развеселила малютку, он расплылся в улыбке и согласился продолжать прогулку.

Они пересекали залитый солнцем луг, на котором рос клевер для дворцовых лошадей. Чуть дальше находилась роща из апельсиновых деревьев и розовых кустов — самое очаровательное место во всем саду. Его творцом был испанец, который сочетал голубовато-зеленую листву, обрамляющую золотые плоды, с расположенными под деревьями островками роз, так что смешивающиеся запахи давали одурманивающий аромат. Там работали два раба.

Проходя мимо, Анжелика услышала, что они говорят по-французски. Она обернулась, чтобы получше разглядеть их. Один был молод, но выглядел немного манерным, наивным, и Анжелика легко могла бы представить его в парике и кружевном жабо, какие носили придворные щеголи. Он уставился на нее — француз должен быть совсем уж раздавлен ярмом рабства, чтобы не взглянуть на таинственную красавицу под покрывалом, оказавшуюся так близко от него.

— Я хочу вон тот апельсин, вон, наверху! Прикажите рабам достать его для меня! — вдруг воскликнула черкешенка. На самом деле она тоже заметила прекрасного молодого человека и хотела остановиться, чтобы подольше посмотреть на него. Опыт, приобретенный ею в объятиях Мулаи Исмаила, превратил наивную девочку в женщину, жаждавшую испробовать свои чары на других мужчинах, а эти, хоть их истощенные тела и были прикрыты вонючими лохмотьями, были первыми, кого она встретила с того дня, как султан открыл ей основные правила тончайшей, но страстной игры, которую с тех пор, как стоит мир, каждая Ева ведет с каждым Адамом, видя каждого в новом свете, — первыми, не считая, конечно, самого султана.

Ее любопытные глаза разглядывали сквозь тонкое покрывало этих белокожих мускулистых рабов; у молодого была привлекательная улыбка и светлые шелковистые волосы. Каково это — оказаться в его объятиях? Как любят христиане? Она слышала, они даже не обрезаны... — Я хочу вон тот красивый апельсин, — твердила она.

Хитрый старый Рафаи несколько раз повторил ей, что она не имеет права просить фрукты, потому что все они принадлежат султану и никому больше. Девушка рассердилась и ответила, что принадлежащее султану принадлежит и ей, потому что отныне он ее раб, он сам уверял ее в этом. Она пожалуется на евнухов, и они будут наказаны.

Два раба краем глаза следили за спором. Молодой блондин — маркиз де Воклюз, всего несколько месяцев как попавший в неволю, — улыбнулся от удовольствия, слушая требовательный женский голос. Но его товарищ, бретонец по имени Жан Ле Ген, имел опыт двадцатилетнего пребывания в рабстве в Марокко. Он тихо посоветовал маркизу отвести взгляд и делать вид,

что он занят своей работой, потому что рабам под страхом смерти запрещалось смотреть на женщин султана. Маркиз пожал плечами. Как сладка эта малютка, — насколько он может судить, как раз то, чего ему хочется.

— Она хочет вон тот апельсин, — перевел бретонец.

— Как можно отказать такой прелестной девушке? — произнес маркиз де Воклюз. Он положил садовый нож, вытянулся, чтобы достать плод, и, сорвав его, вручил черкешенке с таким поклоном, как будто перед ним была мадам де Монтеспан.

То, что случилось дальше, произошло с быстротой молнии. Что-то просвистело в воздухе, и в грудь Воклюза до самой рукоятки вонзился дротик. Он рухнул на землю.

В конце поросшей травой дорожки показался Мулаи Исмаил на белом коне. Его лицо перекопилось от ярости. Пришпорив коня, он подскакал к упавшему рабу, выдернул оружие из его тела и повернулся ко второму, как будто собираясь пронзить и его. Но бретонец бросился вперед и упал между передними ногами коня, жалобно крича по-арабски: «Прости, о повелитель, прости меня ради твоего священного коня, который побывал в Мекке!».

Мулаи Исмаил старался достать его из-под лошадиного брюха, но раб, рискуя быть растоптанным непрерывно переступавшими копытами, не покидал своего убежища. Некоторые из лошадей Мулаи Исмаила считались священными, особенно те из них, которые побывали в Мекке. Жан Ле Ген вовремя узнал одну из них — самую красивую и самую любимую лошадь султана. Мулаи Исмаила смягчила такая любовь к его коню, кличка которого была «Лапилор».

— Ладно, — сказал он рабу. — Ты хотя бы знаешь наши святыни. Но убирайся с моих глаз, грязная тварь, и чтоб я больше о тебе не слышал!

Бретонец выполз из-под лошади, перешагнув через мертвое тело своего товарища и во весь дух понесся через душистую рощу.

Мулаи Исмаил обернулся, все еще потрясая дротиком и ища взглядом того из евнухов, которого первым следовало наказать за такой недосмотр. Но Раминан нашел способ отвести его гнев — он держал принца Зидана, который с наслаждением наблюдал за всей сценой.

— Ради твоего сына, о господин, ради твоего сына... — евнух многословно объяснил, как черкешенка похвасталась, будто всех накажут из-за него, начальника, который всегда полагался на то, что евнухов учат быть непреклонными. Ей захотелось апельсина. Она заявляла, что принадлежащее султану принадлежит и ей.

Лицо Мулаи Исмаила стало темней ночи. Потом губы растянулись в сардонической усмешке, обнажив сверкающие зубы.

— Здесь все принадлежит мне, и только мне. Ты скоро сама убедишься в этом, Маррианти, — сказал он тихо и, развернув коня, ускакал.

Маленькая черкешенка побелела, как простыня. Ее огромные глаза перебежали по лицам подруг-наложниц, ища ответа на вопрос — какая судьба уготована ей. Мулаи Исмаил готовил ей ужасную казнь — в этом не было сомнений.

Узнав от Раминана о происшествии, Лейла Айше сама сварила в котле настой из трав, известных только ей одной, и позвала двух служанок, чтобы те отнесли его черкешенке. Малютка должна была сразу выпить его. Тогда она безболезненно перейдет в иной мир и избегнет ужасных мучений, которые повелитель сам придумает для нее в наказание за дерзость.

Когда до черкешенки дошло, что ее ожидает, она завизжала от ужаса и опрокинула чашу, разлив яд.

Лейла Айше состроила гримасу, став похожей на раздосадованную обезьяну. Она поступила так по доброте, заявила она, но теперь не все ли равно? Пусть будет как будет.

Одна из кошек полакала из лужи и тут же умерла. Перепуганные женщины тайком похоронили ее. Сейчас им не хватало только, чтобы султан узнал о смерти одной из своих любимиц.

Черкешенка нашла убежище в объятиях Анжелики. Она уже не рыдала, но дрожала, как зверь, которого преследует стая гончих псов. В гареме воцарилась мертвая тишина. Закат окрасил небо в нефритово-зеленый цвет, и комната наполнилась ароматом цветов. Казалось, в сумерках душа невидимого жестокого охотника еще носится по пятам за своей добычей, и все, кто не мог защититься, попрятались.

Анжелика гладила черные, отливавшие синевой волосы Маррианты и старалась придумать несколько фраз, чтобы успокоить ее.

— За какой-то апельсин... не может быть, чтобы он наказал тебя слишком уж жестоко... наверное, тебя высекут... но он бы уже приказал сделать это, а ничего не случилось... так что соберись с силами.

Но сама она была далеко не спокойна, слушая бешеные удары сердца несчастной девушки.

Вдруг черкешенка завизжала. Скрестив руки на груди, к ней из дальнего конца комнаты направлялись евнухи в алой атласной одежде, возглавляемые Османом Фараджи. На них не было тюрбанов, на бритых черепах оставалось лишь по одной косичке, свисавшей с макушки. Они не издавали ни звука, а жирные лица были совершенно бесстрастны.

Женщины разбежались. Они узнали одежды палачей.

Девушка заметалась, как испуганный зверек в поисках спасения, потом опять бросилась на колени к

Анжелике и изо всех сил прижалась к ней. Теперь она не кричала, но ее жалостливое личико отчаянно молило о помощи.

Осман Фараджи сам разжал ее слабые пальцы.

— Что с ней сделают? — запинаясь, спросила Анжелика по-французски. — Не могут же ее покалечить из-за апельсина.

Главный евнух не снизошел до ответа. Он передал жертву двум стражникам, которые потащили ее прочь. Она закричала на своем родном языке, призывая убитых турками отца и мать и умоляя святую икону тбилисской богоматери, своей покровительницы, спасти ее.

От ужаса она не держалась на ногах, и ее приходилось тащить по выложенному плитами полу. Так ее волокли навстречу любви. Так ее волокли навстречу смерти.

Анжелика осталась одна, нервы ее были напряжены до крайности, до болезненного предела. Она будто переживала кошмар, и мягкое журчание воды в фонтане пугало ее не меньше, чем жуткие призраки, возникавшие в ее воображении. Она взглянула вверх, увидела эфиопку, кивающую ей с балкона, и присоединилась к группе женщин, перегнувшихся через балюстраду.

— Отсюда все будет слышно.

В темноте раздался душераздирающий визг, за ним еще один, и еще, и еще.

Анжелика закрыла уши и понеслась прочь, будто спасаясь от искушения. Эти вопли агонии и нечеловеческой боли, которые тиран-садист исторгал из тела маленькой рабыни, виновной лишь в том, что она сорвала апельсин, повергли ее в какое-то состояние оцепенения — ничего подобного она не испытывала с тех времен, когда была маленькой девочкой. Анжелике виделись горящие глаза няни-мавританки, рассказывавшей ей и ее сестрам о мучениях, которым

Жиль де Рец подвергал детей, души которых он отдавал дьяволу.

— Что-то надо сделать. Нельзя позволить им сделать это! — твердила она, шагая по галерее. Но она была всего лишь рабыней в гареме, и жизнь ее могла оборваться точно таким же образом.

Она заметила женщину, прислушивающуюся к звукам, доносившимся из покоев султана. По ее плечам рассыпались золотистые волосы. Это была Дейзи, англичанка. Анжелика подошла поближе, ощущая свое единство с ней среди всех этих темнокожих испанок, итальянок и восточных женщин. Они были единственными блондинками, если не считать бедняжку исландку, от которой никому не было пользы и которая должна была скоро умереть.

Они еще не разговаривали друг с другом, но когда Анжелика подошла к ней, англичанка обняла ее за плечи. Руки ее были холодны как лед.

Отсюда тоже было слышно.

При очередном нечеловеческом крике Анжелика тоже застонала, разделяя чужую боль, но англичанка не дала ей заговорить. Она зашептала по-французски:

— Ну почему она не выпила этот отвар, который ей дала Лейла Айше? Никогда не смогу привыкнуть к таким вещам, — она говорила по-французски с сильным акцентом, но достаточно свободно благодаря тому, что изучала языки, пока еще не поддаваясь лени, которая охватила других наложниц. Долгое время Осман Фараджи имел свои виды на северянку, однако Лейла Айше опередила его. Англичанка смотрела Анжелике в лицо: — Ты боишься его, не так ли? Но ты тверда как сталь. Когда Лейла Айше смотрит на тебя, она говорит, что в твоих глазах спрятано по кинжалу. Черкешенка заняла место, которое Осман Фараджи берег для тебя, и все же ты переживаешь за нее.

— Ради бога, что они делают с ней?

— О, наш повелитель очень изобретателен, когда придумывает небывалые пытки. Ты слышала, как он умертвил Нину Варадову? Это была прекрасная русская девушка, и она дерзко разговаривала с ним. Он отрезал ей груди, защебив их крышкой сундука, которую прижимали два палача. И это не единственная женщина, которую он так мучил. Посмотри на мои ноги, — она приподняла подол юбки и показала ступни и лодыжки, сильно покрасневшие и покрытые страшными ожогами. — Их опускали в кипящее масло, чтобы заставить меня отречься от моей религии. Тогда мне было всего пятнадцать лет. Я уступила. Говорили, что за мое упорство он полюбил меня вдвое сильнее. В его объятиях я познала небесное наслаждение.

— Ты говоришь об этом чудовище?

— Ему приходится заставлять других страдать. Это доставляет ему удовольствие. Тсс! За нами следит Лейла Айше, — высокая негритянка стояла в дверях. — Он любит ее, и это единственная женщина, которую он действительно любит, — Дейзи шептала с восхищением, но не без горечи. — Ему нужно быть рядом с ней, так что ничего жуткого с тобой не случится. Но берегись главного евнуха, этого мягкого, неумолимого тигра...

Анжелика отошла, провожаемая взглядами двух женщин, и скрылась в своей комнате. Фатима и служанки предлагали ей пирожных и кофе, но она не смогла прикоснуться к ним. Она непрерывно посылала узнавать о черкешенке.

Нет, сообщали ей, она еще не умерла. Мулаи Исмаил еще не был удовлетворен, и делалось все возможное, чтобы смерть не наступила слишком быстро.

— Хотела бы я, чтобы огонь небесный поразил этих дьяволов! — сказала Анжелика.

— С чего бы, — удивились служанки. — Разве она твоя дочь или сестра?

Наконец она сжалась на диване, стиснув уши руками и положив на голову подушки. Когда она снова выглянула из-под подушек, уже поднялась луна. Вокруг было тихо. Ей показалось, что по галерее ходит главный евнух, и она подскочила к нему.

— Она умерла, правда? — воскликнула Анжелика. — О, ради небес, скажите мне, что она умерла!

Осман Фараджи пришел в замешательство, увидев ее сжатые руки и перекошенное от страдания лицо.

— Да, она умерла, — ответил он. — Только что она испустила дух.

Анжелика с облегчением вздохнула. Этот вздох прозвучал, как рыдание.

— Апельсин! Все за один только апельсин! Так вот какую судьбу готовили вы и для меня, Осман-бей? Вы хотите, чтобы я стала фавориткой, чтобы он мог и меня замучить за малейший проступок?

— Нет, с тобой этого не случится. Я защищу тебя.

— Почему вы не помешали ему предать ее столь ужасной смерти?

Главный евнух удивленно поморщился:

— Ну... она была не так уж интересна, Бирюза. Не очень-то она блистала. По правде говоря, она обладала прелестным телом и инстинктивно, даже извращенно постигла науку любви. Это единственное, что увлекало в ней Мулаи Исмаила. Но он уже начинал терять к ней вкус, понимал это и невлюбил за это ее. Нередко его гнев оказывается лучшим его советчиком. Палач избавил его от страсти, которая унижала его достоинство... и освободил место для тебя!

Анжелика отпрянула от него, прижав ладонь к губам. «Мягкий, неумолимый тигр!» — слова англичанки звучали у нее в ушах.

— Вы чудовище, — прошептала она. — Вы — воплощение всех чудовищ мира. Вы мне отвратительны,

— она откинулась на подушки и забилась в конвульсивных рыданиях.

Чуть погодя, выполняя приказания главного евнуха, появилась Фатима-Мирела с чашкой душистого настоя из трав. По дороге из кухни она услышала кое-какие подробности о мучениях, которые выпали на долю черкешенки, и теперь умирала от желания рассказать новости своей хозяйке. Но едва с ее губ сорвались первые слова, Анжелика ударила ее и впала в такую истерику, что старая провансалька не знала, как ее успокоить.

Так она и лежала, прислушиваясь к ночным звукам. Гарем затих — все женщины разошлись по своим комнатам. Днем можно было свободно ходить из одного внутреннего дворика в другой и навещать друг друга, но ночью они оставались в одиночестве под охраной евнуха и своих служанок. Никто никогда не посмел бы нарушить это правило. Женщина, которая дерзнула бы попробовать улизнуть от своих стражей, рисковала встретиться лицом к лицу с пантерой, обученной бросаться на ходящих по коридорам.

Несколько девочек-служанок, посланных своими хозяйками на кухню за каким-то лакомством, погибли именно таким образом. По утрам два евнуха, дрессировавших пантеру, разыскивали ее во дворце, и когда это им удавалось, раздавался крик: «Алчади привязана!». Только после этого все вздыхали с облегчением, и гарем оживал вновь.

Единственной из женщин, не боявшейся пантеры, была колдунья Лейла Айше. Она не боялась ни диких зверей, ни султана, ни соперниц — она боялась одного только Османа Фараджи, главного евнуха, напрасно она шептала заклинания против него и изготавливала амулеты, чтобы уничтожить врага. Главный евнух избегал всех ловушек, потому что тоже был знаком с потусторонним миром.

Анжелика смотрела поверх перил своего балкона на темные свечи кипарисов на фоне белых стен внутреннего двора, их горьковатый запах смешивался с ароматом роз. В центре плескался фонтан. Вот и весь ее мир. Непроницаемые стены отрезают ее от жизни, кипящей снаружи. Тюремные стены! Она начала завидовать рабам, голодным и оборванным, — завидовать тому, что они могут свободно ходить туда и сюда по ту сторону этих стен, хотя все знали, что они не могут бежать из Мекнеса и скрыться в пустыне.

Анжелике казалось, что даже если она смогла бы выбраться за крепкие стены гарема, перед ней не откроется легкого пути. Прежде всего нет никакой возможности найти сообщников для побега. Было еще чудом, что благодаря неявному вмешательству главного евнуха ей иногда удавалось переброситься несколькими словами с Савари. Она думала, что если ей удастся вырваться из-за этих стен, Савари может организовать побег, но здесь был бессилен даже его изобретательный ум — слишком много невидимых препятствий встречалось ему на этом пути.

Ночью — пантера. Днем и ночью — не знающие жалости евнухи с копьями и кнутами, охраняющие ворота и террасы.

А служанки? — спрашивала себя Анжелика. Старая Фатима любит ее и вполне ей предана. Но ее преданность не заходит так далеко, чтобы помогать хозяйке в деле, которое будет стоить ей жизни, если Анжелика добьется успеха. Во всяком случае она считала эту идею дурацкой. Анжелика однажды попросила ее передать Савари записку, но старуха отказалась: если кто-нибудь поймает ее с письмом от наложницы султана к рабу-христианину, ее бросят в первый же костер, как какое-нибудь полено. И это еще самое меньшее, что с ней могут сделать. А что будет с

рабом — и представить себе нельзя. Опасаясь за Савари, Анжелика не настаивала.

Она не знала, чего ждать. Иногда, чтобы приободрить себя, она думала о двух своих далеких сыновьях, Флоримоне и Шарле-Анри, но эти мысли редко прибавляли ей решительности. Ей не преодолеть препятствий, разделяющих их.

Она вдыхала восхитительный аромат роз и слушала мавританскую девочку-служанку, которая старалась убаюкать свою госпожу, перебирая струны гитары. Зачем бороться? Завтра у нее опять будут эти слоеные пирожки, начиненные рублеными цыплятами и приправленные перцем, сахаром и корицей. И ей захочется кофе. Она знала — стоит ей лишь хлопнуть в ладоши, и старая провансалька или негритянки, прислуживающие ей, тут же раздуют угли в жаровне и вскипятят воду, всегда стоящую наготове в блестящем кофейнике. Аромат напитка рассеет печаль и возвратит сладкие полувоспоминания, полугрезы об удивительном вечере в Кандии. Анжелика закинула руки за голову и откинулась, предаваясь воспоминаниям...

По голубому морю несется, обгоняя ветер, белый, как чайка, корабль... Человек, заплативший за нее цену целого корабля с командой! Человек, который так бездумно желал ее, — где он? Помнит ли он еще прекрасную богиню, которая удрала от него? Зачем только она бежала! — спрашивала она себя в отчаянии. Конечно, он пират, но при этом он человек ее круга. Человек, внушающий беспокойство, быть может, скрывающий под своей маской уродство, хотя в ней он не вызывал ни малейшего страха... с того момента, как его темные магнетические глаза заглянули в глубь ее глаз, она знала, что он пришел не затем, чтобы поработить ее, а чтобы освободить — исправить ее безрассудный, как она понимала теперь, поступок. Как глупо было думать, что женщина в одиночку сможет

избежать судьбы, подстерегающей ее на Средиземноморье! Теперь она была не вольна даже выбрать себе хозяина. Убежав от него, она попала в лапы другого, еще более неумолимого владельца.

Горькие слезы скатывались по ее щекам, когда она осознала, какой тяжестью лежит на ее душе двойное рабство — как женщины и как невольницы Мулаи Исмаила.

— Выпейте кофе, — раздался шепот провансальки. — Все идет к лучшему. Завтра я принесу вам отличный горячий пирог с голубями. На кухне уже пекут пирожные...

Небо над черными свечами кипарисов зеленело. С вершин минаретов разносились голоса муэдзинов, зовущих правоверных на молитву, и по коридорам сераля бегали евнухи, разыскивающие пантеру Алчади.

Глава 21

В один прекрасный день в углу коридора у самой своей комнаты Анжелика нашла в стене щелочку, через которую можно было бросить взгляд на внешний мир. Щелка, не больше замочной скважины, была слишком мала, чтобы через нее можно было ускользнуть, и находилась слишком высоко для Анжелики, чтобы через нее можно было позвать. Она выходила на широкую площадь, по которой во всех направлениях сновали люди.

С тех пор она проводила долгие часы, глядя на рабов, тяжким трудом воплощавших в жизнь бесконечные строительные планы Мулаи Исмаила. Он всегда строил, строил, строил — и, насколько она могла судить, все ради того, чтобы разрушить построенное и снова строить.

Она привыкла к виду рабочих, которых она могла видеть лишь в одном углу площади — так узка была ее щель. Среди надсмотрщиков, всегда готовых обрушить свои плети на спины рабов, она часто видела Мулаи Исмаила верхом на белом коне либо идущего пешком под зонтиком в сопровождении своей свиты. Тогда ей вспоминалась мрачная сцена. Вынужденное безделье сделало Анжелику любопытной. Мулаи Исмаил вошел в пространство, доступное ее взгляду. Колен Патюрель приблизился к нему и попросил дать на завтра день отдыха в честь Пасхи. Султан приказал отсчитать ему сотню плетей на месте. Он собственноручно пристрелил раба, устроившегося ненадолго отдохнуть и не подозревавшего о присутствии султана, и снял его с тридцатифутовой стены. Он срубил головы двум стражникам-неграм, виноватым, по его мнению, в том, что работы продвигаются слишком медленно.

Она не слышала голосов и не могла разобрать слов. Через свою щель она могла наблюдать лишь пантомимы, короткие сцены смерти — такие трагичные, что они казались пародиями на трагедию. Всего только падающие, бегущие, молящие, лезущие по длинным лестницам лесов марионетки, останавливающие свое движение только к вечеру, когда тени становились длинными.

Тогда ослепительно белую площадь заполняли правоверные, простершие в пыли головой в сторону Мекки, где погребен пророк. Рабы возвращались в свои жилища или в подземные тюрьмы.

Некоторых из них Анжелика могла узнавать по национальности, если не по имени: французов — потому, что они только ухмылялись, когда их били, и научились препираться с черными стражниками до тех пор, пока те, устав от спора, не позволяли рабам делать, что они хотят, даже отдыхать в тени стен, выкурив трубку или две. Итальянцы ухитрялись петь во время работы, несмотря на меловую пыль, набивавшуюся в открытый рот. Она понимала, что они поют, потому что товарищи задерживались около певцов. Итальянцы также не особенно обращали внимания на сердившихся негров, стараясь лишь прожить подольше. Испанцев можно было узнать по сосредоточенности, с которой они орудовали своими мастерками; они никогда не жаловались на жаркое солнце, голод или жажду. С другой стороны, голландцы трудились прилежно и никогда не принимали участия в скандалах. Строгая самодисциплина выдавала их протестантское воспитание. Католики и православные, однако, от всей души ненавидели друг друга и нередко схватывались, как бешеные собаки, так что надсмотрщики не могли разнять их и бывали вынуждены посылать за Коленом Патюрелем, чтобы тот прекратил ссору.

Нормандец постоянно был закован в цепи, а его руки и спину покрывали кровоточащие шрамы от плетей и палок, которые он навлекал на себя своей дерзостью. Однако это никогда не мешало ему взваливать на богатырскую спину тяжелые мешки с известью и карабкаться по лесенкам на самый верх лесов, несмотря на тяжелые кандалы на лодыжках. Он заботился о слабых, и никто не смел перечить ему. Однажды, собрав в петлю свои ручные кандалы, он убил одного их надсмотрщиков, избивавшего маленького Жан-Жака из Парижа. Сбежались надсмотрщики с мечами в руках, но отступили, увидев, что убийцей был Колен Патюрель. Только султан имел право карать его.

Когда вечером Мулаи Исмаил, как всегда, проверял работу рабов, он приставил копье к груди раба. Анжелика разобрала слова: «Прими ислам!»

Колен Патюрель покачал головой. Не пришла ли последняя минута этого белокурого гиганта, перенесшего столько лет гонений и сотню раз находившегося на волосок от смерти? Не завладеет ли им наконец Азраэль?

Анжелика прикусила суставы на пальцах. Она собиралась крикнуть ему по-французски, чтобы он отрекся от веры. Она не могла понять его упорства перед лицом палача, ожидавшего с копьем в руке.

Наконец Мулаи Исмаил в ярости отшвырнул копье. Потом Анжелика узнала, что он сказал: «Собака, хочешь подохнуть проклятым!» То, что Колен Патюрель предпочитал гореть в аду, а не заслужить рай, уготованный всем правоверным, заставляло султана Марокко испытывать разочарование, почти горе.

Анжелика облегченно вздохнула и отправилась выпить чашку кофе, чтобы успокоить нервы. Она не переставала удивляться, как тысячи рабов из всех стран, большей частью простолюдины, находили в себе мужество принимать смерть или выбирать долгие годы

рабства, но не изменять Господу, о котором они редко думали, живя на свободе. Любому из этих несчастных, изможденных, измученных и униженных животных стоило только отречься от своей религии, чтобы тут же получить вдоволь еды, зажить спокойно, получить почетное положение в обществе и столько жен, сколько Магомет разрешает иметь своим последователям. В Мекнесе, как и во всей Берберии, было достаточно вероотступников. Но все же их было немного по сравнению с сотнями тысяч узников, из поколения в поколение проходивших через руки султанов. Наблюдая с высоты своей щели, Анжелика размышляла над тем, как человек может выдержать столько мучений, достающихся на долю его бедного измученного тела. Они продолжали работать, страдать, надеяться...

Из своего окна Анжелика увидела группу новых невольников, присланных султану пиратами с побережья. Неделью они ничего не ели. Их изорванные, покрытые пятнами соли от морской воды одежды еще не были изношены так, как у рабов, и она могла разглядеть золотое шитье на камзолах дворян и полоски на одежде моряков. Скоро они присоединятся к братству рабов-христиан в Берберии. Некоторым из них пришлось нести головы своих товарищей, умерших во время долгого пути, чтобы их стражи могли отвести от себя подозрения в продаже недостающих рабов к собственной выгоде.

Однажды утром в середине площади, где палящее солнце оставляло глубокие голубые тени, Анжелика заметила удивительного человека. Он был настолько нелеп, что она не могла отвести от него глаз: на нем был полный костюм и даже парик, сапоги на высоких каблуках и с пряжками не носили никаких следов длинной дороги. Даже кружева на манжетах были чистыми. Она поверила, что это не галлюцинация,

только после того, как начальник стражи подошел к нему и низко поклонился.

Потом она бросилась во внутренние покои, чтобы послать служанку на площадь — узнать, что происходит. Но тут она сообразила, что выдаст тем самым свой наблюдательный пункт. Лучше подождать, пока новости не дойдут сюда своим порядком... Так оно вскоре и случилось.

Необычный посол в парике был не кем иным, как французским купцом из Сале, мэтром Бертраном, старым жителем Марокканского побережья, который взял на себя труд добраться до Мекнеса и возвестить о прибытии долгожданных отцов-тринитариев. Хороший христианин, стремящийся прийти на помощь своим несчастным собратьям, он поставил свое знание Марокко на службу тринитариям, которые в первый раз высадились на берег ревностно охраняемого королевства Мулаи Исмаила. Святые отцы со своими дарами и верительными грамотами следовали за ним, совершая на своих ослах небольшие переходы.

Невольников сразу же охватило радостное возбуждение. Среди них были моряки, которые неоднократно бывали в плену в Алжире или Тунисе и получали свободу только благодаря вмешательству этих святых отцов, очень любили их и звали «матуринами», то есть «братьями на ослах», потому что их часто видели в глубине этих стран, куда они отважно проникали, чтобы выкупать рабов. Но Марокко в течение пятнадцати лет было закрыто для них. Колену Патюрелю стоило больших трудов уговорить султана.

Наконец они прибыли. Старый Колен, старейшина рабов, семидесяти лет от роду, двадцать из которых прошли в неволе, упал на колени и вознес благодарность Господу. Наконец-то он должен снова познать свободу! Это удивило его товарищей, потому что Колен, который ухаживал за садами султана и,

похоже, испытывал наслаждение от своей работы, всегда казался вполне довольным своей судьбой. Он признавался, что, покидая Марокко, не удержится от слез, но он должен уехать отсюда, потому что начал лысеть, а султан не любит лысых и, увидев лысого человека, разбивает ему голову ударом медного набалдашника своей трости. Я слишком стар, говорил Колен, чтобы умереть такой смертью.

Султан позволил рабам приветствовать святых отцов, держа в руках пальмовые ветви.

Анжелика не могла этого больше выносить. В первый раз она попросила главного евнуха оказать ей милость и позволить присутствовать, когда Мулаи Исмаил будет принимать святых отцов. Осман Фараджи полуприкрыл глаза, прикидывая, что скрывается за ее просьбой, и, наконец согласился.

Итак, ей осталось ждать совсем немного. Миссию разместили в еврейском квартале, где она неделю оставалась взаперти под тем предлогом, что святым отцам негоже посещать кого-нибудь прежде, чем они получат аудиенцию у султана. Военачальники, министры и высокопоставленные ренегаты отправились туда, чтобы осмотреть подарки, приготовленные святыми отцами для султана, и проверить, выгадают ли что-нибудь от этого визита они сами.

Наконец в одно прекрасное утро Анжелике было велено приготовиться к прогулке. Осман Фараджи подвел ее к занавешенным носилкам, которые должны были тщательно охраняться. У ворот, выходящих на площадь, главный евнух сделал знак остановиться. Анжелика выглянула в щелочку между занавесками.

Султан уже сидел, скрестив ноги, на своем месте, обутый в желтые туфли с загнутыми носами. Сегодня он был одет в зеленое — признак хорошего настроения. Он прикрывал рот складкой своего бурнуса, отбрасывающего зеленый отблеск на его глаза. Ему

тоже не терпелось взглянуть на христианских священников вблизи и посмотреть на принесенные ему подарки. Ренегат Родани уже сообщил ему, что среди подарков есть двое часов. Но Мулаи Исмаил действительно хотел поспорить о вере с этими высокопоставленными священнослужителями христианской религии. Каким триумфом это было бы для Аллаха! Он тщательно подготовил свое обращение к ним и так и горел от убежденности в своей правоте.

Его охраняло всего тридцать негров, вооруженных мушкетами с серебряными прикладами. Позади него стояли двое негрятят — один обмахивал султана опахалом, другой зонтиком закрывал его от солнца. Вокруг сидели на корточках вожди и ренегаты в полном придворном облачении, с перьями на тюрбанах, в расшитых одеждах.

Отцы-тринитарии появились в дальнем конце площади в сопровождении дюжины рабов, несущих подарки. Их представляли султану француз-ренегат Родани, еврей Захариас и вождь Ибн Мессауд.

Святые отцы тщательно подбирали послов для такой необычной миссии, к которой они стремились уже много лет. Их было шестеро, причем трое могли говорить по-арабски, а испанский знали все. Каждый из них участвовал по меньшей мере в трех аналогичных миссиях в Алжире или Тунисе, и все они славились своим знанием обычаев мусульманского мира. Возглавлял миссию преподобный отец де Валомбруз, младший сын в видной семье из Берри, профессор Сорбоннского университета, который приносил на дипломатические переговоры непоколебимый здравый смысл крестьянина и достоинство благородного дворянина. Никто лучше него не мог справиться с посольством к Мулаи Исмаилу.

На султана произвела большое впечатление одежда святых отцов — белые сутаны с красным крестом

впереди, а также их бороды. Они выглядели как благочестивые мусульманские отшельники, высоко почитаемые последователями пророка.

Первым заговорил султан. Он приветствовал святых отцов и похвалил их за милосердие и упорство, приведшие их так далеко в стремлении выручить своих братьев. Затем он отдал должное королю Франции. Отец де Валоамбруз, часто бывавший при Версальском дворе, достойно ответил на это, сказав султану, что Людовик XIV, благодаря своим доблестным делам и великолепию своей жизни, является величайшим монархом христианского мира.

Мулаи Исмаил выразил свое одобрение, после чего принялся многословно восхвалять великого пророка ислама и его закон.

Анжелика находилась слишком далеко, чтобы следить за всеми перипетиями долгой дискуссии, однако она заметила, что Мулаи Исмаил на протяжении своей речи все больше и больше возбуждался. Его лицо светилось, как грозное облако, пронизываемое солнечными лучами. Крепко сжимая кулаки, он заклинал гостей признать свои ошибки и понять, что вера Магомета — единственно истинная, единственно правильная вера, снизошедшая на людей и донесенная до нас пророками со времен Адама. Он не настаивает, чтобы они отреклись от своего вероучения, потому что они пришли к нему как послы, а не как рабы, но просит их об этом, чтобы им не пришлось держать ответ перед Богом за свой отказ. Ему причиняет боль присутствие в его державе людей, подверженных такому страшному заблуждению. Счастливы те, кто не присоединился к богохульственной доктрине о троице, которая смеет утверждать существование трех Богов, а не одного!

— Да, Бог — это один Бог, весьма далекий от такой человеческой слабости, как удовольствие иметь сына. Ииус похож на Адама, которого он создал из праха. Он

был только посланником Бога и его словом, частью его духа, оплодотворившего деву Марию, дочь Авраама. Ни он, ни она не были дитем греха. Поверьте поэтому в Бога и его пророка, не говорите больше, что Бог существует в трех лицах, и вы найдете себя.

Храбрые отцы-искупители терпеливо внимали этой длинной речи, в которой их обвиняли в распространении ложной веры. Они воздержались и не стали обращать внимание султана на то, что на самом деле они были «отцами церкви святой троицы», а «искупители» — просто их общепринятое прозвище. В своем письме Колен Патюрель ясно предупредил их, что им следует называться этим именем, и теперь они поняли — почему.

Они поблагодарили султана за такую заботу об их душах и заверили, что они, конечно же, хотят умереть в святости. Но согласно учению христианства они проделали весь этот путь, чтобы выкупить своих братьев, и, несмотря на горячее желание доставить ему удовольствие, они не могут изменить веру после того, как предприняли такое трудное путешествие единственно с целью выкупить рабов, сохранивших верность христианскому учению.

Султан принял их доводы и постарался скрыть разочарование.

Рабы уже развязали веревки, которыми были обвязаны тюки с товарами, и подняли крышки сундуков. Святые отцы предлагали султану много штук дорогой ткани, завернутых в золотую материю. Потом распаковали три перстня и три ожерелья. Мулаи Исмаил надел кольца на пальцы, а ожерелья положил на землю рядом с собой; время от времени он брал в руки то одно, то другое и внимательно рассматривал. Наконец распаковали часы, которые почти не пострадали в дороге. Золотой циферблат самых больших из них

изображал солнце, а цифры были сделаны из золотистой перегородчатой эмали.

При виде часов Мулаи Исмаил обрадовался как ребенок. Он заверил святых отцов, что благосклонно отнесется к их просьбе и освободит двести рабов. Никто не смел рассчитывать на такое количество.

Этой ночью, чтобы показать свою радость и благодарность султану, рабы устроили грандиозный фейерверк вдоль рва, окружавшего цитадель. Мавры никогда не видели ничего подобного — огненная галера, деревья, выроставшие из земли, птица, летавшая между ними и извергавшая из клюва разноцветное пламя...

На Мулаи Исмаила, наблюдавшего с крыши, зрелище произвело большое впечатление. Он заявил, что только рабы действительно любят его, потому что стоит ему оказать милость своему народу, как вместо благодарности у него начинают просить еще больших милостей, в то время как христианские рабы восхищаются его своей благодарностью. В тот же день он надел одежду из драгоценного материала, которую святые отцы привезли из Британии и которую он считал особенно красивой.

Анжелика и ее подруги также следили за фейерверком издали. После долгих колебаний она увидела, что все складывается в ее пользу, и попросила главного евнуха разрешения поговорить со святыми отцами из посольства. Ей нужно утешение в ее собственной религии, объяснила она. Осман Фараджи решил, что он не должен отказывать ей в такой просьбе.

Два евнуха были посланы в гетто, где святые отцы ожидали результатов переговоров и принимали бесконечную вереницу рабов, каждый из которых умолял включить его в число тех двухсот французов, которые подлежали выкупу.

Отца де Валомбруза попросили последовать за черным стражником, потому что одна из жен Мулаи Исмаила хочет поговорить с ним. У входа в гарем ему завязали глаза, а когда повязку сняли, он находился перед железной решеткой, за которой стояла плотно укутанная в покрывала женщина, заговорившая с ним, к его удивлению, по-французски.

— Надеюсь, вы довольны успехом своей миссии, святой отец, — начала Анжелика.

Священник осторожно ответил, что не все еще завершено. Настроение султана может перемениться. То, что ежечасно рассказывают ему рабы, не дает оснований для полного спокойствия. Как он хочет поскорее вернуться в Кадис с этими беднягами, души которых под властью кровожадного султана находятся в такой опасности!

— И поскольку вы сами были христианкой, мадам, — я сужу об этом по вашему языку, — я умоляю вас заступиться за нас перед своим хозяином, чтобы он не переменял своего хорошего отношения к нам.

— Я не вероотступница, — сказала Анжелика, — а христианка.

Отец де Валомбруз в замешательстве погладил бороду. Он слышал, что все жены и наложницы султана считались мусульманками и должны были открыто исповедовать религию Магомета. Внутри дворца для них имелась специальная мечеть.

— Меня захватили в плен, — сказала Анжелика. — Я здесь против своей воли.

— Не сомневаюсь, дитя мое, — ответил священник.

— Моя душа в страшной опасности, — продолжала Анжелика, в отчаянии вцепившись в решетку, — но вам это безразлично. Никто не попытается спасти меня, никто не постарается выкупить меня. Потому что я всего лишь женщина... — Она не могла заставить себя произнести, что больше пытки ее страшит искушение

позолоченной чувственности, пронизывающее гарем, медленное падение ее души, которое было следствием постепенного отравления праздностью, жестокостью и наслаждениями. Этого и хотел Осман Фараджи. Он знал, что ее вечная женственность не будет спать. Он собирался дожидаться, пока она проснется.

Священник, слушая рыдающую женщину, сочувственно кивал головой.

— Терпеливо переносите свою судьбу, дочь моя. В конце концов вы не страдаете здесь от голода и тяжелого труда, как ваши собратья.

Даже в глазах доброго священника душа женщины не представлялась столь серьезной потерей, как душа мужчины — не столько из-за презрения, сколько потому, что, по его мнению, благодаря своей принадлежности к женскому полу и безответственности она заслужит прощение от Господа.

Анжелика взяла себя в руки. Она сняла с пальца одно из своих колец, огромный алмаз, внутри золотой оправы которого было выгравировано имя и девиз Плесси-Белльер. Она колебалась, опасаясь главного евнуха, наблюдавшего за ней. Она как следует все обдумала. Она знала, что пришло время, когда Осман Фараджи поведет ее в покои Мулаи Исмаила. Он дал ей понять, что она должна подчиниться его указаниям. Если она обманет его, она утратит свое влияние, если не отдастся султану — будет отстранена и умрет под пыткой.

Временами она думала, не начинает ли она с нетерпением ждать того часа, когда уступит, сдастся, чтобы продолжать эту жизнь, полную обманчивой надежды. Ничто не могло помочь ей — ни здесь, ни извне... Это было трудно, а Савари — всего лишь старый раб, уже израсходовавший свои силы. Даже если христианские рабы решатся на один из многочисленных массовых побегов, как предлагали некоторые горячие

головы, они не захотят связываться с женщиной. Никто и никогда не бежал из гарема. На худой конец, она может попробовать окончить свои дни не здесь. Она не видела ни одного человека, который мог бы противостоять Мулаи Исмаилу и заставить его отказаться от того, что ему принадлежало.

Она просунула кольцо в отверстие решетки:

— Отец, прошу вас... умоляю вас, когда вы вернетесь во Францию, отправиться в Версаль. Попросите аудиенции у короля и передайте ему это кольцо. Он увидит на нем мое имя. Вы расскажете ему все, что видели. Скажите, что я попала в плен, что я... — голос не подчинялся ей, и она смогла только выдать: — Скажите, что я прошу у него прощения и обращаюсь к нему за помощью.

К несчастью, переговоры еще не закончились, когда Мулаи Исмаил узнал от ренегата-француза, что искупители — всего лишь другое название ордена братьев святой троицы. Гнев его был ужасен.

— Опять твой змеиный язык обманул меня, хитрый нормандец, — сказал он Колену Патюрелю. — Но на этот раз ты не успел разыграть свою шутку до конца. — Он приказал набить бороду, уши и нос нормандца порохом, намереваясь поджечь его, но потом передумал. Пока он не будет предавать Колена Патюреля смерти. Он будет удовлетворен полностью, если привяжет его к кресту и выставит голого на площади под палящее солнце, приставив двух вооруженных стражников, чтобы стрелять в грифов, собирающихся выклевать ему глаза. Один из охранников выстрелом ранил раба в плечо. Султан одним взмахом меча отсек ему голову. Прижав глаз к щелке в стене, Анжелика не могла заставить себя оторваться от зрелища ужасной казни. Иногда она видела, как мускулы распятого напрягались, стараясь ослабить веревки, от которых распухали его члены.

Большая светловолосая голова падала на грудь, но он тут же поднимал ее и покачивал справа налево, чтобы видеть небо. Он непрерывно шевелил телом, чтобы не давать крови застаиваться в измученных членах.

Его могучая воля восторжествовала над пыткой. Когда вечером его отвязали, он не только был еще жив, но, после того как султан дал ему чашку пряного отвара, сумел встать на ноги. Товарищи, уже оплакивавшие своего вожака, увидели его с высоко поднятой, несмотря на кровоточащие раны, головой.

Новости распространяются быстро, и все испытывали невыносимое напряжение. В гневе султан плевал на подарки, привезенные святыми отцами. Он раздал ожерелья и перстни своим негритятам, новые одежды разодрал в клочья. Однако часы он не тронул.

Святые отцы, которым под страхом быть сожженными заживо в их жилище было приказано покинуть Мекнес, пришли в ужас. Они совещались, как им поступить. Двое купцов с побережья, Бертран и Шаин де Лейн, которых не касался приказ о высылке, мужественно заявили, что потребуют аудиенции у султана и получат объяснения такому изменению настроения, пока святые отцы будут улаживать дела и седлать своих ослов.

Однако Колен Патюрель, предвидевший такие препятствия, уже принял меры, чтобы исправить столь плачевный поворот событий. Еще накануне приезда святых отцов он навестил семьи мавров, родственники которых плавали гребцами на французских галерах, и пробудил в них надежды на возможную договоренность об обмене, которая даст их родным возможность вернуться.

Теперь, увидев крах переговоров из-за султанского гнева, мавры толпой побежали во дворец, ругая султана и умоляя его не лишать их впервые представлявшегося шанса на возвращение попавших в плен мусульман.

Мулаи Исмаил был вынужден уступить им. Его гвардейцы галопом бросились вдогонку святым отцам и под страхом быть обезглавленными приказали им вернуться в Мекнес.

Переговоры были бурными и продолжались три недели. В конце концов искупители получили дюжину пленников вместо обещанных двухсот. За каждого из них султан должен был получить трех мавров и триста пиастров. Святым отцам следовало отправиться с ними в Сеуту, где они должны были ожидать обмена.

Султан сам выбрал двенадцать рабов из числа самых старых и немощных. Он заставил их пройти перед ним. Разумеется, все постарались выглядеть как можно более жалостливо. Мулаи Исмаил потер ладони и удовлетворенно произнес:

— Они и в самом деле несчастны и жалки.

— Ты говоришь правду, о повелитель, — согласился надсмотрщик.

Их уже переписывали, когда хромой раб обратил внимание на то, что старый Колен не был французом, потому что его захватили в плен под английским флагом. Дело было двадцать лет назад, проверять было некогда, так что Колена отогнали от ворот, а его заменил хромой раб.

Святые отцы старались отправиться в обратный путь поскорее, потому что каждый новый день приносил им новые оскорбления. Зависть и ярость привели рабов в уныние, и они горько сетовали. Им приходилось платить всем начальникам и состоявшим на службе у султана ренегатам, которые притворялись, будто помогают рабам, и получали груды подарков. Рабы покидали Мекнес под градом камней и оскорблений со стороны как христиан, так и мусульман.

Старый Колен не переставал причитать: «О, когда же братья на ослах вернутся? Проклят я, проклят!»

Он уже ощущал на своем лысом черепе трость султана и побежал в пальмовую рощу, чтобы повеситься, но Колен Патюрель подоспел вовремя и перерезал веревку.

— Не теряй надежду, старик, — сказал он. — Мы все постараемся облегчить твою участь. Теперь остается только одно — побег. Я должен исчезнуть. Мои дни сочтены. Мое место может занять Рено де Мармонден, рыцарь Мальтийского ордена. Если ты не считаешь себя слишком старым, можешь присоединиться к нам.

Колен Патюрель не зря настаивал, чтобы святые отцы привезли часы. Через две недели часы перестали ходить. Женевский часовщик, Мартин Камизар, вызвался починить их, но ему требовалось множество мелких инструментов, которые он добывал повсюду. К тому времени, когда часы затикали вновь, женевец имел достаточно инструмента, чтобы отомкнуть цепи, сковывающие Колена, и освободить его.

Он также освободил Жан-Жака, писаря рабов. К этим двоим присоединились венецианец Пиччинино; дворянин из Бретани маркиз де Кермур; Франсис Баргу из Арле, родственник Мартигю; Жан д'Гарростегю, баск из Гандии; протестант Камидар. Все они хотели рискнуть своими жизнями и добраться до христианских земель. К ним присоединились также старый Колен и аптекарь Савари, который предлагал идею за идеей, как перехитрить кровожадного Мулаи Исмаила, и наконец убедил их, что невозможное может стать возможным.

Глава 22

Анжелика чувствовала, что ловушка захлопывается за ней. Нельзя было до бесконечности держать Мулаи Исмаила в неведении относительно нее, и когда она гуляла по дорожкам сада, она не могла не восхищаться его хозяином, человеком, который создал такое приятное место, который кидался то в одну крайность, то в другую. Он бросал рабов на съедение львам, он придумывал пытки столь ужасные, что самоубийство казалось желанным выходом, но он любил цветы, журчание бегущей воды, птиц и животных, и он верил, что его душа находится в руках Аллаха. Потомок пророка, от которого он унаследовал бесконечное мужество, он мог бы повторить вслед за Магомедом: «Я любил женщин, молитву и благовония. Но только молитва может удовлетворить мою душу...»

Наложницы, окружавшие Анжелику, перешептывались, мечтали и интриговали, как обычно. Все эти женщины отдавались любовным страстям своих прекрасных тел, предназначенных для любви. Нежные и гладкие, надушенные, умасленные, они были подготовлены для объятий их царственного хозяина. Это было единственной целью их существования и они жили предвкушением наслаждения, которое он даст им. Безделье и вынужденное воздержание раздражали их, потому что слишком редко удаивалась султанских милостей каждая из сотен женщин.

Эти страстные гурии, которых берегли ради удовольствия одного человека, обращали свое разочарование в интриги. Они до безумия завидовали Дейзи и Лейле Айше, единственным, которые, казалось, могли раскрыть и хранить секреты его удивительного сердца. Они прислуживали ему за едой. Иногда он

спрашивал у них совета. Но ни одна из них не забывала, что Коран предписывал правоверным иметь только четырех жен. Кто будет третьей?

Старую Фатиму сердило, что ее хозяйка, которую она наряжала каждый день, до сих пор не была представлена султану и не стала его фавориткой. Иначе и быть не могло. Султану стоило только увидеть ее. В гареме не было никого, кто красотой превосходил бы Анжелику. В полумраке гарема цвет ее лица стал еще лучше, и на порозовевшем лице зеленые глаза светились почти сверхъестественным блеском. Фатима оттеняла ей веки голубой хной, смешанной с молоком, отчего они выглядели как мягкий бархат. Ее густые волосы она мыла в отварах каких-то трав, и каждый локон становился гладким и блестящим, как шелк; кожа приобрела переливчатый блеск благодаря ваннам из миндального молока и из сока лилий.

— Она готова, — думала Фатима, — чего же они еще ждут?

Она поделилась с Анжеликой своими сомнениями и своим нетерпением — она испытывала чувства художника, шедевра которого никто не замечает. Что хорошего принесла ей красота? Наступил благоприятный момент, чтобы представить ее тирану, который сделает ее своей третьей женой. С этого момента ей уже не придется бояться старости, ссылки в какой-нибудь отдаленный сераль или, еще хуже, работы на кухне в качестве прислуги до конца своих дней.

Главный евнух не обращал внимания на их нетерпение, которое, наверное, отвечало его планам, во всяком случае, не было для него неожиданным. Он не просто следил за ходом дней. Снова и снова этому мечтателю казалось, что он уловил знак и создал новую одалиску, прекрасную, как солнечные картины итальянских художников. Он медленно кивал головой:

«Я прочел это на звездах», — бормотал он. То, что он увидел, но не мог выразить словами, делало его нерешительным.

Целые ночи проводил он на вершине квадратной башни, наблюдая небо в свои трубы, лучшие из тех, которые у него были. Главный евнух и имел все слабости коллекционера. Кроме оптических инструментов, за которыми он ездил в Венецию, Верону и Саксонию, славившиеся искусством точного изготовления линз, он собирал также персидские пеналы из перламутра и перегородчатой эмали и имел много редкостей. Он любил бирюзу и подбирал ее в садах горных селений, куда Мулаи Исмаил ссылал своих отставных наложниц. Бедные женщины не только навсегда были высланы из Мекнеса; им суждено было провести остаток своих дней в обществе одних только этих уродов, которых присылал им главный евнух.

В самом деле, он, казалось, обладал даром быть вездесущим. Он всегда оказывался там, где его меньше всего ждали и меньше всего хотели бы видеть. Мулаи Исмаил всегда обнаруживал его подле себя, когда внезапно пришедшая мысль побуждала его просить совета у главного евнуха. Он часто посещал всех министров, принимал дневные отчеты от многочисленных шпионов, ездил в бесчисленные поездки — и притом казалось, что он проводит дни в размышлениях о совершенстве своей персидской глазури, а ночи — устремив глаза к звездам. И все это не мешало ему пять раз в день простираться ниц в мусульманской молитве.

— Пророк говорил: «Делай дело в этом мире так, как будто ты собираешься вечно жить в нем, и делай дела другого мира так, будто ты завтра перейдешь в него», — любил повторять он.

Казалось, его мозг связан невидимыми нитями со всеми подчиненными ему мужчинами и женщинами. Как

паук, он поймал их всех в шелковую сеть, из которой им уже никогда не высвободиться.

— Разве тебя, Бирюза, не тревожит томление плоти? — спросил он однажды Анжелику. — Должно быть, прошло уже много времени с тех пор, как ты знала мужчину?

Анжелика отвела глаза. Она скорее дала бы разрезать себя на мелкие кусочки, чем призналась бы, что ее сжигает пламя, не дающее ей покоя и заставляющее в тревоге просыпаться, шепча: «Мужчину! Все равно какого!».

Осман Фараджи продолжал:

— Твое женское тело, которое не боится мужчины, тоскует по мужчине и не боится того, что он делает, как у многих неопытных девушек, — разве оно не горит желанием опять иметь мужчину? Мулаи Исмаил удовлетворит тебя. Забудь свои мысли и думай только о наслаждениях, которые тебя ждут. Хочешь, я наконец представлю тебя ему? — Он сидел подле нее на низком табурете. Анжелику необъяснимо влекло к нему. Она задумчиво разглядывала этого великого изгнанника из царства любви. Он внушал ей одновременно и неприязнь, и восхищение, и она не могла не почувствовать странной печали, видя в этом человеке признаки его уродства — тяжелую линию подбородка, гладкие, слишком изящные руки, полные, как у всех старых евнухов, груди под одеждой.

— Осман-бей, — сказала она как-то под влиянием настроения. — Как вы можете говорить такие вещи? Разве вы не утратили когда-то права рассуждать о любви?

Осман Фараджи поднял брови и улыбнулся почти весело.

— Никто не теряет того, чего у него не было, Бирюза. Не завидуешь ли ты безумцу, который смеется над плодами воображения своего свихнувшегося мозга?

Он счастлив по-своему. Его видения удовлетворяют его. И все же ты не хочешь разделить его судьбу и благодаришь Аллаха, что не похожа на него. Таким же представляется мне поведение тех, кем похоть управляет до такой степени, что человек в твердом уме может превратиться в вопящего старого самца, который скачет за самой глупой из своих самок. Я благодарю Аллаха, что не знаю такого унижительного рабства. И все-таки я не отрицаю силы этого влечения и стараюсь сделать так, чтобы направить его на достижение желательных для меня результатов, то есть на укрепление могущества Марокко и на очищение всего Ислама.

Анжелика приподнялась на локте, очарованная честолюбием этого человека, собирающегося переделать мир по своей мерке.

— Осман Фараджи, говорят, что вы вели Мулаи Исмаила к власти и указывали ему, кого убить или приказать убить, чтобы захватить ее. Но все же вы не совершили еще одного убийства — не убили его самого! Зачем вам этот безумный садист на троне Марокко? Разве не были бы вы лучшим правителем, чем он? Без вас он был бы всего-навсего авантюристом, находящимся во власти своих врагов. Вы его стратегия, его мудрость, его тайная защита. Почему вы не заняли его места? Вы могли сделать это. Разве не короновали евнухов на трон императоров Византии?

Главный евнух все еще улыбался.

— Я признателен тебе, Бирюза, за такое высокое мнение обо мне. Но я не убью Мулаи Исмаила. Он по праву занимает трон Марокко. В нем ровно столько безумия, сколько и должно быть в каждом завоевателе. Как можно править, если энергия не бьет ключом? Кровь Мулаи Исмаила — как расплавленная лава, моя же — как вода в тенистом ручье. Такова воля Божья. Я передал ему свою мудрость и военную хитрость. Я

занимался с ним и учил его с тех пор, как он был всего-навсего князьком, затерявшимся среди ста пятидесяти сыновей Мулаи Арчи, который мало заботился об их образовании. Его интересовали только Мулаи Хамет и Абд-эль-Ахмет. Но я позаботился о Мулаи Исмаиле — и вот смотри, он одержал верх над теми двумя. Мулаи Исмаил мой сын в большей степени, чем даже Мулаи Арчи. Как же я могу свергнуть его? Он не сумасшедший садист, каким ты его видишь в своих христианских шорах, он меч господень! Ты слышала, как бог обрушил огонь и серу на развратные города Содом и Гоморру? Мулаи Исмаил искоренил позорные пороки многих алжирцев и тунисцев. Он никогда не брал в жены женщину, у которой был жив муж, потому что закон запрещает прелюбодеяние, и он соблюдает пост Рамадан в течение целого месяца. Когда ты станешь его третьей женой, ты сможешь облегчить страдания его утомленной души. Мое дело тогда будет закончено. Хочешь ли ты, чтобы я представил тебя Мулаи Исмаилу?

— Нет, — твердо ответила Анжелика. — Еще нет.

— Пусть. Судьба распорядится событиями сама.

Меч судьбы опустился одним прохладным утром, когда Анжелика прибыла в своих занавешенных носилках в пальмовую рощу. Она получила от Савари записку, которую тайком доставила ей Фатима; в ней говорилось, что она должна прийти в пальмовую рощу к хижине, поставленной для садовников. Жена одного из них, французская рабыня по имени Бадигу, сообщит ей, где она сможет встретиться со своим старым другом.

Под прозрачным пологом пальмовых листьев светились янтарные грозди спелых фиников, которые собирали рабы. От хижины садовника к носилкам шла госпожа Бадигу — Анжелика видела это, тайком приоткрыв щелочку в занавесках. Женщина украдкой оглянулась и потом прошептала, что старый Савари

работает недалеко от пальмовой рощи, подбирая упавшие финики, из которых делает для рабов нечто вроде кислого хлеба. Третья дорожка налево... может ли она положиться на евнухов, охраняющих носилки? — Да. К счастью, это были молодые стражники, знавшие только, что Осман Фараджи велел им не препятствовать желаниям француженки.

Итак, она направила носилки по указанной ей дорожке, где вскоре встретила Савари, подбиравшего свою пищу, как какой-нибудь коричневый гномик. Место было пустынным, и единственным доходившим досюда звуком было непрерывное жужжание мух вокруг кучек истекавших соком фиг.

Когда Савари приблизился к ней, евнухи попытались вмешаться.

— Прочь с моего пути, толстяки, — насмешливо сказал им старик. — Дайте мне засвидетельствовать почтение этой даме.

— Это мой отец, — сказала Анжелика. — Вы отлично знаете, что Осман-бей время от времени позволяет мне встречаться с ним.

Они не возражали.

— Все идет как надо, — шептал Савари, глаза которого так и плясали за стеклами очков.

— Вы нашли еще одно месторождение мумие? — с кривой усмешкой спросила Анжелика. Она с нежностью смотрела на Савари. Он все больше и больше напоминал маленьких злых духов, плясавших вокруг каменных долменов в полях Пуату. Ей нравилось представлять его одним из тех старых бородатых духов, которых она часами подстерегала, лежа во влажной от росы траве, ожидая, что они появятся и с этих пор будут верно следовать за ней.

— Шесть рабов собираются предпринять попытку к побегу. У них идеальный план. Они не собираются прибегать ни к какой помощи, потому что проводники

часто предают беглецов, делая вид, что выводят их в безопасное место. Их научили рабы, уже совершавшие побег, но снова попавшие в неволю. Они знают дорогу до Сеуты, знают, по каким дорогам можно идти, а каких следует избегать. Подходящее время для побега придет через месяц или два. Тогда наступит период Равноденствия, когда мавры приходят в город, потому что им не нужно заботиться о пшенице или о плодах. Мы будем передвигаться только ночью. Я уговорил их взять с собой женщину, хотя они были против. Не было случая, чтобы женщина удачно бежала. Я говорил, что одно ваше присутствие будет служить им защитой, потому что всякий, кто увидит в группе людей женщину, подумает, что это торговцы, а не беглые рабы.

Анжелика горячо сжала его руку.

— О, мой дорогой Савари! Подумать только, я решила, что вы бросили меня на произвол моей несчастной судьбы!

— Я наметил план, но он еще не завершен, — ответил старый аптекарь. Вам еще надо выбраться из крепости. Я изучил все выходы из гарема в собственно дворец. В северной стене, выходящей к куче навоза невдалеке от еврейского кладбища, есть одна дверца, которая не всегда охраняется. Я узнал об этом от слуг. Она выходит на дворик, называемый «тайным двором», в нескольких шагах от лестницы, ведущей в гарем. Это и есть ваша дорога. Один из нас будет ждать вас снаружи. Кроме того, знайте, что эта дверца отпирается только снаружи, а ключ имеется всего у двоих — у главного евнуха и у Лейлы Айше. Они пользуются дверцей, чтобы быстро вернуться после появления на публике. Вы должны выкрасть ключ и передать кому-то из нас, чтобы мы смогли прийти и открыть вам дверь...

— Савари, — вздохнула Анжелика, — вы так привыкли сдвигать горы с места, что все кажется вам

простым. Как я украду ключ у главного евнуха, как избегну пантеры...

— Есть ли кто-нибудь из слуг, на кого можно положиться?

— Да... то есть... я не знаю...

Савари приложил палец к губам и, как хорек, улизнул в сторону вместе со своей корзинкой для фиников.

Анжелика услышала топот приближающейся лошади. На дорожке показался Мулаи Исмаил в развевающемся бурнусе в сопровождении двух вождей. Завидев под деревьями носилки, он остановился.

Савари рассыпал фиги из своей корзины посреди дорожки и принялся громко причитать. Это привлекло к нему внимание султана, и тот пустил коня шагом. Неловкость и притворный ужас старого раба вызвал в султানে желание над кем-нибудь поиздеваться.

— А, да это христианский отшельник Османа Фараджи! Я слышал о тебе фантастические истории, слышишь, колдун? Ты прекрасно заботишься о моем слоне и жирафе.

— Благодарю тебя за доброту, о повелитель, — дрожащим голосом произнес Савари, падая ниц перед султаном.

— Встань, — сказал султан. — Не подобает отшельнику, человеку, через которого Бог говорит с людьми, лежать в такой унижительной позе. — Савари поднялся на ноги и подобрал корзину. — погоди! Мне не нравится, что люди называют тебя отшельником, когда ты погряз в своих отвратительных верованиях. Если ты владеешь тайнами магии, — значит ты узнал их от сатаны. Стань мавром, и я включу тебя в свою свиту — будешь толковать мои сны.

— Я подумаю об этом, о повелитель, — заверил его Савари.

Мулаи Исмаил был в плохом настроении. Он поднял копье и отвел руку назад, готовясь нанести удар.

— Стань мавром! — повторял он угрожающе. — Мавром!.. Мавром!..

Невольник сделал вид, что не слышит. Султан ударил его в первый раз. Старый Савари чуть не упал на землю, прижимая руку к окровавленному боку. Другой рукой он поправил очки и устремил на султана яростный взор.

— Я — мавр? Такой человек, как я? За кого ты меня принимаешь, о повелитель?

— Ты смеешься над религией Аллаха! — взревел Мулаи Исмаил, вонзая копье в живот старика.

Савари выдернул его, поднялся и кинулся бежать, но сумел сделать лишь несколько шагов. Мулаи Исмаил пустил коня вслед за ним, выкрикивая: «Мавр! Мавр!» и с каждым возгласом раз за разом вонзая копье.

Старик опять упал на землю.

Анжелика следила за ужасной сценой через щелочку между занавесками, кусая кулаки, чтобы удержаться от крика. Нет, она не даст ему убить своего старого друга. Она выскочила из носилок и упала на колени перед Мулаи Исмаилом, держась за луку его седла.

— Остановись, о повелитель! — взмолилась она по-арабски. — Помилуй! Это мой отец.

Султан замер с занесенным копьем, готовый к броску. Появление прекрасной женщины, которую он прежде никогда не видел, удивило его. Ее волосы распустились и рассыпались вокруг тела, как лучи солнца. Он поцеловал ей руку.

Анжелика подбежала к Савари и приподняла его, чтобы оттащить в тень дерева и прислонить к стволу. Он был настолько худ, что она справилась с весом его тела. Старое платье пропиталось кровью. Анжелика осторожно сняла с его носа разбитые очки. На

изорванной одежде проступали красные пятна, и она с ужасом увидела, что лицо Савари бледнеет и под окрашенной хной бородой приобретает цвет сала.

— О, Савари! — простонала она. — Мой бедный старый Савари, не умирай, пожалуйста, не умирай.

Мадам Бадигу, наблюдавшая всю эту сцену с некоторого расстояния, бросилась в свою хижину за лекарствами. Савари шарил в складках одежды, пытаясь найти кусочек черной, маслянистой земли. Он скосил глаза и узнал Анжелику.

— Мумие! — выдавил он из себя. — Увы, мадам, теперь никто не узнает величайшего секрета на свете. Никто, кроме меня, не знает его... и я умираю... умираю... — его веки посерели.

Жена садовника прибежала с отваром тамарискового семени, пахнущим корицей и перцем. Анжелика поднесла его к губам старика. По его лицу расплылась улыбка.

— О, пряности! — пробормотал он. — Запах чудесных странствий... Иисус, Мария, примите мою душу... — и с этими словами старый аптекарь испустил дух.

Анжелика не выпускала его руку, пока она не похолодела.

— Не может быть, — твердила она снова и снова.

Хитрого, непобедимого Савари больше не было. Вместо него перед ней лежала просто жалкая разбитая кукла. Все это было только дурным сном, приснившимся ей в зеленом свете пальмовой рощи. Это одна из его хитростей. Сейчас он вскочит и с таинственным видом шепнет ей на ухо: «Все идет как надо, мадам!»

В конце концов она осознала, что он и в самом деле мертв. Она почувствовала, как на нее обрушилась невыносимая тяжесть, тяжесть глаз, устремленных на нее. Потом она увидела рядом с собой на песке

отпечаток конского копыта и подняла голову. Над ней
возвышался Мулаи Исмаил.

Глава 23

Осман Фараджи вошел в баню, где служанки помогали Анжелике на верхних ступенях покрытой мозаикой лестницы, ведущей от самого дна мраморного бассейна к его краю. Голубая с золотом мозаика в мавританском стиле покрывала и потолок — подражание турецким баням в Константинополе. Православные христиане, работавшие в Турции, построили это драгоценное сокровище для удобства женщин Мулаи Исмаила. Пар, пахнувший ладаном и розами, плавал кругами между украшенных золотом колонн, придавая помещению вид какого-то сказочного дворца из «Арабских ночей».

Увидев главного евнуха, Анжелика быстро оглянулась в поисках покрывала, чтобы прикрыть свою наготу. Она так и не привыкла к тому, что евнухи наблюдают за интимными подробностями женского туалета, и еще меньше могла выносить присутствие начальника сераля.

Лицо Османа Фараджи было непроницаемым. Два молодых круглощеких евнуха, сопровождавших его, несли одеяние из переливчатого розового муслина, искусно расшитого серебряной нитью. Осман Фараджи велел служанкам развернуть одежды одна за другой.

— Там семь покрывал?

— Да, господин.

Он глазом знатока рассматривал прекрасно сложенное тело Анжелики. Единственный раз в жизни она устыдилась, что создана женщиной, да еще к тому же красивой. Она не могла заставить себя думать о своем теле просто как о произведении искусства, которое критически рассматривает коллекционер,

чтобы определить его материальную стоимость. Она чувствовала себя так, будто у нее украли душу.

Старая Фатима обернула вокруг ее бедер первое покрывало. Оно доставало ей до лодыжек. Под его полупрозрачной пеленой угадывалась гладкая, как фарфор, кожа ее членов, округлые полные бедра, чуть заметная выпуклость живота. Два других покрывала столь же соблазнительно прикрыли ее грудь. Еще одно, более широкое, накинули ей на плечи. Наконец Фатима закрыла ей лицо паранджой, оставив доступными для взора только зеленые глаза, от возбуждения светившиеся необычным блеском.

Анжелику отвели обратно в ее комнату, куда вскоре пришел и Осман Фараджи. Его кожа, казалось, приобрела голубоватый, как у сланца, оттенок. Она же под слоем румян, покрывавших ее лицо, была смертельно бледна.

Она взглянула ему в глаза.

— К какому жертвенному обряду вы меня готовите, Осман-бей? — натянутым голосом спросила она.

— Ты это прекрасно знаешь, Бирюза. Вскоре я собираюсь представить тебя Мулаи Исмаилу.

— Нет! — заявила Анжелика. — Никогда! — Ее тонкие ноздри трепетали, она гордо вскинула голову и смотрела ему прямо в лицо. Зрачки главного евнуха сузились до размеров острия иголки:

— Ты сама попалась ему на глаза, Бирюза. Он увидел тебя! Мне уже пришлось объяснять ему, почему я скрывал тебя так долго. Он хотел знать, почему. Теперь он увидел твою красоту, и она ослепила его, — голос его становился все тише и доносился будто издали. — Ты никогда не была столь одинока, Бирюза. Ты восхитишь его. Он не будет думать ни о чем, кроме своего вождения к тебе. У тебя есть все, чтобы восхитить его душу — твои золотые волосы, жемчужная кожа, глаза. На него произведет впечатление не только

твоя гордость — он привык к мужественным женщинам — и не скромность, такая удивительная в женщине, уже познавшей любовь, которая может тронуть и смягчить его сердце. Я хорошо знаю его. Я знаю, какая жажда терзает его. Ты для него будешь как источник живой воды. Ты можешь держать его судьбу в своих нежных пальчиках. Ты сможешь все, Бирюза!

Анжелика села на диван.

— Нет! — сказала она. — Нет, никогда! — Она приняла привлекательную позу, насколько ей позволял кокон, в который она была замотана. — В вашей коллекции еще не было французенки, не так ли, Осман-бей? Теперь вы узнаете на собственной шкуре, из какого материала они сделаны!

Осман Фараджи сжал голову руками и принялся причитать, как разбитая горем женщина:

— Ох-ох-ох! Чем я прогневал Аллаха, что мне приходится преодолевать такое упрямство!

— В чем дело?

— Бедняжка, ты не понимаешь одного: не может быть и речи о том, что ты откажешь Мулаи Исмаилу. Поупирайся немного для начала, если хочешь... небольшое сопротивление не будет ему неприятно. Но ты должна относиться к нему как к своему хозяину, или он предаст тебя жутким пыткам.

— Что ж, тем лучше. Я умру. Я умру от его пыток.

Главный евнух воздел руки к небу. Потом он изменил тактику и склонился над ней.

— Бирюза, ну почему ты не хочешь, чтобы твое прекрасное тело обняли мужские руки? Тебя мучает пламя страсти. Ты знаешь, что Мулаи Исмаил выдающийся мужчина? Он создан для любви, как создан для охоты, для войны, потому что в его жилах течет негритянская кровь. Он может удовлетворить женщину семь раз за ночь. Я дам ему питье, чтобы подогреть его пламенную страсть. Ты познаешь такие

наслаждения, что будешь тосковать в ожидании, когда они повторятся.

Анжелика оттолкнула его, лицо ее пылало. Она вскочила и бросилась в дальний конец галереи. Он последовал за ней с терпеливостью кошки, желая узнать, зачем ей понадобилось идти к трещине в стене, выходящей на площадь, где трудились рабы. Он недоумевал, что она увидела такого, из-за чего измученное выражение ее лица сменилось умиротворенным.

— Каждый день, что я прожила в Мекнесе, — прошептала Анжелика, — кто-нибудь из рабов-христиан умирал как мученик за свою веру. Из-за верности своей религии они обрекают себя на тяжкий труд, голод, побои и пытки. И притом по большей части это люди простого происхождения, моряки, грубые и необразованные. Так неужели я, Анжелика де Сансе де Монтелу, ведущая свой род от королей и крестоносцев, не смогу проявить такую же твердость, как они? Правда, еще никто не приставлял к моему горлу копье и не кричал на меня: «Мавр?», но с другой стороны, мне говорят: «Ты отдашься Мулаи Исмаилу, мучителю Христа, убийце моего дорогого старого Савари!» А это то же самое, что потребовать, чтобы я предала свою веру. Я не отрекись от своей религии, Осман Фараджи!

— Ты умрешь в самых отвратительных пытках.

— Тогда — тем хуже. Бог и мои святые помогут мне.

Осман Фараджи вздохнул. Он исчерпал все свои аргументы. Он знал, что придется уступить. Все же может быть, когда она увидит орудия пыток и услышит описания наказаний, которым Мулаи Исмаил подвергал своих женщин, — может быть, тогда ее страстная вера ослабеет. Но время идет, и султан нетерпеливо ждет.

— Послушай меня, — сказал он по-французски. — Разве я не доказал тебе, что я твой друг? Я никогда не нарушал слова, данного тебе, и если бы не твоя

неосторожность, Мулаи Исмаил сейчас не ждал бы тебя. Не согласишься ли ты, из уважения ко мне, сейчас просто быть представленной Мулаи Исмаилу. Он ждет нас. Я уже не могу найти оправданий тому, что скрываю тебя от него. Ты же знаешь, он может отрубить голову и мне. Представление от тебя большего не потребует. Кто знает, в конце концов ты ему можешь не понравиться.

Анжелике было нелегко поверить ему, но она начала думать, что в конце концов, это, возможно, лучшее решение.

— Я предупредил султана, что ты — это дикий зверек. Я знаю, как можно заставить его проявить терпение, и выиграю для тебя время.

«Время для чего? Уступить страху? Ослабеть? Или, — думала Анжелика, — может быть, бежать?..»

— Хорошо, ради вас я согласна, — ответила она. Но сердито отказалась от эскорта из десяти евнухов. — Я пойду не как заключенная под конвоем и не как овца к мяснику.

Осман Фараджи уступил ей. В этот момент он готов был на все, лишь бы поднять ее настроение. Он проводит ее один, еще только с одним евнухом, который будет держать ее покрывала, когда он сам станет снимать их одно за другим.

Мулаи Исмаил ждал в узкой комнате, где он любил предаваться размышлениям. В медных курильницах горели благовония.

Анжелика чувствовала себя так, будто видела его впервые. Теперь барьер исчез — он знал о ее существовании.

Когда они вошли, Мулаи Исмаил встал. Главный евнух и его помощник упали ниц. Потом Осман Фараджи встал и, подойдя к Анжелике, взял ее за плечи и мягко подтолкнул к султану.

Тот горячо подался вперед. Его золотистые глаза встретились с ее зелеными. Она опустила веки. Впервые

за много месяцев мужчина смотрел на нее как на женщину, которую можно желать. Когда главный евнух открыл ее лицо, она знала, что на его лице отразится удивленное восхищение при виде ее совершенной красоты, ее полных губ и серьезного, но в то же время насмешливого выражения лица, покорившего стольких мужчин. Она знала, что широкие ноздри Мулаи Исмаила затрепещут при виде ее необыкновенных волос, шелковым покрывалом струящихся по плечам.

Руки Османа Фараджи гладили ее, но она не видела и не желала видеть движение его длинных черных пальцев с алыми ногтями и с бриллиантовыми и рубиновыми перстнями. Она не поднимала глаз. Смешно, но до сих пор она не замечала розового цвета своих ладоней — как будто они были испачканы розовым пеплом.

Она заставила себя думать о чем-нибудь другом, чтобы вынести пытку раздеванием донага перед господином, для которого она предназначена. Тем не менее она не могла сдержать дрожь, когда почувствовала, как сняли покрывало с ее плеч. Руки Османа Фараджи быстро перебежали по ее телу, не давая ей отвлечься. Он уже взялся за шестое покрывало, которое обнажит ее грудь, тонкую талию и длинную, гибкую, как у юной девушки, спину.

Она услышала голос султана, говорящего по-арабски:

— Хватит. Не смущай ее. Я могу представить ее красоту, — он поднялся со своего дивана и подошел к ней вплотную.

— Женщина, — сказал он по-французски. — Женщина, покажи мне... свои глаза! — Несмотря на то что его голос мог звучать совершенно по-звериному, сейчас он говорил таким тоном, что она не могла отказать. Она подняла глаза к его ужасающему лицу.

Она видела татуировку около губ и странного цвета желтовато-черные поры на коже.

Его тонкие губы медленно растянулись в улыбке:

— Таких глаз я еще не видел! — сказал он по-арабски Осману Фараджи. — Может, во всем мире больше нет других таких глаз.

— Ты прав, о господин, — согласился главный евнух. Он опять завернул Анжелику в ее многочисленные покрывала, советуя ей шепотом по-французски: «Поклонись султану, и он будет удовлетворен».

Анжелика не шевелилась. Мулаи Исмаил, несмотря на очень слабое знание французского языка, сумел догадаться, что сказал главный евнух. Он опять улыбнулся и в глазах его вспыхнуло дикое веселье. В нем уже пробудился интерес к этой женщине, столь неожиданно и удивительно прекрасной, которую главный евнух припас для него, и он не был нетерпелив, она заключала в себе такие возможности для наслаждения, что он не хотел спешить и требовать всего сразу. Она была как неисследованная страна, едва видная на горизонте. Она была враждебной землей, которую предстояло завоевать, негостеприимной территорией, которую предстояло исследовать, окруженной стенами крепостью, в бастионах которой он должен найти щелочку. Нужно будет спросить о ней у главного евнуха — Осман Фараджи должен хорошо ее знать. Чувственная ли она, любит ли подарки, предпочитает ли мягкость или грубость, нравятся ли ей любовные утехы? Да. Ее чистой воды глаза признавались в крушении ее надежд и выдавали жар страсти, скрывающийся сейчас в глубине тела, белого и холодного как снег. Она дрожала не только от страха, потому что не в привычках людей ее расы бояться. И все же под пристальным взглядом султана ее лицо, которое она старалась спрятать, уже приобретало то выражение усталости и покорности,

которое должно появиться на нем после любовной схватки. Она исчерпала свои силы. Она искала спасения и как птица, загипнотизированная взглядом змеи, искала глазами путь к спасению.

Мулаи Исмаил опять улыбнулся...

Анжелику отвели в другую комнату, большего размера и роскошнее убранную, чем прежняя.

— Почему вы не пускаете меня в мою комнату?

Евнухи и служанки оставили ее вопрос без ответа. Фатима, скрывавшая за каменным лицом свое удовлетворение, подала обед, но Анжелика не могла съесть ни кусочка. Она с нетерпением ждала появления Османа Фараджи, чтобы поговорить с ним.

Его все не было, и она послала за ним. Евнух сказал, что главный евнух уже идет, но проходил час за часом, а он не появлялся. Она жаловалась, что от запаха драгоценного дерева, которым были отделаны стены комнаты, у нее болит голова. Фатима жгла ладан, и этот запах стал еще более удушающим. Умом она понимала, что на нее надвигается вечер. В свете масляных ламп лицо старухи казалось ей лицом старой Мелюзины, колдуньи из Ньельского леса, которая заваривала травы, чтобы вызывать дьявола. Мелюзина принадлежала к числу тех женщин из Пуату, которым примесь арабской крови дала бешеные черные глаза... давным-давно по этим местам также прокатилась волна вооруженных короткими мечами завоевателей под зеленым знаменем.

Анжелика зарылась лицом в подушки, испытывая стыд, который мучил ее с тех самых пор, как глаза Мулаи Исмаила пробудили в ней голос пола. Он удерживал ее своим взглядом, как будет удерживать в объятиях, быть может, немного подождав в томительном нетерпении, пока она отдастся ему. Она не сможет противостоять прикосновению его жаждущего тела.

«Я недостаточно сильна, — думала она. — Я всего-навсего женщина. Что я могу? Что я могу?»

Она прикрикнула на себя, заставив себя уснуть, но сон не дал ей отдыха, ее терзало пламя желаний. Она слушала, как голос Мулаи Исмаила повторял: «Женщина! Женщина!» Был ли это призыв... или мольба?

Потом он был рядом с ней, наклонялся над ней в облаках ладана, с губами, похожими на губы африканского идола, с глазами, громадными и бездонными, как пустыня. Она чувствовала мягкое прикосновение его губ на своем плече и тяжесть его тела на себе. Она испытывала восхитительную властность его объятия, когда он поднял ее и прижал к своей гладкой крепкой груди. Тогда она, слабея, обвила руки вокруг его тела, и это вернуло ее от сна к реальности.

Ее руки скользили по янтарной коже, пахнущей мускусом, поглаживая что-то твердое, что прижималось к ее телу. Потом ее пальцы нащупали твердый, холодный предмет — рукоятку кинжала. Ладонь Анжелики сомкнулась вокруг нее. Это был как бы посланник ее памяти из прежней, давно ушедшей в прошлое жизни. Маркиза ангелов! Помнишь ли ты кинжал Родогона-египтянина, который был в твоей руке, когда ты перерезала горло великому Кезру в Париже? Так не вспомнишь ли ты, как держат кинжал?

Она уже держала его. Ее собственные пальцы сжимали рукоятку. Она трепетала от ощущения холодного металла. Вложив всю свою силу, она вытащила его и ударила.

Мулаи Исмаила спасли стальные мускулы. Почувствовав, как лезвие вонзается ему в горло, он отпрянул молниеносно, как тигр. Но он все еще наклонялся вперед, и его огромные глаза расширились еще больше, отказываясь верить. Потом он заметил

кровь, стекающую по его груди, и понял, что еще мгновение — и у него была бы перерезана артерия.

Не отрывая от нее глаз, — хотя она больше не была способна ни на что, — он шагнул к гонгу и ударил в него.

Осман Фараджи, находившийся неподалеку, ворвался в комнату и с первого взгляда понял, что произошло. Он дал сигнал, в комнате появились четверо негров, схватили Анжелику за запястья, стащили с дивана и бросили к ногам султана, прижимая ее лоб к самому полу.

Султан рычал, как раненый бык. Если бы не защита Аллаха, он лежал бы сейчас мертвым, с горлом, перерезанным проклятой христианкой, которая нанесла удар его же собственным кинжалом. Он предаст ее мучительной смерти. И немедленно! Тут же! Пусть приведут посмотреть всех остальных рабов, особенно этих упрямых французов. Пусть увидят мучения женщины их расы и своей соотечественницы! Пусть увидят, как умирают те, у кого хватает дерзости и смелости, чтобы поднять руку на священную особу главы веры!

Шлюзы прорвало, и все пришло в движение. Никто ни о чем не спрашивал. Поднятые над головой связанные руки Анжелики притянули к одной из колонн.

Спина ее была обнажена. Она чувствовала обжигающие удары плетей. Как часто, думала она, я видела такие рисунки в книжках о святых мучениках. Но сейчас к столбу была привязана она сама. Спина мучительно болела, и она чувствовала, как по ногам стекает теплая кровь. Потом она подумала: «Это не так уж и страшно...»

А что дальше? Какая разница! Ей не остановить пролитую кровь. Теперь она была только камешком, увлекаемым могучим потоком. Ей вспомнились

водопады в Пиренеях во время ее первого брака. Ей ужасно захотелось пить, и глаза ее затуманились.

Удары кнута прекратились, и во время секундной паузы Анжелика почувствовала, что горящая плоть ее больше не может терпеть.

Ей отвязали руки, но лишь затем, чтобы повернуть лицом к комнате и снова привязать к колонне.

Через туман, застилавший глаза, она видела палача с жаровней, полной пылающих углей, и ужасные инструменты, которые тот раскладывал на столе. Это был непристойно толстый евнух с лицом гориллы. Рядом с ним стоял второй евнух. Они не успели переодеться в свои форменные одежды для казни, а просто сняли тюрбаны.

Мулаи Исмаил сидел слева. Он не позволил перевязать рану, говоря, что это всего-навсего царапина. Он хотел, чтобы все видели его кровь, уже запекающуюся, и обратили внимание на совершенное святотатство.

В глубине комнаты были собраны двадцать рабов-французов. Среди них был Колен Патюрель, опять в цепях, парижанин Жан-Жак, маркиз де Кермур и другие. Со страданием на лицах они, открыв рты, смотрели на мучения этой полуобнаженной женщины с молочно-белой кожей. Стражники с копьями и мечами поддерживали среди них порядок.

Осман Фараджи наклонился к Анжелике, медленно говоря по-арабски:

— Слушай меня: великий султан Марокко готов простить твой безумный поступок. Согласись покориться ему, и он простит тебя. Ты согласна?

Черное лицо Османа Фараджи качалось перед ее глазами. Ее не оставляла мысль, что это, быть может, последнее лицо, которое она видит в этом мире. Ну и хорошо! У Османа Фараджи такая большая душа! Все другие столь мелки, столь жалки! Потом рядом с лицом

главного евнуха она увидела грубое светлое лицо Колена Патюреля.

— Моя бедняжка... он просит уговорить тебя согласиться... не обрекай себя на такую смерть... бедняжка... «Почему ты дал распять себя, Колен Патюрель?» — хотела она спросить его, но ее губы смогли произнести лишь одно слово: Н-е-т!

— Тебе вырвут груди. Тебя будут терзать раскаленными докрасна клещами, — сказал Осман Фараджи.

Анжелика закрыла глаза. Если бы ее оставили наедине с болью. Все другие уплывали куда-то... уже уплыли... Сколько это будет продолжаться? До нее доносились стоны рабов из дальнего конца комнаты. Что теперь готовит палач?

Прошло бесконечно долгое время. Потом ей отвязали руки, и она заскользила по колонне вниз... все ниже... и ниже...

Когда к ней вернулось сознание, ее щека покоилась на толстой подушке. Она лежала на боку, и рядом с собой она увидела руки Османа Фараджи. Анжелика все вспомнила. В исступлении она вцепилась в эти барские руки с пальцами, униженными перстнями, и с красными, как рубины, ногтями. Она слегка повернулась. И тут вдруг к ней сразу вернулась память и ее наполнила та особенная радость, какую испытывает женщина в момент рождения своего ребенка. Она поняла, что боль теперь позади, и она совершила что-то необыкновенное.

— Уже все? — спросила она. — Меня пытали? Я вела себя храбро?

— Я умерла? — с ухмылкой передразнил ее Осман Фараджи. — Глупая маленькая бунтарка! Аллах поставил тебя на моем пути не из расположения ко мне. Да, ты еще жива и почти невредима, только на спине кнут оставил свои следы. Это потому, что я сказал

Мулаи Исмаилу, будто ты уступила. Но поскольку ты была не в состоянии тут же продемонстрировать свою покорность, он согласился дать тебе время для отдыха и лечения. Ты уже три дня лежишь в жару, а показаться на людях сможешь не раньше чем через месяц.

Глаза Анжелики наполнились слезами:

— Так все повторится сначала? О, зачем вы сделали это, Осман Фараджи? Почему не дали мне умереть? У меня не хватит мужества пройти все это еще раз.

— Так ты уступишь?

— Нет. Вы знаете, что нет.

— Ну, не кричи же, маленькая Бирюза. До новой луны ты должна приготовить себя к новому мученичеству, — насмешливо сказал главный евнух.

Он еще раз пришел к ней вечером. Она собралась с силами и сумела чуть приподняться на подушках. Вся спина у нее была покрыта повязками.

— Вы украли у меня мою смерть, Осман Фараджи, но вы ничего не выиграете от оттяжки. Я никогда не буду ни третьей, ни первой женой Мулаи Исмаила. Так я и скажу ему в следующий раз, когда вы приведете меня к нему. Тогда... все повторится сначала. Я не боюсь. Это правда, что Бог простирает свое благословение над мучениками. В конце концов, это бичевание не так уж ужасно.

Главный евнух откинул голову и рассмеялся, что случилось с ним редко.

— Не сомневаюсь, — произнес он. — Прими к сведению, дурочка, что бичевать можно по-разному. Иногда каждый удар кнута может вырывать длинные полосы мяса. Иногда они могут едва рассечь кожу до крови. А бывают плети, вымоченные в обезболивающем настое, и они приглушают боль. Это было не так ужасно, а? Ну так это потому, что я приказал...

Прошло немало времени, прежде чем Анжелика с досадой сообразила, что ее провели.

— Зачем вы сделали это для меня, Осман-бей? — совершенно серьезно спросила она. — Я обманула вас. Или вы надеялись, что я переменю свое решение? Никогда! Я никогда не уступлю. Вы отлично знаете, что это невозможно!

— Да, я прекрасно знаю это, — уныло согласился главный евнух. С его лица исчезла обычная жреческая мина, и по нему пробежало то выражение опечаленной обезьяны, которое часто можно видеть у негров, сокрушенных судьбой. — Я на себе испытал твердость твоего характера. Он тверд, как алмаз. Ничто никогда не сломит твою волю...

— Тогда почему?.. Почему вы не предоставили меня моей несчастной судьбе?

Он покачал головой.

— Я не мог. Я не могу позволить Мулаи Исмаилу уничтожить тебя, прекраснейшую и величайшую из женщин. Аллах еще не создавал ничего подобного. Ты — сама женщина! Наконец я нашел ее после поисков на всех невольничьих рынках мира. Я не позволю Мулаи Исмаилу уничтожить тебя!

Анжелика в замешательстве кусала губы — такого сюрприза ей еще не преподносили. Она не знала, как реагировать на это неожиданное признание.

Осман Фараджи заметил ее изумленный взгляд.

— В моих устах эти слова звучат для тебя нелепо, не так ли? — с улыбкой произнес он. — Я не могу желать тебя плотски, но я могу восхищаться тобой. Быть может, ты тронула мое сердце.

Сердце? Разве он хотя бы на мгновение заколебался, посылая черкешенку на смерть?

Он и сам удивлялся тому, как эта француженка разрушила оборону, построенную его разумом и благоразумием. Речь его стала медленной и отрывистой:

— Я люблю ослепительный блеск твоей красоты и твоего характера... твое тело в совершенстве отражает твою душу. Ты невероятно благородное создание... Ты владеешь всеми женскими уловками, ты по-женски жестока и вооружена острыми ноготками, и все же ты не утратила материнской нежности. Ты изменчива, как погода, и в то же время постоянна, как солнце... Ты, кажется, умеешь не теряться в любом положении, и в то же время с латинской наивностью держишься мертвой хваткой за то, что вбили тебе в голову... Ты похожа на всех остальных женщин, и все же ни одну не повторяешь... Мне нравится думать о жизни, которая лежит перед тобой, и о том, что сулит тебе старость... я люблю тот яд, который строится из твоих улыбок и твоих слез... Мне нравится, что ты привлекла любовь Мулаи Исмаила, что ты бесстыдна, как Иезавель, и что ты решилась убить его, как Юдифь Олоферна. Ты — шкатулка, в которую создатель вложил все сокровища женственности... — он замолчал на мгновение и закончил: — Я не могу позволить, чтобы тебя уничтожили. Бог накажет меня за это.

Анжелика слушала его с насмешливой улыбкой на бледных губах. «Если бы кто-нибудь спросил меня, от кого я слышала самое прекрасное признание в любви, — думала она, — я бы ответила: от Османа Фараджи, главного евнуха и хранителя гарема его величества султана Марокко». В нее вселилась великая надежда. Она готова была просить у него помощи в организации побега, но природная сдержанность удержала ее. Она достаточно хорошо знала неумолимые законы сераля, чтобы сознавать: надежды на помощь со стороны главного евнуха были не более чем игрой воображения. Ему нужно было бы проявить, по его выражению, «латинскую наивность», чтобы задуматься о такой возможности.

— Так что же дальше? — спросила она.

Евнух перевел отсутствующий взгляд на нее.

— До новолуния еще три недели.

— А что может произойти до новолуния?

— Как ты нетерпелива! За три недели может произойти множество событий. Аллах может решить, что пора разрушить этот мир, как только мы окончим наш разговор. Бирюза, не хочешь ли ты подышать свежим воздухом с вершины башни Мазагреб? Да? Я покажу тебе звезды.

Обсерватория главного евнуха находилась на вершине башни Мазагреб — не столь высокой, как минареты, но возвышавшейся над валами. Между зубцами стен виднелись просторы пустыни, вблизи города усеянной желтыми островками оливковых рощ, но вдали безжизненной и каменистой.

Сильный телескоп, секстан, компасы, глобусы и всевозможные другие измерительные инструменты отражали своими медными частями и прекрасно отполированными подставками свет великой звезды ночи и менее крупных звезд, особенно ярко сверкавших в чистом небе.

Его помощником был турецкий ученый, которого Осман Фараджи привез из Константинополя, щуплый старичок, сгибавшийся под тяжестью своего тюрбана. Занимаясь астрологией, Осман Фараджи любил надевать свой суданский плащ и тюрбан из золотой парчи. Выгляда в нем еще выше, он стоял под огромным прозрачным куполом звездного неба, и лишь тонкая серебристая линия отделяла его профиль от тьмы. Он становился почти бесплотным.

Анжелика робко присела неподалеку. Вершина башни казалась святилищем души. «Здесь не бывала ни одна женщина», — подумала она. Но главный евнух, в отличие от настоящих мужчин, не презирал женский ум. Своими искалеченными чувствами он видел их

такими, какие они есть, пренебрегая глупостью, но поощряя тех, кто вдохновлял его. От Анжелики он многое узнал о характере жителей Запада и особенно — о великом короле Людовике XIV. Все, что он услышал от нее, представляло большую ценность при подготовке посольства, которое Мулаи Исмаил собирался направить к хозяину Версаля.

Было бы слишком легко сказать, что Осман Фараджи раз и навсегда отказался от своего намерения сделать Анжелику третьей женой Мулаи Исмаила. Этот план был только перенесен на более позднее время; он все еще нависал над головой, как комета, которую можно увидеть только однажды, но которая существует вечно и всегда оказывает влияние на судьбы людей. В глазах латинян эта ситуация могла иметь только трагический исход, но Осман Фараджи выжидал. Звезды открыли ему, что его ждет несчастье, потому что судьба Анжелики лишь на короткое время соприкоснется с судьбой Мулаи Исмаила. Она пролетит, как падающая звезда, но еще неизвестно, сгорит ли она или уцелеет. От этих предзнаменований по его спине пробегала дрожь, и дуновение крыльев черного ангела смерти до такой степени подавляло его, что он больше не мог сжимать пальцами холодный металл телескопа. Сегодня, когда ему хотелось вырвать у небес их самую сокровенную тайну, он привел с собой ту самую женщину, в судьбе которой был столь сильно заинтересован.

Анжелика обладала особенной силой. Сначала он недооценил ее, но теперь понял, что она принадлежит к тем немногим людям, существо которых было для него непостижимой загадкой. Он совершил серьезную ошибку, и ее можно было объяснить только тайной ее женственности, которая скрывала непобедимую душу. Ему приходилось склониться перед тем, что за

бесподобной красотой прятался неожиданный характер и необычная судьба, неожиданная для нее самой.

Настраивая свои астрономические инструменты, он сомневался, не попался ли он в ловушку.

Анжелика глядела на звезды. Они виделись ей скорее светом, мерцающим через проколотые булавкой дырочки, а не сияющими камнями на черном бархатном небосводе, какими казались через телескоп. Что он ищет в громадном мире?

Анжелика не считала себя сведущей в столь возвышенной и таинственной науке. Из-за того, что пребывание на вершине башни под звездным небом напомнило ей далекие-далекие ночи в Тулузе, она вспоминала, как ее ученый муж, граф де Пейрак, иногда приводил ее в свою лабораторию и брал на себя труд объяснять ей сущность своих экспериментов, без сомнения, он счел ее глупой. Было бы лучше, если бы он не брался за это.

Она так устала душой и так разочаровалась во всем. Жизнь спустила ее на общий уровень, откуда она безуспешно старалась подняться. Она была всего лишь простой женщиной, у которой не было иного выбора, кроме как принадлежать Мулаи Исмаилу или умереть из-за своего упрямства. Никакого выбора, кроме как отдаться королю Франции или быть изгнанной. Продаться или быть проданной. Ударить, чтобы не быть сокрушенной. Была ли в жизни иная цель? Жизнь! Она откинула голову и устремила взор в безграничную свободу неба. Жизнь, о боже! Не метаться все время между падением и смертью!

Если бы только рабы помогли ей бежать! Теперь, когда Савари больше не было в живых, вряд ли удастся уговорить их связываться с женщиной. И все же, если она сумеет заполучить ключ от этой дверцы и сама выберется из гарема, Колен Патюрель, быть может, не

откажется взять ее со всеми. Она уприсит его на коленях.

Но как ей добраться до этого ключа, который был только у главного евнуха и у Лейлы Айше?

— Почему ты сбежала?

Анжелика вздрогнула. Она забыла о присутствии главного евнуха и о его ужасной способности читать мысли. Она открыла было рот, но слова не шли, хотя он и не смотрел на нее. Он говорил как будто про себя, не отводя глаз от звезд.

— Почему ты бежала из Кандии? — Он положил подбородок на ладони и закрыл глаза. — Зачем ты бросила этого христианского пирата, который купил тебя? — он говорил таким необычным дрожащим голосом, что Анжелика от удивления не ответила. — Скажи, зачем ты бежала? Разве ты не чувствовала, что судьба Рескатора и твоя судьба связаны? Отвечай, разве ты не чувствовала? — теперь он опять говорил властным голосом, глядя на нее. Она кротко пробормотала:

— Да... чувствовала.

— О, Бирюза, — воскликнул он почти печально. — Запомни, что я скажу тебе: нельзя противодействовать судьбе и нельзя игнорировать знамения, если они являются тебе. Знак этого человека пересек твою судьбу и... я не могу предвидеть всего, Бирюза. Мне пришлось бы производить бесконечные вычисления, чтобы прочесть на звездах бесконечную историю, которую я, кажется, угадываю там. Я знаю, что этот человек принадлежит к твоей расе.

— Вы имеете в виду, что он француз? — переспросила она нерешительно. — Говорят, он испанец или, быть может, марокканец.

— Не знаю... я имею в виду... что он принадлежит к расе, еще не сотворенной... как и ты, — он делал в воздухе какие-то знаки руками. — Независимая

спираль, соединяющаяся с другой, которая... — он принялся быстро говорить что-то по-арабски. Старый турок записывал его слова.

Крайним напряжением ума Анжелика старалась уследить за их разговором и прочесть на их лицах, разгадать по движениям компасов и глобусов, которыми они все время манипулировали, приговор, от которого зависела ее жизнь.

Еще недавно ее мысли были далеко от Рескатора, образ которого уже стерся в ее памяти, оттесненный на задний план яростной борьбой с Мулаи Исмаилом. Но теперь она вся оказалась во власти неожиданных воспоминаний об этой фигуре в черной маске...

Глядя на Османа Фараджи, опять направлявшего телескоп на небо, Анжелика осмелилась задать вопрос:

— Вы знали его, Осман-бей? Он колдун, как и вы?

Он медленно покачал головой:

— Может быть. Но его магия была иного рода, чем моя. Я в самом деле встречал его. Он христианин, но говорил по-арабски и на нескольких других языках, однако нам трудно было обмениваться мыслями. Я был как человек из прошлого, оказавшийся лицом к лицу с человеком из будущего, обремененным знаниями завтрашнего дня.

— Но разве он не обычный пират? — сердито воскликнула она. — Презренный контрабандист, торговец серебром...

— Он искал свой путь в мире, изгнавшем его. И так будет продолжаться, пока он не погибнет или пока не найдет своего места. Как ты не можешь понять этого, ты, пережившая столько превратностей судьбы и теперь напрасно старающаяся найти свою подлинную природу?

Анжелику с головы до ног охватила дрожь. Нет, это неправда! Главный евнух не может этого знать! Не мог он прочесть этого на звездах. В страхе всматривалась

она в темное небо. Ночь была ясной и теплой. Ветер, дующий из пустыни, приносил запахи садов Мекнеса. Эта ночь была похожа на любую другую ночь, но на вершине башни Мазагреб она чувствовала, что воздух насыщен чем-то тревожным. Анжелика хотела бы улететь, оставив этого черного мудреца здесь, среди его странных инструментов, с помощником, выводящим кабалистические знаки и в своих очках напоминающим суетливое насекомое.

Больше она знать ничего не желает. Она слишком устала для этого. И все же она стояла неподвижно, не в силах оторвать глаз от медленных движений телескопа, направленного на небо.

Ученость Османа Фараджи приподнимала уголок занавеса, скрывавшего невидимое. Что еще скажет он ей? Ей казалось, будто его лицо принимает тот пепельный оттенок, который заменял ему бледность, и вдруг он устремил на нее ужасный взгляд, как будто увидел у ее ног несчастье, которому сам был причиной.

— Осман-бей, — вскричала она, — что вы прочли на звездах?

Наступило молчание. Главный евнух опустил глаза и принял непроницаемое выражение.

— Зачем ты бежала от Рескатора? — прошептал он наконец. — Он был единственным мужчиной, у которого хватило бы силы на тебя... кроме, быть может, Мулаи Исмаила. Теперь я не знаю, в каком случае ты рисковала больше. Ты приносишь смерть мужчинам, которые встречаются на твоём пути. Вот как!

Она вскрикнула и взмолилась, заломив руки:

— Нет, Осман-бей, нет! Не говорите так!

Он как будто обвинял ее в собственноручном убийстве мужа, которого она так горячо любила. Она опустила голову, будто чувствуя вину, и закрыла глаза, чтобы избавиться от всех других лиц, явившихся к ней из прошлого.

— Да, ты приносишь им или смерть, или такую боль, что они теряют вкус к жизни. Чтобы избежать такой судьбы, мужчина должен обладать исключительной силой. И все потому, что ты упорно идешь туда, куда никто не может за тобой последовать. Слишком слабых ты оставляешь на обочине. Сила, которую создатель дал тебе, не позволяет тебе остановиться, пока ты не достигнешь того места, куда хочешь попасть.

— Что это за место, Осман-бей?

— Не знаю. Но поскольку ты еще не достигла его, ты будешь сокрушать все на своем пути, в том числе и свою собственную жизнь. Я хотел обуздать эту силу, но обманулся, потому что ее нельзя укротить. Даже ты сама как следует не знаешь ее.

Анжелика расплакалась.

— О, Осман-бей, похоже, вы сожалеете, что не оставили меня умирать под пытками Мулаи Исмаила. О, зачем вам понадобилось смотреть сегодня на звезды? Зачем? Вы были моим другом, а теперь говорите такие ужасные вещи!

Голос главного евнуха смягчился, но она продолжала плакать и не могла успокоиться.

— Не плачь, Бирюза! Это не твоя вина. Все это исходит свыше. Ты не приносишь несчастья, а только неудачу. Но есть люди, слишком слабые, чтобы выдержать такое богатство. Тем хуже для них! Увы! Да, я остаюсь твоим другом. Тем хуже для меня! Небезопасно брать на себя ответственность за твою смерть. Спасая тебя от гибели, я стремился также избежать внезапного гнева Мулаи Исмаила. Но теперь мне придется взяться за нечеловеческое дело — бороться против того, что начертано, бороться против судьбы — так что ты не можешь оказаться слишком сильной для меня.

Глава 24

Группа женщин пересекала внутренний двор, по которому перелетали с места на место голуби. Раб, ремонтировавший фонтан, поднял голову и спросил: «Это вы француженка?»

Анжелика расслышала и замедлила шаг, пропуская спутниц вперед. Дело происходило в маленьком дворике, находящемся внутри самого гарема, поэтому здесь женщины ходили без охраны из евнухов, но как здесь может оказаться французский раб? Окажись здесь евнух, он тут же перерезал бы невольнику глотку.

Нагнувшись над трубой, которую он развинчивал, раб снова шепотом повторил свой вопрос.

— Да, — ответила Анжелика. — Но будьте осторожны. Мужчинам здесь бывать запрещено.

— Ко мне это не относится, — прошептал он. — Я имею право расхаживать по гарему где хочу. Пока я говорю, сделайте вид, что смотрите на голубей. Меня послал Колен Патюрель.

— О!

— Вы все еще собираетесь бежать? Мулаи Исмаил простил вас, потому что вы уступили?

— Да, — у Анжелики не было времени объяснять, на какой обман пошел главный евнух. — Я не уступила ему. И никогда не уступлю. Я хочу бежать. Помогите мне!

— Мы поможем вам ради Савари. Он собирался выволить вас отсюда. Он был вашим отцом, не так ли? Мы не можем бросить вас здесь, хотя для нас это связано с дополнительным риском. План такой: ночью — когда именно, еще не решено — Колен Патюрель или кто-нибудь другой будет ждать вас у маленькой дверцы в северной стене у кучи навоза. Если там будет какой-

нибудь сторож, наш человек убьет его. Он откроет дверь ключом, потому что она отпирается только снаружи. Вы будете там, и он выведет вас. Вы должны раздобыть ключ.

— Он есть только у главного евнуха и у Лейлы Айше.

— А это никого не касается. Другого пути нет. Попробуйте придумать, как раздобыть его. Можно попробовать подкупить какую-нибудь служанку. Как только достанете ключ, передайте его мне. Я всегда хожу где-нибудь здесь, моя работа — чинить все фонтаны в гареме. Завтра я буду работать у фонтана во дворе султанши Лейлы Абечи. Это красивая, милая женщина, которая хорошо меня знает, она позволит нам поговорить и не выдаст нас.

— Но как мне достать ключ?

— А вот это уже ваше дело, милая дамочка! У вас есть на это несколько дней. Мы ждем для побега безлунной ночи. Счастливо! Если я вам понадоблюсь, спросите Эсприта Кавильяка из Фронтиньяка, водопроводчика его величества, — он собрал свои инструменты и, ободряюще улыбнувшись, раскланялся. Позже она узнает его историю от султанши Абечи, большой сплетницы. Чтобы заставить его отречься от своей веры, Мулаи Исмаил придумал для него особенно отвратительную пытку. Он привязал один конец веревки к его мужским органам, а другой — к коню, которого плетью послал в бешеный галоп. Эсприта Кавильяка выходили товарищи, и он остался в живых, а теперь, благодаря своему уродству, имел свободный доступ в гарем и мог быть связным между Анжеликой и группой готовившихся к побегу. Встреча с ним придала ей мужества. В конце концов она не забыта. Кто-то еще думает о ней. Они даже организуют ее побег. Разве не говорил Осман Фараджи, что ее энергия подобна энергии вулкана? Тогда она была больна и слаба, лежала с израненной спиной, и его слова несколько

походили на дурную шутку. Но теперь она размышляла обо всем, что успела совершить за свою недолгую жизнь, и не видела причины, почему бы ей не преуспеть в этой безумной попытке бегства из гарема.

Она быстро обошла двор и миновала длинную галерею, пересекла сад, где два фиговых дерева бросали своими кронами тень на небольшой бассейн, и вошла в другой двор, из которого попала к аркаде, ведущей к затененным балконам. Здесь перед ней возник Раминан, начальник охраны Лейлы Айше.

— Я хотела бы видеть твою хозяйку, — сказала Анжелика.

Негр невозмутимо рассматривал ее не отвечая. Чего хочет эта беспокойная соперница его повелительницы? Она находилась под покровительством главного евнуха, и Лейла Айше с Дейзи-Валиной всю последнюю неделю занимались тем, что насылали на нее порчу. Властную султаншу не обмануло бичевание Анжелики. С честью выдержав его, она подхлестнула Мулаи Исмаила. Кинжал, которым она метила в его горло, только разжег его страсть к ней. Он выбирал время, чтобы приручить эту тигрицу и сделать ее нежной, как голубка. Он дошел даже до того, что доверился Лейле Айше, говоря, что эта француженка не смогла устоять против его любви. Если бы он не проявил беззаботности и снял кинжал, Анжелика лежала бы без памяти в его объятиях. Он очень мудро поступил, заставив ее мучиться желанием. Он усмирит ее бешеный нрав и завладеет ее телом. Впервые в своей жизни Мулаи Исмаил действительно хотел женщину и готов был сделать что угодно, лишь бы она улыбнулась ему.

Чуткая негрятка уловила совершившуюся в нем перемену. Это одновременно и рассердило, и испугало ее: француженка, быть может не имела опыта в таких делах, но уже неотвратимо подчинила тирана своей власти и вела его на поводке, как ручного гепарда —

точь-в-точь как сама Лейла Айше водила пантеру Алчади.

Осман Фараджи использовал ее как пешку в своей дьявольской игре. Он пустил слух, что француженка при смерти. Султан непрерывно осведомлялся о ней и хотел было провести ее, но главный евнух не позволил ему сделать этого. Больная еще боится его, и вид хозяина и повелителя лишь вернет лихорадку. Тем не менее она улыбнулась при виде подарка, который Мулаи Исмаил послал ей — изумрудного ожерелья, захваченного на итальянской галере. Так француженка любит драгоценности! Султан тут же созвал всех ювелиров города и под лупой рассматривал их лучшие изделия.

Все это приводило в уныние Лейлу Айше и Дейзи. Они старательно искали выхода. Проще всего было с помощью соответствующих снадобий докончить то, что так хорошо началось. Но самые ловкие служанки, которых они посылали с укрепляющими настойками, всегда возвращались ни с чем, остановленные стражниками Османа Фараджи.

Теперь француженка, кажется, опять чувствует себя превосходно и добивается разговора с женщиной, которая старалась убить ее. После секундного колебания Раминан попросил ее подождать. Принц Бонбон в малиновом тюрбане и белоснежной одежде играл неподалеку, рубя воображаемые головы деревянным мечом. Стальной клинок у него отобрали после того, как он нанес им слишком много ран.

Вернувшись, евнух провел Анжелику в комнату, в которой среди жаровен и медных сосудов, в которых настаивались ароматические травы, восседала огромная негритянка. С ней была Дейзи-Валина. На двух низеньких столиках стояли графины венецианского стекла и множество блюд — ароматный чай, табак, сладости.

Первая жена Мулаи Исмаила вынула изо рта длинную трубку и выпустила к кедровым балкам потолка облако дыма. Это был ее тайный порок, потому что султан строго-настрого запрещал курение, так же строго, как и употребление алкоголя, запрещенное Кораном. Сам он не пил ничего, кроме воды, и губы его никогда не касались чубука кальяна, в отличие от нечестивых турок, наслаждавшихся радостями мира и мало думавших о боге. Лейла Айше получала табак и коньяк от рабов-христиан, которым только одним и разрешалось покупать и употреблять их.

Анжелика почтительно опустилась на колени на толстый ковер и долго оставалась в таком положении, опустив голову, в то время как обе женщины молча рассматривали ее. Потом она сняла с пальца перстень с бирюзой, подаренный ей персидским послом Бахтияром-беем, и положила его перед Лейлой Айше.

— Прошу, прими этот подарок, — сказала она по-арабски. — Не могу подарить тебе ничего лучшего, потому что у меня больше ничего нет.

В глазах негритянки зажглись огоньки:

— Я не приму твоего подарка. Ты лжешь. У тебя есть изумрудное ожерелье, которое дал тебе султан.

Анжелика покачала головой и сказала по-французски англичанке:

— Я бы не приняла этого ожерелья. Я не хочу быть фавориткой Мулаи Исмаила и никогда не буду... если ты поможешь мне.

Англичанка перевела, и негритянка резко наклонилась к Анжелике.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что есть способы отделаться от меня вернее, чем яд или кислота. Помоги мне лучше бежать.

Обе женщины долго перешептывались. Анжелика обратила себе на пользу ненависть, которую питала к

ней соперница. В конце концов, что они теряют? Если побег будет удачным, они больше никогда в жизни не увидят Анжелику. Если же нет, ее схватят и на этот раз в самом деле предадут ужасной смерти. Кто сможет обвинить двух султанш в ее исчезновении? А это легко может произойти, если обнаружится, что она умерла от яда. Они не отвечают за охрану гарема, и бегство наложницы никто не отнесет на их счет.

— Ни одна женщина никогда не бежала из гарема, — произнесла Лейла Айше. — За это главному евноху отрубили бы голову... — Тут ее налитые кровью желтоватые глаза загорелись красным огнем. — Теперь я все поняла. Все идет как должно быть. Мой астролог правильно прочел то, что написано на звездах. Они сказали ему, что ты должна стать причиной смерти Османа Фараджи.

По спине Анжелики пробежала дрожь. «Он прочел на звездах то же самое, — подумалось ей. — Вот почему он так странно смотрел на меня. «Теперь я должен буду бороться против судьбы, Бирюза, так что ты не окажешься слишком сильной для меня»».

Анжеликой снова овладела мука, испытанная ею на вершине башни Мазагреб. Ей было душно от запаха трав и табака, она чувствовала испарину, выступившую на лбу. С безжалостным упорством она продолжала выпрашивать ключ у Лейлы Айше. Наконец султанша дала его ей. Она не сделала этого сразу только потому, что не любила ничего делать, предварительно не обсудив. На самом деле она про себя согласилась с Анжеликой с первых же ее слов. Этот план избавит ее от опасной соперницы и одновременно нанесет вред ее врагу, главному евноху, потому что гнев Мулаи Исмаила будет страшен — султан никогда не простит ему исчезновения своей последней пассии.

Она решила также узнать от Анжелики планы беглецов, чтобы их поймали. Это увеличит ее престиж и

усилит репутацию провидицы, умеющей видеть будущее. Было решено, что в ночь побега Лейла Айше сама проводит Анжелику через гарем к лестнице, ведущей во двор, где находилась потайная дверь. Это спасет ее от риска оказаться жертвой пантеры, которая может притаиться где-нибудь на пути. Лейла Айше умела разговаривать с этим животным, к тому же она прихватит для пантеры какое-нибудь лакомство. Стражи пропустят султаншу, потому что они боятся дьявольской силы ее дурного глаза.

— Единственный, кого нам нужно опасаться, — это главный евнух, — сказала Дейзи. — Страшен только он один. Что ты собираешься ответить, если он спросит, зачем ты была у нас?

— Скажу, что прослышала о вашей ненависти и хотела настроить вас в свою пользу.

Обе женщины одобрительно закивали:

— Может быть, он и поверит тебе. Да, тебе-то он наверняка поверит.

Во второй половине дня Анжелика навестила султаншу Абечи, толстую мавританку испанского происхождения, к которой султан еще проявлял большое внимание и чуть не сделал третьей женой. Эсприт Кавильяк был там, и она украдкой передала ему ключ.

— Так быстро! — удивился он. — Вам и в самом деле пальца в рот не клади. Старый Савари был прав, когда говорил, что вы смелы и хитры, и на вас можно положиться, как на мужчину. Что же, тем меньшую ответственность мы берем на себя. Теперь все, что вам остается делать, — это ждать. Я дам вам знать, когда мы назначим день.

Анжелика знала, что ожидание будет самой мучительной частью всего плана, к тому же ей не только приходилось держать себя в руках — она

зависела от двух в высшей степени коварных женщин и находилась под надзором главного евнуха.

Ее спина зажила, потому что она покорно подчинялась безжалостным заботам старой Фатимы, не терявшей надежды, что ее хозяйка перестанет упрячиться. Все, что ей пришлось пережить, не говоря уже о кровоподтеках и содранной коже, должно доказать ей раз и навсегда, что сила не на ее стороне. А раз так — к чему упрямяство?

Потом разнесся слух, будто главный евнух собирается поехать проведать своих черепах и старых султанш. Его отсутствие продлится по меньшей мере месяц, но, услышав об этом, Анжелика вздохнула с великим облегчением. Она обязательно должна воспользоваться его отсутствием для побега. Бежать будет значительно легче, а он сам благодаря своему отсутствию сумеет сохранить голову на плечах. Она не любила думать об этом последствии своего побега и надеялась, что Мулаи Исмаил слишком ценит своего главного евнуха, чтобы обрушить на него свой гнев, даже если речь пойдет о побеге рабыни. И все же она не могла забыть предсказания астролога Лейлы Айше: «Он прочел на звездах, что ты станешь причиной смерти Османа Фараджи...» Она должна предотвратить этот исход любой ценой. Его отъезд поможет ей в этом.

Главный евнух пришел к ней попрощаться и предупредить, что она должна быть очень осторожной. Он продолжал утверждать, что она все еще очень больна и по-прежнему боится Мулаи Исмаила, так что султану следует запастись терпением. Это было чудом! Он предупреждал, чтобы она не испытывала судьбу, слишком близко сходясь с Лейлой Айше, которая только и ищет способ погубить ее. Через месяц он должен вернуться, и тогда все образуется — она должна верить ему.

— Я полагаюсь на вас, Осман-бей, — ответила она.

После его отъезда она постаралась убедить рабов назначить день побега, используя в качестве связного Эсприта Кавильяка. Колен Патюрель велел передать ей, что им следует дожидаться безлунной ночи. Однако к этому времени должен был вернуться главный евнух. Она в отчаянии кусала костяшки пальцев. Если бы заставить этих христиан понять, что она восстает против неумолимой судьбы! Это была нечеловеческая борьба с предсказанием, что Осман Фараджи должен из-за нее умереть, титаническая борьба с судьбой, начертанной на звездах! В ночных кошмарах усеянное звездами небо, вращаясь, опускалось на нее, сокрушая ее своей тяжестью.

Наконец Эсприт Кавильяк сообщил ей, что вожак рабов уступил ее доводам, что для нее будет намного лучше, если побег состоится в отсутствие главного евнуха. Лунный свет представляет собой дополнительную трудность для всех остальных, но тут уж ничего не поделаешь. Освободившись от оков, Колен Патюрель обойдет дворец и убьет часовых сначала на внешних стенах, а потом — на внутренних. Ему придется пересечь рощицу апельсиновых деревьев и двор, ведущий к потайной двери. Остается только молиться, чтобы облака закрыли слабый свет луны, находившейся уже в последней четверти. День побега был назначен.

Вечером Лейла Айше принесла какой-то порошок, который нужно было подмешать в питье служанкам, охранявшим Анжелику.

Анжелика предложила кофе Рафаи, который пришел справиться о ее здоровье, — в отсутствие главного евнуха он отвечал за гарем. Тучный уродливый старик любил подражать полуфамильярному обращению главного евнуха со своими подопечными, но такое поведение не шло Рафаи. Наградой за все его старания были лишь взрывы смеха. Поэтому он любил проводить

время с Анжеликой, которая обращалась с ним как с равным, и выпил предложенный ему кофе до последней капли. После этого он удалился, чтобы присоединить свой храп к храпу лежащих служанок.

Время ожидания показалось Анжелике вечностью. Услышав крики совы, она спустилась во двор. Лейла Айше уже ждала ее там; ее сопровождала Дейзи с масляной лампой в руке. Увы, в ней не было необходимости — луна сияла как белый парус в темном океане ночи, а на небе не было ни облачка.

Три женщины пересекли садик и прошли в тени длинной аркады. Время от времени Лейла Айше издавала странный грудной звук — так она говорила с пантерой.

Они без происшествий добрались до конца первой аркады и уже шли по другой, замыкавшей сад, наполненный ароматом роз. Вдруг негритянка остановилась.

— Вот она! — прошептала Дейзи, хватая Анжелику за руку.

Пантера выскользнула из кустов, держа нос у земли, как кошка, готовая кинуться на мышшь.

Султанша бросила ей цыпленка, не переставая издавать странные рокочущие горловые звуки. Пантера, казалось, успокоилась. Она подошла к Лейле Айше, и та закрепила цепь на ошейнике.

— Держитесь в двух шагах позади меня, — велела она двум белым женщинам.

Они продолжали свой путь. Анжелика удивлялась, что им не повстречался ни один евнух, но Лейла Айше выбрала путь через комнаты старых наложниц, а отвергнутые женщины охранялись не очень бдительно. К тому же обычно строгая дисциплина в отсутствие главного евнуха несколько ослаблялась. Другие евнухи предпочитали проводить время в собственной компании, чем описывать бесконечные круги по гарему.

Их видели лишь несколько девушек-служанок с заспанными глазами, которые кланялись султанше султанш.

Они теперь поднимались по лестнице, ведущей на стены. Это было самое трудное место в их путешествии. Под ними с одной стороны чернели сады, окружавшие мечеть, зеленый купол которой блестел в лунном свете, с другой — виднелась пустынная базарная площадь. Мулаи Исмаил построил себе дворец, подобный окруженному стенами городу, способный месяцами выдерживать осаду армии, наступающей из раскинувшейся вокруг дворца столицы.

Вдалеке был виден стражник, наклонившийся со стены и глядящий на рыночную площадь. Он стоял к ним спиной, копье его было направлено к небу. Поравнявшись с ним, женщины скользнули в тень крепостной стены. Когда они подошли к нему на несколько шагов, Лейла Айше бросила в его сторону еще одного цыпленка. Пантера устремилась за ним. Стражник обернулся, увидел чуть ли не над собой хищника и, вскрикнув от ужаса, бросился со стены. До них донесся глухой стук его тела, ударившегося о землю далеко внизу.

Женщины, затаив дыхание, ждали, не сбегутся ли на его крик другие стражники. Но все было спокойно.

Лейла Айше успокоила пантеру и взяла в руку цепь. Они спустились на этаж, всеми покинутый и почти разрушенный, чтобы освободить место для нового строительства. Султанша подвела Анжелику к ведущей вниз крутой лестнице, уходящей в темноту.

— Вот здесь, — сказала негритянка. — Спускайся. Внизу ты увидишь открытую дверь. Если она будет заперта — жди. Твой сообщник скоро придет. Скажи ему, чтобы он положил ключ в щелочку в стене справа от двери. Завтра я пошлю за ним Раминана. А теперь иди!

Анжелика начала спускаться по узким ступеням. Потом обернулась, решив, что нужно попрощаться. Она подумала о том, что никогда не видела ничего более удивительного, чем эти две женщины, склонившиеся рядом друг с другом над лестницей — светлая англичанка, высоко поднявшая свою лампу, и темная негритянка, держащая за ошейник пантеру Алчади.

По мере того как Анжелика спускалась по лестнице, свет от лампы становился все слабее и слабее. Она чуть не споткнулась на последних ступеньках, но тут же различила очертания двери. Она была открыта! Раб опередил ее.

Анжелика ощупью двигалась к ней, дрожа так, что, несмотря на всю свою волю, едва преодолела несколько шагов, отделяющих ее от свободы.

— Это ты? — тихо позвала она.

В дверной проем, согнувшись, вошла человеческая фигура, загородившая льющийся через дверь лунный свет, так что Анжелика не могла разглядеть, кто это. Она не узнавала его до тех пор, пока он не выпрямился так, что лунный свет сверкнул на вытканном золотом тюбране.

Перед ней стоял главный евнух.

— Куда ты собираешься, Бирюза? — мягко спросил он.

Анжелика прижалась к стене, как будто пытаюсь войти в нее. Она не была уверена, что это не сон и не галлюцинация.

— Куда ты собираешься, Бирюза?

Наконец она поверила, что это в самом деле он. Ее охватила дрожь. Силы ее иссякли.

— Почему вы здесь? — спросила она. — Ой, почему вы здесь? Вы же уехали.

— Я вернулся два дня назад, но подумал, что не стоит распространяться о своем возвращении.

Ну и дьявол этот Осман Фараджи! Мягкий неумолимый тигр! Он по-прежнему стоял между ней и дверью, означавшей для нее свободу. Она сжала руки и в отчаянии заломила их.

— Пустите меня, Осман-бей, — едва слышно взмолилась она. — О, пустите меня! Только вы можете отпустить меня. Вы всемогущи. Пустите!

Лицо главного евнуха перекосилось от гнева, как будто он услышал богохульство.

— Еще ни одна женщина не бежала из гарема, который охраняю я, — сердито сказал он.

— Тогда не говорите, будто стараетесь спасти меня, — в гневе воскликнула Анжелика. — И не называйте себя моим другом. Вы знаете, что с этого момента единственное, что меня ждет, — это смерть!

— Разве я не просил тебя положиться на меня? О, Бирюза, зачем ты все время искушаешь судьбу? Послушай, мятежница, я ездил вовсе не к своим черепахам, я пытался вернуть тебя твоему прежнему хозяину.

— Моему прежнему хозяину? — недоуменно повторила Анжелика.

— Рескатору, христианскому пирату, который купил тебя в Кандии за тридцать пять тысяч пиастров.

У нее закружилось в голове. Каждый раз, когда она слышала это имя, ее охватывала надежда и тоска, и она теряла способность управлять своими мыслями.

— Я был на одной из его галер, стоявшей на якоре в Агадире. Капитан помог мне его найти. Я послал ему почтового голубя с запиской. Он идет сюда. Он идет за тобой.

— За мной? — недоверчиво переспросила она.

Мало-помалу из ее сердца уходила тяжесть. Он идет за ней...

Конечно, он пират, но все равно он — человек, принадлежавший к ее миру. Может, под маской он

прячет уродливое лицо, но раньше она его не боялась. Стоит ему появиться, черному и высокому, и положить руку ей на голову, теперь такую покорную, как к ней вернется все жизненное тепло. Она пойдет за ним и спросит: «Почему вы заплатили за меня в Кандии тридцать пять тысяч пиастров? Вы находите меня прекрасной или же прочли на звездах, как Осман Фараджи, что нам суждено встретиться вновь?».

Что он ответит ей? Она помнила его хриплый голос, помнила, как от этого голоса ее охватывал трепет. И все же он был для нее незнакомцем. Она не могла представить себя рыдающей у него на груди, когда он увезет ее далеко, далеко отсюда. Кто же он? Он — путешественник из будущего, обремененный багажом завтрашнего дня. Он заберет ее отсюда...

— Это невозможно, Осман-бей. Это безумие с вашей стороны! Как может Мулаи Исмаил согласиться на такое! Не тот это зверь, который легко расстается со своей добычей. Или Рескатор даст за меня в качестве выкупа цену еще одного корабля?

Главный евнух покачал головой. На его лице возникла улыбка, а в глазах блеснул огонек безмятежности и доброты.

— Не задавайте так много вопросов, мадам Бирюза, — сказал он насмешливо. — Знайте только, что звезды не лгут. У Мулаи Исмаила будет несколько причин уступить просьбе Рескатора. Они знают друг друга и многим друг другу обязаны. Казна королевства была бы пуста, если бы не серебро этого христианского пирата, отданное им в обмен на защиту марокканского флага. Но есть еще и другие соображения. Нашему султану, который так высоко почитает закон, не останется ничего, кроме как уступить. Бирюза, это тот случай, когда в дело вмешивается рука Аллаха. Слушай меня. Этот человек был когда-то...

Он замолк, издав какой-то свист.

Анжелика увидела, как расширились его глаза, и увидела в них такое же выражение, что и той ночью на вершине башни. Он снова издал тот же звук. Вдруг из его рта на одежду Анжелики хлынула кровь, и он осел к ее ногам, раскинув руки и уткнувшись лицом в пыль.

За ним показался светлородый гигант, одетый в лохмотья и все еще сжимающий в руке кинжал, которым он заколол главного евнуха.

— Ты готова? — спросил Колен Патюрель.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ПОБЕГ

Глава 25

Всхлипывая, Анжелика перешагнула через тело главного евнуха и проскользнула в дверь, которую Колен Патюрель запер за ней так тщательно, будто был приставлен к ней сторожем. На мгновение они неподвижно застыли в тени стены. Перед ними зловеще сверкал белый простор площади, которую им предстояло пересечь.

Колен Патюрель схватил Анжелику за руку, и они вступили на голое просматриваемое пространство, как будто бросались в воду. Несколько шагов — и они уже на другой стороне, опять под прикрытием тени. Они оглянулись, чтобы проверить, нет ли за ними погони, но не заметили никакого движения. Тот стражник, который несколько минут назад бросился со стены, был единственным, кто мог заметить их.

В воротах Анжелика споткнулась обо что-то мягкое — это был труп другого часового, которого Колен заколол, чтобы открыть себе путь внутрь кольца стен. Когда они проходили мимо навозной кучи, в ноздри им ударило тошнотворное зловоние. Анжелика была вынуждена ухватиться за своего спутника.

— Лучший способ сбить их со следа, — прошептал мужчина, — если они вздумают послать за нами собак.

Анжелика ни о чем не спрашивала. Решившись бежать, она тем самым заранее решила принять все испытания, которые встретятся на ее пути.

Колен Патюрель вывалился в жидкой грязи в том месте, где бегущий ручеек безуспешно пытался унести грязь. Стараясь не обращать внимания на вонючую грязь, они прошлепали по ней, едва не теряя сознания от отвратительного зловония. Анжелика поскользнулась и уцепилась за изорванную одежду

раба, чтобы не упасть. Он помог ей удержаться на ногах. Когда он подхватил ее, она почувствовала себя легкой, как соломинка. Тут она вспомнила о легендарной силе вожака рабов. Некоторые женщины из гарема видели, как он свернул шею быку, когда Мулаи Исмаил заставил его бороться с животным голыми руками.

— Кажется, сюда, — прошептал он, исчезая в темноте и оставляя ее одну.

— Где ты? — окликнула она.

— Здесь. Протяни руку.

Анжелика подняла руку и почувствовала, как ее поднимают в воздух и сажают на ветку толстого дерева.

— Еще один хороший способ сбить их со следа, а? Теперь — осторожно! — Он совершил трудный маневр, забросив Анжелику, как мешок, на плоский верх высокой стены. Потом он столкнул ее на копенку холодного сена и сам спрыгнул рядом с ней.

— Не так уж плохо, а, девочка?

— В самом деле. Где мы?

— В саду Сиди Родани.

— Это один из ваших сообщников?

— Вот уж нет. Но я знаю это место. Я строил его дом. Огни, которые видны там, за деревьями, горят на его террасе. Если мы сумеем пробраться через сад, нам не придется пересекать полгорода.

От запаха навоза, впитавшегося в одежду, Анжелику вырвало. Они на цыпочках проскользнули под оливковые деревья, посаженные вдоль стены в конце сада. Неожиданно со стороны дома послышался громкий лай. Колен Патюрель остановился. К первому псу присоединился второй. Собаки почуяли чужих и разъярились. Листва мешала беглецам увидеть, обратили ли в доме внимание на поднятый собаками

лай, но до них доносились голоса слуг, бегавших около дома с факелами и окликавших собак по-арабски.

— Похоже... похоже, охота организуется прямо в этом саду, — прошептала Анжелика.

— Этого нужно было ожидать.

— И что же нам делать?

— Не бойся.

И тут-то Анжелика поняла, каким образом Колен-нормандец стал вожаком тысяч рабов, попадавших со всего света в бараки Мекнеса за последние двенадцать лет. Этому он был обязан своему убедительному голосу, голосу человека несколько грубого, но ничего не боящегося и типичному для людей подобного склада, не знающих, что такое паника.

В его внутренней напряженности не было ничего общего с той взвинченностью, от которой сводит судорогой внутренности и натягиваются нервы. Ему не приходилось брать себя в руки — он не знал, что такое колебания. Пульс его никогда не учащался по сравнению с нормальным, а кровь редко ускоряла свой бег. Его тело находилось в таком равновесии с честной, мужественной душой, что сама смерть в страхе останавливалась перед ним. Анжелика все время сравнивала его с той скалой, которую не берет долото.

Однако положение становилось безнадежным. Кто-то из слуг взял на поводки двух черных собак и в сопровождении домоправителя и других слуг с факелами пустился в поиски по дорожкам сада. Собаки вели их прямо к тому месту, где спрятались беглецы. До них доносились приближающиеся голоса и треск смоляных факелов, осыпавших листву искрами.

— Это конец, — прошептала Анжелика.

— Не бойся, девочка. Закрой лицо покрывалом и ничего не говори, что бы ни случилось. Делай, что я скажу, — он мягко, но решительно поднял ее на руки и положил на покрытую мхом землю. Его тело уже

освещалось светом факелов, показавшихся в зарослях кустарника. Ощущение его мускулистой груди, прижимающейся к ней, и бороды, щекотавшей ее лицо, заставило Анжелику забыть о своем волнении. Колен Патюрель сжал ее еще сильнее. В его мускулистых руках она была как птица, которую он мог с легкостью сдавить. Она закинула голову назад, пытаясь перевести дыхание, и не могла выдать из себя ни звука.

Со всех сторон слышался смех слуг и голос хозяина дома, ругавшегося по-арабски. Хозяин принялся пинать Колена Патюреля, который решил встать на ноги.

— Ну, Жозеф Жиллард, — злобно сказал он по-французски. — Ты что, не можешь оставить парочку наедине? Видит бог, у меня нет десяти жен, как у тебя.

Родани, который был не кем иным, как Жозефом Жиллардом, ренегатом-французом, поставщиком боеприпасов, то краснел, то бледнел:

— Ты, дурак-христианин, — заорал он, потрясая кулаком. — Я научу тебя блудить в моем саду! Ты заплатишь за свое вечное бесстыдство, Колен Патюрель. Не забывай, что ты всего лишь раб.

— Я такой же человек, как другие, и к тому же я француз, как и ты, — насмешливо ответил нормандец. — Давай, давай, старина, не придирайся, если такой бедный раб, как я, удовлетворит свои желания с девочкой.

— Завтра я пожалуюсь султану.

— Так ты хочешь, чтобы моим стражам отрубили головы? Мне султан отпустит двадцать плетей. Он знает меня. Он дает мне кое-какие привилегии, вроде этой, и если я днем хорошо поработал на него, он знает, что лучший способ отблагодарить меня — это послать мне одну из своих мавританочек. С чего мне отказываться? Или ты не согласен со мной?

— Но почему в моем саду? — все еще сердясь, спросил Сиди Родани.

— Здесь такая мягкая трава, и мои товарищи будут мне завидовать.

— Твои товарищи! — ренегат пожал плечами. — Ты думаешь, наверное, что эти полутрупы еще хотят женщин? Эта забава только для тебя.

— Ты прав, старина. Священник в моей деревне учил меня, когда мне было шестнадцать. «Колен, — говорил он, — тебя погубит женская хитрость». Помнишь, Жиллард, когда мы лавировали перед входом в порт Кадиса и...

— Нет, не помню, — закричал ренегат. — И я хочу видеть, как ты уберешься отсюда. Кстати, как ты попал в мой сад?

— Через маленькую калитку вон в том конце. Между прочим, я делал для нее замок и кое-что знаю про то, как он открывается.

— Взломщик! Первое, что я сделаю утром, — это сменю замок.

Под градом палочных ударов и пинков слуги довели Колена Патюреля и Анжелику до калитки в конце сада. Она была заперта, но слуги, раздраженные таким свидетельством их беззаботности, не пытались решить эту загадку, а открыли дверь и бесцеремонно вытолкали невольников прочь.

Колен Патюрель пустился в путь по темным улицам, Анжелика следовала в одном-двух шагах за ним. Они петляли по бесконечному лабиринту улиц, с которыми Колен был хорошо знаком.

— Когда мы выйдем из города? — шепотом спросила Анжелика.

— Мы не собираемся выходить из города, — он остановился и постучал в дверь около забранного красной решеткой окна, за которым горела лампа. После того, как он сказал через глазок несколько слов, дверь отворилась, и показался человек в длинном

черном плаще. Его бархатные глаза внимательно смотрели на них из под черной ермолки.

— Это Самюэль Манморан, зять старого Савари, — сказал Колен Патюрель. — Мы в гетто. Здесь мы можем найти убежище.

Остальные беглецы ожидали их в следующей комнате, где странного оттенка стеклянные шары венецианских ламп отбрасывали таинственный свет на их бледные лица и жиденькие бородки. Здесь были Пиччинино-венецианец, маркиз де Кермур, Франсис Баргу из Арле, Жан д'Гарростегю, старый Колен и Жан-Жак из Парижа. Анжелике все они показались жалкими отребьями человечества, и она с трудом могла поверить, что все они французы. Она прислонилась к двери, чтобы передохнуть, пока нормандец представляет ее будущим спутникам. Все громко смеялись над его рассказом об эпизоде в саду Сиди Родани:

— Если бы они узнали, что застали меня за похищением будущей фаворитки Мулаи Исмаила!..

Потом они повернулись к Анжелике, и их лица окаменели.

— Ого! — присвистнул Жан-Жак. — Уже не все слава богу. Девочка ранена.

— Нет, это кровь того большого дьявола, которому я воткнул нож в спину.

Анжелика оглядела себя — она вся была покрыта грязью и кровью. Тут вошла молодая еврейка и увела ее за руку в другую комнату, где дымился паром котел с горячей водой. Анжелика принялась срывать с себя одежду. Женщина предложила свою помощь, но Анжелика отказалась. Она скомкала испачканную кровью одежду и прижала ее к груди. «Не задавай слишком много вопросов, Бирюза. Знай только, что звезды не лгут...» Она не выдержала и разразилась рыданиями, и слезы струились по ее щекам, когда она

отстирывала со своего покрывала кровь главного евнуха Османа Фараджи.

Здесь, в гетто, семеро христиан находились под защитой барьеров, воздвигнутых вековой ненавистью и жестокостью. Мудрость диктовала, что еврею не стоит оказываться после захода солнца в арабской части города, а арабу — слишком долго задерживаться в гетто после наступления темноты. Но именно в то время евреи составляли в Мекнесе влиятельную часть населения, как это случалось раз или два в столетие, потому что Мулаи Исмаил связал себя с ними многочисленными обязательствами. Их престиж поднимался настолько, что они, кажется, могли проносить что угодно и даже укрывать беглых рабов. Это давало Манморану большое внутреннее удовлетворение, особенно когда он являлся во дворец и падал ниц перед султаном, который с пеной у рта рвал и метал от гнева из-за потери Колена Патюреля и других рабов и клялся, что приведет их обратно в цепях и предаст страшной смерти.

Манморан погладил свою длинную бороду и кивнул:
— Ты прав, о повелитель, я разделяю твой гнев.

Мулаи Исмаил был проницательным человеком, но он никогда не мог прочесть мыслей этого еврея, который создал богатство его отца Мулаи Арчи. Это обижало султана и вызывало его негодование, и в нем потихоньку, как на дрожжах, рос гнев, который когда-нибудь должен был излиться во вспышке разрушения. «Когда-нибудь, — обещал он себе, глядя в сторону стен гетто, — в один прекрасный день...»

План Колена Патюреля был самым дерзким из всех, которые когда-либо разрабатывались беглецами. Пока стража султана будет снаряжать погоню на север и запад, группа на три дня укроется в недрах гетто, в

нескольких футах от преследователей. А потом они направятся на юг.

Но для беглецов эти три дня в доме Самюэля Манморана, сына Захария, тянулись нестерпимо медленно. Вечером второго дня группа всадников с шумом пронеслась по узкой улице. Жена Самюэля Рашель, на цыпочках выглядывавшая через решетку, сообщила на смеси французского и арабского языков:

— Это стражники султана. Они направляются к дому Якоба и Аарона, бальзамирщиков.

Стражники явились предупредить искусных мастеров, чтобы те приготовили свои котлы. Придя в ярость из-за побега рабов, султан собственноручно снес головы более чем двадцати стражникам и остановился только, когда у него устала рука. Головы должны были быть выставлены на перекрестках городских улиц после того, как Якоб, Аарон или кто-нибудь из их помощников набальзамирует их. Это презренное занятие было уделом исключительно евреев. Из-за этого арабы называли гетто «Меллах» от арабского «мел» — соль.

Соседи шепотом передавали новости. Солдаты, посланные за беглецами, еще не вернулись, и одна мысль, что придется возвращаться с пустыми руками, приводила их в ужас. Насколько можно было понять по слухам, о побеге рабыни из гарема и об убийстве главного евнуха не было известно ничего. Как далеко заведет султана его гнев? То-то будет работы Аарону и Якобу!

Анжелика сидела среди сплетничающих евреек, украшенных, как статуи в усыпальницах, драгоценностями из золота и камней и одетых в светло-зеленый, красный, оранжевый и лимонно-желтый атлас; их черные глаза и янтарно-желтые лица виднелись сквозь полосатые покрывала. По сравнению с мужчинами, бесшумно передвигающимися в своих

черных плащах, кричащие наряды женщин и детей, также одетых в яркие платья, казались безвкусными.

Анжелика ела вместе с ними хлеб из немолотого зерна, рис с шафраном, соленую рыбу и соленые огурцы, когда ее внимание привлекли крики на улице и грохот колес — на тележке опять везли головы, которые бальзамировщики должны были вымочить в рассоле.

— Быстрее! Шевелись! Быстрее! — Стражники не любили задерживаться в гетто. Вскоре они отправились обратно — но лишь затем, чтобы вернуться на следующий день с новыми головами.

Рашель успокаивающим жестом положила свою ладонь на руку Анжелике и улыбнулась ей. Почему, размышляла Анжелика, эти мужчины и женщины подвергают себя такому риску? Меч, висящий над их головами, обрушится также и на головы других евреев.

— Все в порядке, — говорила Рашель. Это были едва ли не все французские слова, которые она знала, и когда она произнесла их, ее ободряющий взгляд и застенчивая улыбка вдруг напомнили Анжелике, что эта женщина — дочь старого Савари. У нее не было времени оплакать Савари; на самом деле она часто ловила себя на мысли, что все еще ждет — вот сейчас он появится. Она не могла представить себя в дороге без его неустанной суеты, его советов, его вздохов о «запахе чудесных путешествий».

— Проклятый Мулаи Исмаил! — воскликнула она по-арабски.

— Тысячу раз проклятый! — отозвалась женщина, как будто бы они пели литанию.

На второй вечер появились Кавильяк и еще один раб, рыцарь Мальтийского ордена по имени Мармонден. Они сообщили, что весь Мекнес живет в ожидании бури, которая, без сомнения, скоро разразится. Наконец всплыл ужасный скандал с побегом рабыни из гарема.

Найдено тело убитого главного евнуха. Как поступит Мулаи Исмаил? Что скажет? Услышав новости, он неподвижно распростерся на земле.

— В этом мире у меня было только двое друзей, — твердил он, — Осман Фараджи и Колен-нормандец. И в один день я потерял обоих!

О женщине он не упоминал из присущей арабам сдержанности. Но все знали, что когда он почувствует еще и эту боль, результаты будут ужасными. Какие жертвы понадобятся, чтобы облегчить боль этого удивительного сердца?

— Мы останемся здесь и на следующий день, — сказал Колен Патюрель.

Пот выступил на лбу у остальных. Им не вынести еще суток ожидания в тишине гетто. Мулаи Исмаил чувствует их присутствие через стены.

— Еще день! — произнес нормандец голосом, не допускавшим возражений.

Они спокойно восприняли это решение. Его сила не давала развернуться их бунтарским наклонностям, так же как хладнокровие и необычное самообладание Мармондена умеряло экстравагантные способы самоутверждения его кровожадного хозяина, который искал беглецов на всех дорогах, ведущих к расположенному на побережье Эль-Джажиду. Он также посылал гонцов к шейхам, которых предупреждал, что если беглецы не будут немедленно выданы ему, они ответят своими головами.

Потом Анжелика услышала разговор Колена с рыцарем Мальтийского ордена, де Мармонденом, человеком лет пятидесяти, который после побега Колена Патюреля продолжал его дело — поддерживал порядок, вершил правосудие и улаживал разногласия между рабами.

— Можешь рассчитывать на кого-нибудь в этом роде, — говорил Колен Патюрель, — но бойся другого.

Никогда не оставляй православного наедине с католиком.

Затем Кавильяк и де Мармонден отправились обратно в бараки рабов, чтобы их затянувшееся отсутствие не привлекло внимания. Они обещали еще раз прийти с новостями в день, назначенный для отправления беглецов в дальнейший путь.

Медленно тянулся еще один день. На следующее утро, когда Анжелика сидела в одиночестве в комнате женщин, один из ее будущих товарищей, маркиз де Кермур, пришел за котелком горячей воды из самовара. Он хотел воспользоваться вынужденным бездельем и побриться — за пять лет рабства ему лишь изредка удавалось бриться осколком бутылки.

— Как вы счастливы, дорогая, что вам не нужно заботиться о таких вещах! — говорил он, проводя по ее щеке пальцем. — Господи, какая мягкая кожа!

Анжелика велела ему держать котелок обеими руками, чтобы не ошпариться, когда она будет наливать воду. Бретонец смотрел на нее с восхищением.

— Какая радость после всего, что было, видеть такую очаровательную француженку! Ах, моя красавица, вы не знаете, как я огорчен, что предстаю перед вами в таком жалком виде. Но потерпите! Как только мы окажемся в Париже, я закажу себе красные атласные штаны в обтяжку. Я мечтал о них даже в рабстве.

— Они давно уже вышли из моды, — расхохоталась Анжелика.

— О! А что сейчас носят?

— Штаны чуть ниже колен и широкие камзолы такой же длины.

— Рассказывайте еще, — взмолился маркиз, садясь рядом с ней на груды подушек.

Она подробно рассказала ему о придворных модах. Ей казалось, что в парике он был бы очень похож на

герцога де Лозена.

— Позвольте мне подержать вас за руку, дорогая, — вдруг попросил он.

Она дала ему руку, и он поцеловал ее. Потом он удивленно посмотрел на Анжелику.

— Так вы действительно жили при дворе? — спросил он, как бы с трудом веря этому. — Наверное, мне нужно было бы перецеловать тысячу ручек в большой галерее в Версале, чтобы мой поцелуй вполне удовлетворил вас. Ручаюсь, вы были представлены королю, не так ли?

— Разве это что-нибудь меняет, ваша светлость?

— Как вас зовут, таинственная красавица? Какими судьбами занесло вас в руки пиратов?

— А вас, ваша светлость?

— Маркиз, — прервал их разговор голос Колена Патюреля. Гигант стоял в дверном проеме.

— Да, ваше величество? — отозвался Кермур.

Он пользовался этим титулом без иронии. Все рабы приняли это обращение за годы, прошедшие с того момента, как он впервые навел порядок в их унижительном и беспокойном существовании. В этом обращении был даже оттенок привязанности со стороны тех, кто восхищался им, и трепет — у тех, кто его боялся. Им нужно было чувствовать чью-то власть над собой, и Колен Патюрель, несомненно, был их отважным представителем. Он дал им больницу и врачей для больных, лучшую пищу, а также вино, коньяк и табак; право отмечать крупные христианские праздники; наконец, отцов-тринитариев. Правда, этот последний акт в конце концов оказался не столь уж удачным, но он продолжил путь для дальнейших переговоров.

Маркиз де Кермур искренне восхищался Коленом Патюрелем и с радостью подчинялся ему, потому что признавал в нем умного вожака, какого ему еще не приходилось иметь во время службы в королевском

флоте; он попал в неволю двадцатилетним младшим лейтенантом. Он был телохранителем при короле рабов, поскольку являлся лучшим фехтовальщиком, и Колен получил для него позволение носить шпагу.

Когда он узнал, что его командир в третий раз планирует побег, он присоединился к нему. Фактически Колен Патюрель увлек за собой всю свою бригаду или, как их называл Мулаи Исмаил, «мулов». Теперь он обернулся и позвал их из соседней комнаты: «Товарищи, сюда!»

Рабы вошли и встали перед ним в шеренгу. Кермур присоединился к ним.

— Друзья, сегодня вечером мы отправляемся. Потом я дам окончательные распоряжения, но сначала хочу кое-что сказать вам. Нас семеро — шесть мужчин и одна женщина. Женщина — это в какой-то степени обуза для нас, но она вполне заслужила нашу помощь в организации ее побега на свободу. А теперь слушайте: если мы хотим достичь своей цели, мы должны держаться вместе. Нас ждут голод, жажда, усталость, раскаленное солнце пустыни и страх. Но между нами не должно быть злобы — той злобы, которая зреет среди людей, вынужденных жить вместе и желающих одного и того же. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду. Этого не должно быть, друзья, или мы погибли! Женщина, которая сейчас с нами, — он показал на Анжелику, — не предназначена никому из нас и никому не принадлежит. Она рискует так же, как и мы. Для нас она не женщина, а товарищ. Первому же, кто осмелится заигрывать с ней или обнаружит какое-либо иное чувство, кроме глубочайшего уважения, придется отвечать передо мной, и вы знаете, как, — он сжал могучие кулаки. — А если это повторится, мы будем судить его по своему собственному закону, и как бы ему не оказаться пищей для стервятников.

«Как хорошо он говорит и как он строг», — подумала Анжелика, на которую подействовал его тон.

Она столько раз видела Колена Патюреля в свою щелку, что знала его лучше, чем он знал ее. Он был ее знакомым, и все-таки сейчас, когда она видела его вблизи, у нее кожа пошла пупырышками при виде следов его мучений — глубоких шрамов, следов от ожогов на руках и ногах, а особенно — все еще заметных на ладонях и на тыльных сторонах рук отверстий от гвоздей, которыми он был распят над воротами города. Ему еще не было сорока, но в висках уже пробивалась седина — единственное проявление слабости его несокрушимой, как скала, натуры.

— Вы согласны со мной? — спросил он, давая им время обдумать сказанное.

— Да! — ответили все вместе.

Маркиз предложил одно ограничение: «Пока мы вновь не вступим на христианскую землю».

— Что до тебя, старый бездельник, — сказал Колен, со смехом кладя руку ему на плечо, — после этого — да здравствует свобода! Свобода во всем! Ах, друзья мои, как мы заживем!

— Я буду есть три дня подряд, — заявил Жан-Жак с горящими глазами.

Они вышли, разговаривая о том, что каждый из них собирается делать, как только окажется в стенах португальского Эль-Джажида или испанской Сеуты. Колен Патюрель, однако, остался в комнате вместе с Анжеликой.

— Вы слышали, как я говорил. Вы тоже согласны со мной?

— Конечно. Благодарю вас, сир.

— Я говорил так не только из-за вас, но из-за нас самих тоже. Малейшее несогласие в таком деле, как побег, — и наша судьба решена. А кто держит в своей руке яблоко раздора со времен сотворения мира?

Женщина! Как, бывало, говорил старый священник в моей родной деревне: «Женщина — огонь, мужчина — трут, а дьявол — ветер». Я не хотел брать вас с собой. Мы берем вас только ради старины Савари. Если бы мы не взяли вас, евреи отказались бы помогать даже за деньги. Они с трудом признают за своего, но раз уж признали — обращаются как с человеком своего народа. Так было и с Савари: он стал для них одним из них. Единственное, чего он хотел, — это выручить вас из гарема, и ради него мы должны выполнить это самое большое его желание. Я делаю это с радостью, потому что он нравился мне. Каким он был очаровательным собеседником! А как много знал! В сто — нет, в тысячу раз больше, чем все мы вместе взятые. Итак, мы берем вас с собой. Но я должен попросить вас — найдите свое место. Вы не девочка, и вы привыкли жить среди мужчин, но не забывайте, что ваши товарищи годами жили без женщин. И они без труда вспомнят, чего они были лишены. Оставайтесь сама собой и закрывайте лицо покрывалом, как мавританки. Никогда не вредно следовать моде, если вы понимаете, о чем я говорю.

Анжелику раздражал этот разговор. Хотя она и знала, что он совершенно прав, тон, которым он предупреждал ее, совсем ей не нравился. Или он думает, что она может заинтересоваться этими бледными, волосатыми, вонючими христианами? Ни для одного из них она недоступна. Она настроилась быть любезной с ними, но теперь, когда ей было велено удерживать дистанцию, она будет исполнять это еще с большей радостью.

— Хорошо, ваше величество, — ответила она несколько насмешливо.

Нормандец прищурился.

— Ты не должна звать меня так, дорогая. Я сложил свою корону. Я — Колен Патюрель из Сен-Валери-Ан-Ко. Как тебя зовут?

— Анжелика.

Его бородатое лицо осветилось улыбкой, он внимательно посмотрел на нее:

— Отлично! Такой и оставайся — ангельской!

Вернулся Мармонден, рыцарь Мальтийского ордена.

— Думаю, время сейчас подходящее, — сказал он. — Кто-то сказал им, что беглецы направились по дороге в Санта Круз. За ней и следят. Пора!

Колен Патюрель провел рукой по своим растрепанным светлым волосам, и его лицо исказилось.

— Не знаю, должен ли я делать это, — произнес он. — О, месье, когда я думаю обо всех этих бедных душах, которых я оставляю в рабстве...

— Не кори себя, — мягко сказал рыцарь. — Тебе пришло время уходить. Если ты не пойдешь, смерть отберет тебя у твоих товарищей.

— Когда я попаду в христианскую страну, — сказал Колен Патюрель, — я дам знать о твоей судьбе мальтийским рыцарям, чтобы они могли выкупить тебя.

— Нет, это бесполезно.

— Почему?

— Я не хочу покидать Мекнес. Я монах и священнослужитель, и я знаю, что мое место здесь, среди неверных.

— Ты кончишь на эшафоте.

— Возможно. Но наш Орден учит, что мученичество — единственная смерть, достойная его рыцарей. А теперь — прощай, мой дорогой брат.

— Прощай, сир рыцарь.

Двое мужчин положили руки на плечи друг другу. Потом де Мармонден так же попрощался с каждым из шестерых остальных рабов, называя каждого по имени, как будто высекал их имена в своем сердце. Он смотрел на них с печалью, потому что знал, что за последние десять лет ни один человек не сумел успешно бежать из королевства Марокко.

Он молча поклонился Анжелике, потом вышел в темноту узкой улочки.

Глава 26

Христиане натянули на лица капюшоны своих бурнусов. Они оделись совершенно по-мавритански и натерли бритые лица соком грецкого ореха, чтобы кожа стала темнее. Только Жан-Жак был одет в длинный черный еврейский плащ. На Анжелику намотали столько покрывал, что дальше некуда, а лицо до самых нижних век повязали непрозрачным покрывалом. Как она благословляла ревнивость мавров, благодаря обычаям которых она могла так укрыться!

— Теперь побольше смотри в землю, — посоветовал ей Колен Патюрель. — Мавры с глазами такого цвета — большая редкость. — Он не сказал ей, что Мулаи Исмаил издал специальный указ — вернуть женщину с зелеными глазами. Его самого могли здорово подвести широкие плечи и голубые глаза. Говорили, что во всем Марокко всего двое людей такого роста — шесть футов два дюйма — и одного из них он убил.

Поэтому он решил передвигаться под видом купца, везущего товары, чтобы иметь возможность ехать верхом на верблюде и скрывать свой рост. Анжелика, изображавшая его жену, ехала следом на муле. Остальные изображали слуг, а Жан-Жак — еврея-поверенного. Они двигались пешком, вооруженные дротиками и луками со стрелами, чтобы охранять караван, потому что мушкеты было трудно достать — они шли на вооружение султана и его армии.

В непроглядной тьме, при свете единственного фонаря, они построились в шеренгу. Манморан прошептал последние инструкции. Его брат Рабби должен ждать их в Фесе около колодца Себон. Он даст им отдохнуть в своем доме и проводит до условленного места, где передаст еще одному надежному

проводнику, купцу, который мог по делам часто входить в Сеуту. Он даст им возможность пробраться через линии мавританских войск, осаждающих город, спрячет среди скал, а сам отправится сообщить об этом губернатору города, который пошлет на их поиски отряд солдат. Он еще раз посоветовал им следить за собой, не забывать по двадцать раз простираться ниц в сторону Мекки, а главное — не мочиться стоя, потому что одного этого достаточно, чтобы издали признать в них христиан. Все эти мелочи чрезвычайно важны. К счастью, все беглецы свободно говорили по-арабски и знали местные обычаи. Поскольку мавританские женщины приучены помалкивать, все, что требовалось от Анжелики, — это не раскрывать рта.

Верблюд, покачиваясь, встал на ноги, и они отправились в путь через узкие тоннели улиц в тишине, тяжелой, как сама ночь. «Если бы только ночь длилась вечно!» — подумалось Анжелике.

Порыв холодного ветра донес до них едкий запах дыма. Она заметила, что к слепым стенам гетто прилепились хижины из бамбука и тростника. Через их открытые двери были видны вспыхивающие угли в очагах, дым из которых выходил между сухими листьями, составлявшими крышу этих жилищ. Она видела их обитателей, сгрудившихся вокруг очагов. Собаки начали лаять на беглецов. Она поняла, что они идут мимо квартала, где помещались две или три тысячи хижин гвардейцев султана — что-то вроде города в городе.

Грубые голоса возвестили о приближении нескольких негров, легко находивших путь в темноте. Жан-Жак объяснил, что его хозяин Мохаммед Раки, торговец из Феса, направляется домой и пустился в путь ночью, чтобы избежать солнечного зноя. Он так хорошо подражал характерному для евреев акценту, что негры были вполне удовлетворены.

Медленный шаг верблюда вызывал раздражение. У его ног шныряли лающие собаки. И снова хижины, и еще, и еще! Всепроникающий запах горячих кизяков и жарящейся в масле сушеной рыбы...

Наконец первая опасность миновала, и весь остаток ночи они двигались по прекрасной дороге. На заре Анжелика со страхом наблюдала за светлеющим небом, переливавшимся жемчужно-розовым и зеленоватым светом. Они шли по местности, засаженной оливковыми деревьями, за которыми виднелась совершенно бесплодная пустыня.

Она не смела ни о чем спрашивать, хотя ей не терпелось знать, где они и какие опасности и приключения их поджидают. Деятельная по природе, она мучилась от предоставленной ей роли вороха тряпок, водруженного на спину мула. Пусть ее ждет смерть или несчастья, но она хочет хотя бы знать о них. Далеко ли до Феса, где еврей должен дать им проводника? Караван двигался вперед. Видел ли Колен Патюрель караван-сарай, который только что остался за поворотом? Когда из него вышел араб, Анжелика едва не вскрикнула. Но когда человек подошел приветствовать их, вожак заставил своего верблюда опуститься на колени и слез с него.

— Слезай, малышка, — велел он Анжелике.

Она спешила. Мешки с припасами были распределены между всеми, и ее мешок был не легче остальных. Напрасно протестовал маркиз де Кермур:

— Так нагружать женщину! Не ожидал от вас, ваше величество!

— Нет ничего более подозрительного для мусульманина, чем женщина, идущая без груза за солдатами, навьюченными, как ослы, — ответил Колен Патюрель. — Они никогда не допустят такой глупости. Не забывайте, нас еще могут узнать, — он сам положил Анжелике на спину ее мешок: — Придется тебе

простить меня, моя девочка. Но мы не собираемся идти долго. Мы будем прятаться днем и передвигаться по ночам.

Араб взял верблюда и мула за уздечки и повел их к караван-сарая. Пиччинино отсчитал ему деньги, и беглецы направились дальше по каменной тропе. Сразу за песчаной дюной показалась река, окаймленная широкой полосой тростниковых зарослей.

— Мы будем весь день прятаться в этом болоте, — объяснил Колен Патюрель. — Каждый выберет себе место подальше от других, чтобы нас не выдал примятый тростник. После наступления ночи я позову вас криком дикого голубя, и мы опять соберемся вон там, у деревьев. У всех есть еда и вода. Ну, до ночи...

Они рассыпались среди высокого тростника с острыми листьями, ранившими им кожу. Почва под ногами была губчатой или потрескавшейся от солнца. Анжелика нашла местечко, где земля была покрыта мхом, и растянулась на этом мягком ковре.

День тянулся бесконечно. Жара на болоте казалась удушающей, вокруг Анжелики непрерывно жужжали и зудели комары и мухи. К счастью, намотанные во много слоев покрывала защищали ее от укусов. Она немного попила и съела пшеничную лепешку. Небо в зените лучилось расплавленным золотом. Тростник вокруг нее отбрасывал черные, как смоль, тени. Она задремала.

Проснувшись, она услышала голоса и решила было, что ее разыскивают товарищи, но вечер еще не наступил. Небо еще слепило глаза, как металл в доменной печи. Неожиданно она увидела фигуру в арабской одежде, поднявшуюся над тростником менее чем в двух футах от нее. Лица человека ей не было видно, и она не могла определить, кто это. Арлезианец? Венецианец?

Человек обернулся, и она разглядела, что лицо его было обаяно своей темной кожей отнюдь не соку

грецкого ореха! Это был мавр. У нее перестало биться сердце. Однако мавр не увидел ее. Он разговаривал с кем-то, остававшимся для нее невидимым.

— Не так уж хорош этот тростник. Похоже, он весь вытоптан каким-то животным. Пойдем на другой берег, а если не найдем ничего лучшего, мы сможем вернуться сюда.

Не веря своему счастью, она слушала, как они с шумом удаляются. Вдруг волосы у нее встали дыбом — неподалеку раздался другой голос. Но она тут же узнала его — это был Франсис-арлезианец. Он начинал петь.

«Дурак! — подумала она со злостью. — Он привлечет мавров, и они выследят нас по следам». Но она все же не осмеливалась подобраться поближе, чтобы заставить его замолчать, или окликнуть его. Но все было спокойно, и через некоторое время она решилась проскользнуть к нему.

— Кто идет? — спросил он. — А, это ты, очаровательная Анжелика!

Она вся дрожала от злости и волнения:

— Ты сошел с ума — петь! На болоте мавры, они режут тростник. Просто чудо, что они не услышали тебя.

Беззаботный молодой провансалец побледнел:

— О боже, я и не думал об этом! Я так счастлив, что оказался на свободе, впервые за восемь лет, что все время думаю о старинных песнях моей земли. Ты думаешь, они слышали меня?

— Будем надеяться, что нет. Но замри и не шевелись.

— Но если их только двое... — Он вытащил кинжал и потрогал его лезвие. Сжимая оружие в руке, он опять вернулся к своим мечтам: — Там, в Арле, у меня была девушка. Как ты думаешь, она все еще ждет меня?

— Сильно удивлюсь, если это так, — уверенно ответила Анжелика. — Восемь лет — это большой срок. У нее, наверное, уже куча детей — от другого.

— Ты в самом деле так считаешь? — произнес он разочарованно.

Теперь он по крайней мере не будет петь от радости. Они сидели, слушая, как шуршит тростник в тишине. Анжелика подняла глаза и с облегчением вздохнула. Наконец-то небо на западе начало краснеть. Скоро должен наступить вечер, и ночь придет к ним на помощь, дав в проводники свои звезды.

— Куда мы движемся? — спросила она.

— На юг.

— О господи, зачем?

— Это единственное направление, где нас не разыскивают солдаты Мулаи Исмаила. Кто из рабов будет искать убежища в пустыне на юге? Потом мы свернем наискосок к востоку, а потом — прямо на север, далеко обойдя Мекнес и Фес и направляясь с проводником к Сеуте или Мелилье. Это вдвое удлинит наш путь, но наполовину уменьшит риск. Мышь играет со старым котом. Мулаи Исмаил ждет, что мы направимся на север или на запад, а мы на самом деле южнее или восточнее. Остается только надеяться, что к тому времени, когда мы наконец возьмем нужное направление, он устанет подстерегать нас. Во всяком случае, тот, кто устремляется по прямому пути, никогда не достигает цели. Мы можем по крайней мере попробовать противоположный путь. Не забывай, что местные вожди головой отвечают за то, чтобы беглые христиане не пробрались на свободу через их земли. И не сомневайся — они начеку. Все их гончие обучены выслеживать христиан.

— Тс-с! — предупредила она. — Слышишь сигнал?

Неясные тени становились длиннее, когда с болота слышались призывы дикого голубя. С величайшей

осторожностью беглецы выбирались из своих тайников, молча собирались, чтобы проверить, все ли на месте, и продолжить путь.

Они шли всю ночь. Путь их лежал наполовину среди деревьев, наполовину же — по открытым пространствам, и временами бывал настолько усеян камнями, что становилось трудно идти. Больше всего они хотели избежать встречи с местными жителями и, ориентируясь на крики петухов и лай собак, далеко обходили населенные места. Ночи были холодными, но многие мавры спали в полях, чтобы стеречь свой неубранный урожай. Чуткий нос Пиччинино чуял запах дыма, а острый слух маркиза де Кермура различал малейший звук. Он часто прикладывал ухо к земле. Им пришлось спрятаться в зарослях шиповника, чтобы пропустить двух всадников, — к счастью, при них не было собак.

Утром они спрятались в каком-то лесу, где в изматывающем ожидании прошел следующий день. Их начинала мучить жажда, потому что запасы воды подошли к концу. Они искали в лесу источник и наконец услышали кваканье лягушки, которое привело их к озеру со стоячей водой, кишевшей козявками. Они процедили воду через ткань и все равно пили ее. Анжелика уединилась невдалеке от мужчин и заснула, но ей снилась купальня султанши с чистой, ароматной водой и служанки, поливавшие ее розовой водой, когда она выходила из ванны. Вот принять бы ванну сейчас. Отделаться бы как-нибудь от пропитанных потом покрывал, липнувших к телу. Как она проклинала Колена Патюреля, который настаивал, чтобы она все время закрывала лицо этим плотным покрывалом!

Анжелика пустилась в размышления о печальной судьбе мусульманских женщин из бедных слоев. Наконец-то она сумела понять, что спокойная жизнь в гареме была для них пределом мечтаний, как для

бедной старухи Фатимы-Мирелы. Анжелика была к тому же ужасно голодна. Ее желудок уже слишком привык к пастиле и конфетам и протестовал против того, что весь дневной рацион состоял из одной пшеничной лепешки — это было все, что каждый из них мог себе позволить.

Бывшие рабы страдали меньше, чем Анжелика, потому что их дневной паек не очень отличался от того, что они имели, находясь в рабстве, и они умели довольствоваться еще меньшим. Они переняли от своих хозяев-арабов благословение аскетизма и довольствовались горсткой ячменной муки и несколькими финиками.

Анжелика прислушивалась к их разговорам:

— Помните день, — говорил баск Жан д'Гарростегю, — когда вы заставили пашу Ибрагима съесть кусок нашего крошащегося хлеба — это когда он приехал к нам с побережья? Он высказал Мулаи Исмаилу резкий протест. Ну и разговоров же тогда было!

— Между Высокой Портой и Марокко чуть не началась война из-за рабов.

— В этом случае Турция была бы разбита, — заявил Колен Патюрель. — Хоть это и огромная империя, они должны бояться Мулаи Исмаила. Он такой фанатик. Кто знает, не угрожает ли он сейчас Константинополю?

— Это не помешало тебе добиться уступок для нас, не говоря о вине и коньяке.

— Я объяснил, что христиане не могут работать, сидя на одной воде. Так что, если он хочет поскорее увидеть свою мечеть завершенной... — Анжелика услышала их смех. — «Интересно, — думала она, — будет ли у них более привлекательная тема для беседы, чем рабство в Берберии?»

Наступил вечер, и они снова возобновили свой путь. Луна светила среди звезд, как золотой серп. Посреди ночи они приблизились к селению, в котором поднялся

собачий лай. Колен Патюрель скомандовал остановиться.

— Нам придется пройти здесь, или мы пропали, — сказал он.

— А почему не пройти через тот лес слева? — предложил маркиз де Кермур.

Немного поспорив, они вошли в лес, но он оказался настолько густым, что они, пройдя примерно пол-лиги через колючий кустарник, исцарапав руки и разодрав одежду, вынуждены были вернуться на дорогу. Анжелика потеряла сандалию, но не посмела признаться. Беглецы вышли на окраину селения. Нужно было принимать решение.

— Пошли! — сказал Колен Патюрель. — И да поможет нам Бог!

Как можно скорее, бесшумные, словно призраки, пробирались они по узким улицам между грязных хижин. Повсюду рычали собаки, но людей не было видно до самого последнего дома, откуда появился человек, который принялся кричать на них. Колен Патюрель без запинки отвечал ему, что они направляются к знаменитому отшельнику Адуру Смали, творившему чудеса совсем рядом, и что они торопятся, потому что им сказали, будто его магические чары в полную силу проявляются до восхода солнца.

Миновав опасное место, они без остановок продолжали путь по боковой дороге на случай, если обитателям селения придет в голову преследовать их. Но жители этих мест не привыкли искать беглых рабов, направляющихся на юг, и их собаки не были натасканы для охоты на людей.

С первыми проблесками рассвета они, наконец, встали на привал. Анжелика без сил опустилась на землю. От страха она шла в полубессознательном состоянии, а теперь заметила, что до костей поранила

об острые камни на дороге босую ногу, которая ужасно болела.

— Что-то случилось, малышка? — спросил Колен Патюрель.

— Я потеряла одну сандалию, — ответила она, едва не плача.

Нормандец не выразил ни малейшего сочувствия. Он опустил свой мешок на землю и вытащил из него пару женских сандалий:

— Я попросил Рашель, жену Самюэля Манморана, положить для тебя лишнюю пару, потому что подумал о такой возможности. Мы, мужчины, можем идти босиком, если понадобится, но за тобой мы должны присматривать, — он опустился перед ней на колени, полил какой-то мазью из бутылочки на кусок полотна и смазал израненную ногу. — Почему ты не сказала раньше, чтобы не доводить ногу до такого состояния?

— Нужно было пройти через селение. Я так боялась, что ничего не чувствовала.

В огромной ладони нормандца ее ступня казалась маленькой и хрупкой. Он втирал мазь полотняной тряпкой, настойчиво глядя на нее голубыми глазами.

— Ты боялась, но все равно продолжала идти, а? Отлично! Ты прекрасный товарищ!

Теперь ей стало ясно, почему его звали королем: он умел завоевать уважение и быть в то же время нежным и мягким. Она была глубоко убеждена, что Колена Патюреля нельзя победить. Под его защитой она наверняка доберется до христианских земель, увидит наконец завершение своего путешествия, какие бы трудности не встретились у них на пути. У нее пропал страх перед дикой страной и заселявшими ее жестокими людьми, и она забыла, что каждый шаг они делали с величайшими предосторожностями, как канатоходцы, балансирующие над зияющей бездной.

Она заснула, спрятавшись среди обжигающих камней и прижав лицо к земле в поисках прохлады.

Дороги в пустыне пересекали огромные пространства, на которых лишь изредка встречались пальмы, но рядом с ними не бывало ни источников, ни водоемов. Толстые отложения белоснежной селитры сверкали в низинах у подножий бесплодных песчаных дюн. Колен Патюрель подобрал несколько кусков селитры и спрятал в своем мешке, запасая на то время, когда они повернут к северу. Они могли набить газелей и диких кабанов, натереть их солью, чебрецом и диким перцем, поджарить на сильном огне и съесть, запивая свежей водой из колодцев.

Боже милосердный, где эта свежая вода? У них языки присохли к нёбу.

Анжелика проснулась от жажды. Ее щеку, с которой соскользнуло покрывало, обожгло солнце. Кожа приобрела цвет вареного омара и так горела, что нельзя было прикоснуться. Из-за скрывавшей ее скалы донеслось несколько медленных ударов. Колен Патюрель воспользовался привалом, чтобы размяться. Жажда и усталость были ему нипочем. Он выдернул из земли пень и придавал ему форму огромной дубины, которую и испытывал, нанося удары по скале.

— Оружие ничуть не хуже шпаги де Кермура, — хвалился он. — Может, оно не годится, чтобы проткнуть живот, но им можно вложить чуточку ума в череп какого-нибудь мавра.

Солнце садилось в языках пламени. Беглецы утомленно разглядывали холмы, исчезавшие в бархатной голубизне, обтекавшей их склоны подобно рекам, которые они так жаждали увидеть.

— Мы хотим пить, Колен...

— Терпение, друзья! Мы должны пересекать горы, где есть глубокие ущелья, где среди пустыни в тени

сохранились источники. До завтрашнего вечера мы найдем чем промочить горло.

Для обезумевшей от жажды группы это был очень долгий срок, но у них не было иного выбора, кроме как ждать, когда сбудется это предсказание. Колен дал каждому кусок ореха, растущего в сердце Африки, — его любят жевать негры, гвардейцы Мулаи Исмаила, во время долгих переходов. Он имел горьковатый вкус, и его нужно было подольше держать во рту, но он возвращал силы и притуплял муки голода и жажды.

С приходом ночи они снова пустились в путь. Вскоре началось восхождение на утесы, казавшиеся почти неприступными и при дневном свете, а в темноте — тем более. Света луны было недостаточно, чтобы выбрать наилучший путь. Иногда им приходилось, взявшись за руки, вытаскивать друг друга на ровное место. Двигались они очень медленно. Камни, срывавшиеся из-под их ног, скатывались в пропасть, и эхо их ударов разносилось в тишине ночи. Воздух становился все холоднее и холоднее. Они уже не обливались потом, а дрожали в своей изодранной одежде. Несколько раз Колен, шедший первым, бывал вынужден, несмотря на опасность, остановиться и высечь кремнем искру, чтобы разглядеть, где он находится. Арабы в долине могли увидеть огонь в таком необычном месте и задуматься о людях, оказавшихся на этих утесах.

Карабкаясь, Анжелика поражалась собственной выносливости; она приписывала ее ореху Колена, который все время жевала. Она не выпускала из виду своих товарищей и старалась не отставать. Неожиданно она услышала звук, похожий на падение лавины. Что-то прокатилось мимо нее и исчезло во мраке. Потом из бездны донесся нечеловеческий крик и глухой удар. Она вцепилась в выступ скалы, не смея двинуться ни вперед, ни назад.

Послышался голос баска:

— Колен, кто-то упал!

— Кто?

— Не знаю.

— Женщина?

Анжелика чувствовала, что у нее так стучат зубы, что она не в силах издать ни звука.

— Анжелика! — крикнул вожак, опасавшийся, что неопытная женщина упала и разбилась насмерть. С его стороны было глупостью, что он не пустил ее вместе с Коленом, который чувствовал себя уверенно, как горный козел. Они предоставили ее самой себе, и вот... — Анжелика! — вскричал он, как будто эхо его голоса могло исправить непоправимое.

Она чудом сумела выдать:

— Я здесь.

— Отлично. Не двигайся. Жан?

— Здесь!

— Жан-Жак?

— Здесь!

— Франсис?

Молчание.

— Франсис из Арле! Пиччинино!

— Здесь!

— Маркиз? Колен?

— Здесь! Здесь!

— Должно быть, это арлезианец, — сказал Колен Патюрель, осторожно спускаясь к ним.

Они собрались вместе, чтобы обсудить, что могло случиться. Арлезианец, должно быть, находился чуть выше Анжелики. Она сказала, что слышала, как он скользил по гравиям, а потом — хриплый вскрик, короткая тишина, глухой удар тела, разбившегося в пропасти.

— Нужно дождаться дневного света, — решил нормандец.

Они ждали, съежившись в расщелинах и дрожа от холода. Рассвет был ясным и ярким. Вокруг розовеющей горы в лимонно-желтом небе парил одинокий орел. На фоне восхода птица казалась прекрасной, как большая бронзовая эмблема священной римской империи. Орел описывал постепенно сужающиеся круги над ущельем.

— Он, должно быть, там, — нормандец следил за полетом птицы.

Как только рассветный полумрак позволил им видеть, они вопреки всему рассматривали друг друга, надеясь увидеть черные глаза и курчавую бороду не покидавшего их арлезианца, но веселого провансальца не было среди них. Наконец они разглядели его, лежащего на дне пропасти, — белое пятно на фоне нефритово-черного камня.

— Может, он только ранен...

— Дай мне веревку, Кермур.

Колен Патюрель надежно закрепил ее за скалу и пропустил другой конец вокруг талии с ловкостью моряка, всю жизнь имевшего дело с веревками и узлами. Он было начал спускаться, но передумал и, взглянув на кружащегося орла, сказал:

— Дайте-ка мне дубинку.

Он привязал ее к поясу. Она мешала ему при спуске, но все же он проделал это мастерски.

Товарищи, наклонившись над обрывом и затаив дыхание, следили за ним. Они видели, как он поставил ногу на выступ, где лежало тело, и наклонился над ним. Они видели, как он закрыл мертвому глаза и перекрестил его.

— Бедный арлезианец, — вздохнул Жан-Жак.

Все понимали, чего лишила их эта потеря, — неистребимых воспоминаний о тяжком труде и пытках, о надежде и веселье, и песен, которые пел он под звездными небесами Африки, когда холодный бриз шевелил кроны пальм над проклятыми судьбой рабами

и умерял их тоску. Анжелика разделяла общее горе, неожиданно проявившееся на этих темнокожих озабоченных лицах.

— Колен! Следи за орлом! — крикнул маркиз де Кермур.

Птица взмыла в небо, как будто вознося молитву, но теперь она молнией падала вниз. Они слышали, как она бьет крыльями, закрывая от них Колена Патюреля. Какое-то время они не могли видеть хода схватки, завязавшейся между человеком и птицей. Наконец они снова увидели своего жоака, размахивающего громадной дубинкой, как мельница крыльями.

Ему трудно было сохранять равновесие на узком выступе, но он сражался с такой энергией и осмотрительностью, словно не думал об отступлении. Он не прижимался к скале, которая стесняла бы его движения, а встал на краю утеса. Малейший неосторожный шаг или плохо рассчитанный взмах, — и он упал бы в пропасть. Он бил своего противника, не переводя дыхания, а орел не мог достойно ответить ему. Несколько раз орел отступал, волоча перебитое Коленом крыло, но снова бросался в бой, сверкая глазами и выставив вперед когти.

Наконец Колен Патюрель сумел нанести удар по шее. Бросив дубинку, он выхватил нож, перерезал птице горло и швырнул ее в пропасть.

— Пресвятая богородица! — прошептал старый Колен.

Все были смертельно бледны, по лицам струился пот.

— Так вы собираетесь меня поднимать? — донесся голос жоака. — Чего вы ждете?

— Сейчас, ваше величество.

Колен Патюрель перекинул тело арлезианца через могучие плечи, и начался мучительный и долгий подъем с ношей. Оказавшись наверху, он с минуту отдыхал,

стоя на коленях и переводя дыхание. Кровь из ран, нанесенных птицей, бежала по груди и оставляла следы на белом бурнусе.

— Я хочу оставить арлезианца здесь, — заявил он, — но не могу бросить его на растерзание хищным птицам.

— Ты прав, Колен. Похороним его по-христиански.

Пока они разгребали камни, чтобы найти место, где можно было бы вырыть ножами могилу, Анжелика подошла к Колену Патюрелю, сидевшему на камне.

— Позволь мне поухаживать за твоими ранами, как вчера ты ухаживал за моими, Колен.

— Как я могу отказать, дорогая моя! Эта птица здорово изранила меня. Вытащи из заплечного мешка бутылку с коньяком и полей раны.

Он даже не вздрогнул, когда она протирала нанесенные орлом глубокие раны на его груди. Прикасаясь к его телу, Анжелика чувствовала, как возрастает ее уважение. Такой человек — гордость своего создателя.

Однако Колен Патюрель больше не думал о битве с орлом. Его мысли занимал Франсис-арлезианец, и боль его сердца не шла ни в какое сравнение с болью от ран, кровоточащих на его груди.

Глава 27

Три дня они блуждали среди голых обжигающих скал, терзаемые жаждой, и больше уже не передвигались по ночам, чтобы избежать несчастного случая в темноте. Местных жителей здесь было немного, но на второй день их окликнули два мавританских пастуха, пасших свое стадо в поросшем травой ущелье и подозрительно следивших за группой оборванцев, среди которых была женщина и еврей в длинном черном плаще.

Колен Патюрель крикнул им, что они направляются в Мелажни, и это вызвало удивленные возгласы пастухов. Зачем идти в Мелажни через горы, когда самый короткий путь лежит через долину, где есть хорошо обозначенная дорога, расчищенная еще Мулаи Исмаилом и его черными рабами? Это или чужаки, сбившиеся с дороги, или разбойники, или — упаси Аллах — беглые христианские рабы! Оба пастуха рассмеялись при этом последнем предположении, но вдруг выражение их лиц изменилось, и они стали перешептываться, не отрывая глаз от путников, находившихся по другую сторону ущелья.

— Дай мне лук, Жан д'Гарростегю, — сказал Колен Патюрель, — а ты, Пиччинино, стань передо мной так, чтобы они не видели, что я делаю.

Вдруг мавры завизжали и пустились наутек. Но стрелы нормандца впились им в спины, и они покатались по крутому склону, а их овцы, перепугавшись, ринулись в ущелье, и многие из них свалились вниз, переломав себе ноги.

— Стоило им поднять тревогу, и вся деревня поджидала бы нас у выхода из этой долины.

Они были начеку. Им была видна дорога, о которой говорили пастухи, но не могло быть и речи о том, чтобы воспользоваться ею. Изорванная одежда и усталый, озабоченный вид выдали бы их первому встречному. Нужно было продолжать путь среди скал под палящим солнцем и бездонным голубым небом, под которым камни выглядели как обглоданные кости. Языки у них распухли от жажды, ноги кровоточили. К вечеру они увидели водоем, блестящий внизу, и, хотя спуск со скал был очень крутым, решили добраться до него, видя в этом свое единственное спасение. Подойдя ближе, они услышали рычание и рев, эхом отдававшиеся в ущелье.

— Львы!

Они держались на крутых скалах, а звери, побеспокоенные срывавшимися из-под ног камнями, рычали под ними. Анжелика держалась за куст можжевельника, опасаясь, как бы он не вырвался из земли с корнями, и видела красно-бурых хищников, бродящих в нескольких футах под ее ногами.

Нормандец, находившийся чуть выше ее, увидел, как она побледнела, разглядел ужас в ее глазах.

— Анжелика! — позвал он. Когда он приказывал, его спокойный, ровный голос звучал по-иному, глубже и резче, и никто не мог не подчиниться ему. — Анжелика, не гляди вниз! Не шевелись! Протяни мне руку!

Он поднял ее, как перышко, и она вцепилась в него, прижимаясь лицом к его мощному плечу, чтобы не видеть, что творится внизу. Он терпеливо дождался, пока она перестанет дрожать, и, воспользовавшись тем, что леденящее кровь рычание львов на мгновение стихло, закричал:

— Поднимаемся обратно! Нечего испытывать судьбу!

— А вода! — простонал Жан-Жак.

— Иди и набери, если ты такой смелый.

Вечером Анжелика сидела поодаль от других. Все остальные устроились вокруг крошечного костерка — они осмелились разжечь его, чтобы испечь найденные клубни дикого картофеля. Она прислонилась головой к скале и мечтала о шербетах и ледяном питье, о воде, струящейся в тени пальм. «Ванну! — простонала она, — пить! Я больше так не могу!»

Она почувствовала на своей голове ладонь — такую большую, что она могла принадлежать только нормандцу. Анжелика не имела сил пошевелиться, но он мягко провел по ее волосам, чтобы заставить ее поднять голову и увидеть кожаную бутылку с остатками воды, которую он протягивал ей. Она вопросительно подняла глаза.

— Это для тебя, — сказал он. — Каждый отдал тебе последнюю каплю из своей порции.

Теплая вода показалась ей нектаром, а мысль, что эти неотесанные люди жертвовали ради нее, придала ей мужества.

— Спасибо. Завтра мои дела пойдут лучше, — произнесла она, стараясь растянуть губы в улыбке.

— Конечно! Если кто-нибудь из нас и сможет терпеть дальше, то это будешь ты, — ответил он с такой убежденностью, что она действительно поверила ему.

«Так мужчины считают меня более сильной, чем я есть», — подумала она, несколько успокоившись и вытягиваясь на своем каменном ложе.

Она чувствовала себя ужасно одинокой со своей усталостью, несчастьями и страхами, как будто сидела в глубоком колодце, полностью оторванная от остального мира. Не то же чувствовал Данте, когда спускался в ад и слушал лай — в три глотки — Цербера? Не похоже ли это на ад? Да, это был ад, если бы не самоотверженность товарищей, предложивших ей последний глоток воды. Безнадежно! Но теперь

забрезжила надежда. «В один прекрасный день мы увидим колокольни христианского города на фоне звездного неба, мы опять будем дышать свободно, мы напьемся...»

На следующий день они спускались на равнину. Львы терзали остатки лошади, а это означало, что неподалеку есть селение. Они уже слышали собачий лай и опять повернули к горе, но вид колодца заставил их вновь вернуться к опасным для них населенным местам. К счастью, поблизости никого не было. Самого легкого, Жан-Жака, надежно обвязали веревкой и спустили в колодец с двумя тыквенными бутылками. Они слышали, как он плещется, а потом раздался такой вопль, что его поскорее вытащили наверх.

Беднягу рвало так, что, казалось, душа у него расстается с телом. На дне колодца он почувствовал под ногами скелет животного. Не удержавшись, он наклонился попить, но проглоченная им вода была настолько отравлена разлагающимся мясом, что он чуть не умер на месте. Весь остаток дня он мучился от спазмов и едва тащился.

Еще один ужасный день — и еще до наступления вечера перед ними замаячило избавление — голубая вода на дне маленькой долины в тени фиговых и гранатовых деревьев и склонившихся над ними финиковых пальм. Не смея верить, что это не мираж, они спускались по склону. Первым достиг дна долины Колен. Он бежал по белому гравию и был уже в нескольких шагах от вожделенной воды, когда львица, прыгнувшая с земли, бросилась на старика.

Подоспел Колен Патюрель и кинулся на хищницу с дубиной, нанося удары по голове и хребту. Львица покатила по земле, извиваясь в конвульсиях.

Крик маркиза де Кермура почти потонул в свирепом реве:

— Берегись, Колен!

С обнаженной шпагой он бросился между львом с коричневой гривой, выскочившим из зарослей, и Коленом, стоявшим к нему спиной. Его шпага пронзила хищника возле сердца, но, прежде чем испустить дух, тот разодрал челюстями живот бретонца, и его внутренности вывалились на песок.

За какие-то мгновения цветущий оазис превратился в бойню, где кровь людей смешивалась с кровью животных и стекала по земле в чистую воду.

Колен Патюрель стоял, сжав дубину и поджидая новых гостей, но ничто не нарушало спокойствия. Беглецы потревожили парочку в брачный сезон.

— Выставить со всех сторон посты с копьями наготове! — распорядился Колен Патюрель. Потом он наклонился над маркизом де Кермуром: — Ты спас мне жизнь, товарищ!

Глаза маркиза уже потускнели.

— Да, ваше величество, — выдавил он. Взор его затуманился, в памяти всплыли воспоминания о прошлом. — Ваше величество... в Версале... Версаль... — и он испустил свой последний вздох с названием этого знаменитого, блестящего места на устах.

Колен остался в живых, но плечо у него было разодрано до кости.

— Воды, — стонал он, — воды!

Колен погрузил тыквенную бутылку в воду, завоеванную такой дорогой ценой, и поднес к его губам. Такова была его власть над товарищами — терзаемые жаждой, они все-таки и не думали о том, чтобы бежать к воде, а застыли в оцепенении.

— Идите пить, дурни, — сердито бросил он им.

Второй раз приходилось ему закрывать глаза одному из товарищей, которых он поклялся вывести к свободе. И он чувствовал, что совершает этот обряд не в последний раз.

Логово львов обнаружилось под зарослями винограда — там лежали остатки наполовину съеденной газели. Они затащили туда раненого и положили на подстилку из сухой травы. Колен обмыл свои раны остатками коньяка и как мог перевязал их. Что бы ни случилось, он должен ждать, чтобы увидеть, как будет чувствовать себя старик. Он был достаточно крепок, чтобы поправиться, и, быть может, выздоровеет. Но сколько им придется прождать в этом месте, куда свежая вода привлекает и диких зверей, и людей?

Вожак подсчитал на пальцах, через сколько дней они могли надеяться достичь оазиса Себон. Даже если они смогут выйти этой ночью, они опоздают на два дня, но нечего было и думать о продолжении пути, когда Колен находился в таком опасном состоянии. Он решил провести здесь ночь. Они должны похоронить маркиза де Кермура и решить, что делать дальше. Так или иначе, все нуждались в отдыхе, а на следующий день они могут принять решение.

С наступлением ночи Анжелика выскользнула из львиной пещеры. Ни страх перед дикими зверями, ни мучительно тяжелое дыхание старика не могли удержать ее от страстного желания окунуться в воду. Беглецы уже искупались по очереди, но она все это время провела у постели раненого.

Колен все время звал ее требовательным тоном сильного человека, который, испытывая боль, нуждается в женщине, в ее материнской нежности, в ее умении выслушать и посочувствовать.

— Подержи меня за руку, малышка. Не уходи, не оставляй меня, девочка.

— Я здесь, старина.

— Дай мне еще этой чудесной воды.

Ей пришлось обмыть ему лицо и устроить его на соломенном ложе поудобнее. С каждой минутой ему

становилось все хуже и хуже.

Колен Патюрель раздал остатки пшеничных лепешек. Теперь у них оставались только бобы, но вожак не разрешал им разводить огня.

Анжелика двигалась под покровом темноты — луна еще не поднялась над серебристыми деревьями. Перед ней блестело зеркало озера, гладь которого нарушалась лишь звеневшим в ночи водопадом. Тишину время от времени нарушало только кваканье лягушек и жужжание саранчи.

Она стянула пыльные, пропотевшие одежды и, облегченно вздохнув, погрузилась в холодную воду. Никогда раньше она не испытывала такого восхитительного ощущения. Вымывшись, она выстирала свою одежду, кроме бурнуса, который натянула на себя, чтобы защититься от ночного холодного воздуха, пока ветерок высушит выстиранную одежду. Тем временем она распустила волосы по песку, чувствуя, что они стали не такими спутанными, как раньше.

Луна поднялась из-за пальм и осветила серебряный ручей, стекающий по черной скале от источника. Анжелика вскарабкалась на скалу и подставила тело под ледяную струю. Вода, несомненно, — самое лучшее из всего созданного богом. Она вспоминала, как кричат водоносы на улицах Парижа: «Кому чистой воды... Один из четырех элементов!..»

Подняв голову, она с любовью смотрела на звезды, мерцавшие через веерообразные кроны пальм. Вода стекала по ее обнаженному телу, и она видела свое отражение, подобное белой мраморной статуе на фоне темного бархана.

«Я жива! — шептала она про себя. — Я жива!»

На нее вереницей нахлынули воспоминания о непрестанной изнурительной борьбе, и она стояла так, пока ее не заставил насторожиться треск в сухом кустарнике.

Только теперь к ней вернулось чувство страха. Она вспомнила о затаившихся в засаде диких зверях и о злобных маврах. Мирный пейзаж еще раз стал жутким полем битвы, которую они вели уже столько бесконечных дней. Она соскользнула в воду, чтобы добраться до другого берега водоема, уверенная, что кто-то следит за ней из глубины зарослей. Жизнь на положении хищного животного, за которым гонятся охотники, пробудила в ней инстинкт самосохранения, и она издали чувствовала опасность. Она сбросила бурнус и побежала босиком через заросли винограда и колючих кустов. Наткнувшись на препятствие, имевшее форму человека, она тихо вскрикнула и, обезумев от страха, рванулась было обратно. Но тут при свете луны она узнала светлую бороду Колена Патюреля и его блестящие, глубоко посаженные глаза.

— Ты что, сошла с ума? — тихо проговорил он. — Ты купалась совсем одна? Разве ты не знаешь, что львы придут на водопой, и леопарды тоже, не говоря уже о каком-нибудь шатающемся мавре?

Анжелике хотелось прильнуть к его могучей груди и прийти в себя после перенесенного страха, тем большего, что он застиг ее в момент отдыха. Ей никогда не забыть почти сверхъестественного наслаждения под струями водопада в этом божественном оазисе. Воистину в раю должно быть что-то подобное.

Но сейчас она вернулась обратно в мир людей и опасностей, где, чтобы выжить, нужно бороться.

— Мавры? — произнесла она дрожащим голосом. — Кажется, они здесь. Кто-то следил за мной минуту назад, я уверена.

— Это был я. Я пошел искать тебя, как только обратил внимание, что ты отсутствуешь дольше обычного. А теперь идем со мной, и больше не делай таких глупостей, или не будь я Колен Патюрель, если не придушу тебя своими руками, — в его голосе слышалась

ирония, однако он не шутил. Она верила, что он в самом деле может задушить ее или, по крайней мере, выколотить из нее независимость.

Кровь его оставалась холодной, когда он следил, как женщина, их товарищ, крадучись вышла и не возвращается. Еще одно происшествие, думал он, еще одну могилу придется копать! Бесшумно, как раб, привыкший красться в темноте, последовал он за ней на берег озера! И там она предстала перед ним под серебряным потоком, струящимся из родника, с распущенными по плечам, как у морской нимфы, волосами, сверкая белоснежным телом на фоне зеркальной поверхности темной воды.

Идя за ним, Анжелика терзалась от сознания, что он, должно быть, видел ее купающейся. Потом она решила, что это неважно. Он был человеком неотесанным и не ощущал к ней ничего, кроме презрения сильного к слабому, видя в ней только обузу, которую ему пришлось взвалить на себя против своей воли. Ей трудно было удержаться от обиды, потому что это он установил верно соблюдаемый ею «карантин» по отношению к другим беглецам, считая, что они способны только на грубость. От ощущения одиночества и от сознания, что она никому здесь не нужна, ей было еще тяжелее переносить все остальные испытания. Возможно, он был и прав, но его суровость и властность внушали ей почти малодушный страх. Идеальное равновесие между его духовным и физическим бесстрашием, казалось, служило ей упреком за ее собственное отнюдь не непоколебимое мужество, за ее женскую слабость, за нервозность и переживания. От пронзительного взгляда его голубых глаз не ускользали ее страх, слабость или неосторожность, и ей казалось, что он презирает ее за это. «Он уважает меня не больше, чем пастушеский пес — безмозглую овцу», — думала Анжелика.

Она опять заняла свое место у ложа Колена, но не могла оторвать взгляда от черного силуэта нормандца; в слабом свете лампы он чертил на песке схему их маршрута и объяснял ее венецианцу, Жан-Жаку и баску, глядящим через его плечо.

— Вы остановитесь на краю леса. Если на ветке второго пробкового дуба вы увидите красный носовой платок, двигайтесь вперед и кричите со мной. Тогда Рабби выйдет из кустов.

— Ты здесь, малютка? — раздался слабый голос Колена. — Дай мне руку. У меня была маленькая дочка. Двадцать лет назад, когда я ушел в море, ей было десять. Она должна быть похожа на тебя. Ее звали Марийкой.

— Скоро вы увидите ее, дедушка.

— Вряд ли. Со смертью я повстречаюсь раньше. Так будет лучше. Что будет делать Марийка со старым отцом-рыбаком, вернувшимся из двадцатилетнего рабства, чтобы пачкать идеально чистый пол на кухне и изводить ее рассказами о солнечной стране? Так лучше. Я счастлив найти вечный сон в марокканской земле. Я все думаю о том, как скучают по мне сады там, в Мекнесе, и о том, что уже никогда не увижу Мулаи Исмаила, несущегося на коне, как посланец бога. Мне нужно было дождаться, чтобы он раскрыл мне череп своей тростью.

Парижанин, венецианец и баск готовились отправиться в путь на рассвете, Колен Патюрель подозвал Анжелику.

— Я собираюсь остаться со стариком, — сказал он. — Мы не можем взять его с собой и не можем бросить. Я буду ждать здесь. Остальные должны идти вперед, чтобы не пропустить встречи с Рабби Манмораном. Встретившись с ним, они по крайней мере будут знать,

как лучше всего поступить. Что ты хочешь — идти с ними или догонять их?

— Я поступлю так, как вы прикажете.

— Думаю, тогда тебе лучше остаться здесь. Другие, быть может, пойдут быстрее, чем ты можешь, а время не терпит. — Анжелика кивнула и направилась обратно к постели раненого, но Колен Патюрель удержал ее, как будто извиняясь за свое недружеское поведение: — Кроме того, я думаю, старый Колен нуждается в тебе, чтобы умереть спокойно. Но если ты предпочитаешь идти...

— Я остаюсь.

Они поделили провизию и оставшиеся стрелы. Колен Патюрель взял лук, колчан, свою дубинку, компас и шпагу маркиза де Кермура.

Постояв немного перед могилой бретонского дворянина, трое мужчин отправились в путь. Старому Колену, который слабел все больше, ничего не сказали. Он бредил по-фламандски и со сверхъестественной силой умирающего сжимал руку Анжелики. Потом уходящие силы вернулись к нему, потому что, проборовшись со смертью всю ночь, на следующее утро он сел. Колену Патюрелю пришлось применить всю свою силу, чтобы удержать его: старик боролся с такой яростью, будто сражался со смертью.

— Ты меня не возьмешь! — кричал он. — Не возьмешь!

Вдруг он, казалось, узнал лицо человека, сидящего перед ним.

— А, Колен, мой мальчик, — сказал он слабым голосом. — Пора двигаться, как ты думаешь?

— Да, старина, конечно. Идем! — велел тот своим спокойным голосом.

И старый Колен доверчиво, как ребенок, умер на руках своего друга.

Его агония так расстроила Анжелику, что она заплакала, глядя на обнаженную лысую голову, покоящуюся на груди Колена, будто бы тот был его сыном. Колен Патюрель закрыл старику глаза и скрестил руки на груди.

— Помоги мне донести его, — сказал он Анжелике. — Могила уже вырыта. Нам нужно торопиться. Потом мы тоже выходим.

Они положили его рядом с маркизом де Кермуром. Анжелика хотела поставить два креста, но Колен не разрешил ей этого:

— Мавры, которые будут проходить здесь, увидят, что тут недавно похоронены христиане, и бросятся за нами вдогонку.

И снова они зашагали вперед при серебряном свете луны. Отдохнув два дня в оазисе, Анжелика решила, что Колену Патюрелю больше не придется стыдить ее за отставание, но напрасно она пыталась поспевать за его широкими шагами, и она видела, как он останавливается, обернувшись назад, и поджидает ее, со своей дубинкой на плече похожий на Геркулеса. Ей не терпелось догнать остальных — они по меньшей мере ходили как нормальные люди, а не как легендарные герои, далеко превосходящие земных людей.

«Устает ли когда-нибудь этот дьявол? — думала она. — Боится ли чего-нибудь? Способен ли на душевные или физические чувства?»

Она уже решила, что он невежа, а теперь этот переход на пару с ним укрепил ее в таком мнении. Но они двигались так быстро, что на исходе следующего дня вышли к опушке дубравы, где должна была состояться встреча с Рабби. Перед ними показался перекресток дорог, изрезанных извивающимися корнями деревьев.

Колен Патюрель приказал ей остановиться. Глаза его сузились, и она с удивлением увидела, что он смотрит на солнце, неожиданно померкшее за крыльями стервятников, медленно взлетевших с деревьев. Должно быть, пришельцы потревожили их. Сделав несколько кругов над деревьями, птицы снова направились к земле, вытягивая свои волосатые шеи, и уселись на толстом пробковом дубе, простиравшем свои ветви над перекрестком. Анжелика разглядела, что привлекает их.

— Взгляни на два трупа, — сказала она прерывающимся голосом.

Он уже увидел их.

— Это два еврея, судя по длинным черным плащам. Оставайся здесь. Я подползу ближе на разведку. Что бы ни случилось, не двигайся отсюда!

Потянулось мучительное ожидание. Стервятники били крыльями и часто взлетали, и по их резким крикам было ясно, что они чем-то обеспокоены, но ей не было видно — чем. Неожиданно позади нее возник Колен Патюрель.

— Ну?

— Один — еврей, которого я не знаю, возможно, Рабби Манморан. Второй — Жан-Жак.

— О боже! — простонала она, закрывая лицо руками. Это было уже слишком. Теперь полный провал их побега казался ей неминуемым. Христиане попали в ловушку, расставленную здесь, на месте встречи.

— Я заметил селение справа от нас; мавры из этой деревни и повесили их. Быть может, венецианец и Жан д'Гарростегю еще там, в цепях. Я иду туда.

— Это безумие!

— Я не буду ничего делать. Недалеко, на горе, я нашел пещеру. Ты спрячешься в ней и будешь ждать меня.

Она никогда не осмеливалась возражать на его приказание, но знала, что это крайне глупо. Это конец. Пещера, вход в которую скрывался в зарослях ракитника, станет ее темницей. Здесь она напрасно будет ждать возвращения своих товарищей.

Колен Патюрель оставил ей все запасы провизии, в том числе последнюю бутылку воды. Он оставил даже свою дубинку, взяв с собой только кинжал, висящий на поясе. Он снял с нее сандалии, чтобы дать отдых ногам. Трут и кремни он разделил. Если появятся дикие звери, ей достаточно будет развести костер из сухой травы, чтобы отпугнуть их. Потом он молча выскользнул из пещеры и исчез.

Началось долгое ожидание, пришла ночь, а с нею — вой диких зверей, кормившихся в кустах; казалось, их шебуршание и возня заполнили всю пещеру. Время от времени, когда ожидание и неопределенность становились невыносимыми, Анжелика высекала огонь и светила рядом с собой трутом. К ее облегчению, ей были видны только голые каменные стены, но вдруг она заметила какие-то черные бархатные мешочки, свисавшие рядом друг с другом с потолка пещеры, и поняла, что это летучие мыши. От них-то и исходил весь этот писк и шорох, так тревоживший ее.

С открытыми глазами, стараясь не думать, проводила она безумно длинные часы. Шорох веток снаружи наполнил ее надеждой. Не вернулся ли это нормандец с Пиччинино и Жаном д'Гарростегю? Как хорошо было бы увидеть их вновь! Но вдруг совсем рядом раздался жалобный вой. Это бродила в поисках добычи гиена.

Анжелика вернулась мыслями на перекресток дорог, где ветерок раскачивал тело Жан-Жака из Парижа. Он был мертв, счастливый маленький приказчик, любимец Колена Патюреля, который сделал его своим писарем. Стервятники уже выклевали его

улыбчивые глаза. Он был мертв, так же как и арлезианец, бретонский дворянин и старый фламандский рыбак. Они умрут все, один за другим. Королевство Марокко не выпускает беглецов. Мулаи Исмаил одерживал еще одну победу.

Что будет с ней, если никто не вернется? Она даже не знала, где находится. Что будет с ней, когда голод и жажда выгонят ее из убежища? Ей нечего ждать помощи от мавров, еще меньше — от их покорных, запуганных женщин. Ее поймают и вернут к султану. И уже не будет Османа Фараджи, чтобы защищать ее.

О, Осман Фараджи, если твоя благородная душа бродит в раю Магомета!..

Крики стервятников, кружившихся над телами повешенных, напомнили ей, что приближается рассвет. Пещера наполнилась молочно-белым туманом. Анжелика попыталась пошевелить пересохшими, онемевшими губами, думая, что сейчас она переживает худшие минуты своей жизни. Быть такой беспомощной, такой пассивной, такой неспособной достичь чего-нибудь самостоятельно! И все же она оставалась на месте, потому что Колен Патюрель запретил ей уходить. Солнце поднималось все выше.

Беглецы не возвращались. Они никогда не вернутся.

И все же она ждала, черпая надежду в мысли, что их судьба не вполне predetermined. Она уже была близка к отчаянию, когда во входном отверстии пещеры появилась могучая фигура Колена Патюреля. Нахлынувшее на Анжелику чувство избавления и безграничной радости заставили ее броситься вперед и обнять его, чтобы убедиться, что это в самом деле он.

— Ты вернулся! О, ты вернулся ко мне!

Казалось, он не видит и не слышит ее, даже не чувствует, как ее пальцы царапают его плечи. Его странное молчание встревожило ее:

— Ты нашел их? — спросила она.

— Нашел. Но уже не в человеческом облике. Должно быть, они претерпели все мыслимые пытки, прежде чем их посадили на кол у подножия форта. Я не знаю и никогда не узнаю, кто выдал нас, но Мулаи Исмаил знает о каждом нашем шаге. Он излил свой гнев на Мекнес. Гетто превращено в груды тлеющих развалин. Все евреи перебиты. Здесь нас ждали и использовали Рабби как приманку. Потом приказали повесить всех евреев, а христиан без проволочек казнить. Жан-Жака повесили, потому что его приняли за еврея. Я только что снял его и принес сюда — то есть принес то, что оставили от него стервятники. Я собираюсь похоронить его останки.

Он сел и удивленно смотрел вокруг себя на красноватые скалы, освещаемые восходящим солнцем.

— Все мои товарищи мертвы, — произнес он без всякого выражения.

Он надолго замолчал, опершись подбородком на ладонь, потом с усилием встал и вышел из пещеры. Анжелика не могла слышать, как его нож царапает камни, и вышла, чтобы помочь ему выкопать могилу. Но он грубо закричал на нее:

— Назад! Не подходи. Это не для тебя. Убирайся. Это неприятное зрелище.

Она замерла от ужаса и не приближалась к нему. Она сложила ладони, но, несмотря на все старания, не могла молиться. Размашистыми движениями человека, привыкшего копать твердую почву, Колен рыл могилу. Анжелика увидела его, когда он кончил насыпать могильный холм — как будто приняв внезапное решение, он обломал две ветки, сделал из них крест и вызывающим жестом воткнул его в холмик, воскликнув: «На этот раз я воздвигну крест!» — и снова уселся в пещере в той же позе мрачной задумчивости. Анжелика пробовала заговорить с ним, но он не обращал на нее

внимания. Вечером она положила перед ним горсть фиг на листе финиковой пальмы.

Колен Патюрель поднял голову. На коричневом лбу оставались светлые полосы. Он уставился на склонившуюся над ним женщину, и ей казалось, что в его глазах сквозь горе и безнадежность просвечивает удивление: «О боже, она еще здесь!»

Он молча поел. С той самой минуты, как она натолкнулась на его странный взгляд, Анжелика чувствовала, что ее парализовал какой-то страх, природы которого она не понимала. Он еще был настороже, глаза его были широко открыты, но она уже не могла больше сопротивляться усталости, смыкавшей ее веки. Весь день и всю ночь она прошагала почти непрерывно, а предыдущую ночь тоже не смыкала глаз. Наконец она заснула, свернувшись в клубок в уголке пещеры.

Проснувшись, Анжелика обнаружила, что осталась одна. Это было ей привычно, потому что она всегда спала отдельно от остальных беглецов, но на этот раз тишина показалась ей необычной. Оглядываясь, она постепенно осознавала правду. Последняя пшеничная лепешка, запас чечевицы и бутылка с водой были заботливо разложены на камне рядом с дротиком и ножом, но лук, стрелы и дубинка Колена-нормандца исчезли. Так он бросил ее!

Все, это был конец. Она долгое время прождала, обхватив голову руками и плача.

— Как ты мог! — повторяла она упавшим от горя голосом. — Бог тебя накажет!

Но она была не так уж уверена, что бог не окажется на стороне Колена Патюреля, потому что он был распят в его честь, она же была всего лишь женщиной, повинной в первородном грехе и ответственной за все скорби человеческие, презренной вещью, которую берут и оставляют.

— Ну что, моя девочка? Горюешь? — Голос нормандца отдавался в пещере как гром. Он стоял перед ней, держа на плечах молодого дикого кабана, из перерезанной глотки которого еще капала кровь.

— Я... я думала, ты ушел и бросил меня, — выдавила она из себя.

— Ушел? Ну, нет. Я сказал себе, что нужно раздобыть что-нибудь, во что можно вонзить зубы, и мне повезло повстречаться с этим диким кабаненком. А вернувшись, я застаю тебя в слезах...

— Я думала, ты проклял меня, — призналась она.

При этом самом удивительном признании, которое ему доводилось слышать за всю жизнь, у него широко раскрылись глаза и поднялись брови:

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Ты принимаешь меня за подлеца? Я проклял тебя? Тебя, которую... — он все больше краснел, — я, который готов умереть за тебя! — со страстью вскричал он.

Бросив свою ношу на землю, он принялся подбирать какие-то щепки, которые складывал в центре пещеры, всем своим видом показывая, что в нем кипит гнев. Трут никак не загорался, и он выругался, как тамплиер.

Анжелика бросилась перед ним на колени, вытянув вперед руки:

— Прости меня, Колен! Я дура. Мне следовало бы помнить, сколько раз ты рисковал жизнью за своих собратьев. Но я не принадлежала к ним, я ведь только женщина.

— Тем более, — проворчал он, подняв, однако, на Анжелику глаза и беря ее за подбородок. Лицо его смягчилось. — Послушай меня, девочка, и пойми раз и навсегда вот что. Ты была христианкой в Берберии, как и мы. Тебя привязали к колонне и стегали плетьюми, и все же ты не отреклась от своей веры. Ты без жалоб терпела жажду и страх. Я бывал в портах всего мира, но я не встречал такой отважной женщины, как ты. Ты

стоишь всех нас вместе взятых, и если все они оставались товарищами и не потеряли человечности, так это благодаря твоему мужеству. Они не хотели уступать тебе. Теперь остались только мы с торбой, связанные друг с другом на жизнь или на смерть. Вместе мы найдем свободу. Но если ты умрешь, я умру рядом с тобой. Я поклялся в этом!

— Ты не должен говорить так, — прошептала она. — Один ты скорее выйдешь на свободу.

— Ты тоже, моя дорогая. Ты сделана из хорошей стали, закаленной, как шпага бедняги Кермура. Думаю, теперь я хорошо тебя знаю, — свет его глубоко посаженных голубых глаз затуманился от чувств, которые он не мог вложить в слова. Он наморщил лоб, пытаясь выразить свои мысли. — Ты и я вместе... ничто не может разлучить нас!

Анжелика вздрогнула. Кто еще говорил ей эти слова? Другой король — Людовик XIV! И точно так же смотрели на нее его светящиеся глаза. Она подумала, что между ними — между нормандцем и великим правителем Франции — много общего. Люди знали, что эти двое поставлены над ними, и даже в рабстве Колен своим великодушием, мудростью и физической силой показывал себя королем старой школы.

— Ты вернул мне мою веру в себя и в тебя, Колен, — улыбнулась она ему. — Теперь я верю, что мы сумеем спастись, — она вздрогнула. — Так должно быть. У меня не хватило бы сил выдержать еще одну пытку. Я бы покорилась своей судьбе.

— Чепуха, смогла бы. Всегда хватает мужества и на второй, и на третий раз, если надеешься, каждый раз надеешься, что хуже уже не будет. Уж поверь мне, — он с усмешкой разглядывал свои изуродованные ладони. — Великое дело — не хотеть умирать, при условии, что ты не боишься смерти. Для тех, кто любит жизнь, как мы, смерть всегда оказывается на нашей стороне, и я долго

думал, что это не такой уж плохой попутчик. Жизнь ведет нас за одну руку, а смерть — за другую. Каждый имеет высшую цель, если только ты не пугало в огороде. Все дело в том, чтобы не отдыхать по дороге. Ну, хватит разговоров, малютка. Устроим-ка валтасаров пир. Один вид этого великолепного костра согревает мне сердце. Это первый наш костер за изрядное время.

— А это не опасно? Что, если мавры увидят дым?

— Они почивают на лаврах. Они думают, что мы все умерли. У этих смелых ребят, венецианца и баска, хватило мужества, чтобы сказать, будто нас растерзали львы, и спастись удалось только им. Когда их спросили, что случилось с женщиной, наши товарищи ответили, что ее укусила в горах ядовитая змея, и она умерла на месте. Так и доложили Мулаи Исмаилу. Так что о нас никто не думает. Тем хуже. Разведем-ка костер, чтобы немножко поднять настроение, а?

— Это уже лучше, — отозвалась она, с восхищением глядя на него. Мнение, высказанное о ней Коленом, подбодрило ее. Это было самое лучшее заверение в верности, какое ей приходилось когда-либо слышать. — Теперь я знаю, что ты мой друг, и не буду больше бояться. Ты так просто смотришь на жизнь, Колен Патюрель.

— Да, — ответил он, становясь серьезным. — Я думаю, худшее еще впереди. Не стоит думать о будущем.

Они поджарили кабана, натерев его предварительно селитрой, тимьяном и побегими можжевельника и поворачивая на вертеле, сделанном из шпаги бедняги маркиза. В течение часа все их мысли были поглощены приготовлениями к пиршеству. Великолепный запах жарящегося мяса сводил их с ума, и первые куски они глотали, удовлетворенно вздыхая.

— Самое время произносить проповеди о вечности, — весело сказал нормандец. — А не тогда, когда

желудок говорит громче всех. Благословенный кабанчик! Я готов облизать пальцы до самых локтей!

— Никогда в жизни не ела ничего подобного, — совершенно искренне заявила Анжелика.

— Гм, а я думал, султанши не едят ничего, кроме ортоланов. А чем кормят в гареме? Расскажи, чтобы разнообразить наш стол.

— Нет. Не хочу вспоминать гарем.

Они замолчали. Подкрепившись и освежившись чистой водой из горного источника, которой Колен Патюрель наполнил свою бутылку сразу как вернулся с охоты, они предавались блаженству отдыха.

— Колен, откуда ты набрался такой мудрости? Я часто замечала, что твои слова открывают путь к глубоким размышлениям. Кто учил тебя?

— Море. И пустыня. И рабство. Малютка моя, все, что встречается тебе в жизни, учит не хуже, чем книги. Не понимаю, почему того, что хранится здесь, — он постучал себя по голове, — недостаточно, чтобы поразмышлять время от времени? — Вдруг он расхохотался и повторил: — Глубокие размышления! И все из-за того, что я сказал, что жизнь и смерть идут рука об руку! Разве с тобой ничего такого не случилось? А как еще можно чего-нибудь добиться?

— Не знаю, — произнесла Анжелика, качая головой. — Должно быть, я очень глупа и поверхностна. Я никогда как следует ни о чем не задумывалась, — она вдруг замолкла, глаза у нее расширились, и на его лице она тоже увидела тревогу. Он сжал ей запястье. Они ждали, сдерживая дыхание. Звук, который встревожил их, повторился. Снаружи тихо ржала лошадь...

Мужчина вскочил на ноги и прокрался к входу в пещеру. Анжелика следовала за ним. У подножия холма остановились четыре арабских всадника и смотрели на дым, поднимающийся над склоном.

Над белоснежными бурнусами блестели заостренные кверху шлемы, выдававшие в них солдат риффской армии, направленной на осаду испанских городов на побережье. У одного из них был мушкет, остальные были вооружены копьями.

Трое из солдат спешили и принялись карабкаться по склону к пещере, в то время как араб с мушкетом оставался в седле и сторожил коней.

— Дай мне лук, — сказал Колен Патюрель. — Сколько стрел осталось в колчане?

— Три.

— А их четверо. Тем хуже! Как-нибудь обойдемся! — Не сводя глаз с продвигавшихся вперед мавров, он взял лук, утвердил ногу на камень, чтобы как следует прицелиться, и наложил стрелу на тетиву. Его движения были еще более обдуманными, чем обычно.

Он выпустил стрелу. Всадник с мушкетом повалился на луку седла, и ржание испуганных лошадей заглушило его предсмертный вскрик. Арабы, карабкавшиеся по склону, даже не обернулись посмотреть, в чем дело.

Вторая стрела нашла сердце одного из них. Два других лезли вперед.

Колен Патюрель выпустил третью стрелу, всадив ее почти до самого оперения в грудь переднего мавра. Другой заколебался, потом вдруг повернулся спиной и бросился вниз, к коням.

Нормандец отшвырнул лук. Схватив дубинку, он помчался за противником, который вытащил кинжал и повернулся навстречу ему. Они кружились на месте, наблюдая друг за другом, как дикие звери, готовые вцепиться друг другу в глотку. Затем Колен Патюрель пустил в ход дубинку.

За несколько мгновений лицо араба, несмотря на его шлем, превратилось в кашу, и он упал с переломленной шеей. Нормандец наклонился к врагу,

чтобы удостовериться, что он мертв. Потом он проверил человека с мушкетом. Тот тоже был мертв. Каждая из трех стрел нашла свою цель.

— Только такое оружие у меня и было, когда я в молодости охотился в лесах Нормандии, — смеясь, объяснил он Анжелике, которая присоединилась к нему и успокаивала лошадей.

Ужас убийства стал настолько неотрывно связан с их существованием, что они не тратили времени на размышления о содеянном. Даже Анжелика лишь мельком взглянула на четыре мертвых тела, расprostертых среди кустиков можжевельника.

— Мы заберем их коней. На двух поедем сами, и у каждого будет еще запасная. Трупы спрячем в пещере, и это задержит всех, кто будет нас искать. Ни одна лошадь не вернется без всадника в форт, так что их исчезновение еще не скоро заметят.

Они надели на головы заостренные шлемы солдат, завернулись в их бурнусы и, уничтожив все следы схватки, галопом понеслись по дороге.

Обитатели селения скажут солдатам, которые явятся сюда через три дня в поисках пропавших товарищей, что видели двух всадников, пронесшихся через деревню быстрее ласточек, и каждый вел в поводу запасного коня. Крестьяне не преследовали их и не пытались остановить. Неужели такие бедняки посмеют мешать столь благородным воинам?

Коней нашли у подножия Риффских гор. Во всем обвинили разбойников, орудовавших в этих местах, и в их логова были направлены карательные экспедиции.

Глава 28

Колен Патюрель и Анжелика оставили коней у подножия гор, через которые могли пройти только ослы. Начинался последний этап их пути, но самый трудный. Сразу за бесплодной стеной Риффских гор они увидят море. Более того, во время своего первого пленения нормандец провел два года в таинственном священном городе Ксене и был знаком с районом, который им предстояло пересечь. Он знал, какие опасности и трудности их ожидают, но знал также и кратчайшие пути, и чем выше они забирались, тем меньше грозили им опасные встречи. Их единственными врагами будут сами горы, ночной холод, палящее дневное солнце, голод и жажда. Люди не будут беспокоить их, а львов там не очень много. Придется следить за дикими кабанами, но ослов, газелей и дикобразов опасаться не приходилось — они сами должны были послужить беглецам источником пищи.

Он прихватил мушкет и боеприпасы, а также провизию, которую нашел в чересседельных сумах, а толстые теплые бурнусы должны будут защитить их от непогоды.

— Еще несколько дней, и мы увидим Сеуту.

— Сколько именно? — спросила Анжелика.

Нормандец не решался назвать точную цифру. Кто знает? Если повезет, через пятнадцать, если нет...

Не повезло им однажды, когда они шли по острым скалам. Анжелика воспользовалась поворотом дороги, который скрыл ее от спутника, и присела на камень. Она не хотела показывать ему свою слабость, потому что он часто повторял ей, что считает ее неутомимой. Но ей было далеко до его выносливости. Он никогда не

уставал. Без нее он наверняка шагал бы день и ночь, останавливаясь не более чем на час.

У Анжелики перехватило дыхание, когда она почувствовала укус в ногу и, опустив глаза, увидела змею, молнией скользнувшую между камней.

«Меня укусила змея!» — память вернула ей полузабытую фразу, которую венецианец и баск сказали перед смертью: «Женщину укусила змея, и она умерла». Прошлое предвидело настоящее, но времени не существовало, и что записано, то записано!

Она механически развязала пояс, перетянула ногу выше колена и в замешательстве застыла. Мысли ее путались:

«Что скажет Колен Патюрель? Он не простит мне этого. Я уже не смогу идти. Я умираю...»

Перед ней появилась высокая фигура ее спутника. Не увидев ее позади себя, он вернулся.

— В чем дело?

Анжелика постаралась улыбнуться.

— Надеюсь, это не страшно, но думаю... думаю, что меня укусила змея.

Он опустился на колени, чтобы рассмотреть рану, которая уже начала опухать и темнеть. Потом он вынул нож и, проверив его остроту, зажег несколько сухих веток и нагрел его докрасна.

— Что ты собираешься делать? — в ужасе спросила Анжелика.

Он, не отвечая, крепко схватил ее за колени и вырезал мясо вокруг раны, одновременно прижигая ее раскаленным ножом. Анжелика закричала от боли и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, на гору опускался вечер. На ней не было бурнуса, и Колен Патюрель заставлял ее пить из чашки крепкий, горячий мятный чай.

— Теперь ты почувствуешь себя лучше, малютка. Худшее уже позади, — и, когда она немного пришла в

себя, он добавил: — я испортил твою прелестную ножку. Какая жалость! Теперь ты уже не сможешь приподнять юбки, танцуя буре под вязами, дорогая. Но иначе было нельзя, иначе ты не прожила бы и часа.

— Я благодарна тебе, — еле слышно произнесла она. Рана сильно болела. Он перевязал ее, приложив целебные листья. «Прекраснейшие ножки в Версале...» На ней, как и на всех остальных, останутся отметины рабства в Берберии — славные рубцы, которые она будет когда-нибудь с грустью рассматривать, натягивая шелковые чулки и пристегивая золотые подвязки. Когда-нибудь! Он увидел, как она улыбнулась при этой мысли.

— Отлично! Мужество не оставило тебя. Сегодня мы отправимся в путь.

Она взглянула еще не без страха, но уже не осмелилась возразить:

— Ты думаешь, я смогу идти?

— Несомненно. Но если в рану попадет зараза, ты не сможешь ступить ногой по меньшей мере неделю. Не беспокойся. Я понесу тебя.

Итак, они продолжали свое медленное восхождение на гору. Геркулес-нормандец тяжело ступал под новой ношей, но по-прежнему шел своей ровной походкой. Ему пришлось оставить громоздкую дубинку, но он нес мушкет и заплечный мешок с провизией. Анжелика ехала у него на спине, обняв руками за шею, вдыхая запах его волос и иногда, устав, прижималась лбом к шее гиганта.

Сегодня она еще раз избежала смерти. Ее кровь пела песню победы: «Я жива! Жива!»

Должно быть, она задремала, пока Колен Патюрель нес ее на своей спине, которая в рабстве знавала намного большие тяжести, потому что небо перед ней вдруг стало розовым. Колен шел тем же размеренным шагом. Анжелика почувствовала такой прилив

нежности к нему, что чуть не поцеловала жесткую кожу, находившуюся перед самыми ее губами.

— Колен! — окликнула она. — Пожалуйста, остановись и отдохни. Ты загоняешь себя.

Он молча подчинился, дав ей соскользнуть на землю, и уселся, положив голову на колени. Она видела, как он двигал плечами, чтобы размяться. «Это слишком, — думала она. — Даже человек с его выносливостью не способен на такой подвиг».

Если бы только она могла хоть немного ходить! Она чувствовала себя отдохнувшей и была полна энтузиазма. Но как только она поставила ногу на землю, острая боль заставила ее понять, что рана может открыться, и она станет еще более беспомощной. Анжелика дотащила до мешка с провизией и достала горсть фиников и фиг, которые поднесла Колену Патюрелю вместе с водой в бурдюке.

Нормандец поднял лицо, на котором была написана усталость. Он глядел на пищу, казалось, не видя ее.

— Оставь здесь, — сказал он грубо. — Не беспокойся.

— Ты утомлен, Колен, и это моя вина. Мне так неловко.

— Оставь, — ответил он почти враждебно и потряс своей косматой, как у викинга, головой, будто рассерженный лев. — Не беспокойся. Час сна — и все как рукой снимет.

Он опять уронил голову на колени. Она оставила его в покое и легла, жуя сушеные фрукты. Воздух был холодным. Куда бы она ни посмотрела, нигде не было видно ни следа живого существа. Это было удивительно и замечательно!

За неимением лучшего занятия она опять заснула. Когда она открыла глаза, Колен возвращался с охоты с косулей на плечах.

— Колен, ты с ума сошел! — воскликнула Анжелика.
— Тебе нужно было отдохнуть и восстановить силы!

— За кого ты меня принимаешь, малютка? — пожал плечами нормандец. — За неженку вроде тебя? — он был в дурном настроении и, похоже, не желал не то что говорить — смотреть в ее сторону. Анжелика начала беспокоиться, не скрывает ли он от нее новую опасность.

— Не могут ли мавры захватить нас здесь врасплох, Колен?

— Не думаю. Хотя на всякий случай разведем огонь в этой расщелине. Ноге стало немного лучше, и Анжелика смогла спуститься к ручью. Там они последний раз заметили дикого зверя, причем заметили слишком поздно — на противоположном берегу на корточках, как подстерегающая добычу кошка, сидела львица. Она могла настичь их одним прыжком.

Колен Патюрель застыл на месте, как статуя на пьедестале. Не отводя глаз от львицы, он начал медленно говорить ей что-то. Через несколько мгновений животное в замешательстве уселось. Они еще видели глаза львицы, сверкавшие в зарослях, потом она отступила — это было видно по движению кустов.

Нормандец выдохнул с такой силой, что ее хватило бы, чтобы привести в движение все ветряные мельницы Голландии. Он обнял Анжелику и притянул ее к себе.

— Должно быть, на небесах не забывают нас. Иначе кому могло бы прийти в голову, что зверь оставит нас в покое?

— Ты говорил по-арабски. Что ты говорил?

— Откуда я знаю? Я не думал о том, на каком языке говорю. Я только подумал, нельзя ли заговорить со львицей, чтобы мы могли понять друг друга. С мавром это было бы невозможно, — и он покачал головой. — В Мекнесе мне это отлично удалось.

— Помню, — отозвалась Анжелика, пытаюсь рассмеяться. — Они не хотели есть тебя.

Мужчина опустил взгляд на нее.

— Не издавай ни звука и не шевелись. Бог с тобой, дорогая.

На щеки Анжелики вернулся румянец. Рука Колена Патюреля была надежной опорой, и в его объятиях она чувствовала прилив сил. Подняв глаза, она уверенно улыбнулась ему:

— Когда я с тобой, я не знаю страха.

— Не будем оставаться здесь, — нормандец стиснул зубы, лицо его потемнело. — Незачем искушать судьбу. Уйдем отсюда подальше.

Они наполнили бутылки водой из ручья и нашли на его берегу расщелину, в которой можно было развести огонь. Но мясо не принесло им никакого удовлетворения, только раздражило аппетит. Атмосфера была тяжелой, Колен Патюрель говорил мало. Анжелика пыталась заговорить, но кончилось тем, что ее незаметно охватила тревога, и она стала нервничать. Почему Колен Патюрель так сух и что его мучит? Или он сердится, что из-за ее раны их продвижение замедлилось? Какую опасность он предвидит и что означают его косые взгляды?

Вечерний ветерок овеивал их бархатным крылом. Свет уходящего дня расцвечивал горы мягкими темно-голубыми тенями. В сгущавшихся сумерках она повернула к нему свое бледное взволнованное лицо.

— Думаю... сегодня ночью я смогу пройти немного, — выговорила она.

Он покачал головой:

— Нет, малютка, не сможешь. Не огорчайся, я понесу тебя, — в его голосе слышалась печаль.

— О, Колен, — ей пришлось прибегнуть к плаксивому тону, — в чем дело? Нам угрожает смерть?

Даже когда она сидела у него на спине, обняв руками за шею, она не чувствовала себя свободно, как предыдущей ночью. Он дышал в такт тяжелым ударам ее сердца, и она вспоминала о признаниях в любви, слышанных от стольких мужчин, которых она держала в своих нежных объятиях. Тогда казалось, что это она носит их, а теперь она дремала, прижавшись головой к потной мускулистой шее своего необразованного спутника. Она чувствовала себя так, будто отягощала его грузом своей извечной женственности.

Ледяной ветер с гор приносил острые запахи богатой и загадочной растительности, навевавшие мысли о пышной роскоши.

Поднимающееся солнце осветило перед ними склон горы, покрытый кедрами, длинные опущенные ветви которых напоминали темные зонтики. В их тени зеленел луг, расцвеченный белыми цветами.

Колен Патюрель пересек журчащий ручей, вскарабкался на крутой противоположный склон и обследовал вход в маленькую пещеру с белым песчаным полом.

— Остановимся здесь, — сказал он. — Это явно не логово диких зверей. Здесь мы можем разжечь огонь, ничем не рискуя, — он говорил сквозь зубы, и голос его был груб. Не из-за усталости ли? Анжелика с тревогой наблюдала за ним. Это было так на него непохоже, и она места себе не находила, не зная, в чем дело. Возможно, он болен какой-нибудь мучительной болезнью, которой она тоже может заразиться? Это было бы ужасно! Но она не оставит его. Она будет ухаживать за ним, пока он не поправится, как он заботился о ней. Он отвернулся от ее вопросительного взгляда, коротко сказал: — Я хочу спать! — и вышел. Анжелика вздохнула. В пещере было приятно. Если только они не лезут в расставленную им ловушку, то что может им теперь помешать?

Она разложила на плоском камне остатки косули, которую они жарили прошлой ночью, и несколько сушеных фиг. Без большого труда она спустилась к горному ручью, не забывая в то же время смотреть, не грозит ли ей опасность. На берегу она увидела лишь несколько щебечущих птиц. Анжелика наполнила бутылки, тщательно вымылась холодной водой и почувствовала, что кровь быстрее побежала в жилах. Наклонившись над тихой заводью, она увидела свое отражение и чуть не вскрикнула от удивления.

Смотревшее на нее лицо казалось не старше двадцати лет. Тонкие черты, отсвечивающие лиловым веки, обрамлявшие глаза, привыкшие осматривать горизонт, изгибы потемневших и потрескавшихся губ принадлежали не женщине, а девушке, еще не знающей мира и не нуждающейся в косметике. Сухие ветры, безжалостное солнце, полное отсутствие ухода придали ее лицу какое-то девственное и невинное выражение. Конечно, кожа была смугла, как у цыганки, но волосы сверкали, как луч луны на белом песке. Тонкое, хрупкое тело, прятавшееся в складках бурнуса, непричесанные волосы, босые ноги — все было как у бербера.

Она сняла повязку с ноги. Рана затянулась, но рубец, конечно, был безобразным. Тем хуже! Она с философским спокойствием сменила повязку. Купаясь, Анжелика заметила, какой тонкой стала ее талия и какими стройными — ноги, потерявшие полноту, приобретенную за время жизни в гареме. Если как следует подумать, все обошлось. Она еще раз нагнулась над водой и улыбнулась себе.

— Думаю, мне еще не стыдно показаться, — сказала она птицам.

Карабкаясь вверх по склону, она запела. Вдруг она остановилась, заметив Колена Патюреля, растянувшегося на траве среди белых цветов. Он

лежал, подложив руку под голову, и не шевелился. Тревога о нем вернулась к Анжелике, и она на цыпочках подкралась к нему поближе.

Нормандец спал. Борода и волосатая грудь под распахнутым бурнусом медленно и ритмично поднимались и опускались. Нет, не может быть, чтобы он болел. Цвет лица был хорошим, а безмятежность закрытых век и свободная поза были характерны для человека крепкого здоровья, восстанавливающего силы после тяжелой работы. Глядя на него, лежащего под кедрами, она думала об Адаме — так много первобытного было в его огромном могучем теле, да и он был простым человеком — бродячим охотником, законодателем, пастырем своего стада. Она опустилась рядом с ним на колени и прогнала муху с его морщинистого лба.

Колен Патюрель открыл глаза и устремил на нее непонятный и пугающий взгляд. Она инстинктивно отпрянула. Нормандцу, похоже, было трудно собраться с мыслями.

— Что такое? — хрипло прошептал он. — Мавры?

— Нет, все спокойно. Я просто смотрела, как ты спишь. О, Колен, не гляди на меня так! — вдруг воскликнула она. — Ты пугаешь меня. Что с тобой происходит в последние дни? Что случилось? Если ты считаешь, что нам угрожает опасность, скажи мне. Я могу разделить твои заботы, но я не могу выносить... да, вот именно, твоего озлобления. Иногда мне кажется, что ты по-настоящему ненавидишь меня, что ты на меня ужасно сердит. За что? Потому что меня укусила змея и это задерживает нас? Думаю, дело не в этом. Колен, ради бога, если я в чем-то перед тобой виновата, скажи мне об этом. Я не могу выносить этой неизвестности. Если ты возненавидел меня, что со мною будет? — Из ее глаз текли слезы. Потерять последнего

и единственного друга — это худшее, что с ней может случиться.

Он поднялся на ноги и глядел на Анжелику настолько бесстрастно, что она усомнилась было, слышал ли он ее слова. Взгляд его так подавлял, что она подумала о несчастных рабах в Мекнесе, прибежавших к его правосудию — как они переносили это.

— За что мне упрекать тебя? — произнес он наконец. — За то, что ты такая, какая ты есть — женщина? — Веки его сузились, и от глаз остались только темные непроницаемые зрачки. — Я не святой, моя красавица. Если ты думаешь так, ты ошибаешься. Я дитя моря, бывший пират. Моя жизнь состояла из убийств, грабежей, борьбы со штормами, беготни за девушками в портах. Даже в рабстве я не изменил своим вкусам. Мне всегда нужны были женщины. Я не пропускал удобного случая. Это было нетрудно. Когда Мулаи Исмаил хотел вознаградить меня, он послал мне одну из своих черных женщин. Но такое бывало редко. Двенадцать лет я жил в посте и воздержании. Когда на исходе этих двенадцати лет я оказался бок о бок с женщиной... — он говорил быстро, как будто прятал свое замешательство под гневом. — Ты что, не понимаешь? Или ты совсем не жила до того, как тебя продали Мулаи Исмаилу? Твои глаза слишком дерзки, чтобы от тебя можно было ожидать сопротивления. Ты никогда не спрашивала себя, каково мужчине вроде меня быть день за днем и ночь за ночью рядом с женщиной! — в экстазе он закрыл глаза. — С самой прекрасной женщиной, какую я когда-нибудь видел! — Он продолжал тихо, как будто про себя: — Твои глаза как глубина моря... глядящие на меня, молящие меня... твоя ладонь на моей руке, хрупкость твоего тела, твоя улыбка. Не знаю, как и из чего ты создана. Но я видел тебя привязанной к колонне, когда эти черные дьяволы

хватали тебя раскаленными докрасна клещами. Я видел тебя ночью, когда ты купалась под водопадом... А теперь мне приходится нести тебя на спине... — Его ярость вдруг прорвалась опять: — Нет, я так не могу... искушение святого Антония ничто по сравнению с этим. Бывали дни, когда я предпочел бы... опять быть распятым на кресте, и чтобы стервятники клевали меня... Или быть пригвожденным над воротами города. А ты спрашиваешь, что меня беспокоит! — он поднял кулак, призывая небо засвидетельствовать его мучения, потом выругался и бросился к пещере.

Его признание вначале ошарашило Анжелику, но вскоре она успокоилась и подумала: «Ах, все ли дело в этом?»

На ее губах появилась улыбка. Нежный ветерок шевелил ветви кедров и доносил их запах. Волосы спадали на лицо и полуобнаженные плечи, с которых сполз бурнус. Совсем недавно она видела в зеркальной воде то, что теперь увидел в ней Колен Патюрель. Она вспомнила, как ее тянуло прижаться губами к его шее, а когда мучительная ночь опускалась на них в этой враждебной земле, как ей хотелось спрятаться на его могучей груди — обо всех этих свидетельствах еще более глубокого желания, чем то, которое дремало в ней и которое она не хотела пробуждать.

Теперь, после его слов, извечная жизненная сила пробудилась в ней и, как птица, расправляла крылья. Она чувствовала прилив энергии. Жизнь! Она сорвала нежный белый цветок, такой совершенный, такой хрупкий.

Грудь ее трепетала от глубокого дыхания. Все страхи, которые поджидали ее, отступили за горизонт. Небо было чистым, воздух прозрачным и свежим. Мир был пустынен.

Анжелика встала и босиком побежала в пещеру.

Колен Патюрель стоял у входа, прислонившись к каменной стене и скрестив руки. Он разглядывал желтовато-зеленоватый отблеск вдали, у подножия гор, но мысли его были далеко, насколько она могла судить, видя его со спины, — у него был вид человека, попавшего в крайне затруднительное положение и обдумывающего, где найти выход.

Он не услышал ее приближения, и она остановилась, нежно глядя на него. Дорогой Колен! Дорогое храброе сердце! Непобедимое и скромное! Как он высок и широкоплеч! Ей ни за что не обхватить его руками...

Она подкралась к нему сбоку, но он не замечал ее, пока она не прижалась щекой к его плечу. Он сильно вздрогнул и отпрянул.

— Так ты поняла, что я тебе сказал? — со злобой спросил он.

— Кажется, поняла, — прошептала она. Ее руки мягко скользнули по его груди к широким плечам. Он опять отступил и покраснел.

— Нет-нет, — выдавил он из себя, — не это. Нет, ты не поняла. Я ничего от тебя не хочу. Бедная девочка, что ты думаешь обо мне? — он взял ее руки в свои и удержал ее. Если она прикоснется к нему, если его кожа еще раз почувствует ее ласку, он сдастся и потеряет голову. — Что думаешь обо мне ты, которая страдала от такой боли, что тебе такие мысли и в голову не приходят? Я не должен был открывать рот, и ты ничего бы не узнала, если бы не захватила меня врасплох... когда я пробуждался... ото сна, наполненного мыслями о тебе. Забудь мои слова. Я ненавижу сам себя. Иди! Я знаю... я не верю сам себе... бедная моя девочка! Ты знаешь, что такое рабство для женщины, и что для мужчины оно не так страшно. Хватит того, что тебя продали и ты переходила от

одного хозяина к другому. Никто не сможет назвать меня мерзавцем, который заставил тебя...

Глаза Анжелики светились. Она чувствовала тепло рук Колена Патюреля, а на его крестьянском лице живо отражались все его чувства. Она никогда не замечала, какие у него прохладные и полные губы. Конечно, у него хватало силы держаться подальше от нее, но он не знал власти ее глаз. Она опять бросилась на его грудь, шаря по ней белыми руками.

— Уходи, малютка, — бормотал он, — уходи... я всего только мужчина...

— А я, — отвечала она со слабым смехом, — всего только женщина... О, Колен, дорогой Колен, не хватит ли нам терпеть... Я знаю, что может принести покой нам обоим, — она прижалась лбом к его груди, как ей часто хотелось сделать в их трудном путешествии. Его сила, мужской запах, который она наконец-то посмела вдохнуть, крепко прижимаясь губами к его грубой коже, опьянили ее.

От ее молчаливого признания нормандец вспыхнул, как дерево от удара молнии. По его могучему телу пробежала дрожь. Он наклонился к ней, бессвязно бормоча что-то. Это существо, слишком гордое и немного слишком образованное для него, как он иногда думал, которое судьба дала ему в товарищи в этой жестокой одиссее, оказалось такой же женщиной, как и любая другая, подольщающейся и хитрой, как портовые девчонки, бегающие за сильными светлородыми парнями.

Прижимаясь к нему, уступая охватившему ее бешеному желанию, она отвечала ему легкими движениями своего напряженного тела, нерешительная, но уже покорная ему, молчаливо призывая его горловыми звуками, похожими на воркование огромного голубя.

В смятении он приподнял ее и, глядя прямо в лицо, прошептал:

— Неужели?

В ответ она сжала его плечо. Тогда, дрожа, он поднял ее на руки и отнес в глубь пещеры, как будто боялся, что при свете ее нагота ослепит его. Здесь было почти темно, а песок казался мягким и прохладным.

Страсть, кипящая в крови Колена Патюреля, была подобна потоку, сметающему все на своем пути — и в том числе препятствия, которые его великодушное сердце и нежная душа воздвигали вокруг его желания. Теперь ничто не удерживало его, он мог следовать своим желаниям, предаваться опьянению той властью, которую они давали ему. Он упивался ею, как изголодавшийся зверь, ему было мало ее гладкого тела, прижимавшегося к нему, мало прикосновений женского тела и разлетающихся волос, мало ощущения опьяняющей нежности ее груди под ладонями. Он так желал ее, был так нетерпелив после своих тайных мук, что почти насильно ее, требуя, чтобы она отдавалась ему. Потом он затих и молча лежал на ней, прижимая ее к себе, как самое драгоценное из всех сокровищ.

Когда Анжелика вновь открыла глаза, уже темнело. Свет снаружи почти не проникал в пещеру. Она слегка пошевелилась, чуть не раздавленная этими железными руками, прижимавшими ее к Колену.

— Ты спишь?

— Я заснула.

— Ты не сердись на меня?

— Ты же знаешь, что нет.

— Я груб, не правда ли, моя красавица? Почему ты не говоришь этого? Давай, признавайся.

— Нет. Разве ты не чувствуешь, что сделал меня счастливой?

— Правда? Тогда ты должна считать меня своим близким другом.

— Если ты этого хочешь. Колен, ты не думаешь, что уже достаточно темно, чтобы мы могли продолжать путь?

— Да, моя овечка.

Они, счастливые, пошли по каменистой дороге. Он нес ее, а она положила голову на его крепкую шею. Ничто уже не сможет встать между ними. Они подписали и скрепили печатями союз между двумя жизнями, подвергавшимися таким опасностям, и будут отныне делить все опасности и страдания.

Колен Патюрель уже не нервничал из-за переживаний, сравнимых разве что с муками души в аду, когда его ум боролся с боязнью предать ее доверие. Анжелике уже не придется выдерживать его дьявольские взгляды и грубость, ей уже не нужно оплакивать свое одиночество. Теперь стоило ей захотеть, — и она могла прикоснуться губами к его шее, хранившей рубцы от железного ошейника с шипами, который он носил несколько месяцев.

— Ну, моя дорогая, — говорил он смеясь, — не думай об этом. Нам еще идти и идти.

Он умирал от желания притянуть ее к себе и прижаться губами к ее губам, лечь с ней на песок, освещенный лунным светом, и вновь испытать опьянение близостью с ней. Но он сдерживал свои желания, потому что им предстоял еще долгий путь, и женщина устала. Он не мог забыть, что она страдала от голода и что ее укусила рогатая гадюка. На мгновение он забыл об этом, скотина! Он никогда особенно не задумывался о нежном обращении с женщиной, но ради нее он научится.

Если бы только он мог дать ей все, что она хочет, убереечь ее от боли и печали! Если бы только он мог поставить перед ней стол, уставленный изысканными блюдами, или предложить ей отдохнуть на большой квадратной кровати с белыми простынями и букетами

желтых нарциссов на каждом углу, как поется в старой песне! В Сеуте они напьются из источника, воду которого пил Одиссей, когда семь лет томился в плену у Каллипсо — по крайней мере, так рассказывают моряки.

Мечтая так, он шел и не чувствовал усталости, хотя Анжелика дремала на его спине. Его ношей была вся радость мира.

На рассвете они остановились и растянулись на лугу, покрытом низкой травой. Они уже не искали крыши, потому что были уверены, что теперь их никто не потревожит. Их глаза встретились в безмолвном вопросе. На этот раз он не боялся ее. Он хотел узнать ее до конца, увидеть блаженную усталость на ее лице, обрамленном золотыми волосами. Он приходил в экстаз, удивляясь ей.

— Как ты любишь заниматься любовью! — сказал он.
— Никогда бы не подумал.

— Я люблю тебя тоже, Колен.

— Тсс! Не надо говорить этого сейчас. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично.

— Доставил ли я тебе хоть какое-нибудь удовольствие?

— Огромное!

— Тогда давай спи, моя овечка!

Они упивались своей любовью, как будто изголодались по привязанности. Сила, которая свела их вместе, не уступала инстинкту, заставлявшему их искать воду, чтобы выжить. В объятиях они забывали свои горести и боль и свое желание взять реванш у судьбы. Они пили живую воду, чувствовали на губах друг друга вкус надежды, которую любовь родила для первого мужчины и первой женщины, чтобы успокоить их и дать им мужество для земного пути.

Никогда прежде Анжелика не бывала в объятиях такого высокого и физически сильного мужчины. Ей

нравилось сидеть на его коленях и прижиматься к мощному телу, когда сильные руки ласкали ее.

— Помнишь, что я приказывал нашим бедным товарищам? — прошептал он. — «Эта женщина не предназначена никому из вас и никому не принадлежит». А теперь я взял тебя для себя, и ты — мое богатство. Ну и мерзавец же я!

— Это я хотела тебя.

— Я сделал это, чтобы защитить себя от тебя. Я уже держал тебя в объятиях в саду Родани, и это подогрело мне кровь. Поэтому я и наложил запрет. Я сказал себе: «Колен, сейчас тебе закатят концерт...»

— Ты казался таким сухим, таким строгим.

— А ты не говорила ни слова. Ты кротко перенесла все это, будто просила извинения уже за то, что была с нами. Я знаю, как часто ты испытывала страх и теряла надежду. Я хотел бы нести тебя тогда, но я заключил договор со своими товарищами.

— Так было лучше. Вы были правы, ваше величество.

— Иногда, когда я глядел на тебя, ты улыбалась. Эту улыбку я больше всего любил в тебе. Ты улыбалась мне после того, как тебя укусила змея и ты ждала меня на тропе, как будто боялась меня больше смерти. Ты не знаешь, как я страдал от мысли, что потеряю тебя. Если бы ты умерла, я бы лег рядом с тобой и больше бы не встал.

— Не надо любить меня так сильно, Колен. Но только поцелуй меня еще раз.

Глава 29

Шаг за шагом, поворот за поворотом двигались они вперед. Горы изменились. Остались позади кедры и зеленая трава на лугах, дичи почти не стало, а источники попадались редко, и расстояния между ними возросли. Их опять начали терзать голод и жажда, но нога у Анжелики поправлялась, и она в конце концов убедила своего спутника, что может идти сама. Они продвигались медленно, идя и днем, и ночью, но небольшими переходами, поднимаясь в горные проходы и узкие ущелья между мрачными скалами, покрытыми серой растительностью.

Анжелика не смела осведомиться, далеко ли им осталось до цели, которая, казалось, пряталась за каждым отрогом гор. Ничего, кроме ходьбы, ходьбы и еще раз ходьбы.

Анжелика остановилась. «На этот раз я в самом деле умираю», — подумалось ей. Она все слабела и слабела. В ушах звенело, как будто внутри головы помещалась колокольня, и ею овладело отчаяние. Да, на этот раз смерть была совсем рядом. Она со слабым возгласом упала на колени. Колен Патюрель, добравшийся почти до вершины утеса, на который они карабкались, обернулся к ней. Он встал на колени и поднял ее. Она всхлипывала, но слез не было.

— Что такое, моя сладкая? Держись, еще немного мужества... — Он погладил ее по щеке и поцеловал сухие глаза, как бы делясь с ней неисчерпаемой силой. — Вставай. Я немного пронесу тебя.

Но она уныло покачала головой.

— Нет, Колен. На этот раз слишком поздно. Я умираю. Я слышу звон церковных колоколов на своих похоронах.

— Что за чушь! Мужайся! За этой вершиной... — Он умолк, пристально вглядываясь вдаль.

— Что такое, Колен? Мавры?

— Нет, но я тоже что-то слышу... — Он вскочил и закричал: — Я слышу церковные колокола! — как безумный, он устремился к вершине скалы. Ей было видно, как он размахивал руками, и она слышала его бормотание, иногда становившееся непонятным. Забыв об усталости и не обращая внимания на острые камни, ранившие ей ноги, она поспешила за ним.

— Море!

Вот что кричал нормандец. Когда она добралась до него, он притянул ее к себе и неистово сжал в объятиях. Они не могли поверить своим глазам. Перед ними простирался ослепительный океан с золотистыми волнами, а слева был виден обнесенный каменной стеной город со вздымавшимися над ними колокольнями.

Сеута! Католическая Сеута! Колокола собора Святого Анджело вызванивали Angelus. Вот что они слышали, принимая за галлюцинацию.

— Сеута! — шептал нормандец. — Сеута!

Потом он успокоился и принялся обдумывать положение. Сеута была осаждена маврами. До них доносилась пушечная стрельба, и они видели столб дыма, поднимавшийся от укреплений в мирное небо.

— Идем сюда, — сказал Колен Патюрель, уводя Анжелику под прикрытия скал. Пока она отдыхала, он вскарабкался на гребень.

Поднявшись, он обнаружил у подножия утеса мавританский лагерь из тысячи палаток. Над каждой развевалось зеленое знамя. Они едва не свалились прямо на головы часовых.

Теперь нужно было дождаться прихода ночи. Он описал ей свой план. До восхода луны они должны спуститься с горы к пляжу. Перескакивая с камня на

камень, они постараются достигнуть перешейка, на котором был построен город. Потом они подползут к подножию стены в надежде, что их заметят испанские часовые.

Когда совсем стемнело, они бросили свое оружие и мешки и слезли с утеса, сдерживая дыхание и замирая от ужаса всякий раз, когда у них из-под ног срывался камень. Когда они были уже около пляжа, мимо них проскакали три мавра, возвращавшиеся в лагерь. К счастью, с ними не было их свирепых гончих.

Пропустив их, Колен Патюрель и Анжелика прокрались через пляж и спрятались среди камней на берегу. По пояс в воде они двигались по извилистой, петляющей линии. Острые раковины ранили им ноги. Время от времени они проваливались в подводные ямы. Им приходилось идти не выпрямляясь, потому что луна поднималась все выше и выше и освещала поверхность моря вокруг них. Город постепенно приближался, его укрепления серебрились в лунном свете, башни и соборы вздымались в звездное небо. При виде картины, столько времени являвшейся к ним в снах, они воспряли духом.

Теперь они находились невдалеке от первой башни наружной стены. Вдруг они застыли на месте — к плеску волн добавилась арабская речь. Они прильнули к скользким камням, стараясь вжаться в них. Появился отряд мавританской кавалерии — остроконечные шлемы всадников блестели в лунном свете. Они построились на пляже и стали разжигать костер.

Чуть ли не в нескольких футах от беглецов, все еще прижимающихся к камням, мокрых от морской воды, арабы установили пост. Колен Патюрель слышал, как они переговаривались. Они разговаривали о том, что им не нравится это патрулирование прямо под стенами Сеуты. На рассвете так легко получить стрелу в сердце от одного из этих проклятых лучников. Но их командир

ответил, что это место нужно патрулировать потому, что здесь пролегает путь, по которому проводники ведут беглых христианских рабов.

— На рассвете они уйдут, — прошептал нормандец Анжелике. — До тех пор придется ждать.

Ждать! Чуть ли не по шею в холодной воде, разъедающей порезы и раны, под ударами прилива, борясь со сном и усталостью, не смея разжать пальцев...

Наконец перед рассветом мавры умылись, оседлали лошадей, как только солнце поднялось над горизонтом, сели на коней и поскакали к лагерю.

Колен Патюрель и Анжелика вылезли из воды и упали на колени, не в силах держаться на ногах от усталости. Но как раз тогда, когда они переводили дыхание, из-за горы показался другой отряд мавританских всадников, которые заметили их. Они разразились громкими криками и, прищпорив коней, устремились к ним.

— Вперед! — сказал Колен Анжелике.

Расстояние между ними и городом казалось бесконечным, как сама пустыня. Они бежали, чуть ли не летели к нему, взявшись за руки и не обращая внимания на камни и раковины, ранившие их босые ноги, подстегиваемые одной мыслью: бежать! бежать! добежать до ворот! Неожиданно Анжелика заметила, как перед ней возникли два других всадника.

«Это уже конец... мы попались», — ее сердце замерло, она споткнулась и упала под копыта лошадей. На нее повалился нормандец, и, теряя сознание, она слышала собственные вопли: «Христиане!.. Христианские рабы!.. Во имя Христа, Amigos!.. Во имя Христа!»

— Почему ты положил в шоколад столько перца, Давид? Сто раз я говорила тебе, меньше перца и

меньше цитрамона. Ты не должен служить эту ужасную испанскую мессу.

Анжелика бредила. Она не могла понять, почему она опять должна ломать спину, готовя шоколад парижанам. Она знала, что ей уже никогда не взяться за это занятие, если этот дурак Давид не перестанет добавлять столько перца и цитрамона, от чего шоколад становился таким острым, что им можно было оживить мертвеца. Она с отвращением оттолкнула чашку и почувствовала, как горячая жидкость обожгла ее. Потом она услышала вскрик ужаса.

С усилием она открыла глаза. Она лежала в постели на белых простынях с ужасными черными пятнами от только что пролитого шоколада. Женщина с прелестным темным личиком, обрамленным мантильей, старалась навести порядок.

— Мне ужасно жаль, — сказала Анжелика.

Женщина, казалось, пришла в восторг. Экспансивно сжав Анжелике руки, она быстро заговорила по-испански. Потом она упала на колени перед одетой в золото и увенчанной алмазами статуей пресвятой девы, которая стояла под лампадой в маленькой молельне.

Анжелика догадалась, что она благодарит пресвятую деву за ее выздоровление. Три дня она лежала в лихорадке. Потом испанка позвала мавританскую служанку, и вдвоем они быстро сменили простыни, заменив их чистыми, расшитыми цветами и пахнущими лавандой.

Ей было удивительно снова лежать между прохладными простынями, под пологом огромной деревянной кровати со столбиками из позолоченного дерева. Анжелика осторожно повернула голову. Шея одеревенела и причиняла ей боль. Глаза, непривычные к темноте, болели. Несколько золотистых лучей солнечного света проникало через кованые железные арабески, защищавшие комнату от ослепительного

света с улицы. Но в остальной части комнаты, которая была набита испанской мебелью и украшениями и в которой находились две черные собачки и толстогубый карлик, одетый, как паж, царил полумрак, как в гареме. Время от времени дом вздрагивал от взрыва, доносившегося из цитадели. Анжелика вдруг вспомнила, где она. Это были пушки Сеуты!

Сеута, последний оплот Испании, возвышалась на раскаленной скале, оглашая всю землю Магомета звоном своих выщербленных и потрескавшихся от сотен попавших в них пуль соборных колоколов, перекрывавшим глухой рев канонады.

Преклонив колена в молельне, испанка прочла молитву за здоровье Анжелики и перекрестилась. Для нее обстановка была вполне мирной — грохот пушек давно стал обычным звуком. Ее сын родился в Сеуте, а теперь этот шестилетний мальчик вместе с другими детьми находился на стенах, помогая солдатам сражаться с маврами. Ненависть к маврам кипела в крови каждого испанца, душа которого тосковала по Африке куда больше, чем по Европе. Андалузец имел достаточно оснований вспомнить арабских угнетателей, от которых он унаследовал темную кожу и белые зубы. Партизанская война в одинаковой степени была в обычаях обеих рас и не утихала под этим жестоким небом. Смелость осажденных испанцев часто побуждала их к вылазкам за стены, тревожившим мавританские войска.

Отряд испанских всадников в черных стальных касках, потрясая длинными копьями, возвращался с ночной вылазки, когда испанцы заметили двух христианских рабов, бегущих к крепости. Они бросились между беглецами и преследователями, и их кони сбили Колена Патюреля и Анжелику с ног. После яростной стычки отряд наконец отступил в крепость, захватив с собой спасенных беглецов.

Анжелика достаточно знала испанский, чтобы понять из пространных объяснений испанки главное. Память возвращалась к ней, и она все сильнее чувствовала боль, пронизывающую все тело. Она чувствовала волдыри и порезы, горящие на ногах, шелушащуюся сухую кожу на лице, неудобу своего тела, сломанные ногти на пальцах, коричневых, как пряник.

— Пресвятая богородица! — шептала испанка, поднимая взор к небесам. — В каком она была состоянии, бедная женщина! Одежда изодрана, прелестные ножки окровавлены, в волосах полно песка. Спасти беглую рабыню — вещь такая необычная, что сразу же послали за господином де Бретелем, послом короля Франции.

Анжелика вздрогнула. Господин де Бретель? Это имя не было ей незнакомо. Она встречала этого дипломата в Версале. Громко вскрикивая: «Si! Si!», донья Инес де Лос Кобос-и-Перрандес помогла ей вспомнить, что месье де Бретель, конечно, был в Сеуте с особой миссией. Он прибыл на «Ройяле», неся от Людовика XIV помощь знатной даме, попавшей во время рискованного путешествия в руки Мулаи Исмаила.

Анжелика закрыла глаза. Ее утомленное сердце забилося чаще. Значит, письмо, доверенное ею отцу де Валомбрузу, дошло по назначению! Суверен услышал зов беглянки. Господин де Бретель, нагруженный подарками, предназначенными для смягчения сердца берберийского монарха, стремился в Мекнес, чтобы от имени короля Франции купить свободу безрассудной маркизе.

До французского посла дошла весть о полумертвой женщине, спасенной из марокканского гарема и находившейся в Сеуте, и он немедленно отправился в маленький монастырь отцов-искупителей, куда ее поместили. Как он говорил, он с трудом узнавал ее, —

так она изменилась от физической усталости и лишений.

Анжелика шарила рукой по простыням. Она искала другую руку, мозолистую, в которую могла бы вложить свою. Где ее товарищи? Что с ним? Эта забота лежала на ее сердце грузом, от которого она не могла избавиться. Она не осмеливалась спрашивать, потому что едва ли нашла бы в себе силы произнести хоть слово. Все, что она могла вспомнить, — это что он упал вместе с ней под копыта испанских коней.

Потом оказалось, что возле ее постели стоит месье де Бретель. Локоны его парика были тщательно уложены поверх расшитого золотом шелкового плаща. Держа шляпу на локте, он поклонился ей, сдвинув каблуки и расставив носки сапог:

— Мадам, я получил добрые сведения о состоянии вашего здоровья и поспешил нанести визит.

— Благодарю вас, месье, — произнесла Анжелика. Должно быть, она заснула во время бесконечного рассказа испанки. Если только это не было еще вчера. Она чувствовала себя отдохнувшей. Она оглянулась в поисках доньи Инес, но та удалилась, не одобряя посещение мужчиной спальни женщины. Эти французы совершенно не задумываются о таких вещах!

Господин де Бретель сел на эбеновую скамеечку для ног. Он вытащил из кармана плаща коробочку с конфетами, предложил Анжелике и принялся сосать сладости. Он в восторге, — говорил де Бретель, — что его миссия так быстро и так успешно завершилась благодаря — он признает это — доблести мадам дю Плесси-Белльер, которая сама спаслась из рабства, в которое попала из-за своей бесстыдной дерзости и неподчинения приказам короля.

Он продолжал говорить с бесподобным презрительным превосходством. Господь знает, как страшен был гнев короля, узнавшего о

беспрецедентном поведении вдовы маршала Франции. Господина де Ла Рени, на которого возложили ответственность за то, чтобы она оставалась в Париже, публично отчитали и чуть не лишили должности за недостаточное усердие. Двор — и полиция — задавались вопросом, каким образом прекрасная дама ускользнула из Парижа. Говорили, что она подкупила высокопоставленного полицейского чиновника, который дал ей возможность бежать в одежде тюремщика. Но забавнее всего было наивное удовлетворение герцога де Вивонна, который похвастался перед королем тем, что встретил мадам дю Плесси-Белльер в Марселе и взял ее на борт своей галеры. Он не мог понять, почему с ним обошлись так холодно.

Господин де Бретель покашлял в кулак. Его любопытные глаза — глупые, как у петуха, подумала она — не отрывались от женщины, лежавшей перед ним в постели. Он облизывал губы, заранее предвкушая, какие секреты он услышит от нее первым. Она еще казалась очень утомленной и лежала с отсутствующим видом, но скоро, без сомнения, оправится. Уже и сейчас она выглядела совершенно не так, как та беспомощная скиталица, которую он видел несколько дней назад. Он рассказал ей, какой она предстала перед ним впервые — полуголая, в рваных лохмотьях, окровавленными ногами, восковым лицом и закрытыми глазами, окруженными пурпурными кругами. Она лежала на руках волосатого гиганта, который пытался влить ей между губ чай с ромом, приготовленный доктором Ордена. До чего доводит цивилизованного человека неволя у этих жестоких берберийцев.

О господи, возможно ли это? Действительно ли это та надменная маркиза, которую он видел танцующей в Версале, которую король провожал глазами все время, пока сидел за картами?

Он не мог поверить своим глазам. Нет, не может быть, что это именно та женщина, ради которой его величество снарядил корабль и призвал на помощь все его дипломатическое искусство, отправив к Мулаи Исмаилу. Но было в этом жалком существе что-то такое, что заставило его колебаться, — быть может, волосы или изящество ее суставов.

Потом, на допросе, тот раб сказал, что не знает полностью ее имени, но первое имя знает — Анжелика. Так это действительно она! Анжелика дю Плесси-Белльер! Возлюбленная короля Людовика XIV! Вдова великого маршала, погибшего в сражении! Соперница мадам де Монтеспан и жемчужина Версаля!

Ее сразу же перевели к губернатору города, дону де Лос Кобос-и-Перрандес, чьей жене было велено обеспечить ей надлежащий уход.

Анжелика поправлялась медленно. Голод и жажда сказались на ней странным образом. Если она видела, как кто-нибудь ест, пусть даже леденцы, то теряла сознание, а как только сама пыталась их есть, к ней возвращались мучительные боли.

— Что с моим товарищем? — спросила она.

Господин де Бретель не знал. Отцы-искупители, должно быть, позаботились о нем, дали ему какую-нибудь еду и чью-нибудь одежду. Он встал и распрощался. Он выразил надежду, что вскоре мадам дю Плесси-Белльер снова станет самой собою. Она легко поймет, что у него нет желания оставаться в этом осажденном городе дольше, чем необходимо. Как раз сегодня утром, когда вышел подышать воздухом на валы, у его ног упало пушечное ядро. В действительности это место не выдерживает никакой критики. Здесь совершенно нечего есть, если не считать бобов и соленой трески. Одни только эти проклятые испанцы могут еще держаться в таких условиях. Они так же свирепы и фанатичны, как сами

мавры. Он вздохнул, взмахнул, раскланиваясь, перьями на шляпе и поцеловал ей руку.

Когда он ушел, Анжелика не могла отделаться от мысли, что в его взгляде можно было прочесть что-то нехорошее, и не могла понять, в чем дело.

Вечером донья Инес помогла ей подняться и сделать несколько шагов. На следующий день она сама оделась во французские платья, которые привез в своем багаже де Бретель. Испанская дама, одетая в юбки с фижмами и огромные панье в стиле испанского двора, с восхищением смотрела на мягко спадающий атлас, облегавший тонкую талию этой французской дамы. Анжелика попросила у нее мази для лица, чтобы осветлить кожу. Она провела много времени перед зеркалом с херувимами на резной раме, укладывая волосы и вспоминая о тенистом водоеме под водопадом. Как и тогда, она увидела сейчас, что ее волосы выгорели почти добела, но по-прежнему обрамляют невинное лицо юной девушки. Загоревшая часть груди резкой границей отделялась от белой кожи. Да, ей изрядно досталось, но все же она не стала выглядеть старухой. Она стала совершенно другой. Чтобы спрятать отвратительную линию, она надела на шею золотое ожерелье.

Ей не было неприятно чувствовать себя затянутой в тугий корсет, но все же она инстинктивно потянулась за бурнусом, чтобы прикрыть обнаженные плечи. Наконец-то она осмотрела свою комнату, обтянутую темными гобеленами, из-за которых виднелась кирпичная кладка крепости. Балкон под ее окном давал ей возможность видеть прохожих на узкой улочке, ведущей в порт, где виднелись многочисленные мачты и реи. Море было очень голубым, а вдали она могла разглядеть розовые берега Испании.

Она перегнулась через перила, держа в руке веер, и глядела на землю Европы, когда увидела двух моряков,

направлявшихся к гавани. Они шли босиком, в красивых шерстяных колпаках и с набитыми мешками на плечах. Один из них носил золотые серьги. Фигура другого показалась Анжелике знакомой, но только тогда, когда он дошел до арки, находившейся на верхней площадке лестницы, которая спускалась к воде, она узнала на фоне яркого света высокую широкоплечую фигуру.

— Колен! Колен Патюрель!

Человек обернулся. Конечно, это был он. Его светлая борода была подстрижена, и он был туго зашнурован в новый наряд из толстого полотна, сменивший изорванную одежду раба — штаны и рубаху.

Она отчаянно замахала ему. У нее так перехватило горло, что она не могла его окликнуть. Мгновение он колебался, потом повернул назад, не сводя глаз с роскошно одетой дамы, свесившейся с балкона. Наконец она сумела выговорить:

— Дверь открыта. Заходи быстрее!

Руки, сжимавшие веер, были смертельно холодными. Когда она вернулась в комнату, он уже стоял в дверях. Он так отличался от запечатлевшегося в ее памяти образа, что она окончательно узнала его, лишь найдя ужасные рубцы на ладонях. Что-то ушло в прошлое. Она не знала, что именно, но она уже не могла обращаться с ним как с близким знакомым.

— Как дела, Колен? — мягко спросила она.

— Отлично. И твои тоже, как я вижу, — взгляд голубых глаз был ей так хорошо знаком. Колен Патюрель, король рабов!

Он видел золотую цепь у нее на шее, тщательно уложенные волосы, колыхающиеся широкие юбки, веер в руке.

— Куда это ты направляешься с мешком на плече? — спросила она, чтобы нарушить молчание.

— Вниз, в гавань. Сегодня я уйду в Индию на «Бонавентуре», купеческом судне.

Анжелика почувствовала, как бледнеет:

— Ты уходишь в море... не попрощавшись со мной?

Колен Патюрель глубоко вздохнул, его глаза сделались холодными:

— Я Колен Патюрель из Сен-Валери-Ан-Ко, — произнес он, — а вы благородная дама, маркиза, кажется, вдова маршала Франции. И король Франции отправил на ваши поиски корабль. Разве это не так?

— Да, это так, — прошептала она, — но это не причина, чтобы уходить, не попрощавшись со мной.

— Иногда очень даже причина, — печально произнес он. — Бывало, когда ты спала, — шептал он, — я смотрел на тебя и говорил себе: «Вот малютка, о которой я ничего не знаю и которая едва ли знает что-нибудь обо мне. Единственное, что свело нас вместе, — это то, что оба мы были христианскими рабами в Берберии. Но... я чувствовал, что она похожа на меня. Она страдала, подвергалась унижениям, жила в грязи... и все же она высоко держала голову. Ее поносило по жизни, она многое повидала. Я чувствую, что она той же закалки, что и я!» И поэтому я говорил себе: «В тот день, когда мы выйдем из этого ада и окажемся в порту, который станет для нас домом... под серым небом и мелким дождем... тогда я постараюсь заставить ее рассказать о себе... и если она одна на свете... и если она согласна, я возьму ее в свой домик в Сен-Валери-Ан-Ко. Не очень большой, но красивый... с соломенной крышей и тремя яблонями. У меня кое-что припрятано под одним из камней в камине. Может быть, если ей там понравится, я перестану выходить в море... она удержит меня от скитаний... мы купим пару коров...» — он оборвал себя, сжав челюсти, и, выпрямляясь во весь рост, устремил на нее тот гордый, ужасающий взгляд, которым встречал кровожадного Мулаи Исмаила. — Но... ты не для меня! Вот и все, — он с яростью прорычал: — Я бы простил тебе что угодно. Я бы примирился с твоим

прошлым. Но не с этим! Если бы я знал, я бы позволил им растерзать тебя раскаленными клещами. Людей высокого происхождения я не выношу...

— Колен, это неправда! — возмутилась Анжелика. — Ты лжешь мне. А как же рыцарь Мармонден и маркиз де Кермур?

Он устремил взгляд в окно, как будто в черте валов католической Сеуты видел высокие стены Мекнеса.

— Это другое дело. Все мы были христианами. Все мы были бедными рабами, — и он опустил голову, как будто снова сгибался под тяжестью мешков с камнем, которые грузили ему на спину надсмотрщики Мулаи Исмаила. — Я мог забыть пытки, — сказал он, — я мог забыть крест. Но этого мне никогда не забыть. Вы нагрузили меня тяжелой ношей, мадам, очень тяжелой.

Она и сама знала, какое бремя она навсегда взвалила ему на сердце.

Углы ее рта начали дрожать, и высокая фигура Колена Патюреля расплылась за слезами.

Он остановился, чтобы поднять свой мешок и взвалить его на плечо. Потом он снял свой красный колпак, бормоча: «До свидания, мадам. Счастливого пути!» — и вышел в дверь.

Она бросилась в переднюю и наклонилась над лестницей, но он был уже внизу. Мог бы он увидеть слезы на ее щеках, если бы поднял глаза? Запомнил бы он их и стали бы они бальзамом для его раненого сердца? Ей этого не узнать. Она стояла, плача, и грудь ее разрывалась от болезненных рыданий.

Не в силах больше сидеть взаперти, она вышла прогуляться по валам. Ей нужен был чистый морской воздух, чтобы развеяться. Корабли уходили в море под прикрытием пушек, установленных у самой воды. Один из них был уже далеко, и его белоснежные паруса четко выделялись на лазурном небе. Не под этим ли парусом навсегда уходил от нее Колен Патюрель, король рабов?

«Как глупо устроена жизнь», — думала Анжелика, тихонько плача.

О, Средиземное море! Наше море! Наша мать!

Наша мать! Голубая колыбель, широкая соленая грудь человечества, родина всех рас, основа всех мечтаний. Котел колдуна, в котором кипят все страсти!

Ей казалось, что она пустилась в это путешествие лишь затем, чтобы стереть из памяти образ своего мужа, обнаружить, что с этих пор воспоминания о нем растворились в нереальности. На этих берегах, видевших крушения стольких империй, все обращается в прах. Теперь ради недостижимой цели, жестокой фантазии. Как маленький Кантор звал: «Отец! Отец!», прежде чем исчезнуть в волнах, так она кричала: «Моя любовь!» Но никто не отозвался ей.

Ее фантазии, ее мечты о блаженстве растворялись в медленном движении белых парусов на горизонте, запахе черного кофе и именах реально существующих городов — пиратской Кандии; Мекнеса, где рабы выпускали дух в садах, достойных рая; Феса, что означает «золото»...

Теперь она оплакивала не столько крушение своих планов, сколько воспоминания об Османе Фараджи, главном евнухе; Колене Патюреле, распятом на кресте; даже о непонятном Мулаи Исмаиле, для которого молитва и желание были вещами одного порядка; и наконец об этом худом мрачном пирате — Рескаторе, о котором главный евнух сказал: «Зачем ты бежала? На звездах написана и твоя судьба, и его, и это самая удивительная из всех историй».

А вдали кричал сумасшедший д'Эскранвиль: «Только тебе она покажет, какова она в любви, проклятый средиземноморский пират!» Но правдой было даже не это. Снова обманчивый ветер смешал все ее планы, и она показала лицо своей любви только бедному моряку,

который нес ее, как несут похищенное сокровище в самом невероятном романе.

Все не так, ни на один вопрос нет ответа. Но в хаосе Анжелика начинала видеть одну истину. Женщина, которую она рассматривала в водоеме, которая купалась в оазисе и стояла в лунном свете, как молодая девушка, не имела ничего общего с той женщиной, которая меньше года назад оттеснила мадам де Монтеспан под сверкающими люстрами Версаля.

Тогда она была женщиной, уже знакомой с коррупцией, расчетами, беспутством, любовными интригами, с легкостью лавировавшей среди бурных волн в самом худшем обществе. Ее душа потеряла свою чистоту, потому что слишком много ей приходилось встречаться с дурными людьми.

При воспоминании об этом времени ее тошнило. Никогда, говорила она себе, никогда она не вернется к ним! Она вымылась и очистилась в животворном воздухе, насыщенном запахом кедра. Солнце пустыни выжгло из нее всю отраву.

Теперь она всегда будет видеть их такими, какие они есть. Она уже не сможет выносить тщеславную глупость, написанную на физиономии де Бретеля, не сможет даже сделать усилие, чтобы вежливо ответить ему.

Конечно, ей нужно будет отправиться на поиски Флоримона и Шарля-Анри, но тогда снова придется пуститься в путь. Ну так она отправится!

Но куда?

Боже милосердный! Может ли на этой обширной земле найтись место, где Бретель не получит права презирать Колена Патюреля, а Колен Патюрель не будет чувствовать себя униженным оттого, что любит знатную даму?..

Новый мир, которым будут править те, кто обладает добротой и доброй волей, мужеством и умом; а те, кому

недостает этих качеств, всегда будут подчиняться.

Сможет ли она найти девственную землю, где рады людям доброй воли?

О боже... где?